

БЕЗУПРЕЧНОЕ
ОРУЖИЕ

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЕВ

ВОЙСКА-ТЕРРОРАТЪК ПРОТИВ НОВОГО СВЕТА

Истребители
ЗАКОНА

ЗАПРЕШЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Annotation

Десять лет назад ушел в «розу реальностей» и не вернулся суперагент российских спецслужб ганфайтер Матвей Соболев. Оставшиеся на Земле его соратники во главе с волкодавом-перехватчиком Василием Балуевым как могут противостоят нарастающей волне зла. Но они не всеильны. Тем более что па этот раз им предстоит схватиться с загадочным Истребителем Закона, объявившим охоту на всех Посвященных Великого Круга Молчания.

- [Василий Головачев](#)
 - [ПРОЛОГ НАДЕЖДЫ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)

- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)

- [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
-

Василий Головачев
Истребитель закона

ПРОЛОГ НАДЕЖДЫ

Уже десять лет он приходил на это место, к церкви Святой Троицы возле Троице-Лыковского кладбища в надежде встретить тех, кого потерял в тот страшный день перехода границы реальности Матвеем Соболевым. Десять лет Василий Балугев искал Ивана Терентьевича Парамонова и Ульяну Митину по всей России и за ее пределами, десять лет он ждал их возвращения, веря, что Посвященным удалось перенестись в «розу» вместе с Матвеем и уцелеть. Десять лет он шел указанным ими Путем, пока не стал человеком Круга.

За это время четыре раза сменилось правительство, ушел старый, пришел новый президент, спрятался в тень Союз Девяти Неизвестных, изменив, очевидно, тактику и стратегию влияния на социум, власть в стране захватила СС – Сверхсистема криминально-государственного управления во главе с кардиналом Союза Рыковым Германом Довлатовичем.

Многое изменилось в жизни страны и рядовых ее граждан, кроме одного: власть тьмы крепла.

А ушедшие все не возвращались. И не подали ни одного знака, ни прямо, ни косвенно, что они живы.

Возможно, время в «розе реальностей» текло как-то иначе, быстрее, чем на Земле. Возможно. Однако это было для Василия слабым утешением. Он ждал изменения, ужесточения Закона возмездия, закона адекватного ответа, а оно все не происходило. Он ждал Ульяну, но она не отзывалась на его зов, и даже в астрале – первом уровне континуального энергоинформационного поля планеты не сохранились следы ушедших. Что-то надо было предпринимать самому...

– Пора, дядя Вася, – раздался сзади негромкий заботливый голос. Василий обернулся.

На него исподлобья смотрел двадцатилетний парень, высокий, поджарый, гибкий в каждом движении, ощутимо сильный и спокойный. Стас Котов. Бывший приемный сын Матвея Соболева. Его надежда и опора. Ученик. Идущий...

Десять лет занятий боевыми искусствами под руководством Василия сделали из него мастера боя, равного которому на памяти Балужева не было никого. Парень шел быстрее, чем он когда-то, а главное – имел резервы паранормальной энергетики, что выяснилось уже в ходе тренировок. Стас овладел темпом, то есть сверхскоростным движением, уже спустя три года после начала занятий. К двадцати годам он завоевал три черных пояса, участвуя в официальных чемпионатах России и Европы по карате и айкидо, принял на вооружение весь арсенал приемов нин-дзюцу, известных Василию, в том числе таких специфичных, как токэн-дзюцу и ханбо-дзюцу^[1], и вплотную подошел к космек – комбинаторике смертельного касания, коей сам Василий владел в совершенстве.

Кое-какие секреты космек Вася уже начал показывать Стасу, и к настоящему моменту парень сносно освоил ТУК – приемы техники усыпляющего касания, подавая надежды на становление воина такого уровня, что у Василия захватывало дух. Он чувствовал, что в ближайшем будущем судьба готовит парню немало жестоких испытаний, а также втайне вынашивал планы, где способности Стаса должны были найти прямое применение. Планы эти сводились к поиску перешедших границу непосредственно в самой «розе реальностей». И хотя Вася знал, что простому смертному самостоятельно пересечь границу не дано, надежды его были не лишены оснований. Сам он уже прошел первую ступень Посвящения во Внутренний Круг, а Стас с его помощью стал садхакой, если применить термины буддизма, то есть ищущим, стремящимся к истине, избравшим нелегкий путь карма-марги – путь, предназначенный для активных людей, достигающих реализации через действие. Этим же путем шел и Василий.

– Не хотелось бы опаздывать, – с виноватой ноткой в голосе сказал Стас, не выказывая, однако, признаков нетерпения. – Буйвол не любит, когда опаздывают на зачет.

Буйволом, насколько знал Вася, студенты прозвали преподавателя по квантовой электродинамике, и получить у него зачет действительно было непросто. Стас заканчивал четвертый курс физтеха в Долгопрудном и сдавал летнюю сессию. Учился он легко, успевая и тренироваться, и серьезно заниматься эзотерическими исследованиями, и, кроме всего прочего, помогал Василию в кое-каких

специфических изысканиях с гипногенератором «удав». Вася мог бы гордиться парнем: о лучшем ученике и помощнике мечтать не стоило.

– Иди, – сказал он. – Бери машину и дуй на свой зачет. Я тут еще побуду. Ни пуха ни пера.

– К черту! – серьезно ответил Стас, повернулся и зашагал по кирпичной дорожке к выходу из рощицы, окружавшей церковь, территория которой с трех сторон была огорожена узорчатой металлической решеткой; с четвертой церковь выходила на берег Москвы-реки.

Через несколько минут раздался звук мотора, затем все стихло. Тишина здесь стояла такая, что ею можно было дышать. Василий внутренним взором проводил машину до поворота на Одинцовскую улицу и медленно двинулся по дорожке вокруг церкви – небольшого храма бывшей нарышкинской вотчины. Мысли Балужева снова вернулись назад, в прошлое...

Он не помнил, как ему удалось избежать столкновения с кардиналами Союза Десяти и выбраться из МИРа Ликозидов, после того как Матвей Соболев, Кристина, Тарас Горшин, Ульяна и Иван Терентьевич пересекли границу «розы». Добирался он до квартиры Горшина на «автопилоте», а очнулся лишь через сутки после этого. Несколько дней приводил себя в порядок, пока не обрел былую форму, с месяц не покидал территорию церкви, искал вход в МИР, но не нашел и впал в депрессию, из которой его вывела случайная встреча с девушкой, чрезвычайно похожей на Ульяну. Василий очнулся, заставил себя думать, анализировать события, действовать и в конце концов вошел в ритм жизни, поддерживаемый им и теперь.

Он разыскал квартиру Котовых и поселился со Стасом и его бабулей, начав приобщать десятилетнего мальчика к воинским искусствам с азов, благо никто не мешал ему воспитывать парня в соответствии с традициями Дао, хотя и видоизмененным русским менталитетом. Отец Стаса как ушел накануне тех давних событий, изменивших жизнь мальчишки, так больше и не появился в доме Марии Денисовны, чему старушка была в душе только рада, и место отца, а также Матвея занял в доме Василий, сменивший фамилию Балужев на Котов.

Через год Васю неожиданно навестил Самандар, оставшийся не у дел после исчезновения своих друзей-Посвященных. Этот странный

человек, вызывающий у Васи то антипатию, то восхищение, явно тяготился своим положением, испытывал дискомфорт, оказавшись в одиночестве, и хотел каким-то образом реабилитировать себя после откола от группы. Он тоже пытался найти следы ушедших в «розу» своими методами, предложил Васе объединить усилия, и это в конце концов их сблизило настолько, что Вася вдруг в один прекрасный день осознал себя учеником Посвященного! К этому моменту он уже знал достаточно, чтобы не сворачивать с избранного пути в угоду эмоциям и не отталкивать предлагаемую помощь. Еще через пять лет, как раз накануне поступления Стаса в институт, он прошел Посвящение и стал человеком Внутреннего Круга, или, как его еще называли, Круга Великого Молчания. Шел он по пути самореализации медленнее, чем Соболев, но ему некуда было особенно спешить, а добиваться поставленной цели Вася умел.

Существовал и еще один побочный фактор, способствовавший сближению Василия с Вахидом Тожиевичем: деятельность СС. Точнее – продолжавшееся падение Закона возмездия, выраженное в дальнейшей криминализации общества, и не только в России, но и во всем мире.

Поскольку знаменитый «Стопкрим» прекратил свое существование (как потом удалось выяснить Васе, деятельность «чистилища» стала невыгодна Рыкову, сумевшему к тому времени захватить бразды правления Сверхсистемой в свои руки), его место в государстве оставалось вакантным, но недолго. На «тропу войны» с организованной преступностью, контролирующей практически все силовые структуры страны, вышел Самандар. А потом к нему присоединился Василий с уцелевшим мейдером^[2] Горшина. Вдвоем они образовали ККК – «команду контркрим», постепенно усиливая давление на СС, став единственной силой, сдерживающей экспансию и аппетиты мафиозно-государственной элиты и бандитских формирований столицы.

Втягивание Васи в дела ККК происходило постепенно, поначалу он не собирался становиться судьей и палачом киллеров, рэкетиоров, бандитов и их руководителей. Но после нескольких случаев, происшедших с ним лично и с его знакомыми, удержаться от восстановления попорченной справедливости не смог.

Началось все через четыре с половиной года после ухода Соболева. Вася к тому времени окончательно перебрался в Москву после смерти Марии Денисовны (до этого он по два-три месяца жил во Владимире, в пустующем доме родителей) и начал работать в научно-исследовательском институте радиоэлектроники, отпочковавшемся от знаменитого Курчатовского центра. Лаборатория, где устроился Василий, была небольшая, числилось в ней всего пять человек, из коих лишь двое были мужского полу: сам Балуев да начальник лаборатории тридцатилетний Вадим Погребняк, кандидат физматнаук, специалист в области квантовой электроники. Парень он был умный, физически крепкий – занимался в юности борьбой – и очень приятный в общении. Беседовать с ним было удовольствие, потому что он, как и Вася, интересовался эзотерикой, историей и был полон идей. С ним и произошла беда.

Вечером тридцатого сентября он возвращался домой по улице с незатейливым названием Третья Октябрьская с одной из сотрудниц, Леной Касимовой. Неожиданно рядом притормозила «девятка» с молодыми людьми спортивного вида.

– Закурить не найдется? – окликнул Вадима один из пассажиров.

– Извини, не курю, – отозвался Погребняк, проходя мимо и продолжая разговаривать с дамой.

Это не понравилось ездокам. Двое из них вышли из машины, одетые в короткие кожаные куртки, широкие штаны – лилового и зеленого цвета и высокие ботинки со шнуровкой, и набросились на молодую пару. Однако Вадим был не робкого десятка, тем более что рядом шла его подруга, и оказал сопротивление, отшвыривая нападавших. Тогда в дело вмешался еще один пассажир «девятки». Он достал пистолет «ТТ» и прострелил Вадиму обе ноги. После чего парни не спеша сели в машину и уехали.

Этот дикий случай заставил Василия предпринять ряд шагов по поиску бандитов, тем более что милиция оказалась бессильна. Через два дня он их нашел – Лена запомнила номер машины и описала внешность негодяев.

Почему этого не мог сделать уголовный розыск, осталось загадкой.

Все четверо оказались охранниками Сергея Маня, помощника депутата Госдумы Свонидзе, надо полагать, одного из авторитетов

криминального мира, и не боялись никого. Еще через день, третьего октября, Вася настиг их после возвращения Маня из бара «Сюрприз» домой, на Пречистенку, где помощник депутата имел шикарную четырехкомнатную квартиру. Подождав, пока охранники отведут нетрезвого босса домой, Вася вышел из своего неброского зеленого «Фиата» и появился перед обидчиками Вадима в тот момент, когда они выходили из освещенного подъезда.

— Привет из «чистилища», — сказал он ровным голосом, не глядя на шофера «девятки» в десяти шагах, но чувствуя его шевеление за спиной. — Три дня назад ваша кодла напала на одного хорошего человека и прострелила ему ноги. Припоминаете?

Молодые люди, одетые в традиционную «униформу» боевиков подобных групп, переглянулись. Света, лившегося из подъезда на тротуар сквозь проем открытой двери, было достаточно, чтобы Вася хорошо видел их лица, не обремененные интеллектом. Потом тот, что стрелял — Вася узнал его по описанию, — демонстративно сунул руку во внутренний карман куртки и процедил сквозь зубы:

— Дядя, шути, да знай меру, не то схлопочешь свинцовую маслину в пузо. Люди мы серьезные, уважаемые и не любим «наездов».

— Да и «чистилище» давно гикнулось, — насмешливо добавил второй молодой человек, носивший длинные волосы, собранные в хвост на затылке.

— Значит, не припоминаете? — тем же равнодушным тоном спросил Вася.

Парень, потянувшийся за оружием, нахмурился.

— Дядя, тебе что, жить надоело? Муха, а ну выдай ему печать, чтобы издалека была видна.

Третий член команды, чуть ниже остальных, но шире в плечах, шагнул вперед и ударил Васю кулаком в лицо. Однако не попал. Даже не переходя в т е м п, Вася двигался гораздо быстрее этих ребят. Он ушел влево, пропуская кулак у виска, захватил запястье руки противника, рванул ее вправо и вниз по линии атаки, одновременно делая шаг левой ногой вперед и перенося вес тела на нее. Потом взрывным движением правого бедра с подключением поворота всем телом нанес удар правым локтем в точку между глазами парня. Муха без звука влип спиной в стену дома и сполз на асфальт.

Напарники посмотрели на своего приятеля, перевели взгляды на спокойно смотревшего на них «дядю» и отреагировали как надо. Один – длинноволосый вытащил нож, второй, тот что командовал, пистолет «ТТ».

Вася мог бы применить приемы из арсенала ТУК и усыпить охранников Маня, однако они бы этого не поняли, и урок не пошел бы впрок. Поэтому действовал он по той же схеме, максимально просто и наглядно, демонстрируя комбинированную манеру русбоя, впитавшего в себя наиболее эффективные приемы боевых искусств мира.

От удара ножом Вася ушел вправо, не блокируя его, левой рукой захватил руку длинноволосого с ножом, потянул ее влево от себя по линии атаки, перенес вес тела на правую ногу и мгновенно нанес удар в висок костяшками пальцев. Длинноволосый катапультировался в подъезд.

Оставшийся вожак группы не стал ждать продолжения и открыл огонь, как только Вася повернулся к нему лицом, но, во-первых, Балув намеренно переместился таким образом, чтобы загородить обзор стрелку, а во-вторых, ушел с вектора огня, переходя в т е м п. И три пули из пистолета ТТ достались машине парней и водителю, уже начавшему вылезать из кабины с помповым ружьем в руках.

Василий же, выпав из поля зрения стрелявшего, оказался слева от него и жестоким ударом ребром ладони сломал ему руку, держащую пистолет. Парень завопил от боли, присел, прижимая к животу сломанную руку и глядя расширенными глазами на склонившегося к нему «чистильщика».

– Предупреждений больше не будет, – сказал Вася, отмечая боковым зрением сбегавшихся во двор людей, – ведите себя паиньками.

Он быстро сел в машину и уехал.

Но и после этой «акции возмездия» Вася не сразу подключился к вышедшему на «тропу войны» Самандару. Потребовалось пережить еще несколько недобрых встреч с бандитами, чтобы определиться. Один такой случай произошел во дворе его собственного дома, приспособленного приезжими торговцами под стоянку.

Некие наглые молодые люди на выдавшей виды ржавой «шестерке» взяли привычку врубать на полную мощь автомагнитофон после десяти часов вечера, пугая обитателей двора, не давая спокойно

спать детям и старикам. Василий терпел это безобразие три дня, потом не выдержал и спустился вниз, чтобы поговорить с парнями и попросить их сделать звук потише. Но ответили ему в стиле отечественного беспредела, послав гораздо дальше, чем заслуживал Василий, и он вскипел. Ни слова больше не говоря, подошел к машине, просунул руку в салон и ударом кулака превратил магнитофон в лепешку.

Наступила изумленная тишина, после чего молодые люди, один смуглый, с усиками, скорее всего азербайджанец, второй шатен с широкой физиономией, с воплями «ах ты, сука!» и некоторыми другими вариациями (словарный запас у них был невелик) набросились на обидчика.

Одному из них, русскому, Вася сломал челюсть, второму вывихнул руку, и инцидент был исчерпан. На этот вечер. Парни, стеная и охая, обещая «отбить яйца и отрезать...», уехали. Однако появились на следующий день и не одни, с компанией, опять включив музыку на всю громкость.

Вася вышел снова.

После этого случая во дворе стало тихо. Банда рэкетиров (как оказалось), терроризирующая приезжающих торговцев, в полном составе попала в больницу и в этом дворе больше не появлялась.

Затем произошел инцидент с Валентиной Кашириной, сестрой Лены Касимовой, подруги все того же Погребняка: на нее наехала очень серьезная рэкетфирма – и Вася начал готовиться к возрождению «чистилища».

Случай с Валентиной Кашириной в принципе был стандартен по меркам российской криминальной жизни, ничем особенным не выделяясь из других подобных бандитских деяний, но именно он переполнил чашу терпения Васи, в течение многих лет вынужденного наблюдать постоянный рост жестокости и цинизма преступников, явно уверовавших в свою неуязвимость и безнаказанность.

История Валентины Кашириной началась еще два года назад, когда в Замоскворечье, на берегу Москвы-реки был построен концертный комплекс Академии культуры России «Звезда Москвы». Первым директором комплекса стала знаменитая Людмила Зыкина, по сути, это было ее детище, потребовавшее вложения колоссальных средств, сил и здоровья. Такого концертного зала, отвечающего

мировым стандартам, не было не только в столице, но и где-либо в других городах России. Зыкина нашла выход, образовав консорциум: частный российский и немецкий капитал был вложен в создание комплекса, после чего все и завертелось. Однако здоровье известной всему миру певицы не позволило ей поработать после окончания строительства, и директором «Звезды Москвы» стала Валентина Каширина, молодая энергичная женщина, вице-президент Академии культуры.

Казалось бы, подобное сооружение слишком масштабно и известно, у всех на виду, чтобы попытаться «подмять» его под себя какой-либо определенной структуре помимо тех, кто уже вложил деньги в строительство. Однако именно это и случилось.

Сначала в скрытую от общественности борьбу вступили такие мощные киты российской теневой экономики, как РИС-С, «Нежный Май» Березанского, «Роспопса» Коберзона и другие. А потом вмешались в дележку «шкуры неубитого медведя» более влиятельные силы – «Минкомимущество», почувствовавшее себя обделенным, РАО «Концертпром» и концерн «Арт-профи», принадлежащий одному из вице-премьеров. Докатилось эхо этой войны и до руководства комплекса, когда к Валентине пришли вежливые молодые люди и предложили, во-первых, «крышу», а во-вторых, попросили продать часть контрольного пакета акций «Звезды Москвы» неизвестному юридическому лицу по имени «Внутренние линии».

Как потом выяснил Вася, компания «Внутренние линии» принадлежала жене вице-премьера Шоха и занималась исключительно благотворительными операциями, получая на свои счета баснословные суммы «пожертвований» чуть ли не из всех работающих на территории России предприятий. Рэкета в таком – государственном – масштабе Вася даже представить не мог, когда начинал дело, пообещав помочь сестре Лены, еще не зная, что сможет сделать.

Он добывал и анализировал полученные материалы три месяца. За это время на Валентину Каширину было совершено нападение, дочь ее похитили, но потом вернули, в Абрамцеве у нее сгорела дача, то есть давление на психику женщины все увеличивалось, и она уже готова была сдаться, когда Вася наконец, объединившись с Самандаром, начал действовать.

Сначала он нашел похитителей дочери Валентины – они же посещали ее с угрозами и предложениями – и надолго отправил всех пятерых в больницу. Затем посетил офис компании «Внутренние линии» вместе с Вахидом Тожиевичем, в результате чего офис сгорел, а ее президент после выхода из больницы отказался работать на компанию. Но это было еще не все. Владелица компании, числившаяся в качестве председателя «совета директоров», получила письменное предупреждение на гербовой бумаге с тисненым золотым кинжальчиком, рукоять которого образовывали стилизованные буквы ККК. В письме содержался недвусмысленный совет оставить в покое концертный зал «Звезда Москвы» в Замоскворечье и ее директора Валентину Каширину. А когда через месяц глава «совета директоров», понукаемая мужем, не вняла предупреждению, считая себя защищенной от всех посягательств на ее свободу, Василий сбросил в оперативную сеть МВД файл о деятельности компании с перечислением всех действующих лиц, в том числе очень высоких.

Скандала большого не произошло, пресса не получила доступа к информации, но вице-премьер тихо ушел со своего поста «в связи с болезнью», компания «Внутренние линии» распалась, и давление на директорат концертного комплекса «Звезда Москвы» во главе с Валентиной Кашириной прекратилось. Временно. Потому что заинтересованные в сверхприбыли люди не могли упустить столь лакомый кусок и просто решили чуть подождать. Вася это чувствовал.

С тех пор он увлекся этой новой формой борьбы с мафиозными структурами СС и коррумпированной чиновничьей верхушкой, называя ее хакер-боем^[3]. Сначала он с Вахидом Тожиевичем шел в хакер-разведку, выуживая информацию из секретных сетей МВД, ФСБ, Минобороны, аппарата президента и непосредственно СС, затем систематизировал данные, намечал подходы к тем лицам, которые подлежали нейтрализации, и начинал хакер-атаку, то есть сбрасывал пакет файлов о криминальной деятельности того или иного чиновника, политика или бизнесмена в компьютерные сети нужного ведомства или конкурирующей организации. Срабатывал этот метод отлично.

Правда, во-первых, вовсе без физического действия обновленное «чистилище» обойтись не могло, а во-вторых, существовал уровень власти, воздействовать на который Вася не мог, даже владея всей компрометирующей информацией. Выше этого уровня данные Васи не

действовали, как бы он ни старался дать ход документам. Даже если он сбрасывал информацию в сеть Федеральной службы безопасности. Самандар подозревал, что это уровень руководства СС, а значит, и страны, и Вася склонен был полагать, что Вахид Тожиевич прав. А за всем этим маячила зловещая фигура кардинала Союза Девяти Германа Довлатовича Рыкова, неизвестно каким образом уцелевшего после всех боев с Матвеем Соболевым.

Вася остановился у белокаменного креста над древней гранитной плитой с вязью древнерусских букв, прочитать которую было невозможно из-за сколов и потертостей. Возможно, здесь покоился кто-то из предков Нарышкиных, а может быть, один из настоятелей храма. Главное было не в этом. Где-то недалеко отсюда – Вася это чувствовал – находился вход в подземелье с МИРом, откуда начал свое «потустороннее» путешествие по слоям «розы реальностей» Матвей Соболев.

Василий оглядел восьмигранник западного притвора церкви с позолоченным недавно куполом, низкий склеп неподалеку из серых каменных блоков, огороженное подворье, имеющее вполне современные насосную станцию, трансформаторную будку и миниатюрную котельную, и зашагал обратно, к выходу с территории Божьего храма. Вход в МИР прятался здесь, сомнений не было, но Хранители, уходя отсюда, наверняка закрыли его с помощью своей колдовской «печати отталкивания», а как снять эту печать, не знали ни Балуюев, ни Самандар.

На улице Вася остановил частный «жигуль» весьма затрапезного вида, буркнул адрес – Казанский вокзал, откинулся на сиденье. Мысли свернули к более прозаическим делам: учеба Стаса, планы ККК.

Василий не втягивал парня в деятельность «чистилища» не потому, что боялся за него, а из соображений более глобального плана, считая, что Стас должен сначала выучиться, прочно стать на Путь в Круг и лишь после этого решать, присоединяться к «чистильщикам» или нет. Правда, Василий подозревал, что Стас знает о том, чем занимается его дядя, заменивший в одночасье отца, бабулю и всех родственников. Но ни одним намеком парень не обмолвился на эту тему. Даже не спросил, откуда у Василия «глушак», хотя вместе с ним работал над созданием генератора защиты от этого страшного

психотронного оружия. Опытный образец генератора, названный Василием «тюбетейкой», был уже практически готов.

Но хотя Стас и не участвовал в акциях ККК – бандликах по терминологии чистильщиков, ему не раз приходилось защищать свою честь и достоинство, о чем Василий узнавал, кстати, не сразу, а иногда и не из уст парня, стеснявшегося жаловаться на обидчиков. Впрочем, с годами последних становилось все меньше, Стас умел постоять за себя и постепенно приучил недоброжелателей к тому, что его лучше не задевать. На памяти Василия был лишь один случай, когда пришлось вмешаться ему лично.

Стасу тогда шел шестнадцатый год, и он занимался русбоем в спортзале федерации бодибилдинга в Крылатском. Однажды он заметил, как один из его приятелей-спортсменов делает себе укол. Сначала подумал – наркотики, оказалось – анаболический стероид, стимулирующий синтез белка и рост мышечной массы. Не говоря ни слова Василию, Стас попробовал принимать анаболики сам, но вскоре был замечен тренером, который рассказал все Балуюеву.

Василий был взбешен, однако ярость погасил, изучил проблему и пришел в шоковое состояние. Оказалось, анаболики принимают более сорока процентов молодых людей, занимавшихся массовыми видами спорта! Продажа стероидов стала прибыльной статьей дохода спортивно-мафиозных группировок, эксплуатирующих труд спортсменов, а то, что многие из них, особенно неокрепшие юноши и девушки, становились из-за применения лошадиных доз анаболиков инвалидами или умирали от почечной или сердечной недостаточности, никого не волновало, в том числе и руководителей спортивных федераций, которых интересовали только достижения, результаты, а не процессы тренировок и здоровье людей.

Стас, выслушав доводы Василия, принимать анаболики прекратил, а Василий ценой долгих усилий и более весомых аргументов, вплоть до предупреждений поставщикам товара, сумел ограничить распространение анаболиков в тренажерных залах Крылатского. Но по всей столице, имеющей более тысячи залов, сделать этого не мог.

Машина остановилась. Вася очнулся, огляделся, не понимая, куда его привезли. Узнал здание Международного исследовательского центра боевых искусств, президентом которого был Самандар, и

перевел взгляд на бородатую физиономию водителя, черные непроницаемые глаза которого показались ему знакомыми.

– Кажется, я вас где-то видел, Василий Никифорович, – произнес водитель с иронией.

– Вахид Тожиевич! – качнул головой Василий. – Что-то я расслабился... но никогда бы не подумал, что ты едешь на такой ржавой тачке. Где твой «Фольксваген-классик»?

– На стоянке, – ответил Самандар, снимая накладные усы и бороду. – Разные маршруты – разные автомобили.

– А как ты оказался в районе Троице-Лыкова?

– Интуиция. – Самандар не торопился вылезать из машины. – А точнее – там есть мои наблюдатели. Ты мне нужен, Василий. Кстати, что ты ищешь у церкви?

Василий помолчал. Потом сказал нехотя:

– Ничего не ищу... просто жду.

Самандар покачал головой.

– Судя по тому, что творится в стране, наши друзья погибли. Вряд ли стоит ждать их возвращения.

Теперь уже покачал головой Василий:

– Я чувствую, что они живы. И нуждаются в помощи. Их надо искать.

– Как?

– Пока не знаю. Но сдаётся мне, ответ кроется в МИРе, откуда Соболев начал поход в «розу». Найти бы вход...

– Ты же сам говорил, что тот МИР разрушен при переходе границы реальности Соболевым.

– Я не уверен. Хотелось бы убедиться. Зачем я тебе понадобился?

– Появилась возможность очень сильно огорчить нашего общего недруга маршала СС Рыкова. Как ты на это смотришь?

Вася хмыкнул, помял пальцами подбородок, снова хмыкнул, затем пробормотал:

– Заманчиво.

– Тогда пойдем обсудим некоторые моменты.

Президент МИЦБИ поставил «Жигули» на стоянке рядом с темно-зеленым «Фольксвагеном» и повел гостя в свою резиденцию, ставшую центром стратегического управления «чистилищем». Знали об этом

всего трое человек: сам Вахид Тожиевич, его заместитель и Василий. Персонал Центра к операциям ККК пока не привлекался.

Глава 1

КТО ПОСМЕЛ?!

Дмитрий Феокистович Блохинцев стал кардиналом Союза Девяти Неизвестных благодаря протекции координатора Союза (бывает и такое, кардиналы – тоже люди, хотя и обладающие экстраординарными способностями). Посвящение I ступени Внутреннего Круга он прошел еще в пятьдесят третьем году двадцатого века, в год смерти Сталина, будучи инженером в лаборатории Паршина (воздействие на человека электромагнитного излучения). В семьдесят втором стал кандидатом технических наук, работая в Арзамасе-16, а в восемьдесят пятом переехал в Новосибирск, где получил степень доктора наук за исследования в области психотронных методов воздействия на психику человека. Знаменитый «глушак» – гипногенератор «удав» был разработан на основе его исследований. Но координатор Союза (тогда еще Девятнадцати Неизвестных, а не Девяти) предложил его кандидатуру взамен погибшего кардинала (Чернобыль, тушение пожара, попытка заглушить реактор) не из-за этих всем известных работ. Дмитрий Феокистович помимо всего прочего занимался разработкой «геометрии социума», создав теорию психогеометрических отношений разных человеческих каст, а также разработал гипотезу рассудочного развития человечества с доминирующим иррациональным прямым осознанием мира. Именно он вплотную подошел к обоснованию высказываний таких мыслителей, как Вернадский, Фролов и Успенский, что *homo sapiens* – не венец природы, а промежуточное эволюционное звено. Для этого Дмитрий Феокистович рассчитал формулы «кубов авторитета и адаптации», работающие в условиях эволюции соборных систем, одной из которых являлся человек. По этим формулам гибель современной человеческой цивилизации была неизбежна, потому что развивалась она согласно «кубу авторитета», использующего законы распространения. Задачей куба было разворачивать внутренние процессы вовне, изменять внешние структуры. Человечество же могло выжить, только применяя законы «куба адаптации», работающего в режиме приспособляемости.

Задачей этого куба было соотношение внутренних процессов с внешними влияниями посредством изменения внутренней структуры. Иными словами, человек мог рассчитывать на выживание, лишь изменив себя.

Став кардиналом, Дмитрий Феоктистович некоторое время продолжал заниматься «чистой» наукой, изучая колебания социума в глобальном масштабе. Не будучи посвященным во все тайны Хранителей Круга, он сумел вывести уравнение стохастической деформации реальности под воздействием коррекционной деятельности Союзов Неизвестных, после чего был замечен не только координатором российского Союза Бабуу-Сэнгэ, но и куратором Союзов Мира Хуаном Креспо, занимавшим официальный пост Генерального секретаря ООН. Креспо предложил Бабуу-Сэнгэ рассмотреть повышение статуса кардинала Блохинцева до вице-лидера и предложить его кандидатуру для Посвящения в ранг помощников Хранителей.

Бабуу-Сэнгэ не принял предложение, сославшись на неопытность Блохинцева и отсутствие у него стремления к поэтапному прохождению Пути Круга. Дмитрий Феоктистович зачастую игнорировал некоторые рекомендации Йоги Видьи – кодифицированной системы из восьми ступеней самореализации и не всегда выполнял махаврата ямы, то есть моральные обеты и заповеди: ахимса – ненасилия, сатья – правдивости, брахмачарья – воздержания, а также законы ниямы – правила самоочищения, такие, как тапас – аскетизм и Ишвара пранидхана – посвящение всех своих действий Творцу. Он не отрицал значимость пратьяхары – контроля над умом и чувствами, но считал, что волен заниматься тем, что ему нравится делать, и в этом он более других кардиналов был близок к «отцу» человечества – Монарху Тьмы.

В конце девяностых годов Дмитрий Феоктистович вдруг почувствовал вкус к прямому вмешательству в дела корректируемого Союзом социума. Он с удовольствием откликнулся на призыв координатора собрать Сход Союза в Москве и даже поучаствовал в охоте на непосвященного Соболева, реально угрожающего стабильности Союза. Однако захватить Соболева не удалось, тот ушел в «розу», поддерживаемый Посвященными-отступниками, угроза была как будто ликвидирована, и Блохинцев вернулся в Новосибирск, чтобы

вплотную заняться решением своих личных проблем. Теперь его заинтересовал вопрос абсолютной власти, опирающейся на Знания Бездн. Он задумал образовать свой собственный Союз, использующий силы, недоступные нынешнему содружеству Неизвестных.

Жил Дмитрий Феоктистович в Академгородке, на улице Золотодолинской, имея стандартную трехкомнатную квартиру. Семьи в настоящий момент у него не было, последняя жена ушла полтора года назад, разочаровавшись в муже, а вообще женился он четыре раза, хотя детей ни от одной жены не имел. Таков был характер Блохинцева – из четырех составляющих пурушартхас – целей человеческой жизни (по буддизму) он пестовал только три: артха – приобретение, кама – удовольствие и мокша – освобождение. Четвертую составляющую, по важности идущую на первом месте, дхарму – обязанность он предпочитал обходить. Поэтому предать кого-нибудь, в том числе женщину, для Дмитрия Феоктистовича не представляло проблемы, ибо он не считал себя связанным никакими клятвами, а тем более клятвой верности. Поэтому и друзей у него не было никогда, только приятели или сотрудники.

А еще был у Блохинцева пунктик – охота. Ни от чего он не получал большего наслаждения, ничто его не возбуждало так, как охота на зверя, особенно крупного. Скорее всего не существовало на Земле вида животных, не считая разве что лохнесского монстра, на которого не охотился бы Дмитрий Феоктистович.

В Танзании он бил из карабина слонов, в Нигерии – львов, в тропических лесах Амазонии ловил удавов-боа, в Чаде безжалостно убивал разрывными пулями носорогов, охотился на крокодилов, пум, ягуаров, барсов, буйволов, горилл, дельфинов, акул, китов и так далее и тому подобное. Не брезговал он и живностью родной Сибири, отстреливая лосей, кабанов, волков, медведей и других, более мелких представителей местной фауны, причем делал это не ради пушнины или мяса, а просто ради развлечения, никогда не соблюдая сроки охотничьих сезонов и запросто переходя границы заповедников. Задержали его инспекторы-охотоведы лишь раз, когда он за один выход в лес убил двадцать три лося. Но спустя сутки выпустили. Связи кардинала Союза Девяти Неизвестных уходили высоко «в небеса» – в правительство и администрацию президента. Вряд ли кто-нибудь из

представителей официальных властей мог бы определить пределы поруки Блохинцева.

В лесах под Новосибирском была у Дмитрия Феоктистовича своя охотничья заимка, построенная, естественно, на государственные средства по последнему слову техники, отвечающая всем мировым стандартам: одноэтажный коттедж, сауна, подземный гараж, подстанция с собственным генератором и даже радиопередатчик с выходом на спутниковую связь. А также вертолет, два вездехода, склад, охотничий арсенал в сорок стволов. Пользовался этим богатством он в основном в одиночку, изредка приглашая кого-нибудь из приятелей: мэра Новосибирска, прокурора области или же академика Носова, директора Сибирского отделения Академии наук. На охоту, ставшую в его жизни последней, Дмитрий Феоктистович пригласил на сей раз только молодую женщину, певицу из Москвы, приехавшую в Новосибирск на гастроли. Случилось это в середине мая.

Выехали после обеда в среду, чтобы засветло попасть на заимку. Мило беседовали всю дорогу, свободно находя общие темы: Дмитрий Феоктистович был сведущ не только в областях науки и техники и умел заинтересовать даму светскими разговорами.

На заимку прибыли в начале седьмого вечера, переоделись в охотничьи костюмы из гардероба хозяина, и Блохинцев повел гостью показывать окрестности своих владений. Обычно его сопровождали восемь-десять человек личного манипула, выполняющие роли охранников коттеджа, телохранителей, загонщиков, охотников и подсобных рабочих, но на этот раз он взял всего лишь четверых. Трудно сказать, что на него повлияло, обаяние ли красивой женщины, уверенность в своих силах, отсутствие видимой опасности, весеннее расслабление или что-то иное. Однако в тот вечер он не взял с собой даже ножа, не говоря об огнестрельном оружии, собираясь просто погулять недалеко от охотничьего домика, полюбоваться природой и довести гостью до восторженного состояния.

Вечер середины мая в здешних краях – не самое лучшее время для прогулок, обычно температура днем не поднимается выше пятнадцати градусов, но все же в известном смысле гуляющим повезло: в лесу было сухо, легкие облака не прятали солнце, ветер стих, и вечер был чудесен, напоенный ароматами пробуждающейся природы – трав, молодых листьев и хвои.

Пара обошла коттедж, углубилась в заросли ракитника и крушины, вышла на берег небольшой речки и залюбовалась кленово-буковым лесом с вкраплениями елей и сосен на другом, более высоком берегу. Дмитрий Феоктистович был возбужден и так занят мыслями о скорой близости с гостьей, что от сигнала тревоги, поднятой в душе экстрасенсорной системой организма, просто отмахнулся, веря, что находится в полной безопасности. Поэтому последующие события оказались для него совершенно неожиданными. И хотя он, Посвященный II ступени Внутреннего Круга, владел многими уровнями вибхути, а также Силами магического воздействия на реальность до уровней Иегова Элохим (Бог Богов), Сатариаал (Дьявольское Понимание) и Цафкиель (Размышления Бога), уберечь себя от нападения не смог. Все произошло слишком быстро.

Когда Вероника – так звали певицу, замороженная видами природы и обаянием собеседника, потянулась к нему для поцелуя, Дмитрий Феоктистович уже ни о чем другом думать не мог. И в тот же момент женщина выстрелила в него в упор из пистолета «волк», всадив в грудь восемь пуль, прежде чем Блохинцев сообразил, что происходит.

Его отшвырнуло назад, к обрезу воды, хотя на ногах он удержался. Схватился рукой за грудь, глядя на струйки крови, побежавшие сквозь пальцы, воскликнул удивленно:

– Что вы делаете?!

Лицо Вероники изменилось, в нем проступили некие хищные черты, в глазах вспыхнул угрожающе-безжалостный огонь. Дмитрий Феоктистович понял, что перед ним авеша^[4] какого-то многомерного существа, возможно даже иерарха^[5]. Попытался было атаковать женщину в ментальном плане, но организм, получивший пять пуль в сердце и легкие, уже был не в состоянии работать в полную силу. Тот, кто завладел сознанием женщины, легко отвел удар.

– Зачем?... Кто... вы?! – прохрипел Дмитрий Феоктистович, судорожно пытаясь найти способ отступления и уже понимая, что опоздал. Его нашли профессионалы, операция явно была спланирована заранее, и все козыри были в руках нападавших; кардинал теперь видел, что он – в кольце окружения, а телохранители, которых он взял с собой, убиты.

– Кто... вы, черт... возьми?!

– Ликвидатор Круга, – проговорила Вероника низким мужским голосом. – Или Истребитель Закона, если вам будет угодно.

– Зачем?

Ответить женщина не успела. Во лбу Блохинцева появилась дыра, затем из леса мгновением позже долетел слабый звук выстрела, словно обломился сучок. Голова кардинала дернулась назад, и он с плеском упал навзничь. В воде начала расплываться красная струйка. Но жизненная сила Дмитрия Феокистовича была столь велика, что, даже потеряв сознание, он продолжал бороться, перейдя в измененное состояние психики, пусть и фрустрированной от разрушения мозга. Он медленно встал! Побрел через реку к противоположному берегу и упал лицом вниз от пули, вонзившейся в затылок.

За спиной Вероники возник черноволосый мужчина с ничем не примечательным лицом в зеленой ветровке с капюшоном и в таких же зеленых штанах. В руках он держал рацию и снайперскую винтовку «ВСС» калибра 9 миллиметров, известную под названием «винторез».

– Готов?

– Скорее да, чем нет, – все тем же гулким басовитым мужским голосом ответила женщина, подходя к кромке воды. – Вряд ли он сможет восстановиться полностью. Но страховки ради... – Она подняла ствол пистолета и выпустила остаток обоймы в голову Блохинцева, превращая ее в кровавое месиво. – Теперь порядок.

Мужчина в куртке поднес к губам рацию:

– Снимай десант, Дван, готовь вертолет, уходим. Я буду через четверть часа.

После этого мужчина вынул из-под полы куртки тяжелый черный револьвер странной формы, с шестигранным длинным дулом и решетчатым кожухом на стволе, направил на Веронику, ничем не выдавшую своих чувств.

– Полезай обратно, – проворчал черноволосый, нажимая курок. Раздался тихий звон, будто оборвалась струна.

Женщина вздрогнула, пошатнулась, широко открывая глаза, но не упала. Глянула на мужчину, явно не узнавая его, не понимая, что она здесь делает.

– Кто вы? Где я?! Как я здесь оказалась?!

Мужчина окинул ее ничего не выражающим взглядом и бесшумно скрылся в кустах. Вероника недоуменно посмотрела на свою руку,

сжимающую рукоять пистолета, дотронулась свободной рукой до лба и вдруг заметила лежащий в реке труп. Пистолет выпал из ее руки, и она завизжала...

* * *

За десять лет, прошедшие со времени ухода Матвея Соболева, главного претендента на трон координатора Союза (так это понималось), Герман Довлатович Рыков не только укрепил свое положение кардинала в Союзе Девяти, став его вице-лидером, но и захватил главные рычаги влияния на социум страны, перебравшись с Лубянки в Кремль, заняв пост главного военного советника президента, потеснив Хейно Яановича Носового, другого кардинала Союза, и захватив кресло маршала СС. По сути, могущественней его чиновника в государстве в настоящий момент не было, и координатору Союза Девяти Бабуу-Сэнгэ приходилось с этим считаться. Коррекция реальности теперь все чаще проходила под диктовку Рыкова.

Несмотря на закон, принятый Государственной Думой, о запрещении разработок психотронного оружия, Герман Довлатович в секретном центре под Шереметьево продолжал заниматься усовершенствованием суггесторов «удав» («глушаков») и генераторов боли «пламя» («болеви́ков») и уже имел неплохой арсенал этих средств массового воздействия в две тысячи единиц, используемый для зомбирования помощников и исполнителей, так или иначе необходимых для успешной деятельности Сверхсистемы. Как сказал когда-то один писатель: «Все мы кого-то используем. На этом держится мир». Герман Довлатович тоже использовал людей для своих целей, но с помощью «глушаков» делать это было проще и не требовало больших затрат. Именно такими методами ему удалось ликвидировать противостояние мафий кавказской и славянской ориентации в Москве в пользу последней, хотя на ореол «национального героя» ему было, конечно, наплевать. История уже не раз доказывала, что национальность властителя не играет большой роли, когда дело касается абсолютной тоталитарной власти.

С приходом Рыкова на вершину властной пирамиды СС процесс поглощения в России малых преступных формирований большими ускорился, и к моменту описываемых здесь событий территория гигантского государства была поделена всего лишь между сорока четырьмя «семьями», из которых половина подчинялась СС. Вне поля зрения Германа Довлатовича оставался Дальний Восток, управляемый непосредственно координатором Союза Бабуу-Сэнгэ, Сибирский регион – «вотчина» Блохинцева и Мурашова и Крайний Север – «владения» отца Мефодия и Голованя. Над остальной частью страны, в том числе и столицей, нависала холодная тень Сверхсистемы, руководимой «императором». Рыков лично контролировал в с е сферы деятельности СС: торговлю наркотиками, оружием, золотом, цветными металлами, игорный бизнес, проституцию, скупку недвижимости, «охрану» крупных торговых центров, контроль рынков и транспортных предприятий. Методику же контроля Герман Довлатович использовал предельно простую: если не действует подкуп – следуют угрозы, не действуют угрозы – за дело берутся купленные чиновники и депутаты Госдумы, не помогают чиновники – вмешивается личная команда Рыкова, вооруженная «глушаками». Как правило, этот последний метод борьбы со строптивыми клиентами и конкурентами использовался редко. Поголовное зомбирование не входило в планы Германа Довлатовича, для его целей достаточно было программировать лишь представителей властных структур, крупных деятелей политики, науки и культуры, способных образовать кастовый эгрегор, подчиненный воле одного человека. По завершении образования эгрегора Рыков превращался в фигуру, способную противостоять всему Союзу Десяти и не уступающую по мощи Хранителям Круга. Замыслы же его простирались еще дальше...

В четверг шестнадцатого мая Герман Довлатович по давно заведенному порядку начал работу в офисе, расположенном в семнадцатизэтажном здании на Сенной площади. Четверг был днем компьютерного анализа предполагаемой угрозы империи СС. Обладая способностью проникать в любые закрытые паролями и кодами компьютерные сети, Рыков шарил по сверхсекретным запасникам информации силовых структур – службы безопасности, милиции, Министерства обороны, выуживал оттуда необходимые сведения и упреждал подготавливаемые удары, изредка отдавая «на съедение»

кого-нибудь из пешек – ради удовлетворения общественности, ради поддержания мнения, что страной управляют президент и парламент.

Единственное, что мешало планам Рыкова и сидело занозой в его душе, – постепенно усиливающаяся, несмотря на принимаемые контрмеры, ККК, возрожденное кем-то «чистилище». Впрочем, Герман Довлатович уже знал – кем и в ближайшее время предполагал встретиться с этим человеком и выяснить, чего он хочет. Вполне могло быть, что нынешний генеральный комиссар «чистилища» просто ищет острых ощущений, получить которые проще всего во время боевых действий. А боевые действия, как известно, нормальное состояние человечества, ведущего перманентную войну всех против всех со дня своего рождения.

До обеда Герман Довлатович успел «пощупать» компьютерные каналы ФАПСИ, Совета безопасности и военных институтов, вылавливая сведения о намечавшихся векторах противодействия, но проанализировать поступивший объем информации не успел, позвонил Бабуу-Сэнгэ:

– Герман Довлатович, это не ваших рук дело?

Голос координатора Союза Девяти звучал в трубке так, будто он находился рядом, а не за тысячи километров, на Алтае.

– Не понимаю, о чем идет речь, – сухо сказал Рыков.

– Под Новосибирском вчера вечером убит Дмитрий Феоктистович.

Рыков помолчал, стиснув трубку рукой так, что побелели суставы пальцев.

– Вы... уверены?!

– Это точно не ваша работа?

– Мне Дмитрий не мешал. Кому и зачем понадобилось его убирать? Кто посмел?

– Вот и я задаюсь этим вопросом. Но это кто-то из наших.

– Почему вы так думаете?

– На месте расстрела Блохинцева побывал Виктор Викторович и обнаружил следы магического воздействия. Там же найдена известная московская певица Вероника, всадившая, судя по отпечаткам пальцев, в голову и грудь Дмитрия Феоктистовича всю обойму из пистолета «волк». Хотя клянется, что она этого не делала.

– Временная потеря памяти... или авеша? Чья?! Зачем?

Теперь помолчал Бабуу-Сэнгэ.

— Возможно, ее действительно сделали авешей. Еще не знаю. Прощайте, Герман Довлатович. Будут новости, я сообщу.

Рыков встал из-за стола, задумчиво походил по кабинету, забыв о трубке телефона в руке, и вдруг почувствовал душевный трепет. Кем бы ни был убийца Блохинцева, он знал, с кем имеет дело, и действовал грамотно и четко. Но таких людей в земной реальности, которые способны были убить кардинала Союза Незвестных, обладающего многими сверхчеловеческими возможностями, можно было сосчитать по пальцам. В основном это были сами кардиналы, Посвященные I и II ступеней и адепты Круга. История хранила прецеденты вражды людей Круга, однако тогда участники конфликтов были известны заранее. В данном же случае убийца или убийцы скрылись с места расправы, не оставив визитных карточек. А так во все времена действовали только профессиональные киллеры.

— И все же, кто посмел? — вслух произнес Герман Довлатович.

Глава 2

ОШИБКА В ОЦЕНКЕ

С момента смерти бабушки Марии Денисовны женщины не принимали участия в воспитании Стаса, что не могло не отразиться на формировании его внутреннего мира. Рос он достаточно замкнутым и чувства свои показывать стеснялся, а когда вплотную занялся эзотерикой и подготовкой собственно Дао – Пути совершенствования, – и вовсе перенял манеру держаться у Матвея Соболева, человека уравновешенного во всех отношениях, спокойно относящегося ко всем жизненным невзгодам. Да и дядя Вася, Василий Никифорович, принявший на себя весь груз забот по воспитанию мальчишки, был достоин подражания. Его отношение к происходящему вокруг – сдержанно-ироничное, хладнокровное пришлось Стасу по вкусу. Поэтому друзей и приятелей у него было немного. Пожалуй, единственным, кого он мог бы назвать настоящим другом, был Василий Никифорович. Но при этом обделенным себя Стас не считал. Жизнь была жестокой, но интересной, и сетовать на отсутствие тепла и любви Стас себе не позволял. Он учился, тренировался, много читал, изредка ходил в гости или в театр и не искал, чем заняться в свободное время, которого у него практически не было.

С девушками Стасу не везло. То ли они его мало интересовали, то ли он их, только так пока и не встретила та, самая красивая и умная, единственная, ради которой не грех было отправиться на край света. Конечно, Стас иногда знакомился с неглупыми и симпатичными девчонками, но ни одна из них не заставила петь струны его души.

В пятницу семнадцатого мая Стас собирался после третьей пары («Приборы и устройства оптоэлектроники») посмотреть выставку картин Еремеева в салоне на Кузнецком Мосту, но судьба распорядилась иначе. С ним в группе учился Коля Мальцев, внук известного писателя Алдан-Петрова, которому дед-классик оставил в наследство неплохую четырехкомнатную квартиру в центре Москвы у Никитских Ворот. В последнее время Коля ходил на занятия хмурый и неразговорчивый, часто пропускал лекции, а начиная с понедельника

вообще не появился в институте ни разу, и одна из девушек группы предложила съездить к нему и провести – вдруг заболел? Согласились ехать трое: приятельница Николая Люба, его друзья Саша и Виктор плюс Стас, имевший машину.

Никто из них обременен заботами не был, плохого от жизни в силу молодости не ждал, поэтому атмосфера в кабине машины была легкой и веселой. Пока ехали, успели нашутиться, поохотать над анекдотами Виктора, поговорить о театральные постановках и закидать Сашу каверзными вопросами, когда он попытался завязать дискуссию о «живых соборных системах», подразумевая под ними человеческие коллективы. Стасу тема была близка, поэтому в «избиении» Саши он не участвовал, при случае решив побеседовать с ним об этом. Ему импонировала идея отечественного ученого-философа Попкова, труды которого по законам всеединства, кармы, гармонии и эволюции он читал. Попков утверждал, что если индивидуум болен в силу нарушения им законов совершенствования личности, то и общество может болеть из-за нарушения законов гармонии и эволюции, и эта мысль казалась Стасу вполне разумной, адекватно отражающей истинное положение вещей. Правда, с однокурсниками Стас на эту тему предпочитал не полемизировать, у него были другие собеседники, более знающие – дядя, прошедший Посвящение I ступени Внутреннего Круга, и его друг Вахид Тожиевич Самандар, от которых Стас узнал много интересного, в том числе и о «розе реальностей».

Оставили машину на Малой Никитской, купили в магазине фруктов, молока, хлеба, кофе, предполагая, что Колька просто заболел, и ведомые Любой, которая уже бывала в квартире Мальцева и знала адрес, выгрузились из лифта на шестом этаже старого семнадцатизэтажного дома, где когда-то жил писатель.

Дверь открыл молодой человек спортивного вида, одетый в спортивный же костюм и кроссовки «Найк». Стасу он сразу не понравился – бегающими глазами и золотыми зубами. Стас вообще никогда не верил людям с золотыми зубами. Их улыбки казались ему фальшивыми, искусственными, как и сами зубы.

- Вам кого? – осведомился молодой человек.
- Хозяина, – солидно сказал Виктор.
- Я хозяин, – сказал молодой человек.

Пришедшие переглянулись.

– Это квартира Коли Мальцева? – спросил Саша, оглянувшись на Любу. – Ты не перепутала?

– Нет, – покачала головой девушка, пристально разглядывая молодого человека. – Где Николай?

– Не знаю, – пожал он плечами. – Уехал.

– Как уехал? Куда?!

Молодой человек молча закрыл дверь. Студенты так же молча смотрели то на нее, то друг на друга. Потом Виктор сплюнул.

– Ну и тип наш Коляня! Куда это, интересно, он уехал, никому ничего не сказав?

– Вопрос в другом, – задумался Саша. – Если это квартира Кольки, почему этот золотозубый амбал говорит, что он хозяин?

– Я его видела, – кивнула на дверь Люба. – Этот парень снимал у Коли комнату. Ребята, что-то здесь нечисто, Коля не мог продать ему квартиру. Давайте выясним.

– Да ну его, неохота связываться, – отступил Виктор. – Поехали по домам.

Стас, не говоря ни слова, нажал кнопку звонка. Дверь распахнулась, будто парень в спортивном костюме никуда не уходил. Вероятно, он служил охранником.

– Какого хрена вам надо?! Сказано же – уехал ваш Колька. И квартира теперь моя. Если непонятно, мы сейчас вам объясним.

– Объясни, – тихо проговорил Стас.

Молодой человек повернул голову.

– Дмитрич, подойди-ка, тут молодежь хочет побеседовать.

За спиной спортсмена возник еще один мужчина, постарше, в бежевом костюме с галстуком, выше и шире первого, с квадратным лицом вышибалы в баре.

– Чего надо?

– Мы ищем Николая... – начала Люба, но Стас остановил ее жестом, повысил голос, прислушиваясь к чему-то:

– Коль? Ты дома?

Квартиранты переглянулись. Потом тот, что был похож на вышибалу, сузил глаза, смерил Стаса нехорошим взглядом и процедил сквозь зубы:

– Ты что, русского языка не понимаешь? А ну вали отсюда, студент, пока не схлопотал по роже!

Стас мгновенно выбросил вперед руку, и квадратнолицый амбал отлетел в глубь прихожей, с грохотом рухнув на пол. Его напарник с недоумением проводил его взглядом, потом что-то сообразил и сунул руку в карман штанов, но вынуть оружие (у него был пистолет) не успел. Стас еще раз сделал выпад правой рукой, попал пальцем в шею спортсмена, и тот сунулся головой в стену, закатывая глаза.

На шум в прихожую выскочили еще двое накачанных ребят, и Стасу пришлось действовать в том же духе, только быстрее: парни были вооружены пистолетами. Он вошел в т е м п, усыпил первого и вложил второму «колун» между глаз. Больше из комнат квартиры никто не показался, наступила тишина. Стас оглянулся на онемевших товарищей:

– Коля где-то здесь, я чувствую. Давайте поищем.

– Ну, ты даешь, Котов! – пробормотал Виктор. – Где научился драться? Карате, что ли?

– Русбой, – лаконично ответил Стас. – Любой может научиться, было бы желание.

– Пошли, – решительно шагнул вперед Саша, переступая через лежащие тела.

Виктор и Люба, опасливо поглядывая на них, последовали за Сашей. Стас обыскал успокоившихся на время квартирантов, собрал оружие и только тогда вошел в квартиру.

Колю Мальцева, худого очкарика с редкой бородкой, они обнаружили связанным и лежащим в ванне, заполненной почти до краев водой, с заклеенным ртом. Самостоятельно выбраться оттуда он вряд ли смог бы, а вот захлебнуться мог в любой момент. И, судя по синякам на лице и теле, его хорошо избили, прежде чем засунуть в ванну.

Рассказ Коли, безумно радовавшегося освобождению, занял всего несколько минут. Гости слушали его, открыв рты, потому что история была проста и напоминала поучительную детскую сказку о доверчивом зайце, приютившем в своем домике коварную лису.

Родители Коли разошлись еще несколько лет назад, поэтому он был предоставлен самому себе и всегда испытывал материальные затруднения, тем более что стипендию платили не всегда, да и того,

что платили, хватало разве что на хлеб и чай. По совету знакомого Коля решил сдавать пустующие комнаты в аренду. Квартиранты нашлись быстро, одну комнату приспособили под офис своей фирмы («Консалтинг-ЛТД»), а вторую под жилье. Через полгода попросили сдать еще одну комнату – под склад. Коля не возражал, ему хватало спальни, а деньги за аренду жильцы платили исправно. Но потом в руководстве фирмы произошли изменения, пришел новый босс – тот самый мордоворот, которого успокоил Стас первым, и начались конфликты.

Сначала, сославшись на временные «коммерческие неудачи», квартиросъемщики стали задерживать плату. Потом уменьшили сумму выплат за месяц. А неделю назад, когда Николай робко напомнил о долге, гости взбеленились и объявили ультиматум: «Или ты оформляешь квартиру на нас, или пожалеешь, что родился на свет!» Николай от такого заявления опешил, пробормотал, что пойдет в милицию, и тогда его избили, связали и бросили в ванну с водой, где он и пролежал пять дней без еды и питья, пока его не освободили.

– Ну и зверье! – протянул Виктор, с жалостью глядя на дрожащего от перевозбуждения и слабости приятеля. – Что будем делать, Стас? Может, действительно позвоним в милицию?

Стас вышел из комнаты Николая, где тот ютился все это время до инцидента, тихо сказал пришедшим в себя парням:

– Выметайтесь отсюда и побыстрее, если не хотите, чтобы вами занялась милиция или более серьезная контора.

– Мы тебя... гад!.. на ремни порежем!.. – начал было один из помятой четверки. Квадратнолицый, зеленый от удара, которым его сгоряча наградил Стас, держась за грудь, медленно встал, шаря вокруг себя и в карманах. Поглядел на Стаса, тот кивнул:

– Пушки ваши я забрал, не стоит их искать. И давайте пошевеливайтесь.

– Хлопец, ты понимаешь, на кого «наехал»? Мы же...

Стас шагнул вперед, и мордатый шеф «консалтинговой компании» отшатнулся, умолкнув. Стас подтолкнул его к выходу, помог остальным, туго соображавшим, что происходит, выбраться из квартиры на лестничную площадку и закрыл дверь. Приятели, выглянувшие из спальни Николая, смотрели на него во все глаза.

– А если они вернуться? – спросила Люба.

Словно в ответ на ее слова послышался стук в дверь, потом длинный звонок. Студенты переглянулись.

– Я же говорила...

Стас открыл дверь.

– Ну?

– Наши вещи... – хрипло сказал квадратнолицый. – Не присвоишь же ты их себе.

– Сейчас вынесем. – Стас повернулся к своим. – Давайте выгрузим их хлам.

Они вынесли на лестничную площадку и в коридор компьютер, факс, ксерокс, телевизоры, несколько сотовых телефонов, одежду квартирантов, с десятков тонких папок, небольшой сейф и две дюжины коробок с каким-то дурно пахнущим товаром. После этого Стас пожелал парням удачи и услышал в ответ угрозу:

– Мы тебя, щенок, в гробу достанем и яйцаотрежем!..

Стас, закрывавший дверь, оглянулся на говорившего, покачал головой, ответил с иронией:

– Наверное, я плохо объяснил, что может произойти с вами в случае очередного «наезда». Лучше бы вам тихо исчезнуть и не высовываться какое-то время. Честное слово, ребята, это хороший совет.

– Отдай оружие, – прохрипел босс вышвырнутой компании. – На кого ты работаешь, крутой?

– О железках забудьте, а работаю я на фирму, название которой лучше не произносить вслух.

– На «чистилище», что ль? – осклабился молодой человек с золотыми зубами.

Стас помедлил и кивнул.

– На него, догадливый. А теперь убирайтесь, мо дзикан-га кирэтэ имас^[6].

– Чего? – вытаращился золотозубый.

Стас повернулся и закрыл за собой дверь.

В квартире Мальцева они пробыли три с лишним часа, помогая ему убираться, мыть полы и расставлять мебель так, как она стояла до въезда «фирмачей». Коля пришел в себя, поел, каждые пять минут порывался высказать свою благодарность друзьям, потом тихо сомлел

в кресле, бледный до прозрачности от пережитого волнения, с тенями под глазами и синяками на шее и на руках.

– Его нельзя оставлять одного, – сказала Люба, приготовив кофе для всех.

– Я останусь, – сказал Саша, потягивая ароматный напиток. – Позвоню домой, предупрежу.

– А эти... не вернутся?

Стас, уже выходявший в коридор и убедившийся, что квартиранты убрались и увезли свои вещи, покачал головой:

– Не думаю. Документов на аренду у них нет, качать права нечем, а милицию они явно не любят.

– А про какое «чистилище» они говорили? – поинтересовался Саша. – Не про то самое, что, по слухам, воюет с мафией?

– Возможно.

– Какое отношение имеешь к «чистилищу» ты?

– Никакого, – честно ответил Стас, в душе твердо решив поговорить с дядей Васей об инциденте с квартирантами, а заодно расспросить его о деятельности «чистилища». В последнее время он все больше убеждался в том, что его любимый учитель каким-то образом связан с ККК.

Домой он ехал в девятом часу вечера, после того как развез по домам Любу и Виктора. На душе лежала странная тяжесть, будто он совершил неблагоприятный поступок. Хотя вымогатели квартиры Коли Мальцева получили по заслугам, все больше и больше начинало казаться, что можно было обойтись без демонстрации боевого мастерства. Возникло ощущение, что Стас как бы обнаружил себя перед некими темными силами, «засветился», как говорят контрразведчики, и теперь следовало ожидать каких-то ответных шагов этих сил.

Конечно, ему и раньше приходилось драться, отстаивая свой выбор, мнение, свободу или честь, но никогда прежде он не ощущал такого дискомфорта, не чувствовал себя таким открытым и уязвимым.

– Какого черта! – вслух сказал Стас, круто выворачивая руль и останавливая машину после поворота с Новоданиловской набережной в проулок, соединявший набережную с Варшавским шоссе: прямо под колеса бросился какой-то человек. И еще толком не разглядев, кто это, Стас вдруг понял, что человек опасен!

«Внимание! – сказал ему внутренний голос. – Тревога!»

И тогда он сделал то, за что самому долго потом было стыдно и за что дядя Вася впервые его похвалил: Стас включил задний ход, с визгом шин развернулся и рванул машину обратно на набережную. Выстрелов он не слышал, но понял, что по машине открыли огонь, когда заднее стекло разлетелось острыми брызгами, а корпус «шестерки» отозвался дробным грохотом на вонзавшиеся пули.

Его не преследовали.

Проскочив под Автозаводским мостом, Стас по Шлюзовой набережной выехал на Садовое кольцо и через полчаса был дома возле Казанского вокзала. Поставил машину на стоянку, насчитав двенадцать пробоин, на вопрос сторожа: что, в аварию попал? – только кивнул.

Дядя Вася сидел на диване в гостиной и разговаривал с кем-то по телефону. Увидев лицо Стаса, прекратил разговор, встал на пороге спальни, пока тот переодевался.

– Что случилось, Котов?

Стас, выдержав паузу и позаботившись придать лицу безмятежное выражение, рассказал Василию Никифоровичу сначала об инциденте с квартирантами Коли Мальцева, потом о нападении с применением автоматов.

Василий задумчиво подергал себя за мочку уха, помолчал, размышляя и продолжая разглядывать порозовевшее лицо юноши.

– Как он выглядел?

– Не разглядел, – виновато развел руками Стас. – Небольшого роста, плотный, одет в серую куртку... Похоже, я его сбил. А потом у меня сработала интуиция, и я... сбежал.

– Молодец! – хмыкнул Василий.

– Ты... серьезно?!

– Более чем. Если бы не твоя реакция, лежал бы сейчас там... Стреляли из «калашникова»?

– По-моему, из «винтореза». Но их было двое.

– Вот видишь. А как ты оказался в районе Новоданиловской набережной?

– Отвез Виктора домой, он там недалеко живет, на Нагатинской. И все же я не понимаю, почему они напали, начали стрелять... Обознались? Ждали другого на похожей машине?

– Хотел бы и я это знать, – проворчал Василий. – Однако таких совпадений не бывает. Да и светло слишком было, чтобы обознаться.

– Но не могли же они знать, что я поеду именно этим путем, если ждали меня. И кому я нужен? Хотя... может быть, это были те ребята, которых мы выдворили из квартиры Кольки?

– Тогда они должны были следить за тобой от Никитских ворот.

– Я бы заметил, – твердо сказал Стас, отправляясь в ванную. Остановился на пороге, оглядываясь на сумрачно-невозмутимое лицо дяди. – Не одобряешь, что я ввязался в эту историю?

– Еще не знаю, – улыбнулся Василий. – Но, похоже, ты избрал мой путь. Много лет назад я тоже начинал активно восстанавливать справедливость, давая отпор разного рода подонкам.

– А сейчас?

Василий выдержал делано простодушный взгляд Стаса, похлопал его по плечу, подтолкнул к двери ванной.

– Иди умывайся, ужинай, потом поговорим.

– Как ты думаешь, кто в меня стрелял? Я же вижу, ты рассчитал версию.

Василий повернулся, ушел в гостиную и уже оттуда ответил:

– Похоже, парень, тебя просто кто-то недооценил.

Глава 3

ПРОРЫВ В МИР

Казанская группировка насчитывала, по данным Василия, семьдесят человек и придерживалась исключительно самостоятельной линии во всех спорных вопросах с другими бандформированиями. Судя по ее деятельности, это была группировка беспредельщиков, не считавшихся ни с какими авторитетами криминального мира. Руководил ею некто Роман Владимиров, двадцати восьми лет от роду, отсидевший в зоне семь лет и прославившийся своей жестокостью и презрением к боли. Говорили, что он чуть ли не бывший чемпион Европы по кикбоксингу. Едва ли это соответствовало истине, но драться бандит умел и держал своих подельников, среди которых почти не было несудимых, в крепкой узде.

Преступной специализацией группировки были рэкет, разбой, грабежи, киднеппинг, заказные убийства. В сферу ее влияния входили: вещевой рынок в Сокольниках, универмаги «Московский» и «Сокол», автовокзал «Комсомольский», три железнодорожных вокзала – Казанский, Ярославский и Ленинградский, торговля в районе вокруг вокзалов и у метро, гостиничные комплексы на Каланчевке, в Сокольниках, в районе Басманной и Красносельской, стадион «Локомотив».

Группировка имела четкую внутреннюю структуру и распределение ролей, разведку и контрразведку, связи в правоохранительных органах. Полгода назад члены казанской команды Бочкин и Свиридов взбудоражили всю Москву, устроив перестрелку в «Макдональдсе» на Пушкинской площади, во время которой десять человек получили ранения, в том числе туристы из США, и после чего во всех ресторанах сети «Макдональдс» на входе поставили металлоискатели. Задержать стрелков на месте разборки не удалось, они находились в федеральном розыске до сих пор. По сведениям Василия, они спокойно продолжали «работать» в группе по своей основной специальности – грабежи и заказные убийства. Кроме того, имелись данные, что группировка Владимирова владеет магазинами в Австрии, Гонконге, Германии и Литве. Никакой опеки казанцы не

терпели, в том числе со стороны воров в законе старой формации. Это действительно были беспредельщики, наводившие ужас на всех, кто с ними сталкивался, подкармливаемые кем-то из сановных лиц государства.

– Пора за вас братья, парни, – вслух сказал Василий, сидя перед экраном компьютера с выведенным на него досье на казанскую банду. – Если для вас предела нет в безнаказанности, то он есть у нашего терпения.

Полистав досье, Вася принялся читать общий анализ состояния государства, подготовленный аналитиками центра стратегических исследований ФСБ; о том, что к совсекретным документам имеет доступ не работник службы, федералы, естественно, не догадывались. Пробежав глазами текст документа, Вася не стал ужасаться, ахать и восклицать «Боже мой!». В принципе, он знал положение дел в стране, экономика которой практически полностью перешла под контроль преступных группировок. Органы государственного управления также контролировались «семьями» СС, мощь которых уже не позволяла государству ликвидировать их экономическими и правовыми методами. Чиновники-расхитители, жулики, спекулянты, мошенники, валютчики, казнокрады, рэкетеры и бандиты легко влились в новые экономические отношения, не считаясь ни с какими законами, ибо вся страна стараниями правительства и Думы была опущена до их уровня, куплена, продана и предана.

Общество России превратилось в общество криминализированное, где законодательная база была создана в интересах преступных кланов и не могла карать их по заслугам. Борьба за передел собственности шла уже не на уровне здравого смысла, а на уровне инстинктов. Звериная, пещерная психология бандитов и мафиози нынешней России могла поразить кого угодно, только не депутатов Госдумы, продолжавших торговать и продавать. Однако борьба за передел сфер влияния по отраслевому и территориальному принципам закончилась с приходом к власти «маршала» Сверхсистемы Рыкова, у которого проснулся комплекс собственника, тяга к лидерству и крайняя агрессивность. Известно, что высшая форма собственности – власть, поэтому Герман Довлатович жаждал власти, причем власти абсолютной, и шел к своей цели напролом, невзирая на сопротивление государственных структур и

кардиналов Союза Девяти, не желавших терять своего влияния на социум. Для достижения цели Рыков не гнушался даже элементами психофашизма, используя бессознательные инстинкты толпы: тягу к свободе, к самоутверждению, поклонение вождям, националистические устремления, подчинение стандарту, психологическую неустойчивость. Толпа моментально зверела, стоило бросить ей клич: «Бей иноверцев, спасай Россию!» И Рыков умело пользовался этим рычагом, добиваясь проведения через Думу законов, помогающих СС утверждать свое господство там, где было выгодно.

Фамилия Рыкова в документе, конечно, не фигурировала, маршал СС обозначался в нем «фигурой умолчания», но Василий хорошо понимал, о ком идет речь. Но больше всего его поразил вывод экспертов ФСБ: в стране (и во всем мире!) шел интенсивный процесс исключения из оборота культурных ценностей, резко уменьшилось разнообразие социальных структур и институтов, что являлось несомненным признаком конца эволюции социума.

Заинтересовавшись, Василий поискал разработчиков аналитического центра, сделавших столь неординарный вывод, и не удивился, когда прочитал фамилию Головань. Кирилл Данилович Головань был заместителем директора Международного института стратегических исследований и кардиналом Союза Девяти. Возвышение Рыкова ему мешало, и он искал возможности ограничения деятельности СС и ее маршала.

– Ну-ну, – пробормотал Василий, – было бы просто здорово, если бы эти волки скушали друг друга.

«Что ты об этом думаешь?» – напечатал он на экране компьютера, добавив значок «диалог».

«Не валяй дурака», – ответил компьютер, подумал и добавил:

«Вы, злодейству которых не видно конца,
В Судный день не надейтесь на милость Творца!
Бог, простивший не сделавших доброго дела,
Не простит сотворившего зло подлеца»[\[7\]](#).

– Твоими бы устами да мед пить... – пробормотал Василий, которому иногда казалось, что его компьютер – «Шайенн-2000» и

впрямь разумен. Компьютер он забрал из квартиры Соболева еще десять лет назад, это была именно та машина, через которую Соболев запустил «черный файл» для связи с Монархом Тьмы, и вполне могло быть, что она сохранила магические следы присутствия многореального существа, которым был Монарх.

В дверь позвонили. Василий прислушался к себе и поплелся открывать: пришел Самандар. Он молча пожал руку хозяину и прошел в кабинет. Кивнул на экран:

- Ведете философские беседы?
- Наследие Соболева. Чего только в его памяти нет.
- С казанцами работал?

Василий вывел на экран досье казанской бандгруппы.

– Я думаю, ее деятельность чем-то выгодна Рыкову, иначе он бы не терпел ее беспредел так долго в ущерб скрытности СС. С помощью казанцев он, вероятнее всего, давит на политиков и одновременно отводит внимание правоохранительных органов от более крупных операций.

– Пора планировать бандлик.

– План давно готов, можешь ознакомиться и подкорректировать. Понадобится шесть-семь мейдеров, чтобы уничтожить сразу всю группировку.

Самандар сел за стол и несколько минут изучал план ликвидации казанской банды.

– В принципе годится. Но одновременно с ликвидацией необходимо скинуть файл связей группы с депутатами и рыковским СС в сеть Федеральной службы безопасности.

– Почему туда, а не в Службу безопасности президента?

– Президентскую сеть контролирует Рыков, ребята из федеральной команды более свободны.

– Файл практически готов. Можем запускать хоть сейчас. Кроме него, я тут подработал наш «Крим-реестр», хотя он явно неполон. Но это уже твоя забота.

Вахид Тожиевич кивнул, выводя на экран «Крим-реестр» – список высокопоставленных лиц России, так или иначе связанных с организованной преступностью. Возглавлял список вице-премьер правительства Лобанов.

– Да, это будет хороший нокдаун Герману, – сказал Самандар, дочитав документ. – Не хватает двух десятков деятелей поменьше рангом, но мне нужно время, чтобы проследить связи каждого. Когда мы этот список выстрелим в эфир, разразится сильнейший правительственный кризис.

– Я не уверен, что это изменит систему, – негромко сказал Василий. – Мы не можем влиять на расстановку кадров в правительстве, а тем более в Думе, все решает властный эгрегор, а у Рыкова слишком много людей расставлено по всей структуре управления, в том числе зомбированных, не поддающихся никаким увещаниям.

Вахид Тожиевич остро глянул на Котова.

– Ты предлагаешь не трогать систему?

– Бросая вызов Рыкову, мы бросаем вызов Монарху, а это уже совсем другой уровень разборок.

– Я тебя не вполне понимаю.

Василий вздохнул.

– До этого момента мы воевали с «эсэсовцами», с мафией и коррумпированными чиновниками. Как только мы опубликуем «К-реестр», «уровень» войны резко повысится, за нас возьмутся кардиналы Союза Девяти и Монарх Тьмы, который сейчас дружен с Германом Довлатовичем, и одним нам эту войну не выдержать. Нужен Соболев.

– Он мертв... ну, или где-то в «розе», что для нас одно и то же.

– Надо попытаться отыскать его.

Самандар скептически скривил губы.

– Мы туда не пройдем.

– Мы не пытались, – хмуро отрезал Василий. – Я собираюсь заняться поисками серьезно и уже предпринял кое-какие шаги. Хочешь – присоединяйся.

– Какие шаги?

Василий усмехнулся.

– Попросил совета Хранителей.

– Разве они открыли доступ к своей общине?

– Я поискал след Хранителя Матфея в астрале... – Василий снова усмехнулся, – и получил святое разрешение на контакт. Матфей посетит нашу реальность в ближайшие два дня.

Самандар качнул головой, скрывая свои чувства.

– На мои вызовы Хранители ни разу не ответили. Ты растешь, идущий, я уже не могу быть твоим Учителем. А тебе пора самому подумать об ученике.

– У меня уже есть ученик.

– Стас?

Василий кивнул. Сходил на кухню и вернулся с кофейными чашками, протянул одну Вахиду Тожиевичу.

– Стас идет быстрее, чем я. Заниматься с ним одно удовольствие. Время, когда бытие определяется скрытыми от нас законами, которые мы называем случайными процессами, закончилось. Пришло время, когда главную роль играет личность идущего. Стас – личность. Он и меня скоро перегонит. Путь через правритти и карма маргу к нируддхе и махавидье^[8] он преодолет за считанные годы. По большому счету его Учителем должен быть Соболев, я просто временно исполняющий обязанности.

– Где он?

– Ты имеешь в виду лестницу самореализации? На шестой ступени: Возникновение Возможности.

– Пусть больше занимается свадхьей^[9].

– Он и так много читает. Но проявилась некоторая темная закономерность, которая меня... м-м... не пугает, но настораживает.

Самандар глотнул кофе, оценивая напиток: Вася знал несколько рецептов и на этот раз приготовил кофе по-турецки.

– Что ты имеешь в виду?

– Вчера машину Стаса обстреляли из автоматов.

– Кто?

– Он не разглядел.

Самандар помолчал, продолжая смаковать кофе с полужакрытыми глазами.

– Он на твоей машине ехал? Может быть, его приняли за тебя?

– Не исключено, но маловероятно. О моей деятельности знают только двое: ты да я. Плюс догадывается Стас. Дело даже не в факте нападения, а в том, что стычки Стаса с криминальным миром имеют тенденцию учащаться. Это явный признак разгона давления на человека. Такое уже было с Матвеем и со мной.

– С одной стороны, ничего удивительного. – Вахид Тожиевич допил кофе. – Закон возмездия в стране, да и во всем мире, – судя по волне насилия и бессмысленной жестокости терактов, – все еще падает, и это не может не отражаться на личности, способной помешать дальнейшему ослаблению закона. С другой стороны, Стас еще неоперившийся птенец, вряд ли Тьма способна принять его в расчет на стадии подготовки Воина Закона справедливости. Даже если он изберет этот путь.

– Логично, – кивнул Василий.

– Но кое-что тревожное в воздухе носится.

Вася помолчал, поглядывая на гостя, и тот добавил:

– Убит Блохинцев.

– Что?! – Василий от изумления допил кофе одним глотком. – Кардинал Союза... убит?! Кем?

– Не знаю. Эта весть не станет достоянием средств массовой информации. А подозревать можно лишь самих кардиналов... или Посвященных карма марги, как мы с тобой. Теперь следует ждать инспектора Круга, а то и целую следственную комиссию.

– Несомненно, нас проверят в первую очередь. Однако ликвидация Блохинцева, насколько я знаю, не входила в планы «чистилища», ни в тактические, ни в стратегические. И все же факт действительно тревожный. Может быть, они как-то связаны – нападение на Стаса и убийство кардинала?

– Посоветуйся с Хранителем, когда встретишься. Вдруг он подскажет, что происходит.

Василий отнес кофейный прибор на кухню, вернулся.

– Итак, ты идешь со мной в «розу» искать Соболева?

– Куда же я денусь? – невозмутимо ответил Вахид Тожиевич.

* * *

Вход в МИР, из которого стартовали в «розу реальностей» Соболев и его команда, был замаскирован так искусно, что, даже владея «магическим обонянием», найти его было не под силу ни Самандару, ни Василию, хотя они и чувствовали, что он где-то

поблизости. Помог же им случай, который вполне можно было воспринимать как внезапно проявленную закономерность.

Втроем со Стасом они внимательнейшим образом обследовали территорию церкви Святой Троицы в Троице-Лыкове, выдавая себя за рабочих, красивших ограду церкви, ничего не обнаружили, все сильнее ощущая «запах» «печати отталкивания» – заклинания, закрывшего вход, и присели у каменной плиты, вросшей в землю. Плита была старинная, со следами какой-то надписи на церковнославянском языке, но без креста, и казалась многотонным монолитом. Но стоило Стасу, заинтересовавшемуся надписью, склониться над плитой и коснуться ее ладонью, как она вдруг со скрипом провалилась на метр под землю.

Стас отшатнулся. Его старшие товарищи переглянулись и придвинулись ближе.

– Я только дотронулся, а она...

– Как ты думаешь? – начал Василий.

– Так же, как и ты, – сказал Вахид Тожиевич, упираясь взглядом в плиту. – Помоги толкнуть.

Василий тоже уперся взглядом в плиту, и она с длинным скрипом начала проседать дальше, пока не опустилась метра на четыре, открывая в одной из стен образовавшейся шахты круглое отверстие.

– А ведь этот «лифт» ждал именно тебя, парень, – похлопал Стаса по плечу Самандар. – Во всяком случае, сработал он по твоей команде.

– Я же ничего не говорил, только хотел рассмотреть...

– Ты хотел пройти в МИР, этого оказалось достаточно. Считай, что ты преодолел шестую ступень «лестницы».

Стас посмотрел на Василия, тот кивнул. Вахид Тожиевич имел в виду «лестницу самореализации». Сняв «печать отталкивания», хотя и неосознанно, Стас перешагнул шестую ступень «лестницы» – Возникновение Возможности – и утвердился на седьмой: Динамическая Корректировка.

– Сходи, принеси сумку из машины.

Стас, глянув на провал в земле, похожий на могилу, исчез.

– Да, у него очень мощный потенциал, – понизил голос Самандар, провожая взглядом парня. – Он явно отмечен вниманием каких-то больших Сил.

Василий промолчал.

Место, где лежала провалившаяся вниз могильная плита, располагалось за хозяйственным блоком церкви и было скрыто от прихожан забором и шеренгой кустарника, поэтому «рабочих» никто не видел и не спросил, что они тут делают. А если бы кто и появился, вряд ли усомнился бы в необходимости их присутствия: совместный волевой раппорт Посвященных действовал на всех людей, в том числе и на священнослужителей, изредка обходивших свои владения.

Стас принес объемистую сумку с инструментом, фонарями, комплектами Н-1^[10], оружием и небольшим запасом пищи. Подстраховывая друг друга, «рабочие» спустились в дыру на могильную плиту, шедший впереди Самандар включил свет и, пригнувшись, полез в круглый тоннель, оказавшийся старой бетонной трубой полутораметрового диаметра.

Через пятьдесят метров труба вывела их к такому же круглому колодцу с металлическими скобами, который опускался под землю еще метров на тридцать и выходил в тоннель квадратного сечения, сложенный громадными блоками из обожженной глины. Тоннелю исполнилось не меньше двухсот лет, и был он коротким, выходящим из ниоткуда и уходящим в никуда: оба конца его рухнули в незапамятные времена. Поскольку в восемнадцатом веке, кроме деревеньки Лыково и церкви, в этих местах ничего не было, а тогдашняя Москва начиналась на восемь километров восточнее, трудно было представить, кому и для чего понадобилось прокладывать под землей такой тоннель.

Обследовав его, путешественники отыскали еще один колодец, закрытый металлической крышкой, овальный в сечении, но без скоб. Вместо них в стене колодца были сделаны пары отверстий, в которые можно было вставлять носки ботинок и цепляться за них руками. Таким образом спустились еще на полсотни метров ниже и вышли в небольшой сухой грот естественного происхождения, имеющий выпуклую дверь из отсвечивающего шелковой зеленью фиолетового материала. Больше всего дверь напоминала гигантское крыло жука.

Самандар осмотрел ее, склонив голову набок, и сунул в нее руку, пронзившую дверь насквозь и пропавшую из виду. Постояв так несколько секунд, Вахид Тожиевич шагнул вперед и исчез.

— Давай, — кивнул Василий.

Стас без колебаний последовал за Посвященным. Василий преодолел «крыло жука» последним.

Они оказались еще в одном тоннеле, стены которого были выложены все теми же «крыльями», и по нему вышли на край обрыва. Впереди распахивалась гигантская пещера, на дне которой светилась нежным призрачным свечением скособоченная, развороченная взрывом, полурасплавленная и закопченная, ажурная пирамида Ликозидов, «тарантулов разумных», МИР древних пауков, построивших свой дворец сотни миллионов лет назад. Разрушен же он был десять лет назад во время перехода границы реальности группой Соболева.

Несколько минут прибывшие рассматривали полуразрушенное, но не потерявшее гармонии жилище Ликозидов с благоговением и суеверным страхом, невольно ожидая появления хозяев, потом Самандар нашел желоб спуска и первым заскользил по нему вниз. Вскоре они уже стояли у подножия стометровой пирамиды, продолжая изучать завитки ее сложных, бывших когда-то молочно-белыми, ажурных стен, поражаясь сложности узора и общему эффекту неповторимой красоты.

Фонари выключили за ненадобностью, обошли пирамиду, разыскивая вход в нее, и увидели тускло загоревшийся огонек в глубине одного из тоннелей, ведущих в глубь сооружения, будто там загорелась свеча. Самандар и Василий переглянулись.

– Знак? – поднял бровь Василий.

– Похоже на то, – кивнул Вахид Тожиевич. – Нас, кажется, приглашают зайти.

Стас, разглядывающий огонек, задумчиво проговорил:

Таинственным знаньем пронизана память,
Подземные воды горят от свечи,
Трепещет и искрится бледное пламя
И в судьбы столетий бросает лучи...

Василий ухмыльнулся, заметив внимательный взгляд Самандара, брошенный на юношу. Стас прочитал отрывок из центурии I Нострадамуса, вполне соответствующий моменту, что характеризовало чувства и вкус парня.

– Что ж, раз нам подадут сигнал, не будем ждать другого.

Они углубились в тоннель, стены которого, казалось, были сплетены из полупрозрачных паутинных нитей, и пошли за плывущим впереди огоньком, пока тот не погас. Спустя некоторое время вышли в центральный зал дворца Ликозидов с «усыпальницей» царя древних разумных тарантулов. Зал был деформирован и оплавлен, будто в нем когда-то что-то взрывалось и горело, ротонда над «троном» царя имела вид лопнувшего стеклянного шара, застывшего в момент деформации, но «саркофаг» царя Ликозидов уцелел.

Стас, подойдя ближе, замер, поглощенный созерцанием «трона» повелителя Ликозидов. Василий и Самандар уже имели счастье любоваться произведением искусства, которым, несомненно, был саркофаг, но и они не сразу оторвали взгляды от волшебных изгибов шатра хрустальной друзы и совершенных кристаллических переходов лежа.

Огонек вспыхнул снова, опускаясь на хрустальное «крыло ангела» у левого края оплывшей ротонды. Василий двинулся к нему, перешагивая через трещины и складки пола, когда-то просевшего от жара, но дойти до саркофага ему не удалось, помешал какой-то упругий невидимый барьер.

– Что за чертовщина! Не пускает, и все тут!

Самандар, наблюдавший за Котовым, приблизился к нему, но тоже уперся в невидимую стену, похожую на упругую пленку.

– Кажется, это чья-то силовая «печать отталкивания». Давай поднадавим.

Они сосредоточились на преодолении преграды, но тщетно: невидимая пленка не поддавалась.

– Стас, подойди, – оглянулся Василий и добавил, когда тот встал рядом: – Представь, что ты пробиваешь стену...

– Я понял, дядь Вась.

В тот же миг Самандар качнулся вперед – упругая сила перестала сдерживать его, оглянулся, окидывая Стаса оценивающим взглядом.

– Теперь я и в самом деле верю, что нам удастся перейти границу «розы».

Он шагнул вперед, но Василий остановил напарника.

– Как-то уж очень легко у нас все получается, не оказалось бы ловушки.

– Просто пришло наше время, – пожал плечами Вахид Тожиевич и поднялся на возвышение, на котором стоял «саркофаг».

Огонек, горевший внутри хрустального «крыла» ротонды, запульсировал, и Самандар остановился, знакомо склонив голову набок.

– Забавно...

– Что? – поторопился подняться к нему Василий и услышал мягкий, мурлыкающий голос, в котором сплелись мужские и женские интонации:

– Вы уверены, что поступаете правильно?

– Кто это сказал? – оглянулся вокруг Василий и встретил пристальный взгляд Самандара. – Похоже на...

– Соболева и Кристину. Это ментальная запись.

– Вы уверены, что поступаете правильно? – повторил голос, раздаваясь словно внутри головы.

– Уверены, – сказал Василий.

– Вашего энергетического запаса мало для перехода.

– Соболев, это ты?

– Вашего запаса мало для перехода.

– Черт! – Вася щелкнул пальцами. – Это действительно запись. Стас, поднимись.

Парень подошел к спутникам, и тотчас же голос изменился, стал чисто мужским, больше похожим на голос Матвея Соболева:

– Вася, я оставил этот кодовый ключ на всякий случай. Кто знает, что с нами случится. Но у ключа есть порог срабатывания, преодолеть который ты в одиночку не сможешь, только с чьей-то помощью. Надеюсь, это будет Вахид Тожиевич или кто-то из Посвященных. Если тебе и друзьям удастся перешагнуть порог – тхабс, который я оставляю в памяти «саркофага», перекинет вас в «розу». Но ни в коем случае не пытайтесь переходить границу реальности один! Прежде научись защищаться от мощных пси-полей и хорошенько подготовься. Хотя я, честно говоря, не уверен, что тебе столь уж необходимо выходить в «розу». Думай. Удачи!

Голос пропал.

Мужчины смотрели друг на друга и молчали. Они слышали одно и то же. Потом Самандар хмыкнул и погладил рукой прозрачный завиток стенки «саркофага».

– Ну что, господа, рискнем? Нас трое, справимся, я думаю.

– Нет, – покачал головой Василий. – Мы не готовы... я не готов. Соболев прав, надо подготовиться к походу. И у меня есть идея...

– Какая?

– Приспособить «тюбетейку».

Самандар смотрел вопросительно, и Вася добавил:

– Мы со Стасом давно работаем над генератором защиты от «глушака», уже готов образец. Считаю, нам такие генераторы пригодятся и в «розе».

– Логично, – легко согласился Вахид Тожиевич.

– Нет, вы серьезно?! – глянул на учителя Стас округлившимися глазами. – Мы пойдем... в «розу»?!

– А ты против?

– Нет, но... все это неожиданно... и просто... Может, не будем ждать?

Василий усмехнулся и подтолкнул парня к выходу.

Назад, к церкви они выбрались через два с лишним часа, когда уже стемнело, слегка усталые и возбужденные открывающимися горизонтами. Мысль у всех троих была одна: скорее бы в путь...

Глава 4

ПРЕДУПРЕЖДАЮЩИЙ ВЫСТРЕЛ В ГОЛОВУ

Отец Мефодий, как его называли кардиналы Союза Девяти, на самом деле носил сан архиепископа, которого добился сравнительно недавно, семь лет назад, и деятельно готовился к патриаршеству, избранный преемником нынешнего патриарха Всея Руси. При этом он имел должность помощника премьер-министра по связям с религиозными концессиями и Православной Церковью, но жил тем не менее в Ярославле, а не в столице, хотя и навещал ее довольно часто, по два-три раза в месяц. В очередной вояж он собрался восемнадцатого мая, накануне праздника Апостола Иоанна Богослова. Святую Церковь все больше тревожил рост разнообразных сект, особенно сатанистов всех мастей, и отец Мефодий ехал к патриарху на прием, чтобы обсудить эту проблему.

В России к данному моменту было зарегистрировано более четырнадцати тысяч религиозных организаций, из которых половина принадлежала Православной Церкви. Однако религиозные течения продолжали появляться и распространяться, и процесс этот остановить было трудно, если вообще возможно, потому что на течения эти был спрос. Во все времена существовали люди с особым мироощущением, читающие ту или иную эзотерическую и духовную литературу, находящие особый смысл в объединении себе подобных в секты. В эти секты вовлекались молодые люди с неустоявшейся психикой, ищущие себя и в силу свойственного возрасту максимализма отрицающие традиционные организации. Они были не против безусловного подчинения учителю и беззаветной преданности секте, но вряд ли понимали, что человек, попавший в такую религиозную организацию, постоянно подвергается насилию над личностью и в конце концов зомбируется, превращается в послушного киборга, готового ради «святого учения» солгать, украсть, убить любого человека или самого себя.

Основные претензии подобного плана патриархи Православной Церкви имели к Белым Братствам – первому и второму, Аум Синрикё, Церкви Последнего завета, Пути Непослушания, Научно-логической церкви Откровения, тайно проповедующим духовную агрессию, но самыми яркими противниками Православия были все же секты сатанистов и исламских фундаменталистов: Церковь Тьмы, Церковь Апокалипсиса, Общество Судного дня, Воины Ислама, Движение белой Смерти, Отряд Люцифера и другие. Государство как-то попыталось десять лет назад вмешаться в деятельность сект и завести на некоторые из них уголовные дела, но потерпело поражение, так как среди защитников сект оказалось слишком много журналистов и высокопоставленных политиков. Поэтому регуляцию сектантства, пусть слабенькую, на уровне увещаний, осуществлял только особый отдел Церкви, подчиненный отцу Мефодию. Но и он перестал владеть ситуацией, когда на сатанистов стал опираться и отбирать из них рекрутов для зомбирования Герман Довлатович Рыков, сумевший доказать отсутствие злого умысла в действиях сектантов на весьма высоком уровне – президентском. Как говорится, самая большая победа дьявола в наши дни состоит в том, что он заставил людей поверить в то, что его не существует.

В принципе, так оно и было на самом деле. Дьявол – как живое существо, личность – не существовал. Даже Монарха Тьмы нельзя было называть дьяволом в полной мере из-за отсутствия у него злобы и ненависти, чем так отличается человек. С другой стороны, в каждом человеке живет частица дьявола, равно как и Бога, и люди объединяются чаще всего по этим признакам, образуя эгрегоры – Сатаны или Божественной милости. Целенаправленно готовя себе пьедестал, Рыков создал на основании СС и религиозных сект единственный в своем роде «эгрегор Тьмы», поддерживающий его на ментальном уровне. Насколько он мог стать опасен для социума и всей реальности, отец Мефодий мог только догадываться. С этими своими умозаключениями он и собирался на аудиенцию к патриарху, чтобы потом пойти еще дальше – к координатору Союза Деятели. Главный вывод, к которому пришел отец Мефодий, был неутешителен: приход Антихриста, или, как его называли кардиналы Союза, «черного аватара», был неизбежен в условиях дальнейшего ослабления Закона возмездия, сопровождавшегося падением нравственности и духовного

потенциала человечества. Этот вывод, наверное, разочаровал бы мечтателей, фанатично верующих в светлое, прекрасное, доброе и спасительное, якобы заложенное в душе каждого человека, но отец Мефодий не был мечтателем и отчетливо видел конец человеческой эволюции. Идеалистом же он перестал быть еще сто лет назад.

Врагов отец Мефодий не имел, с бандитами на дороге мог всегда договориться, поэтому ездил в Москву без опаски, один. Из Ярославля он выехал на видавшей виды «десятке» в пять утра, чтобы прибыть в столицу к заутрене. Проехал Красные Ткачи, Шопшу, Семибратово, а за мостом через речку Устье его остановил передвижной патруль ГАИ.

Отец Мефодий был гражданином законопослушным и заглушил мотор, хотя порядок движения не нарушал и скорость на трассе держал в пределах допустимого. Что остановка была ошибкой, он понял слишком поздно, когда сотрудник ГАИ подошел к машине вплотную и наклонился к водителю. Несколько мгновений они смотрели друг на друга, ведя сверхбыструю пси-дуэль взглядов, потом отец Мефодий побледнел и откинул голову на спинку сиденья.

– Кто вы?!

– Истребитель Закона, – не удивился вопросу инспектор.

– Какого?

– Переноса вины.

– Я не слуга и не проводник этого закона.

– Но и не гонитель. Ваш ниен лас^[11] переполнен. Но как сказал один умный человек: не принимайте жизнь слишком серьезно. Вам все равно не уйти из нее живым^[12].

– Кто вас послал?

– Эта информация вам уже не пригодится.

Отец Матфей, рука которого дотянулась до креста на груди, усиливающего ментальную мощь владельца, напрягся, собираясь начать отступление, но сделать ничего не успел. Две пули из револьвера «удар» калибра двенадцать с половиной миллиметров, выпущенные практически в упор, разнесли ему голову.

Бабуу-Сэнгэ узнал о смерти отца Мефодия вечером восемнадцатого мая. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться о целенаправленном воздействии на Союз Девяти. Удар был тем более страшен, что никто не знал причин ликвидации двух

кардиналов, а уровень ликвидации был явно выше возможностей местных силовых структур. Действовал кто-то очень сильный, способный рассчитать векторы перемещения кардиналов и владеющий формулами магического контроля Среды. Люди Круга, прошедшие Посвящение II ступени, какими были кардиналы Союзов Неизвестных во всем мире, в принципе должны были почуять опасность и соответствующим образом подготовиться к нападению. Но все говорило о полной внезапности атак, не позволившей Блохинцеву и отцу Мефодию вовремя отступить, сманеврировать, ответить на удар и применить свои немалые экстраординарные возможности.

Конечно, в стране существовали силовые структуры, способные поставить целью уничтожение Союза, «чистилище», например, или СС Рыкова. Но Герман Довлатович сам был озадачен случившимся, а у ККК вряд ли хватало на это средств. И все же «чистилище» надо было проверить, чтобы в будущем быть уверенным в его непричастности к конфликту.

В глубине души Бабуу-Сэнгэ был уверен, что к убийству Блохинцева и отца Мефодия «чистилище» не имеет отношения, однако задание на анализ его действий, планов и возможностей дал: прежде всего своим специалистам из личного манипула, затем москвичам – Рыкову, Голованю и Юрьеву. Не верил координатор Союза Девяти и в некое предупреждение свыше. Если человека хотят предупредить, в голову ему не стреляют. Да и не существовало силы, которая могла бы заниматься устрашением людей Круга... кроме самих людей Круга!

Бабуу-Сэнгэ задумался и кивнул сам себе. Интуиция подсказывала, что он близок к истине. Одна смерть кардинала может быть случайной, две – это уже почти закономерность. Союзом явно занялась какая-то мощная суперпрофессиональная команда ликвидаторов.

Подумав еще немного, координатор Союза Девяти прямо из своей кельи – он находился в подземном бункере настоятеля, расположенном под храмом Гаутамы, – создал через астрал канал связи с куратором Союзов Неизвестных Земли Хуаном Креспо:

«Смиренно прошу прощения за беспокойство, монсеньор. У вас найдется минута на общение?»

«Слушаю вас, координатор», – ответил Креспо, находившийся в это время в своем кабинете в здании ООН в Нью-Йорке.

«Мы понесли потери. Убиты Блохинцев три дня назад и сегодня отец Мефодий. Следов киллеры не оставили никаких».

«Этот процесс начался во всех странах. По моим сведениям, Союзы в общем потеряли к нынешнему моменту более сорока человек в тридцати государствах».

«Что это такое, по-вашему?»

«Судя по масштабам отстрела кардиналов, за нас взялась какая-то мощная система типа российского «чистилища», только рангом выше. Но кому это понадобилось, зачем, какие цели преследуются – неизвестно».

«Не пробовали советоваться с иерархами?»

«Вы же знаете, границы реальности перекрыты. Но я, конечно, связался кое с кем в «розе». Иерархи в неведении».

«Хранители?»

«По обыкновению хранят молчание».

«Что посоветуете делать, монсеньор?»

«Защищаться, дорогой Бабуу. Искать убийц. Анализировать причины нападений. Когда наберется достаточный объем информации, я соберу общий Сход. Будьте осторожны, координатор».

Ощущение присутствия рядом верховного контролера Союзов пропало. Бабуу-Сэнгэ посидел еще с минуту в позе лотоса на полу своей уютной кельи и вызвал тем же манером Рыкова. Маршал СС обладал колоссальными возможностями получения информации и мог уже иметь кое-какие сведения.

Астральная связь не срабатывает мгновенно, как включается свет при повороте выключателя. Прошло несколько секунд, прежде чем поисковая система астрала нашла «приемник» – мозг Германа Довлатовича. И в тот же момент Бабуу-Сэнгэ показалось, что Вселенная завибрировала и посмотрела на него сквозь призрачные стены астрала – оценивающе, пристально, тяжело, с угрозой.

Координатор Союза Девяти съежился, превращаясь «в элементарную частицу», вышел из канала связи и осознал себя сидящим в келье с залитым потом лицом. Так смотреть – из многомерия «розы реальностей» – могло только одно существо из всех живущих – Монарх Тьмы.

Но Бабуу-Сэнгэ ошибался, это был не Монарх!

Глава 5

ХАКЕР-РАЗВЕДКА

Нельзя сказать, что Василий не встречался с женщинами после ухода Ульяны с Матвеем Соболевым и Иваном Парамоновым, но тоска по ней не проходила, и randevу с представительницами прекрасной половины человечества происходили редко, только когда бунтовала плоть. Однажды он познакомился с девушкой, похожей на Ульяну до перехвата дыхания, до умопомрачения, даже длиной и цветом волос. Несколько встреч жадно ждал совпадений, откровений, общности интересов, каких-то волшебных открытий и изменений милого лица, но с каждой встречей облик новой знакомой отдалялся от образа Ульяны, что больно ранило и раздражало Котова, так что в конце концов стало ему совсем плохо, будто он обманывал не только себя, но и Ульяну, и девушку, весьма привлекательную во всех отношениях, кстати, и умную. Но встречаться с ней он больше не стал.

Вася нарисовал на стене портрет Ульяны, мысленным усилием заставил его светиться и жить. Сердце забилося неровно и тревожно, в комнате похолодало. Со вздохом он стер портрет, встал и принялся за ежеутренний тренинг, закончившийся метанием звезд и стрелок.

За десять лет тренировок он достиг в этом искусстве такого мастерства, что мог с закрытыми глазами попасть в любую малоразмерную и движущуюся цель, например, в муху. Кроме того, он разработал новый вид метания стрелок, дав ему название СИУ: «система смертельного иглоукалывания», по аналогии с космек – комбинаторикой смертельного касания, с которой его познакомил Соболев.

Стрелки длиной от трех сантиметров (иглы) до десяти метались, как обычные сюрикэны: вращение стрелки вокруг поперечной оси сводилось к минимуму, а рука в конечной фазе броска как бы тянулась к цели по прямой линии. Весь фокус был в сопровождении стрелки (иглы) выплеском «энергии смертельного желания» и в попадании в нервные узлы на теле человека. Василий мог попасть в цель: иглой – на расстоянии в три-семь метров, хорошо сбалансированной стрелкой – на расстоянии в семь-пятнадцать метров. И это был еще не предел.

Исколов манекен, выполненный в виде статуэтки в форме древнеяпонского бога зла Дзанкоку, Василий мельком заглянул в спальню Стаса (который тотчас же проснулся, хотя Вася не произвел ни малейшего шума) и побежал в ванную.

Пока он купался, Стас начал свой комплекс упражнений, длящийся обычно полтора часа. Поэтому Василий ждать его не стал, соорудил на скорую руку кофе под названием «мраморный» (теплое молоко в количестве трех ложек наливается на дно чашки, затем осторожно добавляется сваренный кофе, причем не перемешивается) и спустился во двор, к машине. В девять часов он был уже у Самандара в институте.

Кабинет Вахида Тожиевича напоминал вычислительный центр, музей боевых искусств с образцами почти всех видов холодного оружия и тренировочный зал одновременно – в миниатюре, конечно. Однако директор МИЦБИ мог здесь и тренироваться, и медитировать, и работать на компьютерном комплексе («Конан-2010»), и принимать гостей, в том числе зарубежные делегации.

– Вы, как всегда, точны, Василий Никифорович, – встретил он Васю в приемной и проводил в кабинет. – Человечество, как правило, делится на два типа людей: на тех, кто приходит на час раньше, и на тех, кто на час опаздывает. Приходящих точно – единицы. Вы из их числа, приятное исключение, так сказать.

– Спасибо, – хмыкнул Вася. – А что это вы на «вы», дорогой Вахид Тожиевич? Мой статус за ночь изменился? Или произошло что?

Самандар растянул в улыбке узкие губы.

– Второе. Кофе хочешь? Я, конечно, не такой мастер, как ты, но кое-чему научился.

Кофе уже дымился в чашках на столике в углу кабинета. Вася взял чашку, отхлебнул, пробуя на вкус, кивнул.

– Ты хороший ученик, Учитель. Так что стряслось все-таки?

– Убит еще один кардинал Союза Девяти.

– Кто?!

– Отец Мефодий, в Ярославле.

– Кто его убил, когда, зачем?

– Информации ноль, только факт убийства. Ему всадили две пули в голову.

Вася помолчал, прихлебывая напиток и уже не чувствуя его вкуса.

– Что это может означать?

– Не знаю. Кто-то начал отстреливать кардиналов – это единственное, что известно. Может быть, сработал какой-то вариант Закона справедливости, может, это следствие того, что в «розу» ушел Соболев...

– А говорил, что не веришь в то, что он жив.

– Шанс, что наши друзья живы, наверное, есть. В одном я твердо уверен: виновник всего происходящего в нашей реальности – Соболев. Он инициировал эйнсоф – такая информация прошла по астралу, это совершенно точно. Что и породило лавинообразный процесс ослабления Закона возмездия.

– Ты забываешь, что, во-первых, он сделал это не ради любопытства, а ради спасения друзей, в том числе нас с тобой, а во-вторых, сумел предупредить многие намечавшиеся беды. Он не виноват, что земной социум пошел вразнос. Как говорится: не всяк злодей, кто часом лих. За что ты не любишь Соболева?

Самандар допил кофе, оставаясь невозмутимым, сел за свой стол, включил компьютер.

– Я его не люблю, я его боюсь. Итак, с чего начнем?

– С оценки и анализа последствий воздействия нашей ККК на реальность.

Вахид Тожиевич отнял руки от клавиатуры компьютера, внимательно всмотрелся в колючие глаза Василия.

– Что ты хочешь сказать?

– Тебе не кажется, что по большому счету мы, то есть наша команда контркрим, – тоже зло? Ну, или крайнее проявление дуализма. Ведь мы действуем теми же методами, что и наш противник.

Самандар в задумчивости склонил голову набок, разглядывая сумрачное лицо Котова.

– В сущности, ты, наверное, прав. Мы – часть зла, вынужденная сражаться с другим злом. Ну и что из этого следует?

– Наша война бесперспективна. Преступность будет существовать всегда, пока государство действует в рамках правовых норм и законов. Конкретно: нынешней власти выгодна рыковская СС, потому что государственная Сверхсистема хочет того же, что и она, – чтобы каждый человек стал киборгом, зомби, прогнозируемым и управляемым, поэтому мы вечно будем бороться с последствиями.

– Ну?

– Необходимо уничтожить причину.

– Свежая мысль. Когда пришла?

– Только что, – признался Василий.

– И как ты себе представляешь уничтожение причины?

– Надо выйти на Монарха и убедить его сделать новое изменение – в сторону усиления Закона справедливости. Ведь ему все равно, в какую сторону поворачивать колесо истории в нашей реальности, если он, как утверждал Соболев, чистый экспериментатор. А в этом направлении он еще не шел. Какая ему разница, куда направить эволюцию социума? В сторону усиления Принципа дьявола или в сторону подъема Закона возмездия.

Самандар вздернул бровь, продолжая изучать лицо напарника, медленно проговорил:

– Иногда ты меня удивляешь, Василий Никифорович.

– То же самое говорила и Уля, – буркнул Вася, и между мужчинами проплыла призрачная фигура девушки, забыть которую не могли оба.

Помолчали. Потом Самандар снова повернулся к экрану компьютера.

– Возможно, твоя идея – единственное средство для лечения нашей больной реальности. Только она трудно реализуема.

– У нас есть тхабс Соболева.

– Ну и что?

– Прoberемся в «розу», найдем Монарха...

– Почему ты уверен, что Монарх нас послушается? И почему сам Соболев не сделал этого? – Вахид Тожиевич покосился на Василия. – Можно взглянуть на это дело и под другим углом: Соболев вышел на Монарха, именно поэтому и молчит.

– Хочешь сказать, он у него в плену?

– Я только размышляю. При отсутствии информации допустима любая гипотеза. Ну что, запускаем наш взрывоопасный «К-реестр»?

На экране компьютера появился список высокопоставленных лиц государства, так или иначе связанных с криминальным миром. Фамилий было больше четырехсот, но «К-реестр» не охватывал все регионы страны, а лишь центральный район с Москвой. Региональные «К-реестры» еще только готовились.

– Запускаем во все сети?

– Пока в силовые: ФСБ, МВД, президентская служба безопасности, ГРУ, Минобороны. Второй этап – публикация реестра в газетах и выход на телевидение.

– Если нас не остановят раньше.

– Будем надеяться, что не остановят, хотя ответный удар будет нанесен наверняка. Особенно если мы к реестру добавим заявление, что «чистилище» намерено заняться перечисленными в реестре фигурами, если органы охраны правопорядка не начнут действовать сами.

Василий кивнул.

– Сначала надо разворошить муравейник. И продолжать заниматься своими плановыми делами. Что у нас в портфеле на ближайшую неделю? Нет изменений?

Самандар вывел на экран план работы ККК, подготовленный аналитиками «чистилища», даже не подозревающими, что они на него работают. Заказы они выполняли «для Института стратегических исследований» по «четырёхнулевой» сетке секретности.

Приоритетными в плане были три дела: ликвидация банды, занимавшейся похищением людей, превратившей гараж в камеру пыток, ликвидация еще одной банды, грабившей автобусы межгородских линий, и уничтожение сети подпольных оружейных мастерских в Москве, работающих на киллер-центры.

Банда, похищавшая людей с целью выкупа и пытавшая их в специально оборудованном гараже, дислоцировалась в Раменках. «Штатные» палачи банды Крючков, Кощеев, Писцов и Лернер давили жертвам пальцы в тисках, натягивали на горле проволоку и пропускали через нее слабый ток, втыкали в интимные места иглы и гвозди, снимали скальпы, подвешивали пытаемых на кронштейнах, детям натягивали на головы полиэтиленовые мешки на глазах у сидящих за минуту родителей или, наоборот, на глазах кричащих от ужаса детей ножами вырезали надписи на груди и спине отцов и матерей. Руководил бандой бывший сотрудник милиции Владимирский по кличке Дыня, ставший заметной фигурой в криминально-бандитском бизнесе. Когда его уволили из органов за пьянство, Дыня сначала устроился в гранитную мастерскую на кладбище, а когда скопил

немалую сумму денег, стал заниматься мелкой торговлей и по совместительству рэкетом торговцев, с которыми имел дело.

Его поймали, посадили на три года, а из тюрьмы он вышел озлобленным на весь мир, матерым бандитом. По данным разведки «чистилища», на его счету было сорок три разбойных нападения, похищение шестнадцати крупных бизнесменов и членов их семей, грабежи и одиннадцать убийств.

– Бандлик по этому мерзавцу надо начинать немедленно, – мрачно произнес Василий. – Лично поведу мейдер, руки чешутся.

– Вместе пойдем, – сказал Самандар.

Второе дело в плане ККК касалось деятельности другой бандгруппы, на счету которой было уже пятнадцать нападений на автобусы междугородных маршрутов. Выбирала эта банда только автобусы, выполнявшие шоп-туры в страны дальнего и ближнего зарубежья – в Литву, Латвию, Эстонию, Финляндию, Польшу, Югославию. У бандитов были информаторы в центральных туристических агентствах, сообщавшие сроки выезда, маршруты и марки автобусов. После этого группа на машинах сопровождала автобус до тех пор, пока тот не останавливался по естественной нужде: «мальчики – налево, девочки – направо»; иногда в сговоре с бандитами были и водители, останавливающие автобус в укромном месте, подальше от людских глаз. Остальное было делом техники.

Из внезапно подъезжавших «Жигулей» (иномарок «радеющая» за отечественную технику банда не признавала) выскакивали крепкие парни в кожаных куртках, черных перчатках и с масками на лицах. Если надо было пострадать строптивых – стреляли в воздух, а то и по ногам. Иногда это заканчивалось трагически. В материалах на банду значились четыре убийства пассажиров, в том числе двух женщин, оказавших сопротивление.

– Этих возьмут без нас, – бросил Самандар. – Я подкину информацию о координатах главаря и членов группы Серпуховскому ОМОНу.

Вася согласно кивнул.

– Да, омовцы справятся, если им прикажут. А вот тихие оружейные мастерские работают под двойным прикрытием, милиции они не по зубам.

– Выпустим на них... – Самандар недоговорил.

Экран компьютера вдруг мигнул, и на нем медленно проявился алый значок в форме китайского иероглифа цюань. Затем текст плана, с которым работал Вахид Тожиевич, исчез, а вместо него по экрану побежали строки: «Предупреждение. Сверхсистема защищена. Любое вторжение будет пресечено! Любое действие, нарушающее стабильность системы, расценивается как агрессия. Планы организации, именуемой ККК, или «чистилище», есть угроза равновесию Сверхсистемы и расцениваются как вмешательство в ее деятельность. Если ККК в ближайшее время не свернет свои планы, она будет уничтожена!»

Продержавшись полминуты на экране, текст послания исчез. За ним растаял и странный иероглиф – то ли позывной абонента сети Интернет, то ли пароль взломщика кодов, сумевшего пройти в память компьютера, минуя его защитную систему. Самандар и Василий молча смотрели на пустой экран с ощущением, что над ними посмеялись.

– Значок... – сказал Василий.

– Да, – ответил Самандар. – След «черного файла».

– Кто это мог быть? Рыков?

– Его хост^[13]. Информационная сеть Сверхсистемы действительно хорошо защищена, и как только мы пытаемся заглянуть в нее, срабатывает «печать отталкивания».

– А если сходить в хакер-разведку, уточнить?

– Почему бы и нет? Садись, соединим усилия.

Василий устроился на стуле рядом с директором МИЦБИ, сосредоточился, концентрируя пси-энергию для входа в компьютерную сеть, и перешел в состояние меоза – ментального озарения. Через несколько мгновений Самандар присоединился к нему и его пальцы замелькали над клавиатурой компьютера.

Им не впервой было взламывать защиту чужих сверхсекретных информационных сетей, защищенных головоломными паролями, кодами и баг-системами. Поэтому уже через несколько минут они выяснили координаты и имя того, кто послал им предупреждение. Это в самом деле был компьютер-навигатор системы, принадлежащей Рыкову, и установлен он был в здании банка на Сенной площади. Конечно, он почувствовал проникновение в сеть хакера, то есть Самандара, однако ничего предпринять не смог, не рассчитанный на

такого рода атаку. Тот, кто его программировал, не счел нужным защищаться от хакера-Посвященного, человека Круга.

– Что предлагаешь делать? – поинтересовался Вася.

– Работать, как работали, – пожал плечами Самандар. – Я сменю все пароли и встрою в сеть капканы.

– Это не поможет, Рыков уже знает о нашем месторасположении. К тому же он магически сильнее нас с тобой.

– О нас он знает давно, просто мы наконец стали для него реально опасны, вот его информационная охранная база и отреагировала. Что он предпримет, когда мы сбросим «К-реестр»... – Вахид Тожиевич замолчал, снимая трубку зазвонившего телефона. Брови его полезли на лоб. Он глянул на Василия и взглядом указал на трубку параллельного аппарата. Вася поднял трубку, изумленно округлил губы. Звонил Рыков:

– Вахид Тожиевич, доброе утро. Что это вы сражаетесь с ветряными мельницами?

– Не понял, – бесстрастно проговорил Самандар. – Я не Дон Кихот, чтобы тратить силы впустую.

– Зачем вы убили отца Мефодия?

Василий и Самандар переглянулись.

– Я не убивал отца Мефодия.

– Не вы лично – «чистилище».

– К этой акции моя команда не имеет никакого отношения.

– Вот как? Забавно. Вы уже знаете, что в Новосибирске убит Блохинцев?

– Слышал.

– Если это не ваш бандлик, то чьих рук дело, как вы считаете?

– Никак не считаю.

– Понятно. Что ж, благодарю за помощь. – В голосе кардинала Союза Девяти прозвучал сарказм. – Если выяснится, что гибель Посвященных все-таки работа «чистилища», вы обречены.

– Пень топорща не боится, – не выдержал Василий.

– А, так вас таки двое, то-то я чую еще чье-то присутствие. Вы все слышали, Василий Никифорович? Прекрасно. Кстати, примите совет моего навигатора: не влезайте в разборки с СС. До этого момента ваша ККК была мне полезна, ибо играла роль регулятора общественного сознания. Не более того. Роль же регулятора социума, а тем более

законов реальности ей не по плечу. Свой «К-реестр» вы, конечно, можете сбросить куда-нибудь, хотя бы в сеть аппарата федералов, контролируемого Мурашовым, но вряд ли Виктор Викторович даст ему ход. Так что ваша самостоятельность никак не отразится на жизни государства... пока это мне невыгодно. Улавливаете? Если же попытаетесь нанести мне реальный вред, я вас уничтожу.

Голос в трубке пропал, злобно взвизгнул сигнал отсечки чужого кодирования. Но ощущение мрачного угрожающего взгляда, исходящего от телефона, прошло не сразу. Приятели молча смотрели друг на друга.

– Значит, мы работали под его контролем? – сказал наконец Василий. – Так его следует понимать?

– Выходит, так. Возможности Германа велики, особенно если он и в самом деле опирается на Монарха.

– Если бы он контактировал с Монархом, то не стал бы спрашивать, кто убил отца Мефодия и Блохинцева. У меня сложилось впечатление, что он чего-то испугался.

– Вряд ли, – не согласился Самандар. – Он просто продемонстрировал свои возможности, лишний раз подчеркнув, что знает о нас все.

– Нет, он испугался, – упрямо отрезал Василий. – Я чувствую. И мне очень захотелось напугать его еще больше. Запускай «К-реестр» во все сети, а не только в сеть президентского аппарата. Посмотрим, что получится. И надо на всякий случай подготовить для нашего центра управления запасной бункер. Когда пойдем в МИР? Мы со Стасом готовы.

– Как только проведем плановые бандлики. И все-таки непонятно, зачем звонил Рыков. Если уж он не знает, кто убил его сподвижников из Союза... может быть, ты прав и он действительно напуган. Хотя неизвестно, кто мог его напугать. Уходишь?

– У меня две важные встречи и одна личная проблема. К вечеру освобожусь. Начало первого бандлика в одиннадцать?

– Как обычно.

Вася кивнул и вышел из кабинета Самандара, кинув короткий взгляд на коллекцию мечей. В последнее время он увлекся кэндо^[14] и увлек Стаса, так что не проходило ни одного дня, чтобы они не фехтовали или не отрабатывали приемы иайдо – искусства

мгновенного выхватывания меча с последующим мгновенным же ударом, но таких мечей, какие имел Вахид Тожиевич в своей коллекции, у них не было.

Садясь в машину, Василий заметил взгляд какого-то молодого человека в серой рубашке, стоявшего возле «девятки» цвета «мокрый асфальт», но не придал ему значения, хотя потом, анализируя свои действия, понял, что взгляд этот не был случайным.

Глава 6

СОН – ЯВЬ

Пейзаж был необычным: море подсвеченного снизу голубоватого тумана, над ним два десятка круглых, светящихся, рубиновых, словно сделанных из стекла, столбов с плоскими вершинами диаметром по сто-двести метров и черное небо с незнакомым рисунком созвездий.

Стас стоял на вершине одного из столбов, возвышающихся над туманом всего метров на пять, и смотрел на девушку в светящихся белых одеждах, напоминающих птичье оперение. Девушка была безумно красивой, напоминала Кристину, ушедшую вместе с Матвеем Соболевым, излучала тепло и приветливость. Временами за ее спиной что-то взблескивало, и тогда Стасу казалось, что это огромные стрекозиные крылья.

Он сделал шаг к девушке и внезапно обнаружил, что идет босиком. Остановился, оглядывая свой наряд: короткие штаны из толстой грубой кожи, сморщенной, как слоновья шкура; безрукавка из шкуры зверя, похожего на тигра, с дюжиной выпуклых овальных пластин на груди, напоминавших надкрылки гигантских бронзовых жуков; на запястьях широкие браслеты с шипами, из-под которых торчат метательные ножи; за спиной меч в специальных ножнах. Стас перевел взгляд на девушку и увидел, что она улыбается.

– Где я? – спросил он негромко.

– Нигде, – ответила незнакомка грудным контральто с бархатными интонациями, – это всего лишь сон. Но тебе вскоре придется встать на Путь Воина Справедливости, и начнешь ты, возможно, с этого мира.

– Где он располагается?

– Это один из «лепестков» «розы реальностей», тюрьма для героев. Многие Воины прошли через него, прежде чем стать мастерами боя и защитниками Закона. А расположен он на одной из планет вашей Галактики.

– Как это может быть? – удивился Стас, приближаясь к незнакомке.

– Каждый мир-слой «розы» с одной стороны – континуум со своими законами, с другой – абсолютно материальное тело, которое

люди называли планетой. Достичь его можно либо с помощью тхабса, как это сделал Соболев, твой старший друг, либо посредством преодоления потенциального барьера, которым служит вакуум, физическое пространство.

– Постой, – потер лоб Стас, силясь вникнуть в смысл слов незнакомки. – Ты хочешь сказать, что... Не может быть! Выходит, что планеты Солнечной системы – суть слои «розы реальностей»?! Луна, Марс, Венера... Ты шутишь?

Девушка покачала головой, продолжая улыбаться. Но улыбка ее не была ни снисходительной, ни насмешливой, просто милой и мудрой.

– Ты быстро воспринимаешь новую информацию. Да, планеты Солнечной системы, а также планеты, вращающиеся вокруг других звезд Галактики, являются «лепестками»-мирами «розы реальностей», свернутыми в физические тела благодаря законам вашей «запрещенной реальности». Совершенно не обязательно создавать ракеты и звездолеты, чтобы посещать их. Достаточно знать...

– Тхабс! – У Стаса перехватило дыхание, как ни старался он сдержать свои чувства. – Господи Боже мой! Неужели это правда?! Извини...

– Я понимаю, в это трудно поверить, но это действительно так. Каждый мир «розы» является одновременно и многомерным объектом, и трехмерным физическим телом земной реальности.

– Я никогда не смотрел на нашу реальность под таким углом и не встречал сведений в литературе. По-моему, даже не все Посвященные знают истинное положение вещей.

– Ты прав, лишь Хранители да некоторые Посвященные II ступени имеют доступ к этой информации.

– Почему же я, непосвященный, удостоился этой чести?

– На тебя пал выбор главы иерархов. Чтобы спасти Материнскую реальность, тебе предстоит пройти Путь...

– Воина Справедливости? Пройду, если требуется. Но что такое «Материнская реальность»? Слышал из уст моего дяди много раз, но так и не понял, что это такое.

– Узнаешь в свое время.

Девушка стала таять, струиться, исчезать.

– Постой!

Незнакомка прекратила превращаться в привидение, тело ее вновь приобрело плотность. Огромные глаза, кроткие и в то же время полные внутренней силы, глянули на молодого человека с некоторым удивлением.

– Ты можешь контролировать трансовый сон! Я в тебе не ошиблась.

– Ответь на несколько вопросов... пожалуйста. Древние Инсекты знали секреты тхабса или путешествовали в космосе на кораблях?

– И то и другое. Сначала они создали машины для преодоления пространства, потом сложные технические устройства, реализующие формулу тхабса.

– Понятно. А почему наша реальность называется «запрещенной»?

– Потому что большинство фундаментальных законов вашей Вселенной имеет форму запретов.

– По Библии, рай – место, где тоже действуют в основном одни запреты, в отличие от ада. Что же, Земля в таком случае – рай?

Незнакомка улыбнулась, покачала головой, снова начала бледнеть, таять, превратилась в тень.

– Последний вопрос, – заторопился Стас. – Кто Ты? Где Тебя искать?

– Мы скоро встретимся... на Земле... – долетел ее голос из пустоты.

– Почему Ты очень похожа на... одну девушку, знакомую моего друга, на Светлену?

– Я ее младшая сестра...

– Как Тебя зовут?!

Над поверхностью рубиново светящегося столба вспыхнула звездочка, незнакомка исчезла. Звездочка поднялась выше, описала дугу и нырнула в море тумана. Твердь под ногами Стаса заколебалась, пошла трещинами, он рухнул в одну из них и... проснулся от ощущения падения. Образ незнакомки почему-то уже подернулся дымкой искажений, стирающей память сна, но Стас знал, что забыть ее он не сможет. К тому же его заинтриговали слова, что они вскоре встретятся наяву.

Впрочем, обычным этот сон не был, он явно был трансовым, то есть психически наведенным состоянием, а это, в свою очередь,

означало, что глава иерархов (кстати, почему не инфарх? Почему она не назвала его – фактического главу иерархов во времена Соболева?) действительно обратил на него внимание и нашел способ индивидуального информационного воздействия.

Стас лежал немного в постели, размышляя, стоит ли рассказывать сон дяде, потом решил все-таки проконсультироваться и заглянул к нему в спальню. Однако, несмотря на ранний час – без четверти шесть, Василия уже не было дома. Ушел, не оставив записки. А ведь он спал не больше трех часов, потому что вернулся из рейда (бандлика – по терминологии «чистильщиков») в половине третьего ночи. Стаса в свои дела Василий, естественно, не посвящал, но тот не зря общался с его компьютером и знал кое-какие секретные детали деятельности «чистилища», не говоря уже «об утечках информации» во время нередких встреч дяди с директором МИЦБИ Самандаром. Стас был уверен, что рано или поздно дядя все ему расскажет, а пока терпеливо делал вид, что ни о чем не догадывается.

Прополоскав рот, Стас начал цикл утренней разминки и тренировки.

Десять минут – медитация. Потом получасовая пробежка трусцой по пересеченной местности вокруг Казанского вокзала. Комплекс из пяти упражнений: двадцать раз поднять штангу весом шестьдесят килограммов; отжаться на пальцах рук тридцать раз; отжаться в стойке на руках тридцать раз; подтянуться на перекладине двадцать раз; нанести двадцать ударов кулаками слева и справа в макивару (макиварой служил деревянный столб, обшитый кожей). После каждого упражнения – дыхательная гимнастика. Сразу же после окончания комплекса начинался другой – тренировка суплеса, выполнение своеобразного гимнастического ката, поддерживающего гибкость сухожилий и мышц. После этого Стас бежал в душ. Утренний тренинг, длившийся около полутора часов, на этом заканчивался.

Следующая тренировка начиналась после возвращения Стаса из института, обычно – в три часа дня. Он двадцать раз поднимал штангу, постепенно наращивая вес от шестидесяти до восьмидесяти килограммов, делал тысячу отжиманий: двести на двух пальцах, двести на трех, четыреста на пяти пальцах и снова двести на двух. Иногда менял установку и отжимался тысячу раз на кулаках. Затем отрабатывал приемы на макиваре, лазил по канату, качал брюшной

пресс, разгибаясь и поднимаясь двести раз. Собственно тренировочный комплекс, «спецуху» – приемы русбоя, тайдзюцу и айкидо Стас проводил уже вечером, в зале «Динамо» или в залах МИЦБИ под руководством Самандара или Василия. Но фехтованием на мечах Стас занимался только с дядей и только вдали от людских глаз. Изредка к ним присоединялся Вахид Тожиевич, имеющий великолепную коллекцию холодного оружия, еще реже – мастер кэндо, знакомый Василия, когда-то приехавший из Японии, да так и оставшийся в России. Звали мастера Тоява Такэда, и мечом-катаной он владел как Бог.

Однако фехтовали Стас и Василий не только японскими мечами – дайто (катаной) и сёто (вакидзаси), но и западноевропейскими – французскими хиршфангерами и германскими скрамасаксами, непальскими, филиппинскими кастане, монгольскими илдами, персидскими акинаками, а также тренировались с саблями, рапирами, шпагами и кинжалами. Всего этого добра в коллекции директора МИЦБИ хватало, поэтому и занимались холодным оружием все трое чаще в его кабинете, похожем на тренировочный зал.

Больше всего Стас любил работать с русским мечом, особенно двуручным, японской катаной и нин-то – мечом древних японских шпионов, лазутчиков и диверсантов. Один из таких клинков со скошенным острием и волнистой линией закалки вдоль лезвия подарил ему Такэда. Он же подарил и сайя – ножны для меча, имеющие снимающийся металлический наконечник, который по сути представлял собой кинжал.

Проделав утренний комплекс упражнений, Стас позавтракал, натянул джинсы, рубашку цвета маренго, привычно осмотрелся вокруг в состоянии меоза на предмет поиска предполагаемой опасности, что уже давно стало рефлексом, и сел за руль машины: дядя оставил ему сегодня старенький «Фиат-Брава», выглядевший тем не менее куда симпатичней, чем отечественные «Жигули» любых моделей.

Освободился он в два часа дня, сдав лабораторную работу по технологии сборки микрочипов. Решил было пойти домой, но тут подошел однокурсник Виктор. Этот занятый парень, увлекшийся в последнее время пирсингом, в левом ухе носил две сережки, в правом – три и еще по слухам собирался вдеть серьгу в крыло носа. К переживаниям родителей он относился равнодушно, издевки друзей

переносил стоически, будучи членом студенческой «партии пофигистов», но при всем том дураком не был и красоту, особенно женскую, ценить умел.

– Слушай, Кот, – сказал он, трогая по привычке мочку уха с тремя бронзовыми сережками. – Тут такое дело... Не хочешь сходить в «Звезду»? Там сегодня будет выступать клевая танцгруппа «Студия-Б»...

– Ну и что?

– Понимаешь, девочка там одна танцует, увидишь – обалдеешь. Я хочу с ней познакомиться, а одному идти не с руки, больно уж крутые там ребята в клубе. Ты же у нас каратист...

– Барс.

– Один фиг. В случае чего поможешь.

– Мне будут морду бить, а ты будешь знакомиться, – хмыкнул Стас. – Узнаю друга Витю. Возьми с собой Санчо и еще пару ребят.

– Санчо философ, а не боец, к тому же ему по фигу переживания друга. Да и денег у него никогда нет. Ну, идешь?

Стас хотел ответить отказом, но вместо этого подумал и согласился. Ему стало вдруг интересно, что за девчонка смогла увлечь Виктора до такой степени, что он решил с ней познакомиться, не обращая внимания на очевидные потенциальные неприятности.

Ночной диско-клуб «Звезда» мало чем отличался от заведений подобного типа, в том числе и кухней. Располагался он на пересечении Ленинградского проспекта и улицы Правды, виден издалека – современным фасадом и вывеской со множеством сияющих звезд. Попасть в него способен каждый, кто может позволить себе заплатить за вход двести тысяч рублей. Откуда такие деньги водились у Виктора, Стас не знал. Но пришел Витек не в джинсах, как обычно, а в строгом темном костюме, чем приятно удивил приятеля, который тоже прибыл в костюме, разве что в светлом, в белой рубашке и без галстука.

Они прошли в клуб, минут десять обходили его залы, игорные столы, бары, потом в главном зале нашли столик неподалеку от эстрады и заказали соки, мороженое и кофе. До начала шоу-программы оставалось еще около часа, но Виктор не хотел рисковать и занял столик пораньше, положив букет цветов себе на колени.

Зал постепенно заполнялся компаниями молодых людей, в основном «новыми русскими» с кучей телохранителей и девиц.

Наблюдать за их поведением было интересно: каждый старался выглядеть покруче и выделяться из тусовки. Стаса так увлек процесс оценки посетителей клуба, что он прозевал момент «наезда» на их столик.

– Вы, двое, – возник у столика широкий, борцовского вида молодой человек в коричневом костюме, буквально готовом лопнуть от накачанных мышц; во рту у него блеснули золотые зубы. – Здесь столик занят, пересядьте в угол.

– Но мы заняли раньше, – растерялся Виктор.

– Ты что, глухой? – удивился золотозубый крепыш. – Тут будет сидеть Боря Маткин, понял? Живо пересаживайтесь!

Стас слыхом не слыхивал, кто такой Боря Маткин и чем он авторитетен, однако связываться ни с кем не хотел и миролюбиво сказал:

– Хорошо, мы пересядем, только в углу все столики заняты. Найдете место, обменяемся.

Повернувшись, чтобы отойти, слуга некоего Маткина уставился на Стаса удивленным, ничего хорошего не обещающим взглядом.

– У тебя тоже плохо со слухом, козел? Чтоб через полминуты духу вашего здесь не было!

– Со слухом у меня хорошо, – поскущел Стас. – А на козла ты похож больше. Этот столик занят для Котова, понял?

– Кто такой? – пробормотал тупо соображающий крепыш. – Я его не знаю.

– Лучше тебе его и не знать.

Клеврет Бори Маткина постоял рядом, с трудом анализируя ситуацию, и отошел. Вскоре он появился через столик в компании трех таких же здоровяков, которых нельзя было отличить друг от друга, согнал трех девиц и стал в упор разглядывать Стаса и Виктора. Он ждал «их хозяина, Котова».

– Ну, ты даешь, Кот! – буркнул Виктор, хотел что-то добавить, но в это время началась программа клуба, и разговаривать стало недосуг.

Танцгруппа «Студия-Б» вышла на сцену после того, как субтильная, обтянутая в золотистую марлю, Лада Мусс спела две неслышные – из-за отсутствия вокальных данных – песни. В группе было два парня и три девушки, одна из которых солировала, и Стас, приглядевшись к ней, во-первых, понял, почему на нее «положил глаз»

даже такой дубовокожий свободолобец, как Виктор, а во-вторых, вдруг с изумлением узнал в ней незнакомку из сна! С этой минуты девушка всецело завладела его вниманием.

Она танцевала вдохновенно, умея это делать как никто другой из группы. Она была грациозна и гибка. Она была женственна и красива. И зал притих, оценив ее достоинства не хуже, чем оценил Стас. Разве что чувства посетителей клуба не совсем совпадали с его чувствами: у большинства проснулось чувство собственности (такая лялька – и не моя?!), у Стаса – эстетического восторга.

Танец закончился. Мощные ребята с подбритыми затылками стали подходить к овалу эстрады и бросать букеты цветов к ногам танцоров. Встал было и Виктор, но передумал.

– Сейчас она меня не запомнит, лучше после окончания программы. Ну, как она тебе?

– Улей и сад! – ответил Стас словами Грина, прислушиваясь к себе: инстинкты подсказывали, что над головой сгущаются тучи. – Как ее зовут?

– Марго. Мария, Маша то есть. Но на сцене она Марго Юрьева. Как ты думаешь, когда лучше подарить цветы, чтобы познакомиться наверняка?

Ответить Стас не успел. К столику подошел золотозубый амбал из компании неведомого Бори Маткина. Видимо, был он упорен и злопамятен.

– Ну, и где этот ваш Котов? – осведомился он, поигрывая бокалом с янтарной жидкостью.

– Слушай, отцепись! – взмолился Виктор, которому здоровяк перекрыл обзор. – После представления поговорим.

– Я спрашиваю, где ваш босс? – упрямо гнул свое амбал.

– Я босс, – кротко сказал Стас, глядя на парня снизу вверх. – Я и есть Котов. Не слышал? Отодвинься немного, моему напарнику ничего не видно из-за твоей туши.

– Чего?! – вытаращил глаза амбал. – Да ты знаешь, с кем имеешь де...

Стас ткнул ему пальцем в точку гэкон под нижней губой, подхватил выпавший из руки бокал, поставил на стол. Поднялся, взял парня под руку и повел его, ничего не соображающего, к столику, где

сидели такие же квадратные приятели. Усадил на стул. Трое молча смотрели на него, потягивая какое-то золотистое вино.

– Что с ним? – осведомился один из них, с маленькими глазками неопределенного цвета и жестким ртом; видимо, это и был Борис Маткин.

– Голова, наверное, закружилась от вина, – вежливо ответил Стас, покрываясь вдруг потом. Сработала сторожевая система организма, реагируя на какую-то скрытую опасность. Стас оглянулся, встретил чей-то акцентированный взгляд, но, кому он принадлежит, оценить не успел. Взгляд погас.

– Спасибо, Кот, – проговорил Виктор, когда Стас вернулся на место. – Ловко ты его. Но она... видел бы ты, что она выделяет!

Стас хотел сказать, что пора уносить отсюда ноги, однако посмотрел на восхищенное лицо приятеля и с внутренним вздохом решил остаться до конца представления, хотя уже понимал, что спокойно уйти не удастся.

Танцевальное шоу закончилось в начале первого ночи.

Четверка неизвестного Бори Маткина куда-то улетучилась еще в середине программы, и Стас почувствовал некоторое облегчение, тем не менее помня чей-то пристальный прицеливающийся взгляд из зала. Вполне могло быть, что на выходе из клуба их ждали неприятности вроде разборок с компанией Маткина. После стрельбы по машине Стаса из автомата дядя Вася посоветовал ждать развития событий, и взгляд из зала мог быть предупреждением.

Улучив момент, когда поток подбранных затылков и висков к эстраде иссяк, Виктор все-таки вручил свои цветы танцовщице по имени Марго и пригласил ее за свой столик. Каково же было его изумление, когда девушка согласилась.

– Вот! – только и пробормотал он, подводя ее под руку к столику, где сидел Стас. – Знакомьтесь, Стас Котов. А меня зовут Витек... э-э... Виктор Малинин.

– Мария, – подала руку девушка, одетая в слаксы, имитирующие шкуру тигра, такую же короткую маечку, открывающую живот, и берет.

Стас вскочил, их руки и глаза встретились. Обоим показалось, что их пронзил тихий электрический разряд.

– Что будете пить? – галантно обратился к девушке Виктор.

Мария и Стас продолжали стоять, глядя друг на друга.

– Присаживайтесь, – подвинул ей стул Виктор, удивленно посмотрев на приятеля.

Стас опомнился, подождал, пока Мария сядет, сел сам, чувствуя странную эйфорическую легкость в теле. Его все время тянуло смотреть девушке в глаза, но он пересилил себя и заставил сердце биться ровнее.

– Маш, ты едешь? – подошли к столику довольные выступлением напарницы Марии, привыкшие отвечать шутками на любые попытки завязать знакомство со стороны посетителей клуба.

– Не волнуйтесь, девочки, мы ее доставим домой в целости и сохранности, – браво заявил Виктор.

Подошли и мужчины-танцовщики, один из которых был, очевидно, руководителем группы. Смуглый, с тонкой ниткой усов и узкой бородкой, он неприветливо посмотрел на приятелей, посмеявших пригласить за стол его солистку, наклонился к Марии.

– Отец будет недоволен, Мари. Может быть, не стоит вести себя так вызывающе?

– Обойдусь без советов, – отрезала Мария тихо, но так, что Стас услышал каждое ее слово. – И мне не четырнадцать лет, я вполне могу позаботиться о себе сама.

– Как знаешь. – Смуглолицый танцор кивнул остальным, и они ушли.

Мария виновато посмотрела на Стаса, улыбнулась устало.

– Ждан хороший руководитель и отличный танцовщик, но иногда становится слишком навязчивым. Хотя он прав, конечно, папа будет волноваться. Я посижу с вами всего полчаса, хорошо?

– У Стаса машина, мы отвезем вас к родителям, когда скажете, – сказал Виктор, не скрывая радости, видя, как на девушку засматриваются молодые люди из-за соседних столиков. – А кто ваш строгий папа? Военный?

– Нет, советник президента.

– Ого! Поздравляю! Мне бы такого папашу. Что будете пить?

– Только сок и потом кофе, если можно.

Виктор подозвал официанта и заказал соки и кофе.

Мария сняла берет, ее длинные волосы цвета платины рассыпались по плечам, отчего лицо совершенно преобразилось. Стас

налил ей черносмородинового соку, не обращая внимания на обиженные взгляды приятеля, хотел было задать вопрос, но Виктор поспешил перехватить инициативу:

– Давно танцуете, Марго?

– С детства, – повела плечиком девушка; на Виктора она не смотрела совсем, будто его не было, хотя и отвечала на его вопросы, и взгляды ее и Стаса то и дело сталкивались, высекая искры необычного волнения и ожидания. Чувства Стаса обострились настолько, что он буквально предугадывал каждое ее движение.

– Я в детстве тоже танцевал, – начал обычный свой треп Виктор, – но потом увлекся велосипедом, спортом...

Он говорил увлеченно, шутил, рассказывал анекдоты, Мария отвечала на его вопросы односложно, нехотя, однако Виктор этого не замечал и продолжал в том же духе, а Стас слушал его, не слыша, поглядывал на Марию, встречая ответные ее взгляды, полные загадочной заинтересованности, и на ум ему неожиданно пришли слова Андре Моруа: «В любви и литературе нас притягивает то, что выбирают другие». Эту девушку первым заметил Виктор, но она была не его круга и не принадлежала компании танцоров, хотя и танцевала вместе с ними. Стас это в и д е л. Виктор мог обижаться сколько угодно, он был обречен на поражение. Хотя какие претензии он мог предъявить приятелю-студенту? Мария не была его невестой, а познакомились они вместе...

Стас снова поймал взгляд девушки, и ему показалось, что она догадывается о его переживаниях.

– Вы учитесь? – с ноткой утверждения спросила она.

– Физтех, четвертый курс, – поспешил ответить Виктор. – Сдаем сессию.

– А живете где?

– Я на Нагатинской набережной, а он возле Казанского вокзала. А вы?

– Я на Старом Арбате, за рестораном «Прага».

– Хороший ресторанчик, я там был недавно.

К столику подошел высокий мускулистый красивый brunet в рубашке с короткими рукавами, подчеркивающими его впечатляющие бицепсы, и пригласил Марию на танец.

– Вообще-то я устала, – проговорила она извиняющимся тоном, – простите.

– Между прочим, надо спрашивать разрешения не у дамы, а у кавалеров, – бросил расхрабдившийся Виктор.

Накачанный молодой человек хмыкнул, оглядывая сначала Виктора, потом Стаса, проронил с издевкой:

– Понятно. Кто девушку ужинает, тот ее и танцует. Может быть, поговорим на эту тему?

Стас, не вставая с места, дотронулся до локтя парня, сказал тихо, без выражения:

– Не надо. Она не танцует.

Молодой человек, которого внезапно слегка повело, с удивлением посмотрел на свои ноги и послушно отошел.

– Молодец, Кот, умеешь уговаривать, – осклабился Виктор. – Я не злой, но мог бы врезать ему от души.

– А вы – злой или добрый? – посмотрела Мария на Стаса с улыбкой.

– Не знаю, – подумав, честно ответил Стас. – Все зависит от обстоятельств и от оценки: что есть добро, что есть зло.

– У вас есть ответ на этот вопрос? Что такое добро и зло?

– Я знаю отношение к этой проблеме моего учителя. Он всегда говорил: то, что делается с любовью в сердце, – навверное добро. Все, что делается с ожесточением, – навверное зло. Но абсолютных критериев оценки добра и зла не существует. Таков человек.

– Последняя формула тоже принадлежит учителю?

– Нет, мне, – скромно ответил Стас.

Мария засмеялась – словно колокольчик зазвенел.

– Как-нибудь мы поговорим о философских аспектах этой темы, я люблю такие беседы и много читала. А сейчас мне пора домой, папа (она сделала ударение на последнем слоге) действительно будет сердиться.

Виктор предупредительно вскочил, подавая руку Марии, но она оперлась о руку Стаса и пошла вперед, легко и изящно. Надувший губы Виктор незаметно показал Стасу кулак, тот ответил беглой улыбкой и догнал девушку у выхода из зала, концентрируя внимание на передвижении всех, кто попадал в поле зрения. Инстинкты еще раньше подсказывали, что на улице их ждут неприятности.

Интуиция не подвела. Их ждали. Но Стас уже был взведен и готов к любому повороту событий, поэтомуотреагировал на угрозу мгновенно, как учил дядя Василий.

Их перехватили у машины Стаса, стоявшей в двадцати шагах от входа в клуб, на противоположной стороне улицы: четверка знакомых амбалов «команды Бори Маткина». Двое вышли к дверце «Фиата» с носа, двое догнали девушку и сопровождавших ее приятелей сзади.

— Эй, — окликнул один из них; в свете фонарей блеснули его золотые зубы, — погоди, как там тебя... Котов.

Стас ответил, не раздумывая.

Он мог бы подождать, попробовать убедить ребят не трогать их, не выяснять отношений, а потом в случае неудачных переговоров затеять картинную потасовку с применением эффектных ударов и приемов, как в кино, от которых неприятель долго летал бы по воздуху, кричал от боли и падал. Он мог убить каждого приемами космек, особенно если увидел бы оружие. Вместо этого Стас перешел на т е м п, усыпил сначала ту двойку, что зашла с тыла, а затем тех, кто ждал у дверцы, — самого Маткина с его жестким ртом-щелью (так и осталось загадкой, чем он был известен) и его телохранителя.

Все четверо тихо легли на асфальт и не встали.

Виктор, округлив глаза, а Мария, оценивающе и задумчиво, смотрели то на уснувших парней, то на Стаса и молчали. Он открыл дверцы «Фиата», сделал приглашающий жест:

— Прошу, дамы и господа.

— Ну, ты прямо спецназовец, Кот! — очнулся Виктор, засуетился, пытаясь помочь ни слова не сказавшей Марии сесть в машину, и в этот момент Стас почувствовал вдруг такую острую тоску, что захолонуло сердце. Это было так называемое чувство с а к к и — «ветра смерти».

Инстинкты Стаса сработали раньше, чем сознание оценило опасность, бросили тело на землю.

Со звоном разлетелись оба боковых стекла «Фиата». Пуля прошила машину насквозь. Если бы Стас не упал, она пробила бы ему сердце. Вторая пуля (калибр девять миллиметров, бесшумный отечественный пистолет-пулемет «кипарис») вонзилась чуть ниже, третья еще ниже, как бы повторяя траекторию падения Стаса, впилась в асфальт. Но самого Стаса там уже не было. Повинуясь рефлексам, он снова включил т е м п, змеиным движением ушел за капот, затем за

машину, но не стал прятаться за ней, мгновенно сообразив, что пули стрелка изрешетят ее и непременно попадут в пассажиров, а вдруг рванул зигзагом через дорогу, вычислив стрелка: тот сидел в серой «девятке» с опущенными стеклами.

Стрелок не успел отреагировать на его нестандартный рывок, да и бежал Стас слишком быстро, «качая маятник», чтобы в него нельзя было попасть из окна автомобиля. Однако стрелявший был не один. Когда Стас добежал до «девятки» и выбросил вперед руку, выбивая оружие и ломая пальцы киллеру, у ноги его мелькнули две длинных белых искры: по нему открыли огонь с противоположной стороны улицы!

Едва ли бы он смог управиться еще и с этим противником, если бы не пришла неожиданная помощь.

Стас еще только выкручивал спираль поворота, чтобы уйти от очередной пули, как рядом вдруг с визгом шин остановился черный «Хаммер» с затемненными стеклами и ответил двумя очередями с левого борта по машине со стрелявшими. Дальнейшее действие длилось несколько секунд.

Та «девятка», которую достал Стас, рванула с улицы Правды на Ленинградский проспект. Напарники на «Вольво», едва не заставшие его врасплох, не ввязываясь в перестрелку, бросили свою машину в противоположную сторону. Из джипа, прикрывшего Стаса, сноровисто выскочили трое спортивного вида мужчин в хороших костюмах, с «бизонами» и «волками» в руках, застыли, бдительно наведя оружие на редких остолбеневших прохожих и на выходящих из дверей клуба гостей. Затем из «Хаммера» вышел еще один джентльмен средних лет: отличный светлый костюм, уверенные движения, породистое лицо с квадратным подбородком, прическа ежиком, очень светлые глаза, – подошел к простреленному «Фиату» Стаса и помог выйти из него Марии.

Стас подошел к ней, не обращая внимания на сопровождение автоматных и пистолетных дул, заглянул в глаза девушки и увидел в них страх. Но это был страх за него. Тогда он перевел взгляд на мужчину с короткой стрижкой.

– Спасибо за помощь. Если бы не вы...

– Это Сильвестр, работает с папой, – представила мужчину Мария. – Он...

– Я уже догадался, – кивнул Стас, – безопасность.

Сильвестр окинул его ничего не выражающим взглядом.

– Я бы посоветовал вам, молодой человек, не заводить себе врагов с огнестрельным оружием. В следующий раз они могут стрелять удачливей. Поехали, Мари.

– С каких это пор вы стали следить за мной?

– Отец нервничает... в машине поговорим. – Сильвестр повел Марию к джипу. Та оглянулась, подарила Стасу извиняющуюся улыбку.

– Вы мне позвоните, мистер Котов? – Она продиктовала номер телефона.

– Непременно, – сказал Стас искренне и вдруг по наитию спросил: – Мари... э-э... Марго, вы случайно не знаете имени сестры Светлены?

– Случайно знаю, – прищурилась девушка, не удивляясь, – ее зовут Светлада.

Она села в джип, тройка телохранителей отца Марии во главе с профессионально державшим себя Сильвестром сноровисто уместилась в кабине, хлопнули дверцы «Хаммера», и он уехал.

На улице, заполнявшейся выбегающими из клуба и близлежащих домов людьми, остались лежать незадачливые компаньоны Бори Маткина, все еще не пришедшие в себя, застыл готовый ко всему Стас и сжался в кабине «Фиата» так и не успевший ничего сообразить Виктор. Затем Стас опомнился, быстро сел в машину и погнал ее прочь от разбуженного выстрелами квартала.

Глава 7

КОЕ-КТО НЕ ЗРЯ БОЯЛСЯ

Герман Довлатович Рыков имел в Москве около полусотни кабинетов и квартир «скрытого пользования», но работать любил в трех: в здании банка «Северо-Запад» на Сенной площади, в «доме Советов» на территории Кремля и в специально оборудованном всеми видами связи и компьютерным терминалом коттедже у Патриарших прудов. Нынешнее утро он встретил именно в коттедже, имевшем кроме рабочего кабинета три спальни, гостиную, кухню, бильярдную, каминный зал и оружейную палату.

Охранялся коттедж скрытно, так что со стороны ни одного охранника видно не было. Кроме парадного и служебного входов-выходов, имелся еще и подземный, о котором знал только сам хозяин. В личной охране Герман Довлатович практически не нуждался, Посвященный Внутреннего Круга его уровня мог гипнотически управлять сознанием любого человека и предотвратить любое нападение, однако после гибели Блохинцева и отца Мефодия Рыков стал выходить в свет только в сопровождении пятерки личного манипула. Смерть кардиналов напугала его крепко, потому что он видел в этом нечто большее, чем сведение счетов или случайные совпадения. Далеко не каждый киллер мог уничтожить Посвященного Круга, а тем более кардинала Союза Девяти.

Конечно, Герман Довлатович попытался выяснить через сети спецслужб, кому было выгодно убрать Блохинцева и отца Мефодия, но никакого следа разработок операций по ликвидации не обнаружил. Не отыскалось информации и в астрале-ментале, общее поле информации Земли хранило по этому поводу молчание, как будто ничего не произошло. Тогда Рыков прошелся по сословным и коллективным эгрегорам России, рискуя нарваться на ответный зондаж. Однажды он в поиске необходимых сведений выплыл в коллективном пси-пространстве Медитационного Клуба Пентагона и был весьма удивлен высоким уровнем решаемых Клубом задач: создание «активного психоэнергетического щита» для Глобальной духовной защиты Америки (главных лиц страны, разумеется), разработка технологий

синхронизации биоэнергетических полей больших коллективов людей, проекты управления торсионными генераторами для уничтожения астероидов и ядер комет, опасно приближающихся к Земле, и тому подобное. Однако он слишком увлекся контактом, был замечен и атакован в пси-диапазоне, после чего вынужден был долго прятаться за «зонтиком» измененного пси-состояния. Медитационным Клубом Пентагона заведовал один из кардиналов американского Союза Неизвестных, который вполне имел право сделать заявку инспектору Союзов на расследование факта вмешательства.

Пытался Герман Довлатович выйти и на Монарха Тьмы, с которым поддерживал странные, заискивающе-независимые отношения. Но Монарх все реже откликался на вызов, несмотря на то, что «черный файл» был для него чем-то вроде заклęcia, сопротивляться которому он не мог. Так и в последний раз, два дня назад, когда Рыков вызвал его, чтобы выяснить, кто убил Блохинцева и Мефодия, Монарх, точнее, его «проекция», выплыл в оперативном поле компьютера только через час и то лишь на мгновение, чтобы сказать всего несколько слов:

– Не мешай, человек, я занят. Поговорим позже.

Чем он был занят, Рыков мог только догадываться. Из прежних бесед он знал, что Монарх, во-первых, готовит новое изменение земной реальности, ибо человечество перестало его интересоваться, во-вторых, он экспериментирует с другой «запрещенной» реальностью, в-третьих, ведет какую-то войну. С кем – неизвестно. Но это вполне мог быть и Матвей Соболев, зародыш аватары – воплощения Творца, ушедший в «розу реальностей» десять лет назад. Однако с момента ухода о Соболеве не было ни слуху ни духу, в астрале не появилось ни одной крупинки информации о его деятельности, и Рыков склонен был полагать, что будущий аватара не выдержал испытания и погиб. Во всяком случае, убийство двух кардиналов Союза Девяти вряд ли было делом его рук или рук его сподвижников. Хотя «чистилице», контролируемое друзьями Соболева Балусевым, Котовым и директором МИЦБИ Самандаром, все же следовало приструнить, проверить и резко ограничить его деятельность.

Удобно расположившись за пультом компьютерного терминала (на базе стационарного компьютера «Конан-2100»), Герман Довлатович вызвал к себе администратора СС Константина Мелешко

(он же – глава секьюрити Сверхсистемы) и включил комплекс. Каждое утро маршала СС начиналось с анализа проблем, которые мог решить только он. Рутинными делами занимались генералы СС, захватившие ключевые посты в государстве. Среди них были министры, первые и вторые вице-премьеры правительства, влиятельные лица из администрации президента, депутаты Государственной Думы и военачальники. С такой командой бояться Герману Довлатовичу было некого и нечего. И все-таки он испытывал страх.

Он боялся, во-первых, что кто-то из собратьев-кардиналов раньше него займет пост координатора Союза Девяти и станет обладать большей властью, а во-вторых, что убийством двух кардиналов неизвестный киллер не ограничится. Его надо было вычислить во что бы то ни стало.

Через полчаса явился Константин Мелешко.

Главный «секьюрмен» СС был на вид средних лет, невысок, худощав, носил рыжую бородку, бакенбарды и усы, длинные волосы зачесывал набок, глаза даже вечерами скрывал за темными очками и напоминал скромного, тихого, интеллигентного школьного учителя. Зимой он предпочитал носить свитера, в остальное время года – светло-коричневые пиджаки, темные брюки и желтые туфли. Однако по внешности о характере и возможностях этого человека судить было нельзя. Бывший офицер морской разведки, он прекрасно владел всеми видами огнестрельного и холодного оружия, рукопашным боем, разбирался в вопросах разведки и контрразведки и был незаменим по части диверсий, шантажа, угроз и ликвидации неугодных хозяину соперников. Зомбировать его, как своих телохранителей, Рыков не стал, не имело смысла, потому что вряд ли Мелешко, вздумай он перейти на другую сторону, мог бы получить там больше, чем платил ему Герман Довлатович.

– Слушаю вас, – негромко проговорил помощник, входя в кабинет маршала СС. Если бы их кто-нибудь видел со стороны, то отметил бы многозначительную схожесть облика и особенно манеры поведения обоих. И Рыков, и Мелешко предпочитали быть незаметными и казаться слабыми.

– Подойди, – велел Рыков.

Мелешко неслышно приблизился.

– «Чистилище» в ближайшие несколько дней планирует провести три бандлика. Два из них – по банде Владжимирского-Дыни в Мытищах и Рошале, потрошащего автобусы в Серпухове, можно пропустить, пусть потешатся господа «чистильщики», а вот третий – по нейтрализации сети наших оружейных мастерских надо предупредить. Бери людей и передислоцируй основные точки в Бутове, Химках, Зеленограде, Орехово-Борисове и в Щелкове. Даю на смену адресов сутки.

– Слушаюсь, – наклонил голову Мелешко; он никогда ничего не записывал, имея первоклассную память.

– Теперь глянь сюда.

На экране компьютера появился список фамилий, среди которых Мелешко увидел и свою.

– Понимаешь, что это такое?

– «Чистилище» наконец подготовило свой «К-реестр»?

– Догадлив. Да, это «Крим-реестр», подготовленный «чистильщиками» к публикации и сбросу в оперативные сети спецслужб. Каким образом в нем оказалась твоя фамилия? Ведь ты нигде не фигурируешь среди высокопоставленных чиновников.

– Кроме секретной таблицы о рангах морской разведки, – педантично уточнил Мелешко. – Мы знаем о них, они знают о нас. К тому же вы не можете отрицать, что ККК не зависит от СС и опирается на свою разведбазу.

Рыков повернул голову к помощнику, губы его медленно раздвинулись в специфическую бледную улыбку, способную испугать любого другого человека. Мелешко же перенес эту улыбку, не дрогнув лицом.

– К сожалению, тут вы правы, Константин Семенович. Однако в связи с этим мне вспоминается один из законов писателя Анатолия Злобина. Литературу почитываете? Нет? Напрасно, можно выудить немало полезного материала. Так вот Злобин вывел закон: в данной державе независимым считается каждый, кто не знает, от кого он зависит.

Мелешко усмехнулся.

– Оригинально.

– Вы так полагаете? «Чистилище» должно зависеть от нас!

Помощник погасил усмешку и молча поклонился.

– Теперь кое-что для размышлений, – продолжал Рыков. – Небезызвестные тебе Самандар и Котов в последнее время подозрительно часто появляются у церкви в Троице-Лыкове. Обследуйте территорию церкви всеми доступными средствами и выясните, что они ищут.

Помощник снова поклонился, подождал несколько секунд. Герман Довлатович выключил компьютер, вызвал телохранителя, играющего роль домоуправителя, и приказал принести завтрак.

– И последнее, Константин Семенович. Нам надо провести через Думу закон об ограничении деятельности правительства. Подсчитайте, что это будет нам стоить. Придется купить согласие не менее двух третей Думы.

Мелешко поклонился в последний раз и вышел.

Герман Довлатович помыл руки и сел за стол. Он уже заканчивал завтракать, когда позвонил Юрий Венедиктович Юрьев, советник президента по национальной безопасности и кардинал Союза Девяти:

– Герман Довлатович, надо пересечься, побеседовать.

– По телефону нельзя?

– Увы, информация сугубо конфиденциальная и требует особых мер предосторожности.

– Моя линия защищена.

– Но не от Вишвадхарини^[15].

Рыков помолчал.

– Когда и где?

– Через час, где и всегда.

– Хорошо.

Герман Довлатович включил компьютер, посидел за пультом, бесцельно гоняя курсор по полю экрана, задавил зарождающийся в душе страх и приказал подать машину. Через час он в сопровождении манипула на двух машинах остановился в Голиковском переулке недалеко от особняка Третьякова, «огляделся» в ментальном поле и проследовал во внутренний двор комплекса Третьяковской галереи, где за оградкой у церкви святого Николая Чудотворца ждал Рыкова Юрьев. Церковь была давно отреставрирована, шли службы, но в этот утренний час людей здесь было мало.

Они остановились в двух шагах друг от друга, проверяя впечатление и ауру встречи, создали непроницаемый «колокол

отталкивания», оберегающий их от любого прослушивания.

– Ну? – сказал Рыков.

– Дугу гну, – хмыкнул Юрий Венедиктович. – Пуганый я больно стал после некоторых событий, старею, наверное, так что не обессудь. Ты знаешь, что охота на кардиналов началась и в других регионах?

– Знаю, – сухо сказал Рыков.

– Соображения?

– Никаких.

– Ты же общаешься с Монархом, неужели не проконсультировался?

– Он... занят, – с неохотой буркнул Герман Довлатович.

Юрьев с недоверием вздернул бровь.

– Он тебе не ответил?! Любопытно. И очень символично. Я слышал, что у него возникли какие-то проблемы, но чтобы до такой степени... Впрочем, это его дело. Что сам думаешь о происходящем? Может быть, наше родное «чистилище» объединилось с западными и начало кампанию по переделу власти?

– Не думаю. Но «чистилище» проверю. Оно и так то и дело наступает мне на мозоли, пора ограничить его размах.

– Учти, парни тебе противостоят не слабые. Котов очень здорово поднялся по лестнице^[16], да и Самандар весьма силен. К тому же я слышал, что у них появился ученик, якобы готовый стать на Путь Воина Справедливости.

– У тебя очень хороший слух, – с иронией сказал Рыков, подразумевая любимое словцо Юрия Венедиктовича «слышал».

Юрьев усмехнулся.

– Этот парень вчера познакомился с моей непутевой дочерью.

Теперь уже хмыкнул Рыков, разглядывая сытое, но по-мужски красивое лицо кардинала.

– Он действительно чего-то стоит?

– Парень идет быстро и по всем моим данным интеллектual. А по моему глубокому убеждению только такой способен стать Воином и мастером боя. Он может мне пригодиться.

– Ну-ну. Что ты хотел мне сказать по существу?

Юрьев затвердел лицом, глаза его полыхнули огнем.

– Герман, началась прецессия Закона обратной связи...

Рыков небрежно отмахнулся.

– Меня никогда не увлекала теория высших расходимостей внешних^[17] законов.

– Герман, ты не понимаешь. Закон «качается» не по нашей воле и даже не по воле иерархов и Аморфов. В нашу реальность «дышит» кто-то чужой. Возможно, начавшаяся охота на людей Круга есть следствие этого дыхания. Выйди еще раз на своего приятеля, Монарха, зарони в его душу искру сомнения... если, конечно, у него есть душа. Бабуу не в состоянии контролировать ситуацию. Все, что он может сделать, это объявить общий авральный Сход и ввести «сжимающую ладонь».

Рыков машинально кивнул.

«Сжимающая ладонь» представляла собой глобальный мониторинг ментальной Среды и системы поддержания в этой среде постоянных каналов связи между кардиналами.

– Так что у тебя появился реальный шанс пройти Посвящение III ступени и стать координатором. Подумай об этом.

Не прощаясь, Юрьев кивнул и неторопливо побрел вдоль ограды церкви к выходу, свернул в Толмачевский переулок, исчез. А Рыков снова испытал морозное чувство страха. Юрьев слишком много знал и всегда играл по своим правилам. Поэтому проигрывал он редко. Самое странное крылось в том, что он поддерживал Бабуу-Сэнгэ и был его официальным преемником. Почему он вдруг так открыто отказался от престола? Почему по сути предал координатора?

Рыков задумчиво направился вслед за Юрием Венедиктовичем и вдруг уловил тонкий, еле ощутимый, ветерок опасности. Остановился, расширяя сферу чувствительности до сотни метров, и тут же метнулся в сторону. Поэтому пуля, выпущенная снайпером, засевшим на колокольне церкви и до сей поры ничем (!) себя не выдавшим, попала Герману Довлатовичу не в спину, а в плечо, швырнув его лицом вниз на мостовую. Вторая пуля попала в то же плечо, но ближе к ключице, третья ужалела в бок.

Никогда прежде за последние пятьдесят лет сверхосторожный Рыков не попадал в засаду, так хорошо спланированную и подготовленную. Тот, кто стрелял, отлично знал правила встреч кардиналов, не допускающие присутствия охраны. И великолепно владел оружием. Следующие три выстрела, прозвучавшие в течение одной секунды, не пропали даром: все три пули нашли жертву.

Правда, ни одна из них не попала в голову, Рыков все же смог уберечься от смертельных попаданий. А затем ответил пси-атакой на пределе Силы, которой владел, пытаясь подавить волю стрелка, а также впервые в жизни применил на практике отвлекающий маневр – создал голографическую копию самого себя.

Однако это почти не повлияло на снайпера! Появление двойника могло сбить с толку любого человека, только не того, кто сидел на колокольне. Темп стрельбы снизился, но все пули продолжали ложиться в цель, находя метавшегося по переулку Германа Довлатовича. И тогда он, продолжая считать выстрелы (пять... шесть... семь... сколько же у него в магазине?!), почувствовал такой обессиливающий страх, какой не испытывал никогда. Он понял, что стрелок – не обычный киллер, что он либо вообще не человек, либо авеша иерарха. Это был конец!

Получив девятую пулю – в живот, Рыков упал навзничь, переставая отслеживать ситуацию, ожидая контрольного выстрела в голову. Но прошла секунда, другая, третья, выстрела все не было, а потом донесся топот, чьи-то возбужденные голоса, и в переулок выбежала команда телохранителей маршала СС.

– Обыскать!.. все!.. найти! – приказал Герман Довлатович, прежде чем потерять сознание. Последней его мыслью было: ктонапал?! Киллер Юрьева (не потому ли он такой «добрый?»), «чистильщики» или кто-то другой?..

Глава 8

ВЫХОД В ПОДУРОВЕНЬ

Рассказ Стаса о нападении угнетающе подействовал на Василия. Недобрые встречи становились закономерностью, а это означало, что силы, заведующие судьбой парня, перевели его на другой уровень реализации – не ученика, а воина. При этом выдержит ли он – эти силы не интересовало, все теперь зависело от самого Стаса, от его настойчивости и целеустремленности, духовной и интеллектуальной организации, физической базы. И от сопровождения, добавил мысленно Василий, имея в виду себя.

– Так с кем ты, говоришь, познакомился?

Разговор происходил поздно ночью у Котовых дома, при участии Самандара; комиссары «чистилища» собирались выходить на очередной бандлик и ждали своего часа.

– Ее зовут Марго, – ответил Стас, сдирая с себя рубашку и бросая ее на стиральную машину в ванной; зашипела бегущая из крана вода. – Или Мария, Маша Юрьева. Она танцует в шоу-группе «Студия-Б».

Василий и Самандар переглянулись.

– Совпадение? – негромко спросил Василий.

– Может быть.

– А если нет?

– Какой смысл Юрьеву, если он ее отец, затевать такую сложную комбинацию и подставлять дочь?

– Как сказал один писатель^[18]: «Лишь дурак уверен, что жизнь имеет только один смысл».

– Спасибо за дурака, учитель.

– Я думаю, этот писатель не имел в виду тебя.

– Тогда я его прощаю. А кто у нее отец? – повысил голос Василий.

– Какой-то советник президента, – донеслось из ванной.

Василий и Вахид Тожиевич снова обменялись взглядами.

– Замечательный поворот наших отношений с кардиналами Союза Девяти, – бесстрастно изрек Самандар.

– М-м-м... – ответил Василий. – Честно говоря, этот поворот меня пока мало беспокоит. Волнует другое: если Стаса хотели убить, почему так низок уровень исполнения?

– Могут быть два варианта, – подумав, ответил Самандар. – Стаса не хотели убивать вообще, это просто способ давления на нас. Если мы знаем почти все о Рыкове, то и он о нас соответственно. Второй вариант хуже, потому что заставляет нас действовать иначе. Стаса недооценили.

– Кто?

– Если бы знал, не рассуждал бы. Надо выяснять. А для начала спросим у Германа. Возможно, он начал приводить в исполнение свою угрозу уничтожить нас, тем более что мы скормили «К-реестр» спецслужбам.

– Это уже второе нападение на парня, первое произошло еще до завершения «К-реестра».

– Тогда не знаю. После бандлика попробуем погулять по астралу вдвоем, может, чего и выудим.

Из ванной вышел мокрый, в одних плавках, Стас, на ходу вытираясь полотенцем. Высокий, широкоплечий, гибкий, перевитый не слишком рельефными, но играющими при каждом движении мышцами, ощутимо сильный и спокойный. На бросок Василия пилкой для ногтей – стандартный семейный тест на внимание – он отреагировал играючи, рассеянно, легко, будто не ловил способный стать смертельным оружием предмет, а рвал с клумбы цветок. Обычно он тут же бросал посылку обратно дяде, но при госте постеснялся.

– Когда пойдем на разведку в МИР?

– Завтра, – ответил Василий, – во второй половине дня. У тебя когда занятия заканчиваются?

– С утра – консультация. После нее я хотел посидеть в библиотеке, но могу уйти.

– А вот жертв нам не надо, – притворно нахмурился Василий. – Позанимайся. Приедешь, экипируемся и отправимся на место.

– Пора выходить, – встал из-за стола Самандар.

– Да, пошли.

– А меня на бандлик не возьмете? – с простодушным выражением лица спросил Стас. – Кого вы там сегодня наказываете?

Василий поймал насмешливый взгляд Вахида Тожиевича, сурово отрезал:

– Мал еще!

– Тогда ни пуха ни пера.

– К черту!

Смущенный Василий и Самандар, одетые в пятнистую форму спецназа, ушли. Стас засмеялся, дернулся было к телефону – позвонить Марии, узнать, как доехала, но передумал. Шел уже второй час ночи, звонить так поздно незнакомым людям было неудобно, хотя он был уверен, что девушка еще не спит.

– Марго, – произнес он вслух, пробуя имя на язык. – Нет, Мари лучше. Или Маша, Машенька. Светлана, – вспомнил он имя той, что разговаривала с ним во сне. Интересно, откуда Мария знает имя сестры Светлены, спутницы инфарха? Не потому ли, что сама является ее авешей? И почему, кстати, он спросил об этом у Марии? Откуда пришло озарение, что она знает?

– Светлана, – медленно выговорил Стас, смакуя имя, и услышал тихое, как шепот ночной листвы:

– Покойной ночи, Котов...

Это был не звук, Стас уловил ментальный посыл, но не удивился. Он давно был готов к паранормальному восприятию.

Уснул он мгновенно, как только голова коснулась подушки.

* * *

Машину они оставили в тупике Третьей Одинцовской улицы, упиравшейся в Троице-Лыковское кладбище. Одетые в строительные комбинезоны, двинулись к церкви с лопатами и двумя сумками, в которых уместилось все необходимое для похода под землю, в МИР Ликозидов.

Редкие прихожане не обращали на них никакого внимания, священнослужители тоже, считая, что если рабочие на территории церкви появляются, то на то есть воля дьякона. И все же Василий почувствовал себя неуютно, будто откуда-то вдруг подул холодный пронизывающий ветер. Примерно то же самое чувствовал и Самандар.

Он замедлил шаги, искоса посмотрел на Котова, и они остановились у левого флигеля церкви, возле остатка старой церковной стены и штабеля кирпичей.

– Что-то мне здесь не нравится, – сквозь зубы проговорил Василий.

– Мне тоже. Понаблюдаем. – Самандар опустил свою сумку на гравий дорожки и с лопатой двинулся к шеренге кустов, делая вид, что примеривается копать. Отсюда уже была видна могильная плита – вход в подземелье, и никого возле нее не было, однако ощущение постороннего присутствия мешало Посвященным подойти прямо к ней.

Стас, не задавая вопросов, остановился у оградки с каменным крестом внутри, присел на корточки, разглядывая свежий след рубчатой подошвы на мягкой почве.

– Здесь кто-то есть, дядь Вась, – негромко сказал он. – Прошли как минимум трое. И они наблюдают за нами.

– Пусть обнаружат себя сами, – почти беззвучно сказал Василий. – Подходить к колодцу пока не будем, начнем «ремонтировать» ограду и разбирать эту старую кладку.

Ждать неизвестных наблюдателей пришлось четверть часа. С двух сторон к «рабочим» двинулись двое в плащах (несмотря на летнюю жару), под которыми легко было прятать оружие. Один фигурой напоминал прямоугольный шкаф: ростом под два метра, квадратное лицо с квадратным подбородком и сломанным носом, глаза-щелочки, короткая стрижка, руки-лопаты – типичный нью-йоркский гангстер тридцатых годов двадцатого века. Второй гость был пониже и пожиже, черноволосый, смуглый от природы, с лицом резким, острым и взгляд имел липкий и неприятный. Когда они подошли поближе, из-за хозяйственной пристройки церкви вышли еще двое мужчин, один в таком же плаще, второй в светло-коричневом костюме и желтых туфлях. Остановились, закурили, издалека наблюдая за своими коллегами.

– Эй, вы что здесь делаете? – проговорил квадратнолицый неожиданно тонким голосом.

– А тебе что за дело? – неторопливо обернулся Вася с кирпичом в руке. – Ты кто? Прораб новый, что ль? Или сторож? На попа вроде не похож.

– Наряд покажи, – набычился верзила.

– Какой еще наряд? – удивился Самандар. – Ты с неба свалился, паря? Шабашники мы, настоятель платит – работаем, не платит – не работаем. А в чем дело? Вы, часом, не из милиции будете?

– Из милиции, – басом пробурчал второй гость, издали показывая малиновую книжечку с тисненым золотым орлом. – Вам придется пройти с нами.

– Здравсьте, жопа, Новый год, – с иронией поклонился Василий. – Это еще за какой надобностью? Или мы похожи на бандитов?

Мужчины переглянулись, и Вася понял, что гости их знают. А так как ни один руководитель силовых ведомств не знал комиссаров «чистилища» в лицо, вывод напрашивался сам собой – это были люди Рыкова.

– Вам придется пройти с нами для выяснения личности, – снова гулким басом прогудел черноволосый. – Сопrotивляться не советую.

– Ты глянь, бя! – хлопнул себя по бедру ладонью Василий и как бы невзначай переместился вправо, поближе к шкафоподобному гангстеру. – Шея тонкая, а говорит толстым голосом! А не пошел бы ты, братан, куда подальше и один?

Двое мужчин, кутивших на аллее возле флигеля, медленно двинулись к своим напарникам, и в человеке, одетом в светло-коричневый костюм, рыжеволосом и рыжебородом, Василий и Самандар узнали Константина Мелешко, правую руку маршала СС Рыкова.

– Кажется, Герман все-таки вычислил нас, – хладнокровно сказал Самандар. – Начнем первыми или посмотрим, что предложат господа «эсэсовцы»?

– Эй, вы что, не понимаете? – угрожающе шагнул к ним квадратный гангстер, сунув руку под плащ.

– Лучшая защита, как известно... – сказал Вася и прыгнул к верзиле, толкая его в лоб ладонью.

Гигант от этого несильного с виду толчка отлетел назад и рухнул в кусты, закатывая глаза. Техника усыпляющего касания работала без сбоев.

Самандар в этот момент достал черноволосого, тоже успевшего схватиться за оружие, и уронил его с не меньшей эффективностью.

Затем Василий метнул голыш, попавший с расстояния в десять метров третьему плащеносцу в лоб, и Константин Мелешко остался один.

Несколько секунд Посвященные и Стас, продолжавший сидеть на корточках у оградки, смотрели на помощника Рыкова, державшего руку под мышкой, на рукояти пистолета, и было в их неподвижности столько молчаливого превосходства и сдержанности, что Константин Семенович не рискнул начать соревнование на скорость и точность стрельбы. Он улыбнулся, поднял руки вверх, отступил на шаг.

– Хорошо, хорошо, вы меня убедили. Мы сейчас уходим. Но мне надо будет что-то сказать шефу...

– Скажи, что «чистилище» оставляет за собой право делать свои дела там, где считает нужным, и контролировать принадлежащую ему территорию. Понятно?

– Более чем. – Мелешко помог подняться своему приятелю в плаще, на лбу которого вспух приличный рог. – Хотя, конечно, остается невыясненным вопрос, чем занимается «чистилище» возле церкви, выдавая себя за строителей, если только не ищет зарытый клад.

– Любезнейший господин Мелешко, – насмешливо сказал Василий, которого неприятно поразил намек рыжебородого помощника Рыкова, – мы знаем, кто есть ты, ты знаешь, кто есть мы. Позволь дать тебе один совет: не лезь ты в дела «чистилища». Дольше проживешь. В связи с чем могу предложить еще один совет, бесплатный: уходи от Германа, маршал СС в скором времени намерен покинуть эту суетную мирскую жизнь.

– Это что, угроза?

– Это предсказание.

– Я подумаю над вашими советами, господа, – вежливо пообещал Мелешко, подождал оклемавшихся кое-как членов своей команды, и четверка удалилась в сторону выхода с церковного двора. Заворчал мотор автомашины, стих.

– Это и вправду люди Рыкова? – с любопытством спросил Стас.

– Рыкова, – буркнул Василий.

– С виду крутые, а на самом деле так... всмятку. Их что, не учили рукопашному бою?

– Их учили убивать, а не драться. – Василий повернулся к задумавшемуся Самандару. – Как ты думаешь, директор, что они здесь

делали?

– Существует только одно логичное объяснение. Нас засекли наблюдатели Рыкова, и он решил послать своих подручных посмотреть, что у нас за интерес к церкви. Судя по всему, входа под землю они не нашли, однако ясно как Божий день, что нам необходимо как можно быстрее найти другой путь к МИРу, этот «засвечен». И боюсь, Герман захочет сам прогуляться по территории церкви, чтобы определиться. Он наверняка учует колодец.

– Что предлагаешь?

– Несколько часов у нас в запасе есть. Потом вернемся и взорвем вход.

– Хорошо, не будем терять времени. – Василий подхватил сумку и решительно зашагал к плите, под которой начинался колодец, ведущий под землю. Сказал Стасу на ходу: – Запомнил этого рыжебородого? Тварь, каких мало! И очень опасен! Увидишь где – уходи, отступай, ретируйся, но ни в коем случае не связывайся, он никогда нигде не появляется один, всегда с группой поддержки, а уж в ней парни драться умеют, будь спокоен. Да и сам господин Мелешко стреляет как чемпион мира.

– Хорошо, дядь Вась, – не стал спорить Стас.

Они тщательно осмотрели сад и рощицу вокруг церкви на предмет оставленных специально наблюдателей, никого не обнаружили и включили «механизм», опускающий могильную плиту вниз (как он работает без моторов и привода, Стас не знал, но был уверен, что без энергетической подпитки магическими силами этот механизм действовать бы не смог), проникли в подземелье по системе тоннелей, колодцев и труб и вышли к гигантской пещере с удивительной, сияющей, как фарфор с налетом инея, ажурной пирамидой МИРа Ликозидов.

Все трое уже любовались пирамидой и тем не менее на минуту задержались, благоговейно застыв перед ней, созерцая эстетически совершенные «иероглифы» стен. Затем Самандар пробормотал: «Ось Вечного Присутствия Настоящего в наглядном изображении...» – и шагнул ко входу в пирамиду.

Вскоре они стояли в «тронном» зале дворца древних разумных тарантулов. Не отвлекаясь на созерцание «саркофага» царя Ликозидов, принялись за экипировку, переоделись в черные комбинезоны ночного

спецназа со множеством карманов, рассовали по ним оружие – пистолеты «волк», кинжалы, метательные звезды, иглы и дротики, патроны, зажигалки, НЗ, концентраты, аптечки, рации и натянули «киты» – противогазы новейшей отечественной разработки, позволяющие в течение двадцати часов находиться практически в любой отравленной атмосфере.

– Ничего не забыли? – глухо спросил Василий, проверив противогаз, напоминавший шлем космонавта.

Самандар, которому казалось, что они взяли много лишнего для первой разведвылазки, промолчал, зато вспомнил кое-что Стас:

– А «тюбетейки»?

– Да, – спохватился Василий, выуживая из сумки три дужки с платиновыми листочками – генераторы пси-защиты от излучения «глушака». – Кто знает, может, и пригодятся.

Вахид Тожиевич скептически поджал губы, но дужку «тюбетейки» на голову нацепил, спрятав ее в волосах, и листочки резонаторов к вискам подвинул.

– Готовы, разведчики? Вперед!

Василий первый взобрался на возвышение, на котором стоял «саркофаг» царя Ликозидов, и нырнул под хрустально-серебристый купол ротонды, создающий впечатление застывшей музыки.

Стас вошел в «саркофаг» последним, с суеверным восторгом и душевным трепетом разглядывая совершенное творение Инсектов, и ему захотелось проснуться и проникнуть в тайны «трона-усыпальницы» одновременно.

Василий тоже остановился на несколько секунд. Все уже было обговорено – что будет делать каждый в тех или иных обстоятельствах, и все же ему было не по себе. Конечно, он давно знал, что человеческое тело, как и любой другой физический объект, есть устойчивая индивидуальная структура энергий физического порядка. Проникнуть же им предстояло в «розу реальностей», которая представляла собой фазовое пространство возможных состояний материи, основанных на иных колебаниях и энергиях, в том числе – абсолютно несовместимых с физическими. Знал Василий и то, что тхабс – сложнейшая магическая формула и одновременно способ взаимодействия разных энергоинформационных состояний каким-то образом преобразует человеческое тело в энергоинформационный

поток с другим фазовым уровнем, однако одно дело – знать теоретически, совсем другое – проверять теорию на себе.

Василий вдруг рассмеялся.

– Ты что? – странно посмотрел на него Самандар.

– Вспомнил детский ответ на взрослый вопрос: что такое организм? Ребенок шести лет ответил, что в него входят зубы и другие внутренности, за которыми нужно ухаживать.

– Что тут смешного? Правильно.

– Правильно-то правильно, только будет ли тхабс ухаживать за нашими внутренностями? Осуществляет ли он защиту организмов, пересекающих границу «розы», или надо полагаться только на собственные меры защиты?

– К сожалению, твой Соболев не оставил нам никаких инструкций.

– И все же он прошел этим путем, – подытожил вслух Василий свои сомнения.

Самандар наконец его понял.

– Я думаю, прошел. Хотя, избрав Путь Избегающего Опасности, он этой самой опасности не избежал. Действуй, Василий Никифорович. С нами крестная сила, как говаривали раньше, то есть Сила Эхейх и Цафкиель. Прорвемся!

Вася глубоко вздохнул и, чувствуя эмоционально-энергетическую поддержку друзей, мысленно вызвал тхабс.

Переход в другой подуровень реальности произошел неожиданно для всех и совершенно без каких-либо эффектов: вот они стояли внутри «саркофага» Ликозидов, обуреваемые противоречивыми чувствами, а вот уже стоят в незнакомом мире на вершине какой-то плоской горы и смотрят на грандиозный разлом, напоминающий каньон Колорадо в Америке, но гораздо более масштабный. И это была не Земля.

Фиолетовое небо с красноватым отливом казалось ночным, но золотой диск солнца над близким горизонтом, просвечивающий сквозь бурые вуали и волокна, утверждал, что здесь царит день. Рисунок созвездий, проглядывающих сквозь тонкую и прозрачную атмосферу, был почти «земным», поэтому при взгляде на него у Стаса родилось подозрение, что планета, на которой они оказались, ему знакома. Сила тяжести на ней была раза в два меньше земной, температура воздуха

на вершине, где они очутились, была очень низкой, градусов под шестьдесят ниже нуля по Цельсию, так что кожу на руках и на голове в прорезях противогаза сразу стянуло и начало щипать, а дышать в этом мире было практически невозможно даже в противогазах, причем не потому, что воздух здесь был насыщен ядовитыми или непригодными для дыхания газами, а по причине почти полного его отсутствия.

– Черт возьми, где это мы вышли? – Голос Василия был еле слышен.

– На Марсе! – тотчас же ответил Стас, будучи абсолютно уверенным в своей оценке.

– Почему ты так решил?

– Потом будете дискутировать, – посоветовал трезво мыслящий Вахид Тожиевич. – Еще минуту постоим – если не замерзнем, то задохнемся. Крути тхабс обратно.

В тот же миг они оказались там же, откуда стартовали в «розу реальностей» – в МИРе Ликозидов, под куполом ротонды «саркофага». Сорвали противогазы с мгновенно запотевшими стеклами и некоторое время разглядывали ничего не выражающие физиономии друг друга. Потом Вася вытер лицо и посмотрел на Стаса.

– Рассказывай. Почему ты решил, что это был Марс?

Стас немного помолчал, эту привычку он перенял еще у Матвея Соболева, и лаконично рассказал Посвященным о своем трансперсональном сне, в котором девушка по имени Светлада, «младшая сестра Светлены» – как она себя назвала, объяснила истинный порядок «розы».

– Очень оригинально! – сказал Самандар, выслушав рассказ юноши. Пессимист и скептик по натуре, он никогда ничего не воспринимал на веру, пока не убеждался на собственном опыте в правоте постулированного утверждения. – Значит, все планеты Солнечной системы – это подуровни нашей «запрещенной реальности». А планеты других звезд?

– Подуровни других реальностей. Звезды – уровни, базовые матрицы реальностей, скопления звезд – пакеты слоев «розы» с наборами констант и действующих законов природы.

– А что такое тогда квазары? Черные дыры?

– Не знаю, – виновато признался Стас, – я не спрашивал.

Самандар хмыкнул, глянул на задумчивого Василия, но тот не стал ни поддерживать его, ни спорить.

– Поговорим обо всем дома. Ясно одно: наша экипировка для путешествий по «розе» не годится, нужны гермокостюмы с терморегуляцией и кислородным обеспечением, как у подводников-диверсантов. Мы, конечно, смогли бы какое-то время удерживать вокруг себя сферу с земным воздухом, но этого мало. – Глаза Василия вдруг вспыхнули изумлением и недоверием, словно он только что проснулся. – Но Господи Боже мой! Если это действительно так и мир устроен подобным образом!..

– То что? – полюбопытствовал Самандар, не дождавшись продолжения.

– Ничего, – погас Василий. – Свихнуться можно!

Стас засмеялся. У Вахида Тожиевича тоже дрогнули в улыбке губы, и стало заметно, что, несмотря на железное самообладание, он тоже ошеломлен и растерян.

Глава 9

ОХОТА НА КАРДИНАЛОВ

В табели о рангах Союза Девяти Неизвестных Кирилл Данилович Головань занимал весьма достойное место.

Во-первых, он был почти самым старым кардиналом: возраст перевалил за сто двадцать лет. Старше его в Союзе был только сам координатор, Бабуу-Сэнгэ, которому пошел сто пятьдесят седьмой год. Как известно, кардиналы Союза, Посвященные II ступени Внутреннего Круга человечества, не были бессмертными, но жили в два-три раза дольше обычных людей.

Во-вторых, на Сходах Союза, посвященных его безопасности, Кирилл Данилович всегда занимал место председателя, что говорило об умении организовывать обсуждение любого спорного вопроса. Занимая официальный пост заместителя директора Международного института стратегических исследований (МИСИ), он часто контактировал с Генеральным секретарем ООН Хуаном Креспо и был его консультантом. Однако никто из кардиналов, даже контролер-координатор Союзов Неизвестных, не ведал, что Кирилл Данилович стал заместителем директора МИСИ, доктором права, доктором философии, не зная этих дисциплин! Он вообще знал очень мало, и ему ничего не надо было знать, потому что Кирилл Данилович обладал одной из редких действующих Великих Вещей Инсектов – Артефактом, «аккумулятором знаний», мгновенно подсказывающим ему исчерпывающий ответ на любой вопрос. Именно благодаря Артефакту Головань, человек, в общем-то, заурядных способностей, хотя и честолюбивый, ученик гуру Викракананды, а также Гурджиева и Успенского, преодолел порог Посвящения и стал в конце концов кардиналом.

Он хорошо вписался в среду властного истеблишмента страны, был постоянным участником значительных светских раутов, запросто общался с людьми из окружения президента, дружил с мэром столицы и другими представителями власти, в том числе с генералами МВД, ФСБ и Министерства обороны, а главное – прославился своими прогнозами и сценариями развития малых войн, в частности в Чечне,

Карабахе, Югославии, Таджикистане, Заире и Осетии. Поэтому сфера влияния на социум страны Кирилла Даниловича и общий уровень его воздействия на земную реальность были весьма высоки.

Кроме того, Кирилл Данилович слыл меценатом, так как охотно поддерживал, будучи официальным владельцем огромного состояния, театры столицы и Санкт-Петербурга, творческие Союзы художников и писателей, ветеранов спорта и ветеранов войны в Афганистане и Чечне. В глазах же спецслужб, знавших подноготную Голованя и особенно то, каким путем было нажито его состояние, он был циничным и расчетливым дельцом, классической «акулой капитализма» российского смутного времени, нужного и удобного всем – от представителей легального бизнеса и политики до теневиков криминального капитала.

Кирилл Данилович мог бы подняться и выше по служебной лестнице, стать, например, директором МИСИ или же советником президента, как другой кардинал Союза, Юрий Венедиктович Юрьев, только это Голованю было не нужно. Он давно вошел в число людей, чьи жизнь и смерть не зависели от слепого случая, амбиций или претензий конкретного лица, даже наделенного влиянием и полномочиями. Однако именно уверенность Кирилла Даниловича в прочности своего положения и физической неуязвимости сыграла в его жизни роковую роль.

О гибели коллег, отца Мефодия и Дмитрия Феокистовича Блохинцева, Кирилл Данилович, конечно, знал и даже предпринял по совету координатора кое-какие дополнительные меры безопасности, но жить продолжал по давно установленным нормам и правилам и распорядок работы и отдыха менять не собирался.

В воскресенье второго июня он был приглашен на закрытый прием в посольство Объединенных Арабских Эмиратов по случаю вступления в должность нового посла. В два часа дня Кирилл Данилович со своим манипулом прибыл к резиденции посла ОАЭ, располагавшейся на улице Улофа Пальме, но на территорию посольства прошествовал лишь с личным переводчиком – он же телохранитель – Яном Стозой.

Прием, устроенный новым послом, шейхом Мохаммедом Аббасом ибн Раудом, был великолепен и длился до самого вечера, когда Кирилл Данилович, испробовавший все, даже «дым наслаждения», то есть

выкуривший кальян с наркотическими добавками, получил настоящий кайф и перестал трезво оценивать ситуацию. Поэтому он не удивился, когда вместо переводчика Яна Стозы к нему подошел незнакомый араб и на хорошем русском языке предложил помочь добраться до выхода из посольства.

– Меня там ждут, – согласился Кирилл Данилович, в голове которого вспыхивали звезды, играла музыка и танцевали прелестные женщины; он, конечно, мог нейтрализовать действие наркотика, но не хотел. – Где мой охр... мой переводчик? Куда он ушел?

– Он получает подарок от шейха вашему превосходительству и будет ждать вас в машине.

– Подарок – это хорошо... – Головань оперся о руку смуглолицего молодого человека в национальной одежде и побрел по коридору посольства к выходу. Однако вышли они не через парадный подъезд, а во дворик посольства, где стоял длинный шестидверный «Кадиллак» с темными зеркальными стеклами.

Араб распахнул последнюю дверь.

– Садитесь, прошу вас.

Интуиция Кирилла Даниловича сработала запоздало.

Он оглянулся, трезвея, но в то же мгновение последовал толчок в спину, и Головань оказался внутри салона роскошного авто. «Кайф» оказал свое воздействие и на реакцию кардинала. Он еще только соображал, что случилось, прикидывал, как дать сигнал своим телохранителям, когда тот, кто сидел в машине, разрядил в него гипногенератор «удав».

Если бы Кирилл Данилович не находился под действием дурманящего разум, замедляющего реакции опийного дыма, он, наверное, смог бы опередить нападающих, атаковать их первым и завладеть инициативой, но он действовал медленнее противника и оборонялся пассивно, без изобретательности.

Разряд «глушака» вышиб из него сознание, как удар курка – пулю из патрона. Будучи все же Посвященным II степени, Головань обладал тремя устойчивыми состояниями сознания, поэтому пси-импульс, подавляющий волю, не просто погасил его способность мыслить, но и перебросил сознание на другой уровень. Зацепись Кирилл Данилович там, он смог бы отразить и дальнейшие попытки подавления его психики, однако в отличие от него противник действовал без

промедления и продолжил гипноатаку, добавив к разряду «глушака» мощный оглушающий раппорт, то есть личный психофизический разряд, и Головань «поплыл», перескочив все три уровня своего сознания и даже подсознательный порог, до которого он еще мог сопротивляться ментальному давлению.

«Кадиллак» медленно тронулся с места, выехал за ворота посольства, минуя машину с ничего не подозревающими телохранителями Головань, и не спеша двинулся к Садовому кольцу. Через час он уже был за пределами Москвы на Боровском шоссе. Проехав пятнадцать километров и свернув на узкую асфальтовую ленту, ведущую в лес, «Кадиллак» остановился. Открылись дверцы автомобиля, двое мужчин в дорогих костюмах и молодой араб, сотрудник посольства ОАЭ, вытащили из салона обмякшее тело Головань и отнесли в лес. Один из них молча достал пистолет «удар» и два раза выстрелил в голову Кирилла Даниловича, превращая ее в кровавое месиво. Так же молча все трое вернулись в машину и уехали.

Тело кардинала Союза Девяти Неизвестных осталось стыть в лесу, слегка присыпанное листвой. Наутро его нашел старик – местный житель, пасший корову.

Скандал с исчезновением гостя в посольстве ОАЭ, учиненный телохранителями Головань, тем не менее огласки не получил. Посол Эмиратов не смог внятно объяснить, куда девался заместитель директора Международного института стратегических исследований и, чтобы избежать подозрений, вызвал министра внутренних дел России, который и приказал своим следователям не поднимать лишний шум. Даже когда тело Кирилла Даниловича нашли в подмосковном лесу, журналисты об этом не узнали. Средствам массовой информации досталось сообщение МВД, что замдиректора МИСИ умер от сердечного приступа.

Следующее убийство произошло тем же воскресеньем второго июня. На своей даче в Лыткарине был убит учитель известного всей России частного лицея Кокорин.

В понедельник утром попал в Туле под машину и скончался от многочисленных кровоизлияний известный врач-психиатр Влесов.

В тот же день утонула в озере под Смоленском целительница Меланья Царская, спасшая жизнь и здоровье многим сотням людей. Как старая женщина оказалась у озера, в двадцати пяти километрах от

своей деревни, никто объяснить не мог. Этим же вечером повесилась в своей квартире в Нижнем Новгороде еще одна целительница, врач местной больницы, совсем молодая – двадцати шести лет от роду, Лидия Габуня, не оставив никакой объяснительной записки. А в Москве в то же самое время попал под автобус известный правозащитник Колесник.

И еще много подобных случаев было зарегистрировано информационной службой МВД России, еще не сумевшей обработать статистический материал и сделать вывод, что по стране катится волна странных убийств, направленная против специалистов определенной ориентации и людей экзотических способностей. Все это были люди Внутреннего Круга человечества, так или иначе связанные с его эзотерическим наследием, но официальные наука и статистика ничего не ведали об этой категории людей и объяснить происходящее не могли. На фоне общей преступности волна агрессии против некоторых видных деятелей культуры и искусства, медицинских работников и учителей была не особенно заметна, и средства массовой информации особой паники по этому поводу не подняли. Да и не могли поднять, контролируемые, с одной стороны, официальной властью, с другой – гораздо более действенно – кардиналами Союза Девяти, через свои каналы и сферы влияния, разумеется.

Конечно, случались у киллеров и проколы. Так, двое из них, пришедшие к наставнику школы кекусинкай-карате Максиму Усову, встретили отпор. Один получил две пули в грудь из своего же пистолета, отчего скончался на месте, второму Усов сломал руку, и парень вдруг хлопнулся в обморок, но не от боли, а от того, что перестал понимать, где он и почему тут находится.

Происходили и еще подобные этому случаи неподготовленного нападения на жертв, хотя в общей массе убийств они были незаметны.

Однако волна ликвидации людей Круга не ограничилась Россией, она обошла весь земной шар, что заставило координаторов Союзов собрать Сходы, а верховного контролера Союзов Хуана Креспо – объявить «час Цафкиель», что означало активизацию эгрегора Внутреннего Круга посредством всеобщего «мозгового штурма». Дату «часа Цафкиель» Хуан Креспо обещал сообщить дополнительно.

Сход кардиналов Союза Девяти Неизвестных России (их к этому моменту осталось шестеро) состоялся под Москвой третьего июня в загородной резиденции Бабуу-Сэнгэ в Малеевке, рядом с Домом творчества писателей.

Все кардиналы прибыли на этот раз со своими манипулами охраны и обеспечения, чего раньше никогда не делали. Однако жизнь, которую они же сами и регулировали, заставила их переоценить роли законотворцев и теневых правителей и задуматься о положении дел в реальности, бытие которой они призваны были корректировать и стабилизировать.

Меры безопасности были приняты и самим Бабуу-Сэнгэ, коттедж которого был окружен двумя поясами электронной защиты – в радиусе ста метров и пяти километров, а также магической «стеной отталкивания», заворачивающей обратно любопытных и случайных гостей вопреки их воле, подсознательно. Имел координатор и хорошо обученных охранников, бывших «профи» спецслужб. Поэтому чувствовал себя он в общем-то комфортно, как, впрочем, и везде, где располагались другие его секретные «схроны», хотя прекрасно знал, что ни одна крепость в мире не может считаться абсолютно надежной.

Похожие друг на друга дорогими костюмами и выражением лиц кардиналы расселись по креслам вокруг овального стола орехового дерева в каминном зале дачи координатора, и Бабуу-Сэнгэ, единственный из всех одетый в атласный фиолетовый, с золотой окантовкой, халат тибетского ламы, с «нагрудником справедливости» на массивной золотой цепи и в квадратной шапочке с иероглифом саньди над лбом, открыл Сход. Но начать традиционным восхвалением Творца и молитвой власти ему не дал возбужденный Петр Адамович Грушин, занимавший пост президента Национального банка.

– Что происходит, координатор? – резко бросил он. – Почему система безопасности Круга допустила гибель трех наших коллег? Чья очередь следующая? И кто за всем этим стоит? Может быть, это ваших головорезов дело? – глянул на Рыкова в упор Грушин. – Давно известно, что вы игнорируете законы Круга и рветесь к власти!

– Нет, – бесстрастно ответил Герман Довлатович.

– Петр Адамович, – укоризненно качнул головой Бабуу-Сэнгэ, – на Германа Довлатовича тоже было совершено покушение.

– Почему же его не убили, как других?

Кардиналы обменялись понимающими взглядами, но увещевать младшего коллегу не захотели. Многие из них задавали себе те же вопросы.

– К сожалению, мы стали слишком самонадеянными, – кротко начал Бабуу-Сэнгэ.

– Кто это – мы? – хмыкнул Хейно Янович Носовой.

– Мы все – люди Круга. – Глаза координатора превратились в щелочки, но тон голоса не изменился. – Мы допустили слишком резкое падение Закона обратной связи, частный случай которого – Закон возмездия упал ниже допустимого предела. В результате сработал какой-то неизвестный нам Закон, восстанавливающий равновесие в крайне жестоким варианте, и появился его реализатор...

– Воин Закона Справедливости, – пробурчал Виктор Викторович Мурашов.

– Да, можно назвать его и так, – поклонился в его сторону Бабуу-Сэнгэ. – Хотя я лично назвал бы его иначе: Воин Равновесия.

– Я думал, что Воин – легенда.

– Увы, не легенда. Эгрегор Хранителей имеет сведения по крайней мере о двух появлениях Воина в течение последних десяти тысяч лет человеческой – и славянской – истории. Имя одного из них вам известно: Георгий-Победоносец.

– Хорошо, пусть будет... этот ваш Победоносец, – поморщился Носовой. – Кем он направлен? Кто заказчик? Иерархи? Монарх? Творец? Кто реализует этот Закон в «розе»?

– Этого не знает никто, – сказал, превращаясь в бронзоволицего будду, Бабуу-Сэнгэ.

– А не может им быть один известный нам всем человек? – хладнокровно осведомился Юрьев. – Ведь все мы знаем, что десять лет назад он перешел границу реальности...

– Матвей Соболев! – громче, чем следовало, произнес Грушин.

– Я не могу ни возразить вам, ни согласиться, – помолчав, сказал координатор. – Но если это так, то Соболев очень изменился. В нашей реальности он был известен, как Воин Восстановления

Справедливости. Уничтожение же всех без разбора людей Круга не есть справедливость.

– Он вполне мог попасть под влияние Монарха и стать Истребителем закона, – тихо сказал Рыков.

Бабуу-Сэнгэ остро глянул в его глаза.

– У вас есть информация или это только ваше предположение?

– Предположение.

– Чепуха! – заявил чем-то возбужденный Носовой. – Какими бы способностями Соболев ни обладал, он был обыкновенным человеком.

– Ну, не скажите, Хейно Яанович, – усмехнулся Юрьев. – Этот «обыкновенный человек» очень здорово намял бока нашим чеченским коллегам. Да и Герману Довлатовичу прилично досталось. Не так ли, маршал?

Рыков промолчал.

– Я думаю, Хейно Яанович в чем-то прав, – сказал Мурашов. – Жив ли Соболев или нет, стакнулся он с Монархом или нет – не суть важно. Проблема в другом: что делать?

– В ближайшее время контролером Союзов будет объявлен «час Цафкиель», – сказал Бабуу-Сэнгэ. – Возможно, эта операция поможет нам разобраться, что происходит. А пока... – Координатор замолчал, потому что получил по рации сигнал тревоги от первого поста охраны.

Насторожились и другие кардиналы.

– Господа, мои наблюдатели засекли приближение военного вертолета. Не думаю, что он послан таинственным Воином по наши души, – Бабуу-Сэнгэ позволил себе слегка улыбнуться, – однако в нашем положении стоит перестраховаться. Прошу всех спуститься в мое скромное убежище под дачей.

«Скромное» подземное убежище координатора по комфорту и бытовым удобствам ничем не уступало верхним этажам дома. Здесь можно было жить долго, рассчитано оно было человек на пятнадцать. Но насладиться отдыхом в центральном зале убежища кардиналы не успели.

Вертолет (дневной боевой противотанковый «К-50») приблизился к Малеевке и с высоты трех километров дал по коттеджу Бабуу-Сэнгэ два залпа: управляемыми ракетами «Х-25М» и ПТУР «Вихрь». В мгновение ока резиденция координатора Союза Девяти перестала существовать, превратилась в кирпичный щебень, в пыль.

Магическая «стена отталкивания» на пилота не произвела никакого впечатления, будто он ее не ощущал вовсе. Но самое интересное с пилотом произошло потом, когда зомби-программа перестала на него действовать и он осознал, что сделал.

Летчик сошел с ума!

Глава 10

МАРИЯ – СВЕТЛАДА

Зачет по компьютерной совместимости – компатибабельности, как любили говорить студенты, Стас получил практически автоматом, потому что весь семестр занимался с преподавателем наладкой факультетского компнавигатора. Спрятав зачетку в карман и выйдя из аудитории, он столкнулся нос к носу с Виктором.

После нападения неизвестных стрелков у дискотека «Звезда» Виктор к Стасу подходить боялся, понимая, что во время драки вел себя не по-мужски, и это облегчало положение самого Стаса, по сути ставшего соперником приятеля. Однако Марго на попытки Виктора продолжить знакомство не реагировала, зато благосклонно откликнулась на предложение Стаса встретиться как-нибудь вечером. Сегодняшний зачетный день и был прелюдией к этому «как-нибудь»: был понедельник и танцгруппа «Студия-Б» в этот вечер нигде не выступала. Стас позвонил Марии утром и договорился, что заедет за ней в шесть часов вечера.

– Привет, – буркнул Виктор, собираясь прошмыгнуть мимо.

– Ты чего такой смурной? – остановился Стас. – К зачету не готов?

– Готов, – отвел глаза Виктор. – Ты... это... поосторожней там, я видел ту машину, из которой по тебе стреляли.

– Где?

– У баскетбольной площадки, за углом.

– Точно? – прищурился Стас.

– Я тебе говорю! – обиделся Виктор. – Здорово ты тогда их уделал... Ну, я пошел. В общем, поглядывай по сторонам.

Он скрылся в аудитории, а Стас побрел к выходу из корпуса, прикидывая, что делать. Обошел здание института, разглядывая машины, стоящие у тротуара и на площадках возле ограждений, но серой «девятки», из которой его обстреляли неизвестные бандиты, не обнаружил. Однако совет Виктора принял к сведению. Убить его пытались дважды, а это уже система, не случайное совпадение.

Тренировку в этот день Стас закончил раньше обычного. А в раздевалке к нему подошел учитель, на лице которого никогда ничего нельзя было прочесть.

– Мне предложили выставить бойцов для участия в очередном Абсолютном московском чемпионате мира по запердельным боям, – сказал Такэда; по-русски он говорил совершенно чисто, выговаривая все буквы, хотя был стопроцентным японцем.

– Подразумеваются бои без правил? – уточнил слегка удивленный Стас, которому Василий запретил выступать в официальных соревнованиях еще два года назад. – Мне дядя не разрешит.

– А если мы его уговорим?

– Ну, тогда... – Стас помолчал, – я мог бы попробовать.

Такэда похлопал его по плечу и удалился, демонстрируя свою специфичную кошачью походку, которую перенял и Стас.

Дома он рассказал о предложении Василию, не рассчитывая убедить дядю в полезности данного мероприятия, и был удивлен, когда тот отнесся к этому по-философски спокойно.

– Ты уверен, что это тебе необходимо?

Стас хотел честно ответить: не очень, – но вспомнил о Марии, которую можно было бы пригласить на чемпионат, и сказал:

– Хотелось бы проверить себя и в таком деле.

– Когда начинаются бои?

– Через неделю. Предварительные – во Дворце спорта в Лужниках, финалы – в Конгресс-холле Центра международной торговли.

– Если чувствуешь, что сможешь себе что-то доказать, тогда иди. Хотя я не уверен, что официальное признание необходимо Идущему в Круг.

Василий ушел в кабинет.

– Можно я возьму твою машину? – крикнул ему вслед Стас.

– Надолго? – донесся голос Василия.

– На вечер. Я... у меня встреча.

– С кем, если не секрет?

– С Марго, – ответил Стас и принялся одеваться, тщательно подбирая туалет. Он хотел предстать перед глазами девушки во всем блеске, который только был ему доступен.

Василий, понаблюдав за ним с минуту, хмыкнул и снова ушел в кабинет, где шелестел вентиляторами компьютер. Стас, которому было не безразлично мнение дяди о его внешности, с некоторым облегчением вздохнул.

Повязав галстук и надев туфли, он встал перед дверцей шкафа. Из зеркала на него исподлобья глянул высокий, широкоплечий, светловолосый, слегка скуластый, симпатичный молодой человек с овальным лицом, на котором выделялись прозрачные, серые, внимательные глаза и твердые, приятного рисунка, губы. Портит это лицо, по мнению его владельца, только тяжеловатый подбородок. Зато серо-голубой костюм от Лэнвина сидел на Стасе отлично, а туфли от Серджо Росси, преподнесенные недавно дядей в подарок племяннику (хотя какой он там был племянник? – бывший подопечный Соболева) на день рождения, дополняли наряд.

Довольный собой, молодой человек щелкнул пальцами, расчесал гриву волос, падающую волной на шею, забрал у Василия ключи от «Фиата» и побежал вниз по лестнице, не дожидаясь лифта.

Василий задумчиво смотрел ему вслед, потом взял мобильник и набрал нужный номер.

* * *

Мария вышла из подъезда, и мир для Стаса перестал существовать.

На ней было ослепительно белое с серебром, полупрозрачное до пояса, кружевное платье-жакет струящегося силуэта от Живанши, повторяющее все великолепные изгибы тела, туфли на высоком каблуке от Чезаре Пакиотти, сумочка «вальман», на руке светились платиной часы «Фидиас» фирмы «Вашерон Константин», браслеты и кольцо того же дизайна из платины и жемчуга работы Мориса Брангарда дополняли наряд.

Девушка подошла ближе, демонстрируя особую, «коллекционно-подиумную» походку, и Стас уловил нежнейший горьковато-травяной запах духов «Гранд Амур» парижского парфюмера Анник Гутал. Губы Мария не красила, пудрой и румянами не пользовалась, лишь подвела

глаза, что увеличивало ее природный шарм. О прическе же Стас ничего сказать не мог, лишь сама девушка знала, что сделана она в салоне «Фредерик» на Арбате по моде Дидье Малигё.

Спохватившись, Стас вышел из машины, распахнул перед дамой дверцу авто, галантно поцеловав ей пальцы, они сели и, посмотрев друг на друга, засмеялись.

– Я хотела произвести впечатление, – сказала девушка.

– Я тоже, – в тон ей ответил Стас, и они снова рассмеялись. – Ни у одной из моих знакомых девушек нет такого прикида.

– А их у тебя много, знакомых?

– Не очень, – глянул на спутницу Стас, и в его взгляде отразилось такое ребячье восхищение, что на щеки Марии легла легкая краска.

– Папино влияние, – пожала она плечиками, – он у меня очень важная персона. Я привыкла одеваться «от кутюр». Ты, между прочим, тоже разбираешься в этом.

– Я как-то прочитал интервью нашего патриарха моды...

– Славы Зайцева?

– Его. Он сказал буквально следующее: человек в силу своего разума, наделенного природой, не имеет права засорять своим внешним видом окружающую среду.

Мария невольно засмеялась.

– Весьма косноязычно, но по сути верно.

– Вот после этого я и стал больше обращать внимания на свой внешний вид.

– А кто твои родители?

Стас остановился на светофоре, помолчал.

– Мама умерла... отец... тоже. – Это была неправда, отец Стаса просто исчез десять лет назад, ушел из дома, не оставив записки, и не вернулся, но для парня он все равно что умер.

– Бедный, – тихо проговорила Мария, погладив руку Стаса прохладными пальчиками, и он снова ощутил нечто вроде электрического разряда, пронизавшего их обоих.

– Давай не будем о грустном.

– Давай.

На душе у Стаса стало легко и весело, он почувствовал подъем и желание провести вечер на высоте – в прямом и переносном смысле.

– Поедем в Останкино. Ты была в ресторане «Седьмое небо»?

– Однажды, с подругами. Хотя привыкла отдыхать в «Голливуд-клубе». Я там выступала несколько раз, и кухня там хорошая.

– Поедем в «Голливуд», – согласился Стас. – Надеюсь, интерьер клуба придется мне по вкусу.

Мария посмотрела на профиль водителя и поняла его чувства.

– Не волнуйся, меня там знают и пропустят.

– Я не волнуюсь, – искренне ответил Стас, который мог пройти в любое закрытое учреждение с помощью мысленного внушения.

– А не боишься, что тебя встретят те, кто стрелял? Почему не берешь с собой охрану?

– Во-первых, я не такая важная персона, как твой отец. Во-вторых, в наше время можно запросто подстрелить любого государственного деятеля вплоть до президента, и не спасет при этом никакая охрана. На мой взгляд, наличие многочисленных телохранителей у наших крутых бизнесменов и звезд есть просто игра, деталь имиджа, не более того. Сколько уже было примеров, когда охрана оказывалась бессильной перед киллерами.

– У папы другое мнение. Просто надо нанимать профессионалов, таких, как Сильвестр, например. Он бывший полковник контрразведки и мастер рукопашного боя.

– Это не его машина следует за нами? – Стас бросил взгляд на зеркало заднего вида. – Джип «Тойота».

– Не знаю, – беспечно отмахнулась Мария. – Папа не спрашивает, куда я еду, но всегда знает, где меня искать.

Стоянка возле современного – из коричневого зеркального стекла, стали и бетона – здания «Голливуд-клуба» была заполнена почти до отказа, и Стасу с великим трудом удалось втиснуть свою машину в щель между широкозадым «Роллс-Ройсом» и «шестисотым» «Мерседесом».

Марию действительно в клубе знали и пропустили молодую пару, не спрашивая клубной карточки или визитки. Клуб имел три ресторана с разными кухнями. Девушка предложила русскую кухню, а поскольку Стасу подходила любая – он не ел мяса, – то и не раздумывал.

Славянский зал ресторана был еще полупустым, гости здесь обычно начинали собираться позже, к восьми-деяти часам вечера, и молодые люди выбрали столик по вкусу – между фонтаном и колонной, изображавшей Змея Горыныча, стоявшего на хвосте.

– Я ужасно голодна, – призналась Мария, когда они сели и официант, похожий на молодого Жан-Клода Ван Дамма, принес меню. – А ты?

– Я тоже, – дипломатично поддержал спутницу Стас, хотя есть особенно не хотел. – Люблю вдумчивое гурманство, больше получаешь удовольствия.

– Ты любишь получать удовольствие?

– Я соблюдаю пурушартхас, – ответил Стас, подумав.

– Пурушартхас? Это заветы индийских йогов, что ли?

Стас улыбнулся. Судя по вопросу, Мария сейчас не была авешей Светлады, иначе знала бы, что такое пурушартхас.

– В индуизме так называются четыре цели человеческой жизни: дхарма – обязанность, артха – приобретение, кама – удовольствие и мокша – освобождение.

– Ты много читаешь?

– В основном научную и эзотерическую литературу, художественную реже. Кое-кого из поэтов классических эпох.

– Например?

Стас подумал и процитировал:

Я сидел у окна в переполненном зале,
Где-то пели смычки о любви.
Ты прислала мне черную розу в бокале
Золотого, как небо, аи.

– Блок. Еще?

Стас снова задумался на несколько мгновений.

Лучше пить и веселых красавиц ласкать,
Чем в постах и молитвах спасенья искать.
Если место в аду для влюбленных и пьяниц,
То кого же прикажете в рай допускать?

– Омар Хайям. Интересный диапазон. А знаешь полное имя Хайяма?

– Омар ибн Ибрагим абу л Фатх ал Хайям ан Найса-бури.

– Молодец! – восхищенно всплеснула руками Мария. – А вот я не могу запомнить, хоть лопни. Но Омар не ходит в моих кумирах. Я люблю Ахматову, Цветаеву, Бальмонта. Кое-что из Блока, Бунина, Есенина, Хикмета. В детстве читала все подряд, сейчас, конечно, меньше, но время все-таки нахожу. Мечтала стать певицей, стала танцовщицей, вокальные данные оказались слабоваты.

– В наше время можно раскрутить любую девчонку, тем более такую красивую, как ты.

– Спасибо, – насмешливо сделала реверанс Мария, – но этот путь не мой. Я могу выразить себя и в танце. А как у тебя с мечтами? Добился, чего хотел? Ты действительно хочешь стать физиком?

– Физтех просто отвечает моим интересам и возможностям, – серьезно сказал Стас. – А вообще-то я хотел бы стать человеком Внутреннего Круга. Слышала о таком?

– Слышала от отца. – Девушка сделалась задумчивой. – Но отец не желает раскрывать тайны этого Круга, как я его ни просила. Говорит, мала еще. Ты сам-то знаешь, что такое человек Круга?

– Один западный ученый, Джеффри Мишлав, как-то очень образно и емко сказал: «Мы приближаемся к эпохе, в которой традиционные роли ученого, священника, шамана и художника объединятся в одной личности нового типа, готовой погрузиться в великое таинство жизни, лежащей за фасадом мира». Вот эта личность по большому счету и есть человек Внутреннего Круга.

– Неплохо сказано. Однако если бы все люди Круга были такими, мы бы не переживали сейчас этот жуткий социальный кризис.

Стас присмотрелся к лицу собеседницы, однако следов присутствия Светлады не заметил. Мария просто повторяла чьи-то слова.

– Может быть, ты и права, но, на мой взгляд, кризисы зависят не от людей Круга, а просто от людей, от народа. Каков народ – такое правительство, такие условия жизни. Ты «Воскресные прогулки» Мопассана читала? Сейчас вспомню, что он там писал. – Стас потер лоб, напрягая память. – Вот: «Допустим, во Франции имеется пять гениальных людей. Прибавим с такой же щедростью двести высокоталантливых, тысячу других, тоже талантливых, каждый в своей области, и десять тысяч человек, так или иначе выдающихся. За ними идет армия посредственностей, за которой следует масса

дурачья. А так как посредственности и дураки всегда составляют огромное большинство, то немыслимо представить, чтобы они могли выбрать разумное правительство». И хотя сказано это о Франции, Россия в этом смысле ничем от нее не отличается.

Мария засмеялась.

– В точку! То же самое всегда говорил папа.

– Там у Мопассана еще было... дословно не помню, что-то о бессмысленной силе большинства... Да, вот: «Невежественное большинство всегда будет превалировать над гением, над наукой, над всеми накопленными знаниями...», ну и так далее. Мне кажется, этот закон нашего социума и стал в самом начале человеческой истории одной из причин возникновения Внутреннего Круга, хранящего накопленные прежними цивилизациями знания. Я тебя заговорил?

– Нет, очень интересно, честное слово! Со мной никто никогда не говорил о подобных материях, все больше о... – Девушка нахмурилась, замолчала. – Поражаюсь твоей памяти! Я всегда запоминала исторические факты с великим трудом.

– Что будем есть? Выбрала?

– Давай вместе.

Они взялись изучать меню и вскоре заказали ужин.

Мария выбрала «пестрый» салат, баклажаны с мясом и помидорами, рулет из ягненка с пряностями, блины с овощами и шампиньонами, закуски и на десерт пирожное – корзиночки со свежими ягодами. Стас предпочел салатное ассорти, пироги с вязигой, кулебяку (рис и рыба), копченого лосося, тарталетки с красной и черной икрой и закуски. Из напитков выбрали черничный морс и минералку. Стас позволил себе бокал шампанского. То же самое взяла и Мария.

– Итак, на чем мы остановились? – подняла она бокал.

– На том, что жить вредно, жизнь жестока, а регулируют ее дураки. – Стас поднял свой бокал. – Но пить мы за это не будем. За тебя, Марго!

– За встречу, Стас.

Они отпили по глотку шампанского.

– Честно говоря, не думал, что ты согласишься встретиться, – признался Стас.

– Почему? – удивилась девушка.

– Вокруг тебя полно кавалеров с тугими кошельками и кучей телохранителей.

– Разве ты беден?

– Нет, но... я не то хотел сказать. Просто такая девушка, как ты, очень яркая, не остается незамеченной...

– Ты прав, кавалеров хватает, – Мария сделала милую гримаску, – но среди них нет ни одного человека Круга, владеющего воинскими единоборствами так, как Станислав Котов.

– Я далеко еще не человек Круга.

– Но ты идешь! – Глаза девушки внезапно вспыхнули, Стаса буквально обожгло, встряхнуло, и он понял, что ошибался: Светлада жила в сознании Марии все время, а ее поведение было всего лишь тестом для нового знакомого, и прошел ли он этот тест «на профпригодность и интеллект», Стас не знал. Впрочем, взгляд Марии он расшифровал, с изрядной долей иронии, как «годен без ограничений».

– Мы говорили о жестокости жизни, – задумчиво проговорила Мария, принимаясь за еду с непосредственностью школьницы. – Что ты сам вкладываешь в понятие «жизнь»?

У Стаса непроизвольно сжались мышцы живота. Вопрос был задан неспроста, он это чувствовал, возможно, от его ответа зависело окончательное суждение девушки об его умственных, а то и душевных способностях, поэтому отвечать не спешил.

– Знаешь, своего мнения по этому вопросу я, по-моему, еще не выработал. Могу только поделиться мнением ученого, которое мне близко по ощущениям. В узком смысле данного понятия жизнь – способ действий человека, при котором он совместно с другими людьми образует единый живой – соборный, как говорят, – организм, эгрегор. В широком смысле – это способ динамического взаимодействия энергий разных видов. Но существует и метафизический смысл жизни – арена борьбы сил Света и сил Тьмы.

– Да, я не ошиблась в тебе, – улыбнулась Мария с каким-то облегчением и в то же время с ноткой грусти. – Ты избрал правильную даршану^[19].

– У меня хорошие учителя.

– Надеюсь, это не Рыков?

Стас уловил подковырку и, зная отношение дяди к маршалу СС и кардиналу Союза Девяти, отрицательно качнул головой. Подвинул к себе салат, взял вилку.

– Рыков – босс Сверхсистемы, подмявшей государство. Как говорит мой дядька, он в ответе за все, что происходит в стране.

– Не он один. Но Рыков – Антихрист, «темный аватара», авеша Монарха, создающий в настоящий момент с помощью тотального зомбирования эгрегор Тьмы. Если он добьется своего, человечество неминуемо погибнет.

Стас начал сосредоточенно жевать, потом сказал, не меняя флегматичного выражения лица:

– Вам не кажется, Марго, что для танцовщицы вы... как бы это сказать... слишком...

– Умна? – засмеялась Мария. – Ты прав, Воин. Но ведь ты давно догадался, кто я? Не только избалованная дочь крутых родителей, но и авеша Светлады. Не так ли? Разве ты не узнал меня там, в клубе «Звезда»?

– Узнал, – хладнокровно кивнул Стас. – Но думал, что авеша – явление временное, пришла – ушла...

– В принципе ты прав, «проекция» высших существ на человеческую личность не может обитать в теле-сознании человека долго по разным причинам, но я – исключение.

– Кто – ты?

– Если Светлана – эмоциональный двойник инфарха, то я – его духовный двойник, так сказать, третье «Я». И контактирую я только с теми, кто мне интересен, свободен от стереотипов восприятия и наделен интуитивным знанием добра и зла.

Стас изобразил скептическую усмешку.

– Я не Бог, чтобы обладать столь глубокими качествами.

– Но в богов ты веришь?

– Не знаю, наверное, нет, – вздохнул Стас. – По-моему, эпоха личных богов, обладающих знанием добра и зла, моральных норм, созидających и разрушающих, эмоциональных и энергичных, прошла. Наступила эра Бога безличного, признающего только логику и холодный расчет. Его не интересуют ни добро, ни зло, только экспериментальное знание. Вселенная ему нужна лишь для проверки своих концепций и Игры с самим собой.

Мария долго изучала мягко-безмятежное лицо собеседника, так что Стас в конце концов почувствовал себя неловко, хотя чувства свои не выдал, и проговорила:

– От всей души желаю достичь тебе атма джайя^[20]! Ты можешь добиться того, чего не добился один человек...

У Стаса перехватило дыхание.

– Этот человек... Матвей Соболев?! Что ты знаешь о нем?!

– Разговор о Соболеве – не для ресторана.

– Почему? На нас никто не обращает внимания...

– Котов! – притворно нахмурила брови Мария, и Стас сдался.

– Хорошо, хорошо, не расстреливай меня глазами, поужинаем и поедем куда-нибудь на природу. Я от тебя не отстану, так и знай.

– Испугал, – фыркнула девушка, – я сама от тебя не отстану... хотя не очень-то воображай по этому поводу. А поговорить мы можем и у меня дома.

– Это можно понимать как приглашение? Не поздно? Родители не станут коситься?

Мария засмеялась.

– Ты задаешь слишком много вопросов, мне одной ответить сразу на все трудно. А родитель у меня один – папа, который сказал, что сегодня ночевать дома не будет. Мама умерла еще пять лет назад.

– Прости, я не знал.

– Ничего, все нормально. Я заметила, ты не ешь ничего мясного. Диета или вегетарианская школа?

– Последнее, дядя приучил. К тому же для поддержания высоких физических кондиций организм должен быть свободен от холестерина и жировых шлаков.

– Ты много занимаешься?

– По четыре-пять часов в день. Но ведь и ты, наверное, не меньше, у танцоров нагрузки высокие.

– Это уж точно, – кивнула Мария. – О свободном времени приходится только мечтать. Зато я зарабатываю на жизнь сама. Потанцуем?

Стас покосился на танцующие пары; оркестр уже занял свои места и начал вечернюю программу; зал почти весь был полон и сверкал обилием драгоценностей и обнаженных женских плеч.

– Я не большой любитель танцевать, однако отказать даме не могу.

Они станцевали блюз, потом танго, снова сели за столик, продолжая легкий светский разговор, узнавая друг о друге новые подробности, перескакивая с темы на тему, и хотя Стас жаждал услышать от девушки иную историю – о Соболеве, тему эту не затронул.

В начале двенадцатого они вышли из «Голливуд-клуба» в ночь, остановились у машины, заглядываясь на звезды, проступившие в небе, и на светящиеся окна ближайших высотных зданий.

– Красиво, – сказала задумчиво Мария. – Люблю смотреть на звезды, особенно в деревне. Здесь дома мешают и свет. Кстати, чем наши многоэтажки не муравьиные кучи?

– Скорее термитники, – кивнул Стас. – Я иногда думаю, что мы, возможно, произошли все-таки не от тараканов, а от муравьев. В крайнем случае от термитов.

Мария повернула к нему голову, в ее ставших загадочными и глубокими глазах отразились огни зданий, превратившись в звезды.

– Увы, идущий, Монарху понравились именно тараканы – Блаттоптера сапиенс, и мы их потомки, как бы ни хотелось иметь предков посимпатичней.

Лицо девушки приблизилось, кожа Стаса ощутила его тепло. Повинуясь желанию, он медленно обнял Марию за плечи, притянул к себе и поцеловал. В тот же момент сработала сторожевая система организма, переводя его в состояние ментального озарения. Стас напрягся, переставая ощущать вкус поцелуя, чувствуя по крайней мере три чужих взгляда с трех разных сторон, скрестившихся на нем, но Мария шепнула ему на ухо:

– Не волнуйся, это свои. Папа, наверное, снова послал телохранителей, хотя меня это всегда раздражало.

Она повернула голову к шеренге темных автомобилей справа от машины Стаса.

– Сильвестр, это ты?

Вспыхнули подфарники одного из джипов, из него вышли две фигуры, одна широкая, громоздкая, как шкаф, вторая потоньше и повыше. Хорошо видевший в темноте Стас разглядел мужчин, и оба они ему не понравились.

– Сильвестр занят, – проговорил «шкаф» низким гулким голосом. – Он послал нас. Поехали, Мари.

– Слон? – узнала девушка телохранителя отца. – Я вас не вызывала, и сегодня я не одна.

– Ты поедешь с нами.

– Я поеду с другом, – нахмурилась Мария.

– Не упрямься как маленькая, – заговорил второй мужчина, с лицом худым, темным и морщинистым. – Ты же знаешь, что такое приказ.

– Я не поеду с вами, – ледяным голосом отрезала девушка. – Поехали, Стас.

Мужчины переглянулись, затем тот, кого Мария назвала Слоном, взял ее под руку, собираясь вести к джипу, но она вырвалась и отступила к машине Стаса.

– Э-э, джентльмены, девушка не хочет идти с вами, – вмешался тот, пряча гнев и стараясь говорить доброжелательно. – У меня тоже есть машина, и я довезу ее до дома в целости и сохранности.

– А ты бы лучше не совался не в свои дела, малец, – пробасил Слон грубо. – Идем же наконец, Мари. Нам приказано тебя доставить, и мы это сделаем, Сильвестр не любит невыполнения его приказов. – Он снова попытался взять девушку под локоть, но его лапа, способная, наверное, раздавить кирпич, встретила руку Стаса.

– Идите своей дорогой, ребята, – проникновенно попросил молодой человек. – Не давите на психику, не хочется вас обижать. Ей-богу, мы доберемся и без вашей помощи.

Телохранители Юрьева были профессионалами и не привыкли, чтобы им мешали, поэтому не стали вести словесную перепалку, а сразу начали действовать. Слон все же вцепился в локоть Марии, а его спутник коротко, без замаха, ударил Стаса в лицо... и с шумом отлетел к машинам напротив, врезавшись в бампер микроавтобуса.

Слон удивленно оглянулся на него, повернул голову к неподвижно стоявшему Стасу, начиная что-то соображать, сунул руку под пиджак и, утробно охнув от удара в живот, выпустил девушку. В то же мгновение Стас нанес ему удар тыльной стороной ладони по носу, одновременно передавая усыпляющий энергетический импульс.

Бугай-телохранитель хрюкнул, мотнув головой, ноги его подкосились, он упал на колени и завалился на асфальт лицом вниз.

Несколько мгновений стояла звенящая тишина. Мария удивленно разглядывала посланных Сильвестром людей, привыкших считать себя сильными и непобедимыми, потом перевела взгляд на спутника.

– Что ты с ними сделал?

Стас не успел ответить, из джипа выскочил водитель, вытаскивая на ходу пистолет. Он был в пяти-шести шагах и наверняка не промазал бы, если бы начал стрелять, а Стас вряд ли стал бы применять приемы космек, чтобы уцелеть, но в ситуацию вмешалась сила, о которой он забыл: Светлада.

Мария не произнесла ни слова, но глаза ее вспыхнули на миг, и водитель, споткнувшись, сунулся носом в капот соседней машины, тут же завопившей сиреной: от удара включилась противоугонная система.

– Поехали, – быстро сказала девушка.

– А они?

– Если ты их не убил, доберутся сами.

Стас проглотил ненужные объяснения, сел в «Фиат» и вывел его со стоянки, не обращая внимания на поднимающуюся возле здания «Голливуд-клуба» легкую суматоху.

Водитель одной из машин в длинной шеренге иномарок, стоявшей с работающим мотором, но без включенных фар и габаритных огней, повернул голову к соседу и сказал бесстрастно:

– Он действительно хорош.

– Он подготовлен лучше, чем мы думали, – ответил так же бесстрастно спутник. – Придется готовить «волну выключения» по всем правилам.

– Поедем за ними?

– Их подстраховывает еще одна группа, не стоит «светиться» лишний раз. Это профессионалы «чистилища», причем Посвященные. Поехали на базу.

Не включая фар, серая «девятка» выкатилась из ряда машин, миновала незадачливых, приходящих в себя телохранителей Юрьева и, свернув в переулок за зданием клуба, исчезла.

Стас и Мария доехали до ее дома на Арбате без каких-либо эксцессов. Правда, ему показалось, что одно время их сопровождала синяя «Мазда» с двумя пассажирами, но потом она куда-то свернула.

Дом, в котором жил советник президента Юрий Венедиктович Юрьев с дочерью, принадлежал в свое время депутатам первого

российского парламента и охранялся спецпостом ОМОНа, потому что в нем проживали и другие государственные чиновники. Квартира Юрьевых располагалась сразу на двух этажах – двенадцатом и тринадцатом: три комнаты на первом уровне, три на втором. Пока Мария переодевалась, Стас разглядывал гостиную в стиле Домана, заглянул в одну из спален и на кухню. Ничего особенного он не увидел, но именно простота убранства и строгость линий интерьера говорили об изысканности вкуса хозяина и о стоимости гарнитура. Стас не очень разбирался в стилях мебели, но по его оценке это была французская мебель эпохи рококо – с обилием резьбы, гнутых ножек с позолотой, гобеленовых драпировок и мотивов рокайля. Картина Пюви де Шаванна на стене в гостиной подтверждала приверженность хозяина к французскому искусству.

А вот кабинет Юрия Венедиктовича произвел на Стаса совсем другое впечатление. Он вошел в комнату, заставленную полками с книгами, прошелся по зеркально натертому паркетному полу, прислушиваясь к тишине помещения, и ему вдруг показалось, что все вещи открыли глаза и посмотрели на него. Он напрягся, освобождаясь от наваждения, отступил к порогу, понимая, что кабинет «запечатан» с помощью магических «формул отталкивания», и подумал, что отец Марии – далеко не обычный человек!

Сзади раздался шорох. Стас обернулся стремительно и онемел.

Мария стояла сзади и улыбалась, одетая во что-то белоснежно-серебристо-пушистое и кружевное, сквозь которое маняще проступали контуры тела.

– Нравится?

– У-у-у! – ответил Стас красноречиво.

Девушка засмеялась, оказываясь рядом, взяла его за руку и повела за собой.

– Это флай от Армани, я редко его надеваю, только для друзей. А ты молодец, если сумел войти в кабинет папы. Обычно это не удается сделать никому.

– Я не думал... не хотел...

– Не оправдывайся, я бы тоже полюбопытствовала. Кофе будешь? Или что-нибудь покрепче, у отца хороший бар.

– Кофе.

– Тогда пойдем в малую гостиную, она моя. А в этой отец обычно принимает своих гостей.

– Почему же она не закрыта?

– Отец запирает ее «печатью отталкивания» только во время совещаний и встреч.

– Он Посвященный?

– Разве ты не знал? Он кардинал Союза Девяти.

Оглушенный известием, Стас остановился. Мария, поднимавшаяся впереди по лестнице, повернулась к нему. Глаза ее мерцали и смеялись.

– Разве что-то изменилось? – сказала она с мягкой улыбкой. – Я стала другой? У нас разная вера, разные касты, взгляды?

– Нет, но...

– Я ведь знала, что ты – воспитанник Посвященных, Соболева и Балужева. Но для меня это никакого значения не имеет. А для тебя так важно, кто мой отец?

Стас справился с волнением и твердо сказал:

– Нет!

Мария, понимавшая, чего это ему стоило, спустилась на ступеньку ниже, коснулась губами его щеки и снова потянула за руку вверх. У Стаса стало легко на душе и одновременно тревожно, потому что жизнь не предлагала случайных встреч и за все удовольствия требовала платы. Их встреча была кем-то запланирована, а что из этого получится, не знала, наверное, и сама Светлана, завладевшая сознанием Марии.

Малая гостиная Марии представляла собой уютную комнату с камином, толстым ковром на весь пол, журнальным столиком посередине и пятью креслами, образующими пентаграмму. Светильник в форме лотоса мягко освещал столик, создавая вне освещенной зоны теплый полумрак. Стаса усадили в кресло, принесли кофе, Мария забралась с ногами в кресло напротив, что, как помнил юноша, любила делать Кристина, подруга Матвея Соболева, и они принялись слушать тихую музыку, включившуюся словно по взгляду хозяйки, насыщенную волшебными звуками виолончели.

– Тебе грозит опасность, – сказала Мария без всякого перехода, отпив глоток ароматного напитка.

Она была так женственна, красива и желанна, что у Стаса, как при прыжке в воду, перехватило дыхание, и он не сразу понял, о чем речь.

– Ерунда, прорвемся, – запоздало отреагировал он, тут же внутренне собираясь; с ним сейчас говорила не Мария, а Светлана, необязательные, как и при любом знакомстве, разговоры закончились, обнажилась суть того, что составляло информационную базу «проекции» Светланы на личность Марии.

– На тебя нападали дважды, – продолжала девушка, в глазах которой заструилось пламя знания. – Дважды твои враги ошиблись, недооценили тебя, в третий раз они подготовятся значительно более серьезно.

– Да кому это я перебежал дорогу? – удивился Стас. – Кого обидел? У меня никогда не было врагов.

– Теперь есть, хотя точного ответа я тебе дать не могу. Знаю лишь, что иерархи здесь ни при чем. Но по Земле сейчас разгуливает ликвидатор людей Внутреннего Круга, который уничтожает всех без разбора: Посвященных всех ступеней, кардиналов Союзов Неизвестных, старейшин и даже идущих в Круг, кандидатов в Посвященные. Ты – кандидат и поэтому тоже подлежишь уничтожению. Чем тебе помочь, я не знаю, просто будь осторожен.

Стас хотел с пренебрежением сказать, что он всегда осторожен и не привык лезть на рожон, но вместо этого проговорил:

– Буду. Спасибо.

По губам Марии скользнула легкая ироническая улыбка.

– Ты не понимаешь всей трагичности своего положения, Котов. Твой дядя брал тебя с собой в поход за границу реальности?

Стас едва не обжегся, сделав слишком большой глоток кофе, однако постарался не показать виду.

– Откуда ты знаешь?

– Об этом скоро узнают все кардиналы. И за вами начнется охота. Никто из Посвященных «запрещенной реальности», за исключением Хранителей, не имеет тхабс, а так как угроза быть уничтоженными Истребителем Закона велика, они захотят овладеть тхабсом, чтобы обратиться с Земли. Поэтому я и была послана сюда.

– Кем?

– Инфархом. Он низложен, однако его миссия в «розе» еще не закончена и он многое может и должен сделать.

– Где Матвей Соболев? – Стас поставил чашку на столик и требовательно посмотрел на Марию. – Что ты о нем знаешь? Почему он не вернулся вместе с друзьями в нашу реальность? Кто такой Истребитель Закона, убивающий Посвященных? Кто его послал? Какой закон он должен «истребить»?

Стас увидел искру смеха в глазах девушки и нахмурился.

– Я снова задаю слишком много вопросов? У тебя есть на них ответы?

– Не на все, – виновато покачала головой Мария. – Я не знаю, кем послан Истребитель, но знаю, что с благими намерениями и что задача была поставлена ему благородная: нейтрализовать заработавший в предельном варианте Принцип дьявола.

– Благими намерениями устлана дорога в ад... – пробормотал Стас. – Принцип дьявола – это... когда гибнут только хорошие люди?

– Этот принцип еще называется Законом переноса вины: расплачиваются за злодеяния и гибнут во всех войнах и конфликтах самые умные, самые сильные, добрые и красивые люди. Но опасность от знания нами причин охоты на людей Круга вряд ли уменьшится. Ты попал под прицел и должен ждать очередной атаки. Что касается Соболева... Вся история Инсектов – это история войны всех против всех. А поскольку человек – потомок Инсектов, то его история тоже представляет собой непрерывную цепь войн.

Стас хотел сказать: при чем тут Соболев? – но сдержал порыв.

– Иерархи – по сути новое человечество, – продолжала девушка, – вырвавшееся на просторы Вселенной, «розы реальностей», как принято говорить, но и они – потомки Инсектов, не преодолевшие до конца их агрессивность и жажду власти. Подталкиваемые Монархом Тьмы, они не избежали сценария, разработанного еще Аморфами, братьями Монарха, и теперь в «розе» идет страшная война! Война всех против всех – за передел мира, за власть, за трон Мастера Мастеров, который вынужден был освободить инфарх.

– Ну и при чем тут Соболев? – все же не выдержал Стас.

– Матвей Соболев – участник этой войны. Это все, что я о нем знаю. Он жив, как и его друзья, но на чьей стороне воюет, где, с кем – неизвестно.

Мария замолчала, наблюдая за игрой теней на лице собеседника, и Стас постарался сделать глубокомысленную мину. Впрочем, он и в

самом деле погрузился в размышления, ошеломленный услышанным, и вышел из этого состояния не сразу.

– А почему ты... вы... решили контактировать именно со мной, а не с дядей? Или с вашим отцом?

Мария улыбнулась.

– Мы как будто уже перешли на «ты». Если я скажу, что ты симпатичней твоего дяди, ты согласишься?

Стас порозовел, рассердился.

– Не поверю. Это не причина.

– Ну и напрасно. – Мария засмеялась и тут же стала серьезной. – Есть и другие причины. Ты – один из немногих идущих, кто может стать Воином Закона Справедливости. И я хочу тебе помочь. Не возражаешь?

Стас усилием воли вернул себе самообладание, допил кофе.

– А вы... ты не ошибаешься во мне?

– Если и ошибаюсь, то чуть-чуть. – Девушка показала пальцами насколько. – Но ведь мой выбор тоже подчинен закону.

– Какому?

– Ну, закону лотереи, например.

Стас вспомнил прочитанную им по совету Василия книгу Злобина «Мешок законов».

– Один человек сформулировал свой закон лотереи: без выигрыша!

Мария засмеялась, выпорхнула из кресла, взъерошила волосы на затылке юноши, как это делала десять лет назад Кристина, и убежала.

– Сейчас принесу чего-нибудь вкусненького, после этих ресторанов всегда так есть хочется.

– Может, я уже пойду? – спросил открытую дверь Стас. – Поздно уже.

Мария вернулась с подносом в руках, глядя на него с ожиданием и вызовом, и тогда он отбросил все свои сомнения и подхватил ее на руки.

Глава 11

МЕЙДЕР ПРОТИВ МАНИПУЛА

В квартиру Балашовых бандиты Узбека ворвались в два часа ночи. Дверь хозяин квартиры недавно поменял на металлическую, но мастера, делавшие и устанавливавшие ее, были связаны с бандой, и проблем с открыванием не возникло. В налете на квартиру бизнесмена, из которого надо было выбить долг в тридцать тысяч долларов, сам Узбек (кличку он получил за узкие глаза и острые скулы, хотя по паспорту звался Федором Кузьмичем Шаповаловым) не участвовал, но ждал группу в лесу, возле сторожки, где банда хранила инструменты для пыток.

Несмотря на мольбы Балашова и клятвы все отдать в течение двух дней, его семью: жену, шестидесятипятилетнюю мать и отца, семилетнего сына, – привезли к бревенчатой сторожке и первым делом подвесили всех за ноги к ветвям деревьев. Потом за дело взялся Шура Палькин по прозвищу Бык. Два года назад он освободился из колымских лагерей, где сидел за то, что облил бензином человека и поджег. В банде же он прославился виртуозным владением паяльной лампой, а также тем, что многим жертвам выплескивал в лицо расплавленный битум. Изредка он пользовался и своим старым приемом: звонил в квартиру, и когда ничего не подозревавший гражданин открывал дверь, – Бык выплескивал на него из кружки бензин и поджигал.

Возле сторожки Шура Палькин действовал разнообразней, во всю «мощь» своей ущербной больной фантазии. Заклеив жертвам скотчем рты, он разжигал под висящими людьми костры и подкладывал дрова до тех пор, пока у тех не начинали трещать волосы. Завязывал вокруг шей висящих шнуры, пропитанные спиртом или бензином, и поджигал. Привязывал к рукам тяжести, пока не обламывались ветви деревьев и жертва не падала на угли костра. Надевал на головы надутый полиэтиленовый мешок, завязывал, ждал, пока лицо жертвы не посинеет, и протыкал пакет сигаретой. Это называлось у него «запустить воздушный шар». А то просто давал в руки лопату и приказывал жертве копать себе могилу. Таких ям в окрестностях

сторожки насчитывалось уже десятка два. Но самым любимым способом развязывания языков был у Быка один, называемый «похоронами». Он запикивал людей в гроб, заколачивал гвоздями крышку и начинал пилить доски двуручной пилой.

С семьей Балашова работал он именно таким образом. «Сжалился» только над сыном бизнесмена: привязал его к стволу сосны и заставил смотреть, как он «хоронит» мать и отца.

Через час «работа» закончилась, Балашов сдал своих коллег из фирмы «Карачарово и К^о», торгующей компьютерами и аксессуарами к ним, рассказал, где прячет «резервные» деньги, и пообещал через два дня отдать долг «дружеской» фирме, заказавшей выбивал. После этого семью отвезли к Кольцевой дороге со стороны Каширского шоссе и оставили избитых, обессиленных, буквально поседевших и постаревших людей у обочины.

Факт этот стал известен Василию спустя сутки после случившегося, и уже к среде пятого июня он подготовил план операции по уничтожению банды Узбека, на счету которой было уже не менее трех десятков разбойных нападений на мелкооптовых торговцев и бизнесменов средней руки, не заявлявших о нападениях по причине не полной законности своих доходов.

– Пора завязывать с этими силовыми акциями, – сказал Василию Самандар, провожая Котова к машине с мейдером. – Бороться с криминалом на этом уровне бесполезно, до уровня прежнего «чистилища», возглавляемого Тарасом Горшиным, нам все равно не подняться.

– Больно вы пессимистичны сегодня, Вахид Тожиевич, – прищурился Василий. – Мне самому не нравится намек Рыкова на то, что деятельность «чистилища» входит в его расчеты. Получается, что он то разрешает нам работать, то не разрешает.

– А разве это не так? Подумай сам. Мы таскаем только мелкую рыбу, крупная постоянно срывается. К тому же Рыков никогда не бросает слов на ветер. Мы еще только планируем уничтожить сеть подпольных оружейных мастерских, а он их уже перебазировал. Теперь снова придется искать по всему Подмоскovie.

– Тем более надо их отыскать и уничтожить! В назидание Герману. Мы тоже кое-что умеем. И плевать мне на его «разрешение»!

– Плевать-то плевать, но даже сброс «К-реестра» в сеть спецслужб ничего почти не дал. Рыков его блокировал.

– Ладно, потом подумаем, что делать дальше. Ты с нами не пойдешь?

– Душа не лежит. Чувствую опасность. После того, как неизвестный ликвидатор накрыл ракетами дачу Бабуу в Подмосковье и едва не угробил Сход (!), следует ожидать всего.

– Не паникуй. Маразм крепчает, но и мы не лыком шиты, прорвемся.

– И все-таки будь повнимательней. Ни пуха.

– К черту!

Василий сел в микроавтобус с надписью по борту «Реанимационная служба». Машина выехала со двора в сопровождении фиолетового «Линкольна» с мигалкой наверху. Самандар постоял немного, провожая эскорт внутренним взором и одновременно ощупывая пространство в ментальном поле в поисках опасности, сел в свою машину, посидел, прикидывая что-то про себя, и включил мотор.

В начале двенадцатого ночи в ресторан «У Максима», располагавшийся в подмосковном Новогирееве недалеко от автовокзала, вошли по одному и по двое семь человек. Четверо из них разошлись по залу, сели за разные столики вокруг центральной площадки со сдвинутыми вместе столами, где гуляла веселая компания – восемь молодых и не очень людей и столько же, если не больше, подруг – во главе с черноволосым мужчиной средних лет с узкими глазами и острыми скулами.

Трое других запоздалых гостей ресторана сели за один столик недалеко от компании, заказали соки, овощи, грибы и кофе. Ровно в половине двенадцатого Василий – он сидел за этим столиком и в своем костюме в черно-белую полоску, с наклеенными усами и бородкой выглядел солидно – подозвал официанта, протянул ему конверт и кивнул на веселящихся посетителей:

– Отнеси хозяину стола.

Официант взял конверт вместе с полусотенной купюрой, ловко спрятал ассигнацию и подошел к Узбеку:

– Велено передать.

– Что это? – Узбек взял открытый конверт, вытащил оттуда прямоугольник из белого плотного картона с тисненым золотым кинжальчиком и буквами ККК, и лицо его изменилось. – Кто передал?!

Официант показал на стол, за которым сидели «солидные люди». Узбек подозвал пальцем подручного, шепнул ему на ухо:

– Троих фраеров за тем столом видишь? Приведи их сюда.

Василий прихлебывал минеральную воду, слушая командира своего мейдера, бывшего «афганца», капитана разведки Соколова Веню, когда к столу подошел волосатый, с громадным животом, потный мужик в сопровождении двух здоровенных лбов в лопающихся на груди рубашках.

– Эй, громадяне, пробачьте, – просипел он, – босс приглашает вас за свой стол. Вставай, пошли.

– Спасибо, – вежливо сказал Вася, не глядя на троицу. – Нам и здесь неплохо. Так вот, – продолжал он, обращаясь к внимательно слушающим его собеседникам. – Племяш и говорит: чтобы ограбить банк, нужно купить оружие, создать банду и набрать в нее побольше хороших людей.

Соколов и его помощник по мейдеру засмеялись.

– Сколько ему лет?

– Шесть.

– Нормально парень рассуждает.

Бык, с недоумением прислушиваясь к разговору тех, кого приглашал шеф, нахмурился. Было видно, с каким усилием в его маленькой, сдавленной у висков голове ворочаются мысли.

– Вы что, бакланы, оглохли?! Босс зовет за свой стол! А ну-ка шустренько, на четвереньках...

Человека исправить нельзя, а тем более бандита-рецидивиста, насчет этого Вася не питал никаких иллюзий, но так хотелось иногда, чтобы подопечные «чистилища» начали прозревать, уходили из банд.

– Объясни товарищу, – кивнул он.

– Отвали, – негромко посоветовал бандиту Соколов, похожий на Василия усами и бородкой. – Если ему надо, пусть сам подойдет и попросит.

Приглашающие в замешательстве переглянулись, потом один из качков с выбритыми висками и затылком шагнул к столу, сгреб Веню за пиджак, собираясь поднять со стула, и осел рядом, выпучив от

изумления глаза, а потом вообще упал лицом вниз. Удара никто не заметил, только Василий. Он показал своему коллеге большой палец. Такой удар в русбое назывался «щекотуха» и наносился в солнечное сплетение суставом указательного пальца. С энергетическим «выдохом» такой удар смертелен.

– Ах ты, бля!.. – взревел Бык, замахиваясь, но тут же его сиплый рев перешел в тонкий вопль: Вася, не вставая, ударил его ладонями по ушам, а второму мордовороту сунул в горло «коготь тигра» – согнутые суставы пальцев левой руки. Парень с грохотом рухнул в проход, задев соседний стол, и наступила тишина. Только повизгивал, согнувшись и зажав уши, Бык. Посетители ресторана за соседними столиками перестали разговаривать, пить и есть, обернулись на шум. Притихла и компания Узбека, но сам он еще ничего не понял, иначе действовал бы по-другому.

– Не привязанный, а визжишь, – укоризненно глянул на Быка Василий. – Что, больно? А когда ты людей жег паяльной лампой, бил и мучил, тебе больно не было?

Налитые кровью глаза Быка выпучились еще больше.

– Т-ты х-кто такой, падло?!

– Смерть твоя, – хмыкнул Соколов, нанося удар снизу вверх в брюхо Быка. Тот хакнул и, хватая ртом воздух, закатывая глаза, упал навзничь, так что вздрогнул пол ресторана.

Завизжали девицы, дружки Узбека повскакали с мест, хватая ножи и бутылки, сам же он незаметным движением вытащил пистолет и сдвинул предохранитель.

– Пора, – сказал Василий.

Дальнейшее происходило в течение нескольких секунд.

Одновременно встали из-за столов вокруг компании четверо бойцов мейдера, скользнули к сдвинутым столам и нанесли по одному удару, каждый – «своему» бандиту. Узбек вскочил, опрокидывая стол и поднимая пистолет, и в это мгновение в глаз ему вонзилась стрелка-сюрикэн, брошенная Василием.

Умер Федор Кузьмич Шаповалов по кличке Узбек, тридцати семи лет от роду, вор в законе, специалист по мокрым делам, мгновенно.

Его подельникам повезло меньше, они еще некоторое время жили.

Шум в зале ресторана начался уже после того, как сделавшие свое дело бойцы мейдера подошли к машинам.

– Остались трое, – сказал Веня Соколов. – Фима Мудлин по кличке Мудак, Боб Блаватый и Серж Лещенко.

– Займитесь ими без меня, – сказал Василий, вдруг ощутив пронзительный леденящий ветерок опасности. – Тихо! Где наши парни, наблюдатели?

– Здесь должны быть, где же еще им... – Соколов не договорил.

Со стороны парка, подходившего к ресторану почти вплотную, засверкали вспышки выстрелов, послышались звучные шлепки пуль в борта машин и в тела людей. Одна из них досталась Соколову, и, если бы не бронежилет под костюмом, командир мейдера был бы убит.

Василия пули миновали, он среагировал на боевые действия раньше, чем они начались, и вошел в состояние ментального озарения совершенно свободно, практически без усилия. Сказалась практика. Дальше он действовал один, независимо от мейдера Соколова.

Любая спецкоманда, попавшая под кинжальный автоматный огонь, реагировала бы одинаково: упасть, замереть, отойти с линии огня, спасти жизнь и только потом – принять ответные меры. Команда Соколова, обученная Горшиным, а потом Василием, действовала иначе.

Во-первых, ребята мгновенно открыли ответный огонь. Во-вторых, бросили в сторону парка две светобарические гранаты, на несколько мгновений ослепившие неизвестных стрелков. Вспышки гранат были ярче электросварки, а громкость взрывов превышала болевой порог – шестьдесят децибел, так что стрелявшим пришлось несладко. Правда, при этом повывлетали стекла у всех автомобилей возле ресторана и окна близлежащих домов.

В-третьих, бойцы мейдера после взрывов гранат бросились в атаку, используя приемы «качания маятника». Поэтому погибли из всей команды «чистильщиков» лишь три человека: двое наблюдателей группы поддержки, убитые из бесшумных снайперских винтовок, и один во время боя. Кроме этого, трое парней получили ранения разной степени тяжести в ноги, руки и в голову (одного пришлось потом госпитализировать), остальные отделались ушибами и царапинами. Нападавшие же потеряли шестерых.

Василий, двигаясь в темпе, обошел стрелков справа, по вспышкам определил местоположение каждого, и достал первого крайнего броском сюрикэна, второму сломал шею ребром ладони. Остальные

стрелки располагались за бетонным основанием ограды парка, но ими уже занялись бойцы мейдера, и огонь их начал ослабевать.

Не теряя ни секунды, Василий оглядел поле боя (прошло всего секунд пятнадцать, и ни посетители ресторана, ни охрана, ни жильцы ближайших домов отреагировать на стрельбу еще не успели), вычислил центр управления нападавшими и метнулся к мощному «Доджу», стоявшему за углом парка, у выезда на площадь автовокзала. «Додж» пульсировал злым черным светом, и возле него виднелись две темные фигуры с приборами ночного видения в руках.

Бросок Василия они прозевали. Двигался он не только гораздо быстрее любого человека, но и быстрее, чем реагировали на его движение глазные яблоки наблюдателей, ибо темп – это не только психическое ускорение течения внутреннего времени, но и ускорение сокращения мышц владеющего сверхскоростными реакциями.

Что он зря понадеялся на свое мастерство, Василий понял после того, как разметал обоих наблюдателей с инфракрасными сканерами. Рванув дверцу джипа, он вдруг ощутил знакомый ледяной ветерок вдоль спины – сакки, «ветер смерти», и даже успел выстрелить в глубину кабины, но тот или те, кто там находились, разрядили в него «болевик».

Впечатление было такое, будто его облили кипятком. Однако длилось это ощущение недолго. «Тюбетейка» – генератор защиты от психотронных излучений, которую Вася носил, не снимая, все же приняла на себя часть разряда генератора боли, а потом тренированный интеллект перескочил в измененное состояние сознания, которое Василий называл «вторым стабильным». Боль схлынула, однако тело не могло мгновенно очиститься от физиологических шлаков, порожденных стрессовой фрустрацией нервной системы, и Василий, буквально завязываясь узлом от жутких судорог, бросил тело под машину.

Это спасло его от второго импульса «болевика», которого он бы уже не выдержал, а затем в дело вмешались другие действующие лица.

Примчавшийся на помощь шефу Веня Соколов дал из своего «кипариса» очередь по джипу, заставив его пассажиров захлопнуть дверцы (стекла «Доджа» были бронированными и выдержали попадание) и дать задний ход. Переднее колесо машины проехало по руке оглушенного Балужева, разрывая ему кожу, однако, к счастью,

миновало лицо. Соколов склонился над ним, выпустив машину руководителей операции из поля зрения, и был бы сбит – «Додж» внезапно рванул к ним, собираясь расплющить «чистильщиков» мощным бампером, но в это мгновение с расстояния в двадцать метров метнулся к «Доджу» длинный язык пламени, и под его днищем вырос веер огня и дыма.

Взрыв гранаты подбросил передок машины вверх, и хотя она продолжала двигаться в том же направлении, Соколов успел ухватить лежащего командира за пиджак и рывком выброситься вместе с ним из-под колес загоревшегося джипа. Подбежавший Самандар – это он стрелял из подствольного гранатомета – помог Вене поднять Василия на ноги и довести до своей машины.

Стрельба к этому моменту стихла. Бойцы мейдера подобрали своих раненых и убитых, расселись по машинам и по команде Соколова уехали. Тронул с места свою задрипанную «шестерку» и Самандар.

– Кто это был? – слабым голосом спросил Василий.

– Манипул Рыкова, – невозмутимо ответил Вахид Тожиевич.

– Мелешко?

– Успел уйти.

– А ты как тут оказался?

– Стреляли... – ответил Самандар тоном Саида из кинофильма «Белое солнце пустыни».

Разворошенный стрельбой и взрывами людской муравейник в центре Новогиреева остался позади.

– Ну, Герман Довлатович... – Вася сдавил пальцами виски, помассировал, сел прямее. – Ну, сучара, погоди!

Соколов засмеялся, сдирая фальшивые усы и бороду.

– Держит слово маршал СС, а, Василий Никифорович?

– Честно говоря, я не понимаю, зачем это ему надо, – сказал Самандар.

– Значит, мы действительно сильно прищемили ему хвост. «Эсэсовцам» теперь приходится с нами считаться, а кому это может понравиться?

– Может быть, он думает, что это мы охотимся на кардиналов? – Василий снял пиджак, закатал рукав рубашки и оглядел руку в крови, с лопнувшей кожей. – Вот черт!

– Полечить? – покосился на него Вахид Тожиевич.

– Я сам.

– У меня такое впечатление, – добавил Самандар, – что нас просто проверили на профпригодность. За этим нападением стоит кто-то еще, кроме Рыкова. Когда я подъезжал, мне показалось, что за рестораном ведется наблюдение на пси-уровне.

– Ликвидатор? – хмыкнул Василий.

– Не знаю, но уверен, что нам стоит выработать иные принципы защиты, связи и подстраховки друг друга. Либо выйти на самого ликвидатора и выяснить причины охоты.

– У тебя уже есть идеи?

Вахид Тожиевич не ответил, идей у него не было.

«Шестерка» продолжала мчаться по ночному шоссе вслед за машиной мейдера к центру Москвы, почти не встречая других машин, но Василию на мгновение показалось, что сверху, из-за плотного слоя облаков, накрывшего столицу, кто-то чудовищно чужой, огромный и угрюмый внимательно смотрит на них.

Глава 12

ПРОГУЛКА ПО ПАРКУ

Стасу снилось, что он пробирается, как ниндзя, в черную крепость, насыщенную странной призрачной жизнью, и спасает своего первого Учителя, заменившего когда-то отца, Матвея Соболева. Причем процесс спасения тоже был необычным, хотя во сне Стас этого не сознавал: Соболев был расчленен на части, и надо было найти его руки, ноги, голову, заточенные отдельно друг от друга в мрачных камерах, принести к телу, лежащему на металлическом столе в камере пыток, и соединить в одно целое...

Проснулся Стас, «присоединяя» голову Матвея к туловищу, так и не узнав – спас он его или нет.

Шел седьмой час утра, из ванной доносилось шипение водяных струй, и Стас понял, что дядя Вася вернулся с очередного бандлика, а сам он опять проспал, не почувствовал его приход. Стоило задуматься, почему сторож организма не срабатывал на появление Василия Никифоровича дома.

Старший Котов вышел из ванной через четверть часа, в плавках, с полотенцем через плечо и с ножницами в руке, когда Стас уже начал свой ежеутренний тренинг. На руке дяди красовался длинный извилистый лиловатый рубец, которого раньше не было.

– Неудачно приземлился? – кивнул Стас на руку.

– Попал под машину, – небрежно, как о чем-то несущественном, сказал Василий, кистевым вывертом бросая в парня ножницы.

Стас восхитительным змеино-гибким движением тела и руки поймал ножницы, не двигаясь с места, бросил обратно. Вася поймал их с такой же легкостью и удовлетворенно подумал, что парню абсолютно не требуется тренинг адекватных реакций, он реагирует на жизнь вокруг свободно и точно, не хуже, чем в свое время сам Матвей Соболев.

– Что все-таки случилось? – снова посмотрел на рубец на руке дяди Стас.

– Нас перехватила команда Рыкова. В связи с чем нам необходимо срочно менять дислокацию. Сегодня вечером переедем.

– Куда?

– У меня сохранилась квартира... еще со времен службы в конторе.

– Квартира «по четырем нулям»?

Вася усмехнулся. «Четыре нуля» означали в ФСБ высшую степень секретности.

– По четырем. Когда начнется твой чемпионат?

– Послезавтра.

– Ты готов?

Стас подумал, напрягся, прогоняя мышцы волной по всему телу.

– Готовлюсь.

– А как ты собираешься выступать? – Василий бросил полотенце на спинку стула в гостиной, присел на край стола.

– Да как обычно... – Стас осекся, внезапно осознавая, что речь идет не о реальном бое, а о спортивном единоборстве, пусть в нем и допускались почти все приемы.

Василий с любопытством следил за изменением выражения лица ученика.

– Что, докумекал?

Стас, помедлив, кивнул.

Целью участника любых чемпионатов по борьбе и рукопашному бою было доказать судьям и зрителям свое превосходство над соперником. Стас же был воспитан и тренирован совсем в другом ключе – для выживания в реальном, тотальном бою, не ограниченном никакими правилами и моральными нормами, целью которого для любого его участника было уничтожение противника, выведение его из строя с максимальной эффективностью и быстротой. Поэтому технический арсенал Стаса составляли приемы травмирующего воздействия, запрещенные или редко употребляемые в спортивных состязаниях, не говоря уже о приемах техники усыпляющего касания или комбинаторики смертельного укола. Василий в свое время занимался всеми видами борьбы: карате, айкидо, капоэй-ра, каляри-ппаятт, дзюдо, синсимак и другими, – пока не остановился на тайдзюцу, представляющей, в общем-то, комбинированную систему самозащиты типа славянской комбы и русбоя, Стаса же он учил по своей личной методике, наиболее полно отвечающей индивидуальным психическим, физическим и моральным особенностям парня, за десять

лет превратив его в бойца с высочайшим уровнем развития двигательных способностей, ловкого, быстрого, владеющего темпом, мгновенно ориентирующегося в пространстве, в любой ситуации, сильного и выносливого, но – приспособленного к схватке без правил, к бою насмерть! К чемпионату, о котором шла речь, Стас в этом смысле готов не был.

– С одной стороны, тебе было бы полезно поиграть в эти игры, – сказал Василий, – с другой – ты себя раскроешь.

– Кому?

– Тем, кто за тобой охотится.

– Что же, мне отказаться?

Василий в сомнении почесал пальцем бровь.

– Есть один вариант... но он очень опасен. По сути, если я тебе разрешу участвовать в чемпионате, я тебя подставляю. Но, с другой стороны, можно будет попытаться вычислить...

– Охотников! Я согласен, – быстро сказал Стас.

– Не сомневаюсь. И все же мне надо все обдумать, прикинуть, сможем ли мы организовать подстраховку по уровню «элит». А пока не желаешь ли поработать в «лютом» бою?

Стас кивнул: «лютым боем» назывался стиль русбоя, рассчитанный на уличные драки, – и в то же мгновение Василий прыгнул к нему от стола, без всякой подготовки, с трех метров намечая удар стопой в голову.

Удар не прошел. Ответ Стаса – тоже. Они отскочили друг от друга и снова бросились вперед, хорошо зная манеру боя противника. В «лютом бою» удары наносились короткими сериями по два-три движения в уязвимые места, без финтов и отвлекающих маневров, поэтому результат – дерись оба в толпе – проявился бы сразу, в этом же спарринге оба бойца, одинаковые по силе и гибкости, но разные по опыту и знанию приемов, лишь получили «свист ветра» – мгновенные толчки воздуха, говорящие о намерениях каждого, но не проходящие как приемы из-за великолепного чувства дистанции и силы удара.

В конце концов закончилась схватка тем, что Василий поймал Стаса на отклонении от ложной атаки и локтем при повороте и смене позиции влепил ему в челюсть. Стас отлетел в угол комнаты, успев при этом уклониться от встречи со стулом, и сказал с некоторым разочарованием и вызовом:

– Я давно мог тебя «тукнуть»...

Имелось в виду применение приемов из системы ТУК.

– То-то и оно, – вздохнул Василий. – К сожалению, ты не боец арены, на татами судьи не поймут, что случилось, если ты усыпишь соперника.

– Какая разница, каким образом я его сделаю? Продолжать схватку он же не сможет?

Василий потер пальцем переносицу, снял со стены меч.

– Может, ты и прав. Но помахать руками и ногами, показать пару болевых контролей и бросков тебе придется – для зрителей. Бери свой синоби, поработаем пару минут.

Стас взял меч, закрепленный на специальной подставке.

Если японский меч катана, так называемый классический самурайский меч, – это настоящее произведение искусства, изящный изгиб лезвия и красота линий которого приводят в священный трепет истинных ценителей, то меч ниндзя – синоби-гатана, или ниндзя-то, гораздо проще по отделке и не имеет изгиба. В принципе он никогда и не был для ниндзя главным видом оружия, а лишь служил одним из инструментов, помогающих расширить естественные возможности человека. Тем не менее с этим мечом можно было не только отрабатывать базовые техники кэндо, учиться владеть приемами боя, но и участвовать в соревнованиях и защищать жизнь.

Стас по настоянию дяди занимался фехтованием всего третий год, однако за это время успел постичь принципы владения мечом, практикуемые современными кэндоистами: принцип сидзэн – естественность, подразумевающий обращение с оружием на уровне рефлекса, когда боец не задумывается – к а к ему ответить или ударить; принцип ин-син тонкэй – минимум усилий – максимум результата, который учит сражающегося побеждать не силой и напором, а умением и знанием слабостей противника и требует экономичности любых движений, строгой рациональности и точного интуитивного расчета; и принцип нагарэ – текучесть, основанный на змеиной гибкости тела, плавности движений, легком переходе от одного приема к другому и на отшлифованной до совершенства базовой технике.

Принципов боя на мечах существовало, конечно, больше, например, такие, как доай, означающий: защита есть атака, или кухо –

девять направлений, но эти принципы были уже заложены в базовую технику.

Со стороны их бой зрелищным назвать было трудно. Бойцы легко перемещались по комнате, обтекая препятствия, покачивая кончиками мечей, направленными на противника, и лишь изредка взрывались, порождая всплески нападений-защит из четырех-пяти движений. Закончился бой тем, что Стас получил две царапины – на плече и на бедре, Василий одну – на груди.

– Растешь, – сказал Василий, салютуя противнику. – Как провел вечер?

– Нормально, – ответил Стас, разглядывая свои царапины.

– Полечить?

– Сам справлюсь, – помотал головой молодой человек. Он умел залечивать и более серьезные раны. – Может, потренируемся иайдо?

– Давай.

Контролируя друг друга, они еще немного позанимались с мечами: Василий вытаскивал меч из ножен и наносил удар за четверть секунды, Стасу удалось проделать ту же процедуру за две десятых секунды.

– Растешь, – снова похвалил парня Котов. – В средневековой Японии конкуренции тебе не было бы. Ну и о чем у вас шел разговор с Марией?

Стас бросил на дядю, мрачновато-простодушное лицо которого могло обмануть кого угодно и не служило зеркалом его настроений, внимательный взгляд.

– Мария – не обычный человек.

– Это интересное умозаключение. Чем же она отличается от обычного человека?

– Она авеша Светлады. Я давно хотел с тобой поговорить о ней... честно.

– Верю. Может, она авеша Светлены? Что-то я не слышал ни о какой Светладе.

– Она сестра Светлены. – Стас улыбнулся, заметив недоумение в глазах дяди, и тут же погасил улыбку. – И это не главное.

– А то, что Мария – дочь кардинала Юрьева, ты знаешь?

Стас кивнул.

– Это тоже не главное. Она... они... черт, никак не привыкну, две личности в одной... Короче, Мария-Светлада кое-что знает о Соболеве.

Василий мгновение смотрел на парня, прищурясь, потом указал на стул:

– Садись, рассказывай.

– Да рассказывать особенно и нечего. Матвей Фомич жив, но где он находится, она не знает. В «розе» идет война между иерархами...

Глаза Василия потемнели.

– А о... спутниках Соболева ничего не слышно?

Стас понял, что дядя жаждет услышать что-нибудь об Ульяне Митиной. Историю их коротких отношений (или не очень коротких, если считать повесть Матвея Соболева об изменении реальности истинной) он знал, но обрадовать дядю ничем не мог.

– Они тоже уцелели. Хотя прямых сведений об их судьбе у Светлады нет. Но ведь мы их найдем, дядь Вась?

– Хотел бы я знать, почему они не возвращаются?.. – пробормотал Василий. – Что ты сказал? А... да... найдем, конечно. Иди, купайся первым, я за тобой. Какие у тебя планы на сегодня?

– Сдать зачет по кванттеху и встретиться с Марией. А что?

– Будь дома не позднее шести вечера, может быть, пойдем в «розу».

– Всегда готов! – вырвалось у обрадованного Стаса.

В десять часов утра он сдал зачет в числе первых, выпил по этому поводу в институтском баре томатного сока и поехал на встречу с Марией. Встретиться они договорились у северного входа в Битцевский парк, который недавно облагородили муниципальные власти: очистили от мусора, проложили ряд асфальтовых дорожек, установили фонари, понастроили детских и музыкальных площадок, небольших кафе и ресторанчиков.

Мария была одета в летний сарафан, открывающий длинные загорелые ноги, и сандалии с обвивающим лодыжку ремешком. На нее оглядывались, и Стас невольно чувствовал себя обладателем сокровища.

– У меня всего два часа, – сказала девушка, целуя Стаса. – В два часа разбежка, потом обед, репетиция, час отдыха и выступление в «Манхэттен-экспресс». Придешь?

– Не знаю, – покачал головой Стас.

– Тренировка? Или ты... куда-то собрался? – догадалась Мария, подхватывая Стаса под руку.

– Куда-то, – сказал Стас, не зная, как обойти скользкую тему.

Они медленно пошли по парку, залитому солнечным светом, полетному яркому и праздничному.

– В следующий раз, когда соберетесь в «розу», спроси своего дядю, могу ли я пойти с вами. Обузой не буду, к тому же я неплохо ориентируюсь в «розе».

– Хорошо, – с облегчением пообещал Стас.

Купив мороженое, они свернули в боковую аллею, ведущую к прудам. Мария принялась рассказывать о своих поисках жизненного предназначения, как она поступала учиться в Театральную академию, потом в Международный институт права, а остановилась в конце концов на танцевальном училище.

– Хотя я научилась шить и кое-что могу сама, – добавила она с непосредственностью школьницы. – Один наш кутюрье даже приглашал меня в свой салон моды.

– Чего же не пошла? – поинтересовался Стас.

– Много хочет, – повела плечом девушка.

Стас подумал и перевел разговор на другую тему. Захотелось рассказать подруге, как Матвей Фомич Соболев и его Кристина десять лет назад вылечили ему ногу и открыли дверь в мир здоровых и подвижных людей.

– С тех пор я занимаюсь рукопашным боем и философией Пути, – закончил он. – О Внутреннем Круге знаю все, что знает дядя Вася, но этого мне мало. А пользоваться астралом он не разрешает.

– Ты ходишь в астрал? – странно посмотрела на него Мария.

– А что тут такого? – удивился Стас. – Это же очень легко.

Мария засмеялась, и Стас ответил ей сконфуженным взглядом: он действительно свободно выходил в астрал и даже в ментал, хотя делал это из-за дядиного запрета редко, но получилось, что он как бы хвастается.

– Ты иногда меня умиляешь, Котов, – весело проговорила девушка. – Особенно когда в тебе просыпается эстет и философ. Это очень напоминает мне картину одного современного художника: автоматчик с засученными рукавами нюхает ромашку.

– Неужели я похож на автоматчика? – пробормотал Стас.

– Нет, но впечатление примерно такое. Не обижайся. Воин Пути обязан быть философом и поэтом, любителем природы. Кстати, каким видом единоборств ты занимаешься?

– Ниндзюцу.

– Почему не русбоем? Ты же русский. Я имею в виду тип сложения и физические данные.

– В астрале хранятся интересные сведения о том, что так называемые восточные единоборства – русского происхождения. Они идут от приемов рукопашного боя, которыми владели русские воины еще семь с половиной тысяч лет назад.

– Ты хочешь сказать, что история Руси длится не тысячу лет, как об этом говорят, а гораздо больше?

– Несомненно. Единственное, чего я не понял, почему эта информация о русских стала эзотерической, тайной. Неужели тебе об этом ничего не известно?

– Я специально не занималась историей Руси, да и единоборствами тоже, но теперь поплаваю по астралу, это действительно интересно.

Они вышли к прудам, но к воде подойти не смогли, здесь еще шла работа: рычали трактора, расчищая площадку, рабочие в оранжевых жилетах укладывали асфальт, устанавливали ограждение и убирали грязь.

– Жаль, что нельзя подойти ближе, – сказала Мария, глядя на водную гладь. – Когда закончится благоустройство, здесь будет красиво.

– Мы можем пройти справа, мимо штабелей досок, – предложил Стас. – Мне тоже хочется полюбоваться видом. Там дальше симпатичная аллея виднеется.

Они обошли стройплощадку, по склону небольшого холмика спустились к тенистой липовой аллее, огибающей пруд и уходящей к западному краю парка. Цивилизация сюда еще не добралась, и гуляющих практически не было видно. Но уединения данное обстоятельство не гарантировало. Не успела молодая пара пройти полсотни шагов по аллее, как у Стаса сработала интуиция, и он понял, что напрасно повел Марию «на природу». А через несколько секунд

впереди на аллею вывалилась из-за деревьев компания подростков, изнывающая от желания «оттянуться».

Их было около десятка и принадлежали они к нередкой в последнее время разновидности людей, которых называют «отмороженными». Это были именно подростки, самому старшему едва ли исполнилось восемнадцать лет, а младшему – лет четырнадцать, но менее опасными они по возрастным критериям не стали, а их неустоявшаяся психика, заставляющая сбиваться в стаю, держала парней в постоянном напряжении, которое они могли разряжать только издевательским поведением, куражом, агрессией, хулиганскими выходками. Действия таких стай обычно сопровождаются крайней жестокостью и бессмысленным садизмом. Догадаться же о замыслах банды несложно по хамоватым ухмылкам, свисту, бравированию, раскованности манер и традиционному приветствию: «Дядя, дай закурить». Эти парни хотели как можно реже напрягаться умственно и физически, как можно чаще отдыхать, развлекаться и «ловить кайф».

Стас еще не встречался с подобными стаями, но от дяди слышал, насколько они могут быть опасны. И еще он знал, что законов против таких молодежных банд родная Госдума так до сих пор и не приняла. Впрочем, если бы и приняла, результаты были бы минимальными. Как говаривал дядя Вася: закон – дерьмо, если нет средств для его реализации.

– Давай вернемся, – вполголоса заметила Мария, также не попадавшая в такие ситуации, но почувствовавшая исходящую от группы угрозу.

– Поздно, – пробормотал Стас, боковым зрением отмечая появление сзади еще двух подростков. – Олух я царя небесного, что не подумал об этом!

– Ты думаешь, они... полезут к нам?

– Будь уверена.

– Что будем делать? Может быть, убежим?

– Без драки не обойтись, они обошли нас сзади. Попробуем договориться, но я не уверен, что на них подействуют разумные доводы. Держись сзади и молчи.

– Можно взять их под гипноконтроль...

– Всех не возьмешь, к тому же мозги у этих ребяташек и так зомбированы – собственными примитивными желаниями. Но все же попытайся взять парочку, чтобы не вмешивались.

– Эй, дядя, дай закурить, – сказал один из парней, нагловатого вида, с челкой, легким пушком на губе, одетый в цветастый балахон, шорты и кроссовки на босу ногу.

Стас, чувствуя вздрагивающее плечо Марии, отступил к огромной липе, чтобы она была за спиной, сосредоточился взглядом на переносице парня, и наглая усмешка сползла с его лица. Раппорт прошел. Но все же подростков было слишком много, чтобы Стас мог справиться со всеми на психофизическом уровне. Вожак стаи, почти такой же высокий, как и Стас, – под метр девяносто, мускулистый, с татуировкой на левом предплечье, с медной серьгой в ухе, шагнул к остановившимся молодым людям.

– Слышь, мужик, не дергайся, если хочешь жить. – С гнусной усмешкой вожак крутанул в руке нож-бабочку. – Ты нам не нужен. Оставь девочку, деньги и вали. А будешь ерепениться... – Владелец серьги снова поиграл ножом, в то время как его дружки демонстрировали кастеты и самодельные финки.

И Стас отчетливо понял, что парень не шутит. Во-первых, он был «под кайфом»: то ли накурился какой-нибудь дряни, то ли укололся, о чем говорил легкий флер безумия в его расширенных глазах. Во-вторых, он хотел выглядеть в глазах своих друзей мужчиной, и остановить его в таком состоянии мог бы, наверное, только внезапный десант ОМОНа. Стас снова в душе обругал себя за игнорирование советов дяди. Уже первые два нападения нельзя было причислить к случайностям, а третье и вовсе означало «волну исключения», организованную таинственным киллером. Но главной ошибкой было то, что Стас подвергал опасности жизнь Марии, что не оправдывалось ничем.

Нет, он не боялся схватки. У всякого хорошо подготовленного бойца любая угроза или агрессия вызывает не страх, а стенические эмоции, позволяющие ему использовать весь свой потенциал. Стас же и вовсе был воспитан воином, не боящимся смерти, и умел сражаться без участия сознания, на «автопилоте», на пределе возможностей. Но в данном случае он был не один.

– А может быть, разойдемся мирно? – сказал он почти дружелюбно. – Мы вас не тронем, вы нас.

– Ха, он нас не тронет! – оглянулся верзила на свою кодлу, дружно заржавшую в ответ. – Ты нам угрожаешь?! Да знаешь, что мы с тобой сделаем?!

Стас вздохнул. Он пытался сломить волю главаря шайки на ментальном уровне, но у него это не получалось. У Марии, судя по всему, тоже. Парень явно был зомбирован и нацелен, ему практически не требовался предлог, чтобы напасть, и встреча в парке скорее всего случайной не была. И тем не менее еще несколько мгновений Стас колебался, начинать бой первому или подождать нападения. Он еще не достиг уровня идеального бойца, не думающего о том, что врагов слишком много, а шансы на победу не слишком велики, но не прикидывал и последствий боя: что будет, если он кого-то изувечит, сделает инвалидом или убьет. Останавливало Стаса лишь присутствие Марии.

Однако момент пуска ситуации приближался, как бы ни хотелось его оттянуть, и когда вожак стаи замахнулся с воплем: «Пободаться хочешь? Убью, стерво!» – Стас прыгнул ему навстречу.

Для него не существовало неудобных положений, любая поза была пригодна для продолжения схватки. Эти же ребята практически понятия не имели о реальном рукопашном бое и, хотя были вооружены кастетами и ножами, пользоваться ими профессионально не умели. К тому же, набрасываясь на жертву всем скопом, они только мешали друг другу. Поэтому внезапная атака Стаса принесла плоды уже в первые секунды.

Самым эффективным способом ведения боя был бы, конечно, энергетический, с применением техники усыпляющего касания, однако Стас по инстинктивным соображениям (тень ли мелькнула над лесом? аллея обзавелась глазами? духи природы зашептали птичьими голосами?) не стал демонстрировать приемы ТУК. Вожака он вырубил очень просто – ударом головой в лицо с подкруткой (цель – «снести» нос противнику). Затем нанес удар тазом назад, в нижнюю часть живота парня в цветастом балахоне и тут же с поворота добавил ему локтем в челюсть.

Подростку слева в пятнистом комбинезоне достался круговой удар локтем наружу в голову. Его приятелю – тот же локоть, но сверху

вниз – по ребрам и тычок «копытом» – поджатыми пальцами – в живот. Двум парням с кастетами, зашедшим с тыла, Стас показал удары вилкой пальцев в горло и в основание носа, а третьему с финкой – болевой захват руки (можно было запросто сломать ее, да жалко дурака) и бросок с подкруткой на спину.

Из стаи на ногах остались трое, что были с вожаком, и двое перекрывших путь отступления. Эти двое в бой вмешиваться не стали – благодаря усилиям пси-сдерживания Марии, а из троих «орлов», ошеломленных происходящим, лишь один кинулся на Стаса с ножом, получил хлесткий отбив кончиками пальцев по глазам и носу и, выронив нож, с воплем отскочил. Стас сделал движение вперед, будто собирался броситься на оставшихся сопляков, те попятились и дружно бросились наутек. Благоразумно ретировались и двое «загонщиков», пообещав издали «встретить гада и открутить ему яйца».

– Пойдем отсюда, – взял девушку за руку хмурый Стас, снова чувствуя дуновение ветра опасности; кто-то следил за ним, издалека, скорее всего с помощью оптики или электронных систем наблюдения, оценивая ситуацию, и Стас почему-то порадовался, что не раскрыл всего своего боевого арсенала.

Они выбрались в облагороженную зону парка со множеством гуляющих людей, сбавили темп. Стас купил по банке пепси-колы, и они присели под зонтик одного из летних кафе.

– За нами кто-то следил во время драки, – тихо проговорила девушка. – Я пыталась определить, но не смогла. Это очень опытные наблюдатели. И, по-моему, следили с двух сторон.

– Я тоже это почувствовал, поэтому и показал только чистую комбу, без изысков.

– Все равно ты был очень хорош.

Стас хотел сказать, что, во-первых, бой для него – совершенно естественное состояние, как обед или сон, не требующее специального вхождения в боевой транс, а во-вторых, компания попалась совсем неумелая, но это прозвучало бы как похвальба, и он промолчал.

– Я зря таскаю тебя за собой. Меня «пасут», это очевидно. Ты рискуешь попасть под прицел этих людей.

– Котов. – Мария накрыла своей ладонью руку Стаса и посмотрела ему в глаза. – Все обстоит гораздо серьезней, чем ты думаешь. За тобой охотится не обычный киллер, а Истребитель Закона.

Тебе надо поторопить дядю с походом в «розу», там вы все будете в большей безопасности, чем на Земле.

– А ты?

– За меня не беспокойся. – Мария чуть снисходительно и вместе с тем виновато посмотрела на Стаса. – Я могла бы взять под контроль всю эту тупую компанию... сил Светлады хватает даже на поединок с кардиналом... но тогда те, кто наблюдал за нами, правильно оценили бы наши возможности. Понимаешь?

Стас досчитал до десяти, унимая в душе обиду, разочарование и недовольство тем, что его, по сути, поставили на место, и сказал с мягкой улыбкой:

– Кажется, напрасно я возомнил себя твоим ангелом-хранителем.

Мария улыбнулась в ответ, допила пепси, они обнялись и неторопливо побрели к выходу из парка.

Две пары глаз с разных сторон проводили их профессионально «плавающим» непеленгирующимся взглядом. Затем наблюдатели передали «объект наблюдения» по цепочке подстраховки и отправились по своим делам. Это были люди Юрьева и Василия Котова.

Но существовал еще и третий наблюдатель...

Глава 13

ОЧЕРЕДНАЯ ЖЕРТВА

Хейно Яанович Носовой шел к нынешнему своему положению во властных структурах – начальник информационной службы президента – достаточно тривиальным путем. Бывший начальник седьмого отдела КГБ, он поднялся по служебной лестнице благодаря не талантам и профессионализму, а вследствие колоссальной сети связей Союза Девяти. По сути должность начальника ФАПСИ он купил, хотя об этом догадывались два-три человека во всем госаппарате.

Репутация Хейно Яановича у нынешнего руководства страны сомнений не вызывала, но мало кто знал, сколь обширна его финансово-экономическая база, уступавшая лишь империи другого кардинала, Германа Довлатовича Рыкова. Состояние Носового исчислялось в десятках миллионов долларов. Он владел тридцатью фирмами, и под его непосредственным началом находилось около четырех тысяч человек, не считая сотрудников аппарата ФАПСИ. Хейно Яанович олицетворял собой часть финансовой олигархии страны, владеющей всеми богатствами России. Единственным его отличием от «новых русских», создавших гигантские состояния благодаря периоду первоначального накопления «смутного времени» конца девяностых годов ушедшего двадцатого века, было то, что он не нуждался в улучшении своего имиджа. Владея огромной информационной базой и связями с руководителями силовых структур, Носовой мог «задавить» любое порочащее его сообщение, даже если бы оно проскочило в средства массовой информации. Так, сброшенный «чистилищем» в сети спецслужб «К-реестр», упоминавший и его фамилию, положение Носового не поколебал. Потому что ни общественности, ни журналистам, ни честным работникам спецслужб реестр оказался недоступен.

Свою карьеру Хейно Яанович, уже будучи Посвященным Внутреннего Круга, начал в середине шестидесятых, став комсомольским деятелем в Нижнем Новгороде, а потом перебравшись в Москву, когда его избрали вторым секретарем бюро ВЛКСМ,

заведующим отделом культуры. Начал организовывать концерты рок-музыки, открыл дискотеку. Заработал неплохие деньги, которые вложил в шоу-бизнес. Был замечен вербовщиками КГБ и стал работать штатным осведомителем. Затем по настоянию шефов бросил заниматься «культурой» и ушел в «науку», курируя ученых в области химии. Сумел уберечь накопленное состояние и остаться агентом Комитета, в котором за двадцать с лишним лет работы прошел путь от осведомителя до начальника отдела. А когда СССР с подачи трех «великих» деятелей, возжаждавших власти, Ельцина, Кравчука и Шушкевича, развалился, Хейно Яновича пригласили в соискатели вакантного места в Союзе Незвестных отделившейся России. Так он прошел в кардиналы. Начальником ФАПСИ Носовой стал позже, воспользовавшись властью, которую ему давал пост кардинала.

Влияние Хейно Яновича на социум страны – это называлось «коррекцией реальности» – уступало лишь влиянию Рыкова, Юрьева и координатора Союза Бабуу-Сэнгэ. Поэтому он никого и ничего не боялся, действуя подчас не советуясь, поступая так, как считал нужным. Однако появление ликвидатора кардиналов заставило Носового проанализировать обстановку в стране и в мире и прийти к выводу: началось неконтролируемое изменение реальности с непрогнозируемым финалом. Точнее – контролируемое, но не Союзом Незвестных! И кто бы ни был заказчик изменения, исполнитель свое дело знал.

В связи со своими выводами Хейно Янович предпринял кое-какие дополнительные меры безопасности, не особенно надеясь на обещанную координатором помощь. И все же чувствовал он себя неуютно, где бы ни находился, зная, что стопроцентной гарантии от киллеров не даст ему ни профессиональная охрана, ни страховой полис.

Официально Хейно Янович имел одну четырехкомнатную квартиру – у Чистых прудов, в новом семиэтажном доме, построенном по специальному проекту для членов московского правительства. На самом деле у него было больше десятка квартир в разных концах города и две дачи – в Лыткарине, на берегу Москвы-реки, недалеко от агропредприятия Пехоровское, и в Усово-Тупике, в пяти километрах от президентской загородной резиденции в Барвихе. Обе дачи представляли собой двухэтажные коттеджи, построенные по финскому

проекту на месте развалюх, которые Носовой приобрел по дешевке на подставных лиц. Коттеджи хорошо охранялись, особенно второй, в Усове, но после того, как неизвестный военный вертолет разнес в пыль особняк Бабуу-Сэнгэ, Хейно Янович не чувствовал себя в безопасности и здесь. И тем не менее дача в Усово была наиболее безопасным местом по сравнению с остальными, из-за чего кардинал пользовался ею чаще других. Он усовершенствовал систему охраны дачи, удлинил подземный ход, выходящий в лес, и окружил коттедж особой «печатью отталкивания», не позволяющей приближаться к нему чужим. Лишь трое охранников могли входить в дом и пользоваться его удобствами. Но именно это обстоятельство сыграло в судьбе Хейно Яновича роковую роль. Тот, кто взялся за расчистку земной реальности от людей Внутреннего Круга, воспользовался оплошностью Носового, чтобы закодировать охранников, имеющих доступ к коттеджу, и внушить им определенное задание. Носовой догадался об этом слишком поздно.

В четверг шестого июня Хейно Янович в сопровождении двух машин охраны выехал из Москвы и прибыл в Усово, собираясь отдохнуть от напряженного трудового дня с одной из своих юных пассий, манекенщицей из Дома моделей Юшкина; кардинал был женат четыре раза, но не терпел привязанности, детей не имел и менял подруг часто.

Занятый «мурлыканием» с девушкой, Хейно Янович не сразу почувствовал дискомфорт, прибыв на дачу. А уже выходя из машины перед центральным входом в коттедж, он уловил тонкий – на ментально-полевом уровне – запах чужого присутствия.

– Сиди, я сейчас, – остановил он подругу, собиравшуюся вылезти из «Ауди» двухсотой модели. Окликнул начальника манипула: – Витис, кто был в доме?

– Упаси Бог, генерал! – ответил полковник Витис. – Я заходил дважды, и Кандыба на кухне, вместе с поваром. Больше никто.

Хейно Янович, раздувая ноздри, прислушался к шепоту леса вокруг, привел в порядок мысли и взглянул на мир сквозь бледную струящуюся дымку астрала. Следы магического присутствия можно было увидеть только таким образом.

Кроме повара, готовящего ужин, в доме никого не было. Но «печать отталкивания» все же была нарушена. Впечатление

складывалось такое, будто она не знала, как реагировать на некое энергоинформационное вторжение, но в конце концов пропустила кого-то в дом, кого-то знакомого и в то же время с чужим «запахом».

— Что за дьявольщина? — пробормотал Хейно Янович. Снова сконцентрировал внимание на пространстве дома и на пределе внутреннего зрения уловил четыре полевых завихрения, как бы отметки того, кто побывал в коттедже: два на первом этаже, два на втором. Неизвестный «призрак» останавливался на кухне, в столовой, у входа в спальню и возле двери рабочего кабинета. Преодолеть «печать защиты» он, очевидно, не смог и удалился тем же путем, что и входил — через центральный вход. Но если главный охранник говорит, что дом посещали только трое, этих троих следовало проверить.

Хейно Янович вперил тяжелый немигающий взгляд в прозрачно-водянистые глаза Витиса, подавил его волю и вошел в поле сознания. Через минуту он убедился, что энергетические оболочки полковника не нарушены, а сам он чист. В его памяти держалась лишь программа самого Носового, внушающая «отдать жизнь за босса в любой момент». Хейно Янович отпустил сознание Витиса и, не обращая внимания на его ошеломленный вид (полковник почувствовал вторжение, но ничего не понял), бросил:

— Где Кандыба?

— Отдыхает.

— Вызвать!

— Есть. — Витис, не выказывая чувств, достал рацию. — Клугер? Я Первый. Доставь Кандыбу. — Убрал рацию, преданно пожирая глазами Хейно Яновича. — Сейчас будет.

— Дорогой, долго мне еще... — высунулась было из кабины «Ауди» золотоволосая красавица и юркнула в испуге обратно, когда Носовой кинул на нее бешеный взгляд.

Охранник Кандыба — два метра рост, сто килограммов вес, сплошные мышцы, красноватое обветренное лицо — явился через две минуты, на ходу затягивая ремень и надевая пятнистую куртку.

— Сержант Кандыба по вашему приказанию... — поднес он руку к берету.

— Отставить, — оборвал его Витис.

Ничего не спрашивая, Хейно Янович усилием воли загипнотизировал гиганта и проник в его неглубокую сферу сознания,

не обнаружив там следов чьего-либо присутствия. Оставался повар, что облегчало задачу. Если повар и был чьим-то авешей, Хейно Янович его не боялся.

– Свободен.

Витис развернул несколько обалдевшего Кандыбу на сто восемьдесят градусов и подтолкнул в спину.

– Иди, отдыхай.

Хейно Янович сжал в кармане пиджака рукоять суггестора «удав» и направился в дом, буркнув полковнику:

– Следуй за мной и будь готов.

Повар Сергей Иванович, которому пошел семьдесят восьмой год и который когда-то работал в таких известных ресторанах Москвы, как «Метрополь» и «Президент-отель», жил в столице и доставлялся на дачу каждый раз, когда Носовой планировал свое появление здесь. Это был пожилой, толстый, добрый старик, молчун, знавший свое дело великолепно, однако стоило Носовому глянуть на него, как он понял, что Сергей Иванович зомбирован! И программу свою выполнил до конца. Четыре «завихрения», обнаруженные Хейно Яновичем в доме и принятые им всего лишь за следы незваного гостя, оказались не просто следами, но материальными предметами – четырьмя взрывными устройствами специального назначения, способными взорвать мощные бетонные сооружения. Хейно Янович понял, что его переиграли. В дом ему входить не следовало.

– Кто ты? – выдохнул он.

– Твоя смерть, – улыбнулся Сергей Иванович.

В то же мгновение сработали взрыватели сразу всех четырех бомб.

Колоссальный взрыв не только разнес на куски дачу Носового вместе со всеми, кто находился внутри и снаружи в пределах полусотни метров, но и снес крыши двух соседних коттеджей, повредил еще четыре, а также выбил стекла в окнах всего поселка. Слышен он был и в Барвихе, на даче президента, охрана которого тут же подняла тревогу.

Но спасти начальника ФАПСИ никто уже не мог. Пожарные, спасатели и милиция, прибывшие к месту трагедии через полчаса, тела его не нашли. Вместе с ним погибли и все шестнадцать человек охраны (личного манипула), а также юная манекенщица и шофер

«Ауди». Тот, кто планировал операцию уничтожения кардинала, действовал с размахом, нисколько не заботясь о жизни людей, случайно втянутых в орбиту движения Хейно Яановича.

Глава 14

НАМ ОСТАВИЛИ ДВА ВАРИАНТА

Десятый по счету Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций Хуан Карлос Креспо, испанец по происхождению, проживающий в США, имел солидный образовательный и научный багаж: закончил Макалистер-колледж в Миннесоте, получив звание бакалавра экономики, учился в Массачусетском технологическом институте, защитив звание магистра по менеджменту, знал английский, французский, немецкий и русский языки. Кроме того, он с начала шестидесятых годов прошлого столетия работал в системе учреждений ООН, в том числе занимался долгое время самым ответственным и беспокойным делом – курировал миротворческие операции в Европе и в конфликтных зонах бывшего СССР.

Обладая массой связей с координаторами Союзов Неизвестных во всем мире, он легко решал проблемы и более или менее успешно исправлял ошибки предшественника, сделавшего ставку на силовое решение конфликтов. Однако обвальное падение Закона возмездия вскоре свело на нет усилия генсека, мир сваливался в пучину терроризма, агрессии и тотальной войны, Союзы Неизвестных не справлялись с коррекцией реальности. Надо было искать более хитрые цепочки влияний на социум, более весомые аргументы, пути воздействия на информационную сферу Земли и на людей в целом.

Кое-кто из координаторов советовал Хуану Креспо плюнуть на традиции Круга и применить всеобщее кодирование человечества с помощью Великих Вещей Инсектов, уцелевших в МИРах, «модулях иной реальности», таких, как кодон – пси-корректор сознания, программатор психики. Тем более что использование его упрощалось тем, что в некоторых странах – США, России и Японии военспецы уже создали образцы психотронного оружия, метко названного по-русски «глушаками». Но Хуан Креспо реагировал на подобные советы отрицательно и верил в мощь Круга, способного уберечь человечество от самоубийственных шагов. Во всяком случае, вероятность

глобальной ядерной войны Союзам удалось снизить чуть ли не на сто процентов.

Но вера Генерального секретаря ООН была чувствительно поколеблена с появлением на Земле ликвидатора Посвященных, реализующего какой-то новый Закон, название которому дать было трудно. Это не был Закон Справедливости в чистом виде или некий жесткий вариант Закона возмездия, потому что гибли люди Круга, вовсе не занимавшиеся коррекцией реальности. Но данное обстоятельство не могло обрадовать Хуана Креспо и повлиять на координацию сил. На Земле складывалась уникальная ситуация «войны законов»: Закон обратной связи, опиравшийся на базовое состояние человеческой цивилизации под названием «справедливость», больше не справлялся с управлением человеческими отношениями, Закон же, или Принцип дьявола, регулирующий «качество» человеческого материала, которое выражалось в количестве рождающихся гениев, талантливых, добрых, честных и умных людей, принципиально не хотел ими, то есть отношениями, управлять. Таким образом, Союзы Неизвестных быстро теряли свое влияние и переставали исполнять функции регуляторов реальности, что еще больше усугубляло ситуацию.

Хуан Креспо знал, что вся эта свистопляска с кризисом управления связана с войной иерархов в «розе реальностей». Но точную информацию оттуда, ни через астрал и ментал, ни даже по каналам логоса, третьего «слоя» всемирного поля информации, получить не смог. Надеяться на помощь извне не приходилось, опираться можно было только на собственные силы да на мощь Круга... таявшего на глазах. За две недели с момента появления ликвидатора, названного некоторыми координаторами Союзов Воином Антизакона, или Истребителем Закона, погибли более трех тысяч человек, в том числе более шестисот кардиналов Союзов Неизвестных.

Ситуация заставила Хуана Креспо предпринять некоторые неординарные шаги: попытаться установить связь с иерархами в «розе», попробовать уговорить Хранителей открыть доступ к МИРам, чтобы можно было воспользоваться Великими Вещами ушедшей цивилизации Инсектов и опять же попытаться собрать эгрегор Внутреннего Круга для расследования происходящего, вычисления координат ликвидатора и его последующего уничтожения.

Из всех планов Хуану Креспо удалось осуществить лишь последний. Вернее, удалось заручиться поддержкой координаторов и назначить «час Цафкиель». Уверенности в том, что эгрегору Круга удастся выйти на Истребителя Закона, у Хуана Креспо не было.

Седьмого июня в пятницу вечером в резиденцию Генерального секретаря ООН неожиданно появился посетитель, которого Хуан Креспо не ждал: координатор Союза Неизвестных России Бабуу-Сэнгэ. Никем не видимый, он прошел прямо в кабинет генсека, минуя секретаря и охрану, а также «стену отталкивания», поставленную Хуаном Креспо и служащую не столько препятствием, сколько системой опознавания.

– Вы все же напрасно не предупреждаете о своем появлении, дорогой Бабуу, – укоризненно сказал он, встречая гостя посередине огромного кабинета, отделанного красным деревом. – Я ведь мог вас не узнать и включить личный защитный комплекс. Вы же знаете, какое нынче время на дворе.

– Прошу прощения, координатор, – поклонился Бабуу-Сэнгэ; одетый в отличный европейский костюм, он походил на дипломата. – Но время действительно трудное и не терпит проволочек. Погиб еще один мой кардинал.

– Присаживайтесь, – указал Хуан Креспо на кресло возле стеклянного столика в окружении пальм – место своего отдыха, окружая уголок «колоколом отталкивания». – «Шене», «Ариньяк», коньяк, водка?

– Спасибо, минеральную воду, если можно.

Генеральный секретарь кивнул, и тотчас же в кабинете возник вежливый молодой человек в белом костюме, быстро заставил столик напитками, принес серебряное ведерко со льдом. По жесту гостя налил ему из сифона пузырящейся минеральной воды и тут же исчез.

– Мы таем как снег, – сказал Бабуу-Сэнгэ, делая глоток. – Надо немедленно принимать меры или...

– Или? – посмотрел на него сквозь стакан Хуан Креспо.

– Вам известна формула преодоления кризиса? – ушел от ответа гость.

– Нет, – по размышлении ответил Генеральный секретарь. – Я не могу подключить силы ООН к решению возникшей проблемы. Организация и без того по уши увязла в бесперспективной войне с

терроризмом, контрабандой наркотиков, международной преступностью и коррупцией. К сожалению, за последний год ООН не стала более энергичной и эффективной организацией с высоким этическим авторитетом, на что я надеялся, занимая пост Генерального. Она потеряла даже моральное право указывать пальцем на творящееся зло...

– Речь не об этом, – перебил хозяина Бабуу-Сэнгэ, чего себе до этого никогда не позволял, но он действительно дорожил каждой минутой. – Речь идет о судьбе Круга. Ни одна официальная структура нам не поможет. Безопасность Круга – это не только отсутствие врагов и вооруженных конфликтов, но и психологическое состояние людей Круга, и определенное понимание свободы и право Посвященного на полноценную жизнь.

– Вы хотите что-то предложить? – пригладил седую бородку Хуан Креспо.

– У нас есть всего два варианта изменения реальности. Первый – дать бой ликвидатору Круга, второй... – Бабуу-Сэнгэ помолчал, – бежать в «розу».

Генеральный секретарь ООН улыбнулся.

– И оба варианта весьма трудно реализуемы. Даже если мы организуем в «час Ц» эгрегор Круга, уничтожить ликвидатора будет очень и очень сложно. Мы привыкли считать, что остановить Посвященного может только другой Посвященный более высокого уровня, но ликвидатор преподал нам хороший урок: он пошел более простым путем, используя зомбированных людей. Кстати, это говорит о том, что у него есть кодон.

– Я тоже пришел к этому выводу. Нам стоит договориться с Хранителями, чтобы кодоны появились и у нас. Я же предлагаю для уничтожения Истребителя Закона использовать очень хорошо развитую у нас в России структуру – так называемое «чистилище». Его руководители тоже являются Посвященными и при определенных условиях пойдут нам навстречу.

– Неплохая идея, – кивнул Хуан Креспо, настроенный тем не менее скептически. – Как вам удастся их уговорить? Они ведь, по моему, не подчиняются вашему Союзу?

– Они являются одним из второстепенных регуляторов нашего российского социума, не было нужды подчинять их напрямую Союзу.

– Ну хорошо. Допустим, вы попытаетесь, а они откажутся. Как вы реализуете второй вариант – бегство в «розу»?

Бабуу-Сэнгэ поставил запотевший стакан с минеральной водой на столик.

– Есть определенные подозрения, что эти же Посвященные имеют тхабс для преодоления порога границы.

Хуан Креспо с изумлением и недоверием посмотрел на невозмутимое коричневое гладкое лицо Бабуу-Сэнгэ.

– Вы... понимаете, о чем говорите?!

– В ближайшее время информация будет проверена, но я уверен, что тхабс этим людям известен. И оставил его небезызвестный вам человек...

– Соболев. Ваш вечный соперник, пресловутый «аватара». Однако он давно ушел в «розу» и не вернулся. Разве не так?

– Он не может и не должен вернуться. Это будет равносильно новому изменению реальности.

– Я думаю, что он погиб. Ведь о нем ничего не слышно.

– Он жив, а это главное. Хотя имеется возможность узнать всю правду. Один из моих кардиналов контактирует с Аморфами...

– С кем именно?

– С Монархом Конкере. Если мы вместе попросим его...

– Если об этом узнают старейшины Круга, – поджал губы Хуан Креспо, – вы будете низложены!

– Вот поэтому я и прошу вас помочь. – Бабуу-Сэнгэ встал. – У вас есть каналы связи с Хранителями и со старейшинами. Устройте мне встречу с ними. Я думаю, что смогу их убедить в необходимости контакта, а может быть, и вызова Монарха в реальность. Иначе мы все исчезнем. – Эти слова координатор Союза Девяти Неизвестных России произнес уже у порога кабинета. Поклонился. Вышел.

Хуан Креспо, сцепив пальцы рук, молча смотрел ему вслед.

Глава 15

НЕТЭТИКЕТ

Советник президента по национальной безопасности Юрий Венедиктович Юрьев стал кардиналом Союза Девяти в девяносто первом году, но до этого он более пятидесяти лет был кардиналом Союза Семнадцати империи, называвшейся тогда Союзом Советских Социалистических Республик. Возраст его достиг столетнего рубежа, но выглядел он на пятьдесят, и документы также утверждали, что ему пятьдесят с хвостиком. О том, что ему исполнилось сто, не знала даже его дочь Мария от второго брака (официально, а не официально – от четвертого).

Жена Юрия Венедиктовича погибла в автомобильной катастрофе, когда дочке исполнилось десять лет. Не то чтобы Юрий Венедиктович сильно горевал по этому поводу, но жениться еще раз не спешил и женщин не заводил. Постоянных. О непостоянных же дочь ничего не знала. Лишь когда она стала авешей Светлады, пришло знание подводной части того айсберга, который назывался ее отцом.

Перевоплощение Марии не прошло незамеченным для Юрия Венедиктовича. Он сразу почувствовал присутствие магической сущности в ауре своей двадцатилетней дочери, только не мог никак распознать – кто избрал Марию проводником в мир «запрещенной реальности». Сначала Юрий Венедиктович надеялся выяснить это в ходе бесед с дочерью, потом – с помощью ментального «касания», но, к его удивлению, ни одна попытка проникнуть в мыслесферу Марии успехом не увенчалась. Тогда он выждал несколько дней и решил поговорить с Марией откровенно и прямо, превосходно зная преимущества данного метода.

Разговор состоялся поздним вечером, спустя двое суток после памятного охранникам Марии вечера, когда ее новый друг «уговорил» их отпустить девушку с ним. Юрьев, вернувшийся из командировки в Таджикистан, ждал дочь в ее спальне, одетый в белый махровый халат, с банкой джин-тоники в руке.

– Привет, па, – без удивления поздоровалась с отцом усталая после выступления девушка, бросила на кровать сумочку. – Стережешь

мой будуар?

– Ты зачем разрешаешь своему приятелю ночевать у нас? – задал по-иезуитски непростой вопрос Юрий Венедиктович.

Мария, начавшая переодеваться за дверцей шкафа, натянула халатик, вышла на середину комнаты и внимательно посмотрела на обманчиво благожелательное лицо отца.

– Я не спрашиваю, откуда ты это знаешь. Но если я не имею права приводить друзей сюда, то сниму квартиру и...

– Сдаюсь, сдаюсь, – поднял руку Юрий Венедиктович, – я пошутил. Хотя ты должна знать, что Стас Котов – воспитанник комиссара «чистилища» Василия Котова.

– Ну и что?

– Дерется он действительно хорошо, но защитить тебя один не в состоянии, тем более когда за Посвященными Круга началась охота. Ты ведь в курсе событий?

Мария присела на кровать.

– В курсе.

– Маша, чей ты проводник? – Юрий Венедиктович невольно напрягся, встретив полный огня и силы взгляд дочери.

– Инфарха, – просто ответила девушка, погашая огонь в глазах.

– Разве он продолжает курировать земную реальность? Он же...

– Да, инфарх ушел со своего поста Мастера Мастеров, но ответственности за состояние земной реальности с себя не снял. Я послана на Землю, чтобы предотвратить вырождение Круга в культ со своими ритуалами, молитвами, идолами. Круг перестал следовать своей единственной цели – добывание новых знаний для человечества, сохранение старых и нейтрализация опасных. Восхождение к истине, к высшей духовности, к Богу, если хочешь, заменилось патриархами Круга и особенно адептами Союзов театрализованными представлениями о таковом восхождении. Синтеза научных и эзотерических знаний, на что надеялись Хранители, не произошло и не происходит. Мало того, координаторы и кардиналы Союзов присвоили себе право корректировать реальность не ради объективного выхода из тупиковых ситуаций и стабилизации социума, а в угоду своим амбициям, ради удержания власти.

Юрьев, не мигая, молча смотрел на дочь, потягивая из банки холодный напиток, ждал продолжения.

– Вы, кардиналы, очень изменились, папа, – грустно добавила Мария. – Вы перестали быть н а д политикой, вы увязли в ее болоте и не хотите этого понять. Круг, в том виде, в котором он сейчас функционирует, больше не должен существовать.

– Значит, ликвидатор Круга тоже послан инфархом? А ты курируешь исполнение этого процесса?

– Нет, не курирую, – улыбнулась девушка. – Я послана помочь одному человеку стать Воином Закона Справедливости...

– Стасу Котову?

– Да, папа. Он хороший, чистый человек, хотя и воспитан на жестком, если не на жестоком, отношении к жизни. Он может изменить ситуацию в нашем мире.

– Верю. Кем же тогда послан ликвидатор?

– Не знаю. И, насколько я информирована, инфарх тоже в неведении относительно цели ликвидатора и того, кто за ним стоит. Может быть, это кто-то из иерархов... или Монарх.

– Ему это вряд ли нужно.

– Логике Аморфов не всегда способны понять даже иерархи. Но я думаю, мы сможем решить эту проблему.

– Дай Бог нашему теляти вовка зыисты... Впрочем, я тоже этого хочу. Значит, ты не станешь воевать с отцом как с носителем зла?

Мария встала, подошла к Юрию Венедиктовичу, пригладила его волосы и поцеловала в лоб.

– Мы будем соблюдать нетэтикет^[21], если ты не возражаешь. Но с уговором не преследовать моих друзей. Договорились?

Юрий Венедиктович встал, допил джин и смял банку в руке. Когда он разжал кулак, на ладони осталась маленькая щепотка черного пепла.

– Договорились, командир. Как тебя звали там, в твоём мире?

– Светлада.

Юрий Венедиктович с расстановкой повторил имя, как бы пробуя на язык, улыбнулся и вышел. Следуя закону интеллектуальной чистоты, гласящему, что эмоции не должны влиять на решения кардинала, он на самом деле не собирался соблюдать никаких правил, но все же Мария была его дочерью, и воевать с ней он не хотел.

Дверь закрылась за ним и тут же открылась вновь. В щель просунулась голова Юрия Венедиктовича:

– Марго, ты не собираешься еще раз пригласить твоего Стаса к нам в гости?

– Не знаю, может быть.

– Пригласи, я хочу с ним познакомиться и побеседовать.

Дверь закрылась. Мария задумчиво смотрела на нее, не зная, как относиться к желанию отца познакомиться со Стасом. Затем мысли ее унеслись далеко отсюда, она взяла трубку радиотелефона и набрала номер Котова.

Однако никто ей не ответил.

Глава 16

СОЛНЕЧНАЯ СИСТЕМА: ПОДУРОВНИ РЕАЛЬНОСТИ

О том, что у церкви в Троице-Лыкове засада, Василий узнал из доклада Вени Соколова за час до похода в подземный МИР Ликозидов.

– Нас там ждут, – сказал он Самандару, заканчивая проверку и укладку сумок с экипировкой. – Отменим поход?

Вахид Тожиевич покачал головой, с сомнением взвешивая на руке бронежилет, отложил его в сторону; собирались у него на квартире в Сокольниках, а не, как обычно, у Котовых, которые переехали на другую квартиру, но еще не разобрали вещи.

– Они ждут нас и не уйдут, пока у Рыкова не лопнет терпение. Герман взялся за нас всерьез. Странно, что у ресторана в Новогирееве он не подстраховал свою команду лично.

– Я тоже подумал об этом. Может быть, он таким образом нас предупредил? Отомстил за «К-реестр»?

– Возможен иной вариант: он знает о тхабсе и подталкивает нас к определенным действиям, чтобы мы раскрылись. После чего перехватит инициативу.

– У него же был «черный файл» связи с Монархом. Почему бы ему не попросить Конкере открыть тхабс, как это сделал Соболев?

– Спроси чего-нибудь полегче.

– Что предлагаешь?

– Надо выкурить людей Рыкова с территории церкви и подготовить новый вход в МИР, за кладбищем. Третий раз Герман не даст нам войти туда со стороны церкви.

Василий некоторое время размышлял, потом поднес к уху рацию:

– Веня, возьми усиление и удали чужих с территории. Особенно не церемонься, но и стрельбу без нужды не поднимай.

– Сделаем, – донесся голос командира мейдера.

В прихожую с мокрыми волосами вышел из ванной Стас, молча начал одеваться. Вася присмотрелся к нему, отмечая преувеличенную сосредоточенность парня.

– Что-нибудь случилось, студент?

– Ничего, – ровным голосом отозвался Стас. Потом глянул на Котова исподлобья. – Дядь Вась, просьба одна имеется... Сними, пожалуйста, с меня наблюдение. Это ведь твои «чистильщики» ходят за мной по пятам?

– Неужели учуял? – удивился Василий. – Придется дать кое-кому нагоняй. Хотя странно, что ты их обнаружил, ведут тебя не визуально, а с помощью «малого СЭРа». Знаешь, что это такое?

Стас знал. «Малым СЭРом» называлась используемая военными разведчиками и диверсантами система электронной разведки, включающая в себя лазерные сканеры, фотооптические усилители с разверткой на экран и на специальные очки, химико-биологические и запаховые определители, компьютер-синтезатор изображений, компьютер управления и связи, видеозаписывающее устройство. И хотя вся перечисленная аппаратура умещалась в «дипломате», система была исключительно эффективна в деле.

– Ты уверен, что правильно оценил слежку? – продолжал Василий.

Стас упрямо боднул головой воздух.

– За мной кто-то постоянно наблюдает, я чувствую.

Василий и Самандар обменялись понимающими взглядами.

– Контрслежка?

Вахид Тожиевич кивнул.

– Проинструктируй своих пастухов, пусть определятся, одни они идут за парнем или нет.

– Потерпи еще немного, – сказал Вася. – Сам понимаешь, ты под прицелом, а вычислить тех, кто за тобой следит, можно только таким путем. Я не могу рисковать, отпуская тебя одного.

Стас подумал и согласился, хотя со свойственным молодости максимализмом был уверен, что способен постоять за себя сам, без чьей-либо помощи.

Соколов позвонил через сорок минут:

– Все в порядке, Василий Никифорович, горизонты чисты. Противник бежал, сильно помятый.

– Жертвы есть?

– Ни в коем разе, только раненые. У меня двое, у них человек пять, не меньше. Мои ребята провожали их до кольца, вряд ли они

вернутся в ближайшее время.

– На всякий случай перекрой все подступы к церкви. Выяснили, чьи хлопцы сидели в засаде?

– А как же, знакомые все мордovorоты, подручные Костика Мелешко. Не ожидали они нас. Точнее, не ожидали, что мы их накроем.

– Ждите. – Вася выключил рацию, посмотрел на своих напарников. – Пора выступать, территория Троице-Лыкова под нашим контролем.

– Поехали.

Подстраховав друг друга в астрале и убедившись, что за домом наблюдение никто не ведет, Василий, Вахид Тожиевич и Стас захватили сумки со снаряжением и спустились во двор, где их ждала «шестерка» Самандара. Через час они подъехали к Троице-Лыковской церкви, все подъезды и подходы к которой контролировались «чистильщиками» Соколова.

– На горизонте все тихо, – доложил он, выходя из церкви; остальных его людей видно не было, но Василий чувствовал их присутствие.

– Ждите нас два часа, – сказал Василий. – Если никто чужой в поле зрения не появится, возвращайтесь на базы.

– Может, возьмете с собой пару умелых ребят? – предложил Веня. Он никогда не интересовался, чем занимаются отцы-комиссары, справедливо полагая, что, если появится нужда, ему все расскажут.

– Не надо, в этом деле помощь не требуется.

Соколов кинул два пальца к брови и ушел обратно в церковь. Он не был верующим, но относился к верующим и священникам с уважением и не упускал момента заглянуть в храм.

Под землю спустились тем же путем, что и раньше, – через колодец под древней могильной плитой. Почему его не обнаружил Рыков, способный мгновенно определять следы магического присутствия, оставалось загадкой. То ли «печать отталкивания», наложенная Хранителями, была настроена избирательно и «отводила глаза» Рыкову, то ли он у церкви вообще не появлялся, понадеявшись на своих помощников. Что опять же вызывало удивление, потому что Герман Довлатович знал о существовании под Троице-Лыковым МИРа

Ликозидов, откуда стартовала в «розу реальностей» команда Матвея Соболева.

– После нашей стычки с Мелешко Герман должен был здесь все вылизать, – стоя в трубе канализации, высказал общую мысль Самандар. – Странно, что он этого не сделал, оставил лишь сторожей.

– Может быть, он давно нашел вход и ждет нас внизу?

– Вряд ли, я бы почувствовал его запах. Предлагаю завалить этот вход, а самим выйти в другом месте.

– Тогда придется отменить поход, а я бы хотел все-таки «сходить» в «розу» на пару часов.

Самандар молча направился дальше. Спустя четверть часа они уже стояли перед пирамидой древних разумных тарантулов. Переоделись в гермокостюмы с подогревом, проверили рации, оружие и один за другим двинулись внутрь МИРа. Судя по отсутствию каких-либо ментальных и физических следов, в пещере никто чужой не объявлялся, и это обстоятельство внушало уверенность и надежду на благополучный исход экспедиции.

Уже стоя внутри саркофага царицы Ликозидов, Василий вдруг со смешком признался:

– Я так и не понял, что такое тхабс. Аппарат, пробивающий дыру в границе между реальностями? Ключ, открывающий запертую дверь? Процесс, запускаемый с помощью магических формул?

– В переводе с санскрита тхабс означает «способ действия», – сказал Самандар. – По-видимому, это все-таки процесс.

– Это закон, – тихо обронил Стас.

– Что? – повернулся к нему Василий. – Какой закон?

– Точнее, пусковая формула закона тоннельного просачивания. Она может быть ориентирована лишь на определенную личность. Это как пропуск...

– Понял. Не понял только, откуда ты это узнал. От Марии, то бишь Светлады?

– Нет, – еще тише проговорил Стас. – Я... мне стало любопытно... В общем, я ходил в ментал... Информация лежала очень близко, будто специально для меня...

– Быстро бежит мальчик, – усмехнулся Вахид Тожиевич.

Василий хотел было сделать выговор ученику, но передумал.

– В следующий раз если задумаешь выходить в астрал-ментал, предупреди меня. Одному лазать по информационным кладовым опасно, можешь нарваться на «цепных псов» кардиналов или, того хуже, – иерархов.

– Хорошо, дядь Вась, – с облегчением сказал Стас. – А что это еще за «псы»?

– Особые программы, подавляющие волю и фрустрирующие психику. Однажды Герман Довлатович Рыков уже запускал их в астрал. Ну, путешественники-разведчики, поехали!

Тхабс послушно принял команду Котова, и все трое оказались в другом мире, далеко от Земли.

Черное небо с немигающими звездами. Близкий горизонт. Ослепительно сверкающее, как будто покрытое слоем золота, уступчатое плато, испещренное бороздами и длинными валами, усыпанное странно гладкими, овальными и круглыми, как галька, камнями. Каждый камень покрыт слоем глазури и сверкает как драгоценный или как слиток золота, серебра или платины. И солнце – в виде купола над горизонтом, пышущее жаром, кажущееся раскаленным горнилом плавильной печи, тоннелем в преисподнюю, с космами протуберанцев и сизо-голубой короной на полнеба. Смотреть на него невозможно, и даже сквозь ткань костюма его яростный пламень жжет и давит, будто непрерывно длящийся взрыв. А тело в этом мире кажется легким, как воздушный шар, потому что сила тяжести здесь в несколько раз меньше земной.

– Меркурий! – выдохнул Стас, задерживая дыхание и отворачиваясь от солнца. – Это Меркурий.

– Давайте назад, – хладнокровно предложил Самандар, – сгорим к чертовой матери!

– Сюда! – бросил Василий, только сейчас замечая, что они стоят рядом с каким-то необычным сооружением. – В тень!

Они перебежали под гофрированную, блестящую, точно она была из стали, стену сооружения, больше всего напоминающего изогнутую несколько раз трубу или скорее шланг диаметром в два человеческих роста. В стенке сооружения виднелась дыра, окруженная лучиками трещин, в нее можно было просунуть голову, что Василий и сделал, увидев изнутри полую трубу со стяжками и нечто

напоминающее человеческий позвоночник, только крупнее и в несколько раз длиннее.

– Что там? – поинтересовался Вахид Тожиевич.

– Пустая скорлупа, – отозвался Василий. – Впечатление такое, будто это гипертрофированно увеличенный кусок шланга. Но внутри то ли что-то когда-то росло, то ли обитало что-то живое. Полюбуйся.

Самандар заглянул внутрь трубы, но рассматривал ее недолго.

– Нет сомнений, что это сооружение Инсектов, но на звездолет эта штука не похожа. Стас, форма этой железяки тебе ни о чем не говорит?

– Первыми в космос вышли Вермиды...

– То есть разумные черви, так? Но ведь они к насекомым не имеют отношения.

– Не знаю. – В голосе молодого человека прозвучала виноватая нотка. – Я не особенно интересовался... Потом в космос вышли Лепидоптериды.

– Бабочки. Странно, что звездами первыми заинтересовались не крылатые существа, а те, кто по идее этих звезд видеть не мог. Кстати, по-моему, эта оболочка вполне может сойти за скафандр Вермида.

– Похоже, – согласился Василий. – А вообще-то, судари мои, я даже не мечтал когда-нибудь оказаться на планете Солнечной системы. А уж то, что планеты – всего лишь подуровни земной реальности, и представить не мог. Ну, налюбовались меркурианским солнышком? Пекло! Пора уносить отсюда ноги, наши костюмчики все же не годятся для разведки Меркурия.

– Может быть, попробуем шагнуть дальше? – робко предложил Стас. – Не хочется домой...

– Попробуем. Считаю до трех: раз, два, три...

И разведчики оказались на дне глубокого кратера диаметром в два километра, с крутыми и высокими стенами, освещенными удивительным оранжевым, не дающим теней светом.

Сила тяжести и в этом мире была меньше земной, но не намного. Стены кратера были сложены из слоистых пород всех оттенков красного, вишневого и коричневого цветов, а ровное плоское дно, покрытое слоем маленьких стеклянных шариков, похожих на бисер, казалось светящимся изнутри. Но не это привлекло внимание путешественников, хотя сам по себе пейзаж и выглядел удивительным: дно кратера было усеяно необычными предметами, напоминающими

разбитые скорлупы гигантских орехов, сплюснутыми трубами, деформированными куполами, похожими на панцири черепах и ажурно-пластинчато-суставчатыми остовами, в которых люди не сразу признали разбитые, искореженные останки насекомых гигантских размеров.

– Мать моя! – проговорил вполголоса Василий. – Это куда же мы попали?

– На поле боя, – сказал флегматично Самандар.

– На Венеру, – одновременно с ним произнес Стас. – Температура под четыреста пятьдесят градусов по Цельсию, очень плотная атмосфера, сила тяжести меньше, чем на Земле...

– Пожалуй, устами младенца глаголет истина, – согласился Самандар, сделав два плывущих шага, словно двигался сквозь воду. – Это Венера.

– Я не спору, – мрачно сказал Василий. – Припекает основательно, так и свариться можно... вкрутую. Но я имел в виду другое: что здесь произошло? Что за останки разбросаны кругом?

– По-моему, ответ может быть только один: в кратере столкнулись две армии Инсектов и уничтожили друг друга. Советую возвращаться. Если Соболев и был на Венере, то давно и недолго, здесь ему делать нечего.

– Наверное, ты прав. Без скафандра тут действительно выжить невозможно. Мы здесь две минуты, а я уже мокрый как мышь.

– погодите секунду, – сказал вдруг Стас и, утопая по щиколотки в слое «бисера», направился к ближайшему «черепашью панцирю», расколотому на две части. Остановился над ним, протянул руку и ухватился за торчащую из панциря рубиново светящуюся палку, похожую на рукоять меча. Потянув за нее, он и в самом деле вытащил нечто напоминающее меч, только лезвие этого метровой длины изделия было не сплошным, а состоящим из десятка сияющих, как подсвеченное изнутри голубое стекло, ромбов.

– Что это? – подошел к парню Василий.

– Похоже на меч... – Стас провел пальцем между ромбами: палец прошел свободно, не встречая сопротивления, и тем не менее ромбы держались на одной линии, создавая впечатление струящегося лезвия, словно были скреплены невидимым силовым полем.

– Интересная штукавина... меч не меч... но за рукоять явно держалась человеческая рука.

Стас взмахнул «раздробленным мечом», смертоносный «пунктир» лезвия упал на панцирь и легко, как бумажный, рассек его на части. Причем сила удара оказалась столь велика, что не ожидавший этого молодой человек едва не выпустил рукоять из руки.

– Ни хрена себе! – Василий присвистнул. – Поосторожней с такими упражнениями, кто знает, что это такое. Вполне может оказаться забытой Великой Вещью Инсектов.

– Можно, я возьму ее... его с собой?

– Я бы посоветовал не брать, – подал голос осторожный Самандар.

– Возьми, – сказал Василий, – посмотрим дома, из чего эти зубы на рукояти сделаны. Если это меч, он нам пригодится.

Кинув последний взгляд на высохшие панцири Инсектов, погибших во время боя, на стены кратера, на полосатое небо со светящимися прожилками, путешественники сошлись вместе.

– А интересно все же, как давно произошла тут битва, – пробормотал Василий, нагибаясь и зачерпывая горсть «бисера». – Десять лет назад или больше?

– Думаю, гораздо больше, – сказал Вахид Тожиевич, хмыкнув. – Неужели ты считаешь, что побоище – дело рук Соболева?

Вместо ответа Василий сосредоточился и мысленно приказал неизвестному «джинну», включающему тхабс, перенести их в более прохладное место.

«Джинн» послушался.

Из венерианского пекла, которое с трудом выдерживала ткань гермокостюмов, они перенеслись в удивительный мир снега и льда, образующего настоящие кристаллические леса, арки, дуги, сталагмиты, акведуки и мосты, играющие бликами отражений довольно крупной звезды, в которой путешественники узнали Солнце. Вернее, его-то как раз они узнали в последнюю очередь. Сначала они, понаблюдав за гигантским полосатым куполом в полнеба, определили в нем колоссальную планету, то есть Юпитер, а уж потом поняли, что находятся на одном из его спутников, а крупная звезда над горизонтом в другой стороне от Юпитера, высекающая в ледовых формах алмазные искры, и есть Солнце.

Затем Стас обратил внимание на ту поверхность, где они оказались.

Она вовсе не была ледяным полем или торосом: ровный круг цвета ржавого железа диаметром в сто метров, возвышающийся над собственно ледяным ландшафтом метров на двадцать, с тремя рваными шрамами в материале круга, свидетельствовавшими, что в круг либо стреляли из гранатомета, либо гранатами, но не исключено, что эти следы были оставлены метеоритами. В пользу второго предположения говорил факт отсутствия на этом небесном теле атмосферы.

Один из шрамов пробил толстую – метровую – крышу непонятого сооружения, напоминающего нефтеналивной бак, и сквозь отверстие можно было с помощью фонарей разглядеть мешанину каких-то ферм, балок и креплений из тускло блестящего фиолетово-синего материала.

– Ну, и где мы оказались на сей раз? – поинтересовался Вахид Тожиевич. – Кто у нас эксперт по Солнечной системе?

– Вообще-то я не астроном, – осторожно сказал Стас, – но, по моему, мы высадились или на Ио, или на Европу. Скорее всего на Европу, только она, кажется, покрыта океаном и толстым слоем льда.

– Я тоже читал когда-то книжку «Планеты Солнечной системы», – сказал Василий. – Похоже, это действительно Европа. Она чуть ли не вся состоит из воды, а слой льда, покрывающий ее, достигает толщины чуть ли не сотни километров.

– Может быть, заглянем в этот бак? – предложил Стас. – Интересно, кто его тут оставил и зачем. – Он подпрыгнул на десяток метров вверх, перепугав спутников. – Видите, как тут легко двигаться? Можно обойтись без веревок и всяких приспособлений.

– В принципе заглянуть можно... – неопределенно протянул Василий, засмотревшись на пухлую гору Юпитера, постепенно растущую над горизонтом, закрывающую все небо. – Только Вахид прав, Соболева здесь мы тоже не найдем.

Солнце зашло. Ледяной ландшафт Европы залил перламутровый свет Юпитера, перечеркнутого жемчужно-серебристой полосой его пылевого кольца. Картина была столь необычной, поражающей воображение, впечатляющей, что ею залюбовались все, даже равнодушно относящийся к красоте природы Самандар. Правда, он

вышел из «режима созерцания» самой большой планеты Солнечной системы первым:

– Пора двигаться дальше, господа. Никифорович, ты не мог бы включить тхабс таким образом, чтобы он перенес нас сразу туда, куда прыгнул Соболев?

– Похоже, я никогда к этому не привыкну... – пробормотал Василий. – Что ты сказал?

– Попробуй заставить тхабс перенести нас в определенную реальность.

– А ведь об этой возможности я не подумал! – озадаченно признался Василий, с усилием отрывая взгляд от зелено-серо-желтой полосатой бездны с гигантским красноватым глазом – знаменитым Красным пятном Юпитера. – Сейчас попытаемся.

– Дядь Вась! – взмолился Стас. – Мы же здесь никогда больше не появимся, можно я загляну в этот бак? Интересно же, зачем его оставили Инсекты.

Василий подумал и согласился.

– Десять минут на все изыскания, и идем дальше.

Один за другим они спустились в дыру, включили фонари и некоторое время разглядывали сплетение ферм и перемычек, образующих самые настоящие геометрические заросли. Если бы не малая сила тяжести планеты, пробираться между фермами было бы очень трудно, благодаря же этому обстоятельству путешественникам удалось спуститься вниз метров на пятьдесят и миновать слой фиолетово-синих растяжек, балок и креплений. Дальше вниз уходил круглый тоннель, совершенно пустой, если не считать трех фиолетовых спиралей, свисающих с ферм и теряющихся в темноте.

– Труба, – нарушил молчание Василий, направляя вниз луч света, но так и не достав им дна. – Или шахта. Инсекты здесь что-то добывали во льдах.

– Может быть, и шахта, – сказал возбужденный Стас, – а может, звездолет. Светлада говорила, что Инсекты вышли в космос сначала на ракетной технике, а потом только нашли способ преодоления пространства и границ реальностей.

– На звездолет эта труба похожа мало, – сказал скептически настроенный Самандар, но Стас не стал спорить.

– Давайте спустимся еще ниже. Вдруг найдем рубку или центр управления? Заблудиться здесь невозможно...

– Нет, возвращаемся, – твердо отрезал Василий. – Следы Инсектов безусловно представляют интерес, однако у нас другая цель. Пошли наверх.

– А зачем? – вдруг сказал Вахид Тожиевич. – Разве тхабс работает из определенной точки пространства? Он должен действовать в пределах реальности... если это принцип, закон перехода.

Василий думал недолго.

– Кажется, я совсем потерял способность мыслить. Ты безусловно прав. Держитесь!

Гигантская труба, проткнувшая ледяной панцирь Европы на десятки километров, созданная Инсектами для каких-то своих целей, исчезла. Трое «космонавтов» оказались в мире, откуда начинали свой путь в «розе реальностей» Матвей Соболев и его спутники.

Глава 17

СГОВОР

Бабуу-Сэнгэ встретился с Юрьевым в клубе «У Шварценеггера». Прошел он, в отличие от Юрия Венедиктовича, не предъявляя клубной карточки, и вряд ли швейцар и охранники клуба вообще видели, как он входил.

Ресторан клуба имел отдельные кабинеты. В одном из них и уединились координатор и кардинал Союза Девяти (теперь, после гибели четырех кардиналов, уже ставшего Союзом Пяти Неизвестных), окружив предварительно комнату «колоколом отталкивания».

– Мне стало известно, – начал Бабуу-Сэнгэ без предисловий, – что двое Посвященных I ступени получили тхабс и собираются отправиться в «розу» на поиски ушедшего туда десять лет назад возмутителя спокойствия...

– Соболева.

– У вас есть дополнительная информация по этому вопросу?

– Весьма скромная, – ответил Юрий Венедиктович. – Посвященные эти – комиссары возрожденного «чистилища», «команды контркрим», как они себя называют, Самандар и Котов. «Чистилище», кстати, неплохо сдерживает деятельность рыковского СС. По сути, оно стало своеобразным регулятором второго рода, полезным нашему делу. Поэтому я с Виктором Викторовичем и не занимался им плотно. Что же касается передачи Посвященным знаний принципа перехода границы... я не ведаю, как им это удалось сделать и кто им помог.

– Но факт остается фактом.

– Факт остается фактом, – согласился Юрьев. – И у меня появился шанс выяснить все детали процесса.

– Каким образом?

– Моя дочь познакомилась с воспитанником Котова. Я надеюсь через нее узнать подробности. – Юрий Венедиктович не стал рассказывать координатору о том, что Мария стала авешей Светлады.

– Хорошо, держите меня в курсе. В скором времени нам понадобится знание тхабса. А указанных вами Посвященных надо остановить во что бы то ни стало. Их прорыв в «розу» чреват непредсказуемыми последствиями.

– Не думаю, – качнул головой Юрий Венедиктович. – Дальше подуровней нашей земной реальности, то есть планет Солнечной системы, им не пройти.

– Даже в этом случае они могут стать опасными свидетелями войны иерархов. Думаю, для вас не секрет, что наша реальность – чуть ли не единственная из всех «лепестков розы», которую обошла глобальная война. Кстати, еще надо разобраться, почему. Так вот, если Посвященным Котову и Самандару удастся завладеть кое-какими Великими Вещами Инсектов, опасность их воздействия на реальность возрастет во сто крат. Мы также не должны сбрасывать со счетов и их возможную встречу с Соболевым. Он остается потенциальным аватарой, пора признать это, и его возвращение будет означать катастрофу, сравнимую по масштабам с изменением реальности.

Юрьев скептически усмехнулся.

– Им не удастся найти Соболева, не имея прямого доступа к полю информации, а астрал «розы» Посвященным их уровня не по зубам. Они не проходили практического использования теории высших непреодолимостей.

– И все же контакт их с «розой» допустить нельзя. У вас есть доступ к МИРу Ликозидов, откуда стартовал Соболев?

– Но он же... разрушен? К тому же Хранители заблокировали входы в МИРы, насколько мне помнится.

– Не хитрите, Юрий Венедиктович, – бесстрастно сказал Бабуу-Сэнгэ, – мне известно, что вы пытались найти вход в МИР. Впрочем, такие же попытки делали все наши коллеги.

– А вы?

– Я – нет. Но из всех нас лишь Герман Довлатович смог пройти в МИР Ликозидов, да и то благодаря помощи Конкере.

– Почему же он не попросил у своего приятеля дать ему прямой тхабс?

– Этого я не знаю. Может быть, Монарх не увидел в этом практической пользы и необходимости. Один раз он уже подарил

тхабс... Соболеву... чтобы его запрограммировать. И, судя по тому, что происходит в нашей реальности, ему это удалось.

– Вы считаете... – Юрий Венедиктович откинулся на спинку дивана, с любопытством заглядывая в непроницаемые глаза собеседника.

– Вполне возможно, что ликвидатор Круга запущен не без участия Соболева. Если так, он нам не опасен. Хотя у нас все равно остаются только два выхода: уничтожить ликвидатора или бежать в «розу». Для первого варианта необходим выход на комиссаров «чистилища», чтобы уговорить их помочь нам... даже не нам – Кругу. Для второго варианта нужен тхабс.

– Я понял, – кивнул задумчиво Юрьев. – И оба варианта упираются в Посвященных Котова и Самандара.

– Вы займетесь ими?

– Особого желания, честно говоря, контактировать с ними у меня нет, – признался Юрий Венедиктович. – Может быть, вы привлечете Петра Адамовича и Виктора Викторовича?

– Грушин и Мурашов не горят желанием подставить шею под топор ликвидатора, но и рисковать, выходя на связь с «чистилищем», не станут. Они в панике.

Юрьев снова задумался, скрестив руки на груди. Потом вздохнул.

– Кажется, у меня нет выбора. Я попытаюсь. Но гарантия успеха – пятьдесят на пятьдесят.

– Этого достаточно. – По губам координатора Союза скользнула тонкая улыбка. – Вдвоем мы справимся... если только ликвидатор не доберется до нас раньше. Как-никак он реализатор нового Закона, а бороться с законом – все равно что...

– Против ветра, – закончил Юрьев.

– Очень точно, Юрий Венедиктович. Как вы думаете, кто он?

– Если бы я знал имя...

– Нет, я имею в виду не конкретного исполнителя.

– Магическая личность, наверняка. Возможно – авеша иерарха.

– Это кто-то из людей Круга, Юрий Венедиктович. Либо Хранитель, либо патриарх инициации Посвящения. Уж слишком хорошо он знает возможности, привычки и координаты ликвидированных коллег.

Юрьев, выпятив губу, в сомнении посмотрел на собеседника. Бабуу-Сэнгэ встал.

– Опасайтесь контактов с адептами Круга, дорогой советник. Я очень надеюсь, что «час Ц» выявит предателя... ну, или не предателя, это чисто эмоциональная оценка его деятельности, а посланца Монарха, скажем. Или действительно кого-то из иерархов, Ангелов или Архонтов. Если же эгрегорная пеленгация ликвидатора не выявит, нам придется обратиться за помощью к другому лицу.

– Уж не к Монарху ли? – поднял брови Юрьев.

– К нему, родимому. – Бабуу-Сэнгэ поклонился и вышел, одевшись в «накидку невидимости».

Юрий Венедиктович остался сидеть в кабинете, размышляя над скрытыми недомолвками разговора. Он не верил в искренность координатора и его желание разделаться с ликвидатором ради стабилизации реальности. Бабуу-Сэнгэ просто хотел уцелеть в начавшейся войне, и это желание было по-человечески понятно. Однако при этом координатор спокойно мог подставить шею любого кардинала «под топор ликвидатора», как он выразился, а рассчитывать своевременность жертвы он умел как никто другой, недаром прожил на свете около двухсот лет.

Юрий Венедиктович посмотрел на часы, прикинул свои маршруты и заказал обед. Он любил поесть вкусно и с комфортом.

Глава 18

НИСХОЖДЕНИЕ В ГЛУБИНЫ

Они оказались на плоской вершине странного холма, который при ближайшем рассмотрении оказался древней полуразрушенной пирамидой, сложенной из круглых стеклянных шаров цвета морской волны разного диаметра. Промежутки между полуметровыми шарами заполнялись более мелкими, а между ними – еще меньшими, примерно тем же «бисером», что устилал дно кратера на Венере.

Этот искусственный холм не был самым высоким, его окружали более крупные пирамиды, параллелепипеды, валы и стены, и весь этот ландшафт очень здорово напоминал город. Разрушенный город. Причем – разрушенный не временем, а войной.

В стенах многих тяжеловесных сооружений неизвестных строителей зияли дыры и бреши, некоторые оплавились и осели, а были и такие, при взгляде на которые на ум приходили великаны с гигантскими мечами в волосатых лапах, разрубающие пирамиды до основания.

Разрушенный город со всех сторон окружал фиолетово-зеленый лес, создающий гнетущее впечатление угрюмого недоброжелательного наблюдателя. Разглядеть издали деревья не удалось даже в бинокль, однако что-то в нем было не так, что-то настораживало путешественников, отчего они чувствовали себя неуютно.

Сила тяжести в этом мире была равна земной, небо имело оттенок стали, хотя здешнее светило ничем не отличалось с виду от земного солнца – такое же ослепительно золотое, но, кроме него, люди разглядели еще два размытых тусклых серебристых диска – местные луны – и перечеркивающий небосвод тонкий серп кольца.

Обойдя вершину пирамиды, путешественники обнаружили в одной из ее стен рваную дыру, из которой торчало нечто многосуставчатое и многосегментное, напоминающее тело многоножки, но размером с земной грузовик, и долго разглядывали высохший труп Инсекта, понимая, что мир, в который они попали, не более благополучен, чем их собственный.

– Интересно, сколько лет он здесь лежит? – мрачно проговорил Василий.

– На вид – не очень давно, – отозвался Самандар. – Хотя вполне может оказаться, что прошли миллионы лет. Стас, чей это город?

– Пауроподов, – ответил зачарованный пейзажем молодой человек. – Но для путешествий по другим реальностям «розы» нам нужен другой эксперт.

– Кого ты имеешь в виду?

– Марию... то есть Светладу. Она «третье Я» инфарха и ответит на любой вопрос, потому что знает «розу» лучше любого иерарха.

– Предложение интересное, – проворчал Василий. – Мы подумаем над ним. Что будем делать дальше? Может быть, Соболев и обретается здесь, на этой планете, но искать его наобум не имеет смысла. К тому же кислорода у нас осталось всего на час.

– Мне кажется, здесь можно дышать. Можно, я проверю?

– Не спеши на шиши... позже проверим. Ну? Идеи? Тожиевич, ты у нас самый умный и образованный, давай предлагай.

– Был бы умным, не ввязался бы в эту авантюру с поиском Соболева, – хладнокровно сказал Самандар.

– Уже ввязался, рожай.

– Астрал.

– Что?

– Астрал. Любая реальность должна иметь свое континуальное поле информации. Соединим усилия и поищем след Соболева в астрале.

– Я же говорил, что ты гений!

– Не преувеличивай, – хмыкнул польщенный Самандар. – Можно подумать, у тебя не было решения.

– Было, – признался Василий, – но твое лучше. Я хотел попросить тхабс перенести нас в пределах данной реальности в то место, где находится Соболев.

– Тхабс – не транспортное средство.

– К сожалению, ты прав. Что ж, попробуем допросить здешний астрал. Давайте присядем и сосредоточимся.

Они уселись на пупырчатой из-за плотно упакованных разнокалиберных шаров поверхности пирамиды спиной к спине, Стас

положил свой «штрих-меч» рядом, и все трое сконцентрировались на ментальном прощупывании местного энергоинформационного поля.

Результат сказался тут же, но не такой, какого они ожидали.

Прорыв в чужое информпространство удался, и люди даже уловили, как им показалось, порядок «ступеней смысла», ведущих в разные области знания, однако, во-первых, это ощущение было ложным, «болото» чужого астрала просто стало глубже, перегруппировало свои бездны, а во-вторых, по психике Посвященных был нанесен внезапный дезорганизирующий удар, едва не лишивший их воли и сознания. Психоэнергетическая атака была настолько неожиданной и мощной, что все трое «поплыли», несмотря на защитные блоки сознания, и пришли в себя не сразу. Правда, из астрала они вынырнули, точнее сказать, их оттуда вышибли, но это обстоятельство можно было считать удачей.

– Кто это нас так? – хрипло проговорил Василий, успокаивая «вздыбленную» нервную систему, дыша через нос медленно и глубоко. – Неужто Монарх подстерег?

– Не знаю, кто, – отозвался оставшийся невозмутимым Самандар, – но контактировать с ним я больше не хочу.

– Да, здешний астрал нам не подвластен, – с неохотой констатировал Василий. – Хорошо еще, что мы подстраховали друг друга. Порог вхождения в астрал здесь вдвое выше, чем на Земле. И еще этот сторож... может, действительно Монарх? Или какая-нибудь его хитрая кусачая программа.

– Какая разница? Мы не в состоянии... – Вахид Тожиевич не закончил.

Издали послышался гулкий нарастающий топот, приблизился, и между ближайшими строениями-холмами города Пауроподов показался стремительно приближающийся всадник на громадном черном звере. Впрочем, это был не всадник – кентавр! Только кентавр необычный.

Путешественники вскочили, с изумлением глядя на чудовищное существо, достигавшее в росте не менее шести метров.

Тело льва, на спине два кожистых вздутя, напоминавшие попону и оказавшиеся впоследствии крыльями, ноги лошади с раздвоенными копытами, вместо головы – человеческий торс и на нем голова с женским лицом совершенно удивительной красоты, обрамленным

густыми и длинными серебристыми волосами. В руках этот полулев-получеловек держал огромную секиру с крюком на конце, напоминавшую земную западноевропейскую интрепель семнадцатого века. Остановившись у пирамиды, на которой стояли потрясенные встречей путешественники, едва не доставая головой до ее вершины, он (она?!) внимательно оглядел каждого и произнес металлическим голосом, совсем не женским:

– Возвращайтесь в свой мир, двоешкурные. Здесь вам делать нечего. И не появляйтесь больше, если не хотите оказаться в аду! Даю на размышление два удара сердца. – Существо подняло над головой секиру.

– Сфинкс! – прошептал Стас. – И он говорит на русском языке!

– Это, наверное, всего лишь эффект ментального обмена, – хладнокровно сказал Самандар. – А может быть, тхабс при переходе границы дает и знание местных языков.

– Недаром говорят: живи тихо – не увидишь лиха, – проговорил Василий. Поколебавшись немного, снял шлем гермокостюма, осторожно втянул воздух носом, потом вдохнул полной грудью. – Дышать можно. – Повернул голову к кентавру. – Кто ты?

– Я Асат^[22], страж границы. И я очень удивлен, что земным существам удалось ее перейти. Но – уходите!

– Хорошо, мы уйдем, только ответь на один вопрос. Десять лет назад... так мы называем отрезки времени на Земле... сюда проникли четверо людей. Ты не знаешь, где их можно найти?

– Ответ отрицательный. И ваше время кончилось.

Кентавро-сфинкс поднял свою великанью секиру еще выше. Василий поднял ствол висящего на ремне под рукой «кипариса» и дал очередь в небо. Направил его на замершего монстра.

– Стой спокойно, дядя... или тетя? Мы никого не трогаем, никому не угрожаем, и нам угрожать не надо. Тебя же по-хорошему спрашивают? Ты видел четверых землян, наших товарищей?

– Не видел. – На прекрасном лице женщины появилась странная улыбка: презрение, высокомерие, угроза и жалость соединились в ней удивительным образом.

В ту же секунду ствол пистолета-пулемета в руке Василия изогнулся, глянул ему в лицо, и оторопевший Вася едва успел отклонить голову от струи пуль, выпущенной «кипарисом»

самостоятельно. Палец Котова в этой процедуре не участвовал, пистолет действительно стрелял сам.

Секира с гулом обрушилась на вершину, едва не разрубив Василия, боровшегося со своим собственным оружием, которое норовило расстрелять хозяина. На поверхности пирамиды осталась глубокая, змеящаяся трещинами расселина.

Кентавро-сфинкс поднял свою секиру, снова ударил. И в этот момент Стас, в подкате подхватив лежащий невдалеке «штрих-меч», подставил его под удар. Того, что произошло вслед за этим, не ожидал ни он сам, ни женщина-кентавр.

Секира, коснувшись меча, разлетелась на множество стеклянных осколков. Кентавр вскрикнул, отбрасывая древко секиры, с которого на его руку перебежал голубой ручеек электрического разряда.

– О, Великий Первый! Синкэн-гата!

Василий, наконец успокоивший пистолет, поднялся на ноги, с любопытством посмотрел на ошеломленное лицо воспитанника, сбросившего шлем, перевел взгляд на россыпь осколков – все, что осталось от секиры, проговорил задумчиво:

– Похоже, мы не зря выбрали этот ножичек. – Вася повернул голову к стражу границы, застывшему в каком-то странном благоговейном оцепенении. – Что вы там такое сказали, э?

– Синкэн-гата... – Металла в голосе стража стало меньше. – Его еще называют устранителем препятствий и нейтрализатором высших непреодолимостей. Простите меня, незнакомцы, я не знал, что один из вас – Воин Закона.

Самандар тоже снял шлем, пригладил волосы, скосил глаза на Стаса, разглядывающего меч.

– Поздравляю, студент. Кажется, это ты у нас Воин... э-э... какого-то Закона. Между прочим, синкэн-гата в японской культуре – один из методов передачи знаний от учителя к ученику^[23]. Переводится буквально как «духовный меч».

– Устранитель препятствий... – Вася покачал головой, протягивая руку. – В индийской мифологии есть термин «винайка» – устранитель препятствий. Это он? Дай-ка подержу.

Стас подал меч Котову, тот взял его и с криком выронил. Меч с шипением воткнулся в крышу пирамиды, брызнув снопом извилистых молний.

– Черт! Он заряжен электричеством, как аккумулятор!

– Синкэн-гата подчиняется только Воину Закона, – ожил кентавр Асат. – Странно, что вы этого не знаете. Я удаляюсь. Прощайте. Помните, что чем дальше вы окажетесь от дома, тем проблематичней будет возвращение.

Он повернулся, собираясь ускакать.

– Постой, – спохватился Василий, держась за руку, сжимая и разжимая пальцы. – Ты действительно ничего не знаешь о судьбе четверых наших друзей? Один из них Матвей Соболев, а девушку зовут...

– Соболев? – оглянулся Асат. – Мне известно это имя. За ним была погоня. Но я всего лишь страж границы, особая программа защиты реальности, информационный обмен не входит в мои функции.

Кентавро-сфинкс рванул прочь от пирамиды, проскакал с полсотни метров, и вдруг «попона» на его спине развернулась и превратилась в огромные кожистые крылья. Он взмахнул ими раз и другой, оторвался от земли, сделал вираж и унесся в небо. Миг – и его не стало.

– Он нас пропустил... – тихо сказал Стас, не решаясь взять торчащий меч.

Василий оглянулся, опасливо обошел меч, продолжая шевелить пальцами.

– Рука до сих пор холодная, онемелая... Да, брат, вовремя мы захватили эту игрушку. Синкэн-гата... духовный меч... Может быть, это и не меч вовсе.

– Возьмем его с собой?

– Конечно, надо познакомиться с ним поближе, выяснить свойства, возможности.

– Я бы посоветовал оставить его здесь, – сказал трезвомыслящий Самандар. – Спрятать в укромном месте. На Земле он наверняка начнет светиться. Если об этом узнают наши недруги, начнут охоту за ним.

Василий подумал немного, покачал головой.

– Здесь его тоже оставлять опасно, мало ли кто им завладеет. Заберем домой. Как ты его унюхал там, на Венере, ума не приложу. Как специально подложил кто...

Стас выдернул меч, оглядел его, взвесил в руке, положил лезвием на плечо, сказал грозно:

– Ну, где тут Монарх? Подать мне его сюда! Я скажу ему пару ласковых...

Василий фыркнул. Самандар дернул уголком губ, намечая улыбку, и в это время пирамида под ногами вздрогнула, с гулом треснула. Гул покатился дальше, сопровождаемый треском и грохотом лопающихся строений города Пауроподов. Потом загудело, завывало со всех сторон, словно ударила батарея «катюш», и лес на глазах застывших путешественников ожил. Часть его превратилась в динозавроподобных монстров, бросившихся на город, часть взлетела в воздух в виде стаи гигантских птиц, с клекотом ринувшихся на людей.

– Уходим! – среагировал Василий.

В тот же момент они оказались в пещере с МИРом Ликозидов, заполненной тишиной и покоем. Тхабс работал безукоризненно и точно, Василий уже освоился с ним, как с инстинктом, данным ему при рождении.

– Теперь мы знаем путь, – сказал он мрачно.

Глава 19

ПРЕДЛОЖЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Домой Вахид Тожиевич приехал в четыре часа утра, но спать уже не ложился, лишь провел получасовой сеанс медитации, настраивающий организм и восстанавливающий силы после любой тяжелой работы. Позанимавшись со снарядами в спорткомнате, он влез в ванну и включил душ, вдруг вспомнив свое детство.

Родился Вахид Тожиевич в Фергане, в узбекской семье, в пятьдесят третьем году, в год смерти Сталина, хотя сей факт никак не отразился на его личной судьбе. В детстве он любил подвижные игры, с удовольствием бегал, лазил по деревьям, плескался в арыках, для остроты ощущений мог перебежать дорогу перед близко идущим автомобилем или отправиться ночью в какое-нибудь глухое место, чтобы встретить привидение.

Такие забавы, естественно, доставляли родителям немало волнений и головную боль, однако мальчишка об этом не задумывался, впоследствии так и не привыкнув думать о других. Рос он любимцем отца, с матерью у него складывались просто ровные отношения. Он выслушивал ее наставления, в споры не вступал, но требования выполнял далеко не всегда.

Читать будущий Посвященный в тайны Внутреннего Круга начал с трех лет, увлекся приключениями и фантастикой – наиболее соответствующими его беспокойной натуре видами литературы. В шесть лет пошел в школу, развитый не по годам, и в тот же год отец привел мальчишку в первую в его жизни спортивную секцию – легкоатлетическую; к тому времени семья переехала в Ташкент. Но легкоатлетом Вахид не стал. В восемь лет он был замечен тренером национальной сборной Узбекистана по боксу и приглашен в команду, с чего и начал свою карьеру мастера боевых искусств.

В десять лет отец познакомил его с иранцем Самаком, потомком айяров, еще в тринадцатом веке создавших систему «мусульманского ниндзюцу». Иранец обучил его всему, что знал сам. Айяров не зря

нанимали местные власти в качестве полицейской и военной разведки, а также для диверсионных и террористических актов, освобождения пленников и захвата «языков». Айяры умели практически все, что позднее стали культивировать у себя на родине японские ниндзя: проникать в закрытые помещения и даже в крепости; набросив аркан на выступ стены, мгновенно взбегать на нее; открывать любые замки; пользоваться системой колодцев и водостоков; производить подкопы и разбирать фундаменты протискиваться в небольшие отверстия и узкие щели, и так далее, и тому подобное. Естественно, научился всему этому и молодой Самандар.

В пятнадцать лет он попал во Вьетнам (отец получил туда назначение в составе отряда советских военных инструкторов) и три года занимался вьетнамскими видами рукопашного боя во туал и вьетводао, восхитив наставника быстрым ростом своего мастерства. К этому возрасту Вахид уже владел английским, вьетнамским и корейским языками и читал запретную по тем временам оккультную, мистическую и эзотерическую литературу. Учитель – буддийский монах Вонгван нашел его сам.

Два года Самандар провел в буддистском монастыре Хваран на севере Кореи, изучая стили борьбы субак, куксуль и тхэккён, затем переехал в Китай, где еще два года занимался кэмпо стиля харимау под руководством мастера Юй Вана.

В тысяча девятьсот семьдесят пятом году Вахид вернулся в СССР, поступил в Ташкентский госуниверситет на философский факультет и закончил его в восьмидесятом, будучи уже известным в Средней Азии специалистом по восточным единоборствам. В восемьдесят первом он снова уехал в Китай, где овладел кунг-фу и диммаком – мастерством точечных ударов, а оттуда переместился в Малайзию, за год освоив одно из самых загадочных – для непосвященных – направлений стиля пенчак-силат – силат буах, «смертельный силат».

За семь лет Самандар объехал чуть ли не всю Восточную Азию – от Японии и Таиланда до Индии и Индонезии и вернулся в Союз мастером, равных которому набралось бы в Азии не более десятка человек. Но об этом знали очень немногие люди, в том числе адепты Круга, заметившие целеустремленность молодого человека, его интерес к эзотерике и готовность к духовному контакту. В девяносто первом году, накануне развала СССР, Самандар стал Посвященным I

ступени Внутреннего Круга и переехал из Ташкента в Москву, где возглавил институт азиатских единоборств, впоследствии ставший Международным исследовательским центром боевых искусств.

Достигнув пятидесятилетнего рубежа, Вахид Тожиевич так и не женился, уж слишком тщательно он подходил к выбору подруги жизни. Ему была нужна женщина с богатым духовным миром, послушная, аккуратная, чистоплотная в быту и красивая. Таковых долго не находилось. А когда он наконец познакомился с Ульяной Митиной, ставшей Посвященной в двадцать пять лет, то есть – непозволительно рано, и готов был предложить ей руку и сердце, появился Василий Балугев, ганфайтер-волкодав, сотрудник ФСБ, мастер рукопашного боя. Ульяна, и без того питавшая к Вахиду Тожиевичу лишь дружеские чувства, вовсе перестала смотреть на директора МИЦБИ как на представителя мужского пола...

Приняв ванну, Вахид Тожиевич придирчиво осмотрел себя в зеркале, увидел мускулистое, без капли жира, смуглое, сильное тело, пожал плечами и оделся. Не то чтобы он не понимал женщин – он не понимал Ульяну, обратившую внимание на Балугева, человека безусловно одаренного, но не более самого Самандара и к тому же не посвященного в тайны Круга. О том же, что девушка нашла в Балугеве, кроме молодости и настырности, Вахид Тожиевич размышлять не любил. Да теперь это и не имело значения. Десять лет назад Ульяна ушла в «розу реальностей» вместе с Соболевым, Иваном Парамоновым и Кристиной, и соперникам, стечением обстоятельств превращенным в сотрудников и единомышленников, возродившим «чистилище», делить стало нечего.

После ванны Вахид Тожиевич уселся в кабинете на циновку в позе лотоса и провел еще один сеанс медитации, тренируясь в переносе сознания на «брюшной уровень».

В конце двадцатого века ученые-нейробиологи обнаружили у человека еще один нервный центр, так сказать, своеобразный мозг, тесно связанный с двумя другими – головным и спинным. Располагается этот центр, по сути – нервная система, в брюшной ткани, устилающей внутренние стенки пищевода, желудка, тонкой и толстой кишок, а представляет собой он сеть нейронов и вспомогательных клеток, обменивающихся между собой сигналами. И хотя количество нейронов в брюшном центре меньше, чем в спинном

мозге, он так же способен запоминать информацию, учиться на опыте, влиять на эмоции. Вахид Тожиевич сделал настоящую революцию в собственном организме, когда научился в экстремальном режиме перебрасывать сознание на «брюшной уровень». Теперь он мог не бояться ментальных нападений, астральных атак и психоэнергетических разрядов, в том числе выстрелов из гипногенератора «удав». Но этим своим открытием Самандар не поделился ни с кем, даже с Котовым, полагая, что секрет, известный двоим, уже не является секретом.

Вряд ли Вахид Тожиевич прошел бы двухступенчатое испытание «пяти принципов» ниндзя: ступень отрицания го-дзе – «пяти слабостей» и ступень отказа от го-йоку – «пяти желаний». В го-дзе входили тщеславие, горячность, трусость, лень и мягкотелость, а Вахид Тожиевич был тщеславен, хотя и скрывал это. В го-йоку, по мнению адептов ниндзюцу, входили голод, секс, удовольствия, жадность, гордыня, и если первые четыре желания Самандар мог укротить, последнее из них – гордыня – так же было присуще ему с рождения. Изредка она давала о себе знать, отталкивая людей, и, возможно, была одной из причин, удержавших когда-то Ульяну от близости с директором МИЦБИ.

Испытав удивительное ощущение «осьминога в кипятке» – так сознание отражало восприятие мира «брюхом», – Вахид Тожиевич перешел в состояние релаксации^[24] и сел за рабочий стол, включив компьютер. По утрам он обычно занимался кое-какими научными и эзотерическими изысканиями и расчетами, что можно было бы назвать хобби.

Во-первых, он разрабатывал собственную «теорию расходимости и отражения реальностей», представлявшую все реальности «розы» как отражения Материнской реальности. Работа продвинулась далеко, и единственное, что ее тормозило, так это неизвестность нахождения Материнской, или, как ее еще называли, Фундаментальной реальности.

Во-вторых, Вахид Тожиевич писал Историю войн человечества с момента его зарождения, то есть от начала Великого Изменения, когда Монарх Тьмы проделал эксперимент над отрядом Блаттоптера сапиенс, превратив его в хомо сапиенс. Войны в представлении Самандара, а точнее – непрерывная война человечества с самим собой

была единственным стержнем Истории разума, без коего этот разум просто не смог бы развиваться.

И наконец, последнее, чем занимался Вахид Тожиевич в свое удовольствие, был поиск выхода на Доцивилизацию, предшествующую цивилизации не только Инсектов, но и Аморфов. Астрал об этом сведений не хранил, по менталу гуляла легенда о Безусловно Первом, сдавшем земную реальность «в аренду» Аморфам, и лишь Хранители точно знали, кто является Творцом Вселенной, представлявшей собой «розу реальностей». Это же хотел знать и Самандар. Правда, при этом он сомневался в необходимости походов в «розу», ставших возможными благодаря тхабсу Котова, который получил его в дар от Соболева.

До шести утра он гонял компьютер и напрягал извилины, чувствуя себя комфортно и раскованно. А в начале седьмого вдруг накатило такое ощущение беды, что Вахид Тожиевич, не раздумывая, бросился из кабинета в ванную. Едва он закрыл за собой дверь – в комнате рвануло!

Взрыв разворотил стену кабинета, внес дверь ванной внутрь, но Самандар не пострадал. Чутье опасности и творческий настрой на сатори^[25] спасли его. Взрыв же означал, что по квартире директора МИЦБИ, находившейся на седьмом этаже шестнадцатизэтажного дома, кто-то выстрелил из гранатомета.

Но это было еще не все.

Интуиция погнала Вахида Тожиевича дальше – из квартиры, потому что гранатометчик успокаиваться не хотел и выстрелил еще раз, попав в кухню, и если бы Самандар не выскочил из ванной в коридор, его изрешетило бы осколками. А на лестничной площадке его ждала засадная группа в количестве пяти человек, вооруженных не только обычным огнестрельным оружием, но и «глушаком», о чем Вахид Тожиевич узнал уже после того, как в него выстрелили.

Вот когда пригодился его тренинг переноса сознания в «брюшной мозг». Получив разряд, Самандар не остановился, на что понадеялись нападавшие, а продолжал действовать на сверхскорости, хотя и не так эффективно, как мог бы. Он достал одного из пятерки, одетого, как и остальные, по-летнему, в обыкновенные брюки и рубашку с короткими рукавами, ушел от очереди второго, все еще не решаясь пустить в ход отобранное оружие, и в это время на площадку ворвались бойцы

мейдера личной охраны Самандара, в течение нескольких секунд разобравшиеся с нападавшими.

Стрельба прекратилась, наступила тишина. Самандар «вошел в себя», чувствуя тошноту и боль во всех нервных узлах тела. Сказал, морщась:

– Там, внизу, гранатометчик...

– Уже нет, – ответил командир мейдера Юра Шохор, бывший капитан группы «Альфа». – Мы их засекли чудом, уж очень профессионально действовали, без акцентирования намерений. Собрались по одному, гады... Что дальше, комиссар?

Самандар оглянулся на дверь своей разгромленной квартиры, где начинался пожар.

– Унесите всех, разберитесь, кто это и откуда, потом доложите.

– А вы?

– Я останусь. Сейчас сюда наверняка примчится милиция и будет очень удивлена, если меня не окажется дома.

Шохор дал команду своим подчиненным, площадка почти мгновенно опустела.

– На всякий случай мы будем рядом.

– Вызовите Котова.

Шохор кивнул и исчез.

Двери соседних квартир, выходящие в коридор, который вел к площадке с лифтом, стали робко приоткрываться, соседи, напуганные взрывами и стрельбой, начинали приходить в себя. Вахид Тожиевич вернулся в квартиру, потушил разгоравшееся пламя и оценил масштабы разрушений. Вывод был неутешителен: компьютерный комплекс разлетелся по кабинету на тысячи осколков и восстановлению не подлежал; мебель тоже надо было менять полностью; кухня и вовсе превратилась в голый склеп с грудями стекла, битой пластмассы, щепы и тремя сплюснутыми, изрешеченными металлическими пластинами, в которых с трудом можно было узнать микроволновую печь, холодильник и электроплиту.

Спальня пострадала меньше, но утешением это было слабым. Потеря компьютера и почти всей диск-библиотеки с базой данных ощутимо ограничивала возможности Вахида Тожиевича в области «хоббийных» исследований и его профессиональных интересов как

директора МИЦБИ. Документация «чистилища» тоже была уничтожена, но ее можно было восстановить.

Василий и Стас приехали одновременно с нарядом милиции, но в деятельность официальных правоохранительных органов не вмешивались, вполне понимая, в отличие от представителей властей, что произошло. Лишь когда следователь и эксперты закончили свои дела и ушли и комиссары «чистилища» остались одни, Василий, обойдя разгромленную квартиру и выглянув в проем окна без рамы и стекол, присел рядом с хозяином на кровать в спальне.

– Ликвидатор? Или манипул Рыкова?

– Еще не знаю, ребята должны позвонить, они унесли трупы и двух раненых из команды нападавших. Но скорее всего это люди ликвидатора, уж слишком нагло действовала группа, не считаясь ни с чем.

– Что-то милиция тебя отпустила слишком рано.

– В принципе, они задали все вопросы, но все же пришлось внушить следователю мысль, что некие бандиты просто ошиблись адресом. Эта версия его вполне устроила. Хорошо, что мои парни успели унести трупы.

– Но огласки избежать не удастся. Завтра в газетах наверняка появится заметка, что квартиру директора Международного боевого центра расстреляли из гранатометов. Что должен будет подумать обыватель? Что означенный директор – мафиози и с ним хотели разобраться конкуренты.

Самандар усмехнулся.

– Меня не волнуют заботы обывателя. Но съезжать отсюда, наверное, придется. Жаль компьютер, кое-что из своих научных наработок я держал в его оперативной памяти. – Вахид Тожиевич встал. – Сейчас дам команду привести здесь все в порядок и сделать ремонт, потом поедem в центр. Надо обсудить дела насущные. Кстати, не опасно оставлять меч... э-э... синкэн-гата дома? Вы же не взяли его с собой?

Василий и Стас переглянулись.

– Он в машине, в специальных ножнах.

Самандар движением брови выразил иронию.

– Вы не боитесь... оставлять его... в машине?!

Стас еще раз посмотрел на дядю и бросился вон из квартиры. Вскоре раздался звонок по мобильному телефону Василия:

– Все в порядке, он на месте. Я подожду вас тут.

Самандар покачал головой, проворчал:

– Ох и наживем мы с ним хлопот... Как ты думаешь, Василий Никифорович, что произошло там, в другой реальности? Почему на нас напали птицы и звери из леса? Нас учуял кто-то еще?

– Может быть, и учуял, – нехотя ответил Василий. – Этот лес – явно не лес, и он явно получил команду после нашего выхода в астрал. До этого момента он хоть и шевелился подозрительно, но не обращал на нас особого внимания. А тут словно с ума сошел. Видимо, и в самом деле придется привлечь девчонку... то есть Светладу в качестве эксперта по «розе».

– Когда собираешься идти туда снова?

– Как только Веня со своими орлами оборудует новый вход в МИР, в километре от старого. Я уже дал задание.

Зазвонил уцелевший телефон Самандара. Вахид Тожиевич вышел в прихожую, снял трубку, выслушал, и глаза его мгновенно изменили выражение.

– Бабуу-Сэнгэ! – сказал он, прикрыв трубку рукой.

– Выгони черта в дверь, он взлетит в окно, – пробормотал изумленный Василий. – Какого лешего ему нужно?

– Чего вы хотите? – сказал Самандар.

– Я знаю, что на вас готовится покушение, – зазвучал в трубке голос координатора Союза Девяти.

– Уже, – лаконично сообщил Вахид Тожиевич.

– Искренне рад, что вы живы. Имеется настоятельная потребность встретиться и обсудить одно интересное предложение.

– Что за предложение?

– При встрече, если не возражаете.

– Кто на ней будет присутствовать?

– С одной стороны буду я и Юрий Венедиктович Юрьев, с другой – вы и Котов. Дело не терпит отлагательств, а то, что вы отбили нападение, еще не является гарантией, что ликвидатор успокоится на этом.

– Почему вы считаете, что это дело рук... гм-гм... ликвидатора?

– Мы зря теряем время, Вахид Тожиевич.

- Хорошо. Когда и где?
- Через два часа у памятника Пушкину.
- Мы приедем.

Связь прервалась. Самандар подержал трубку возле уха, потом глянул на бесстрастное лицо Василия.

- Он назначил нам randevu.

* * *

Если бы кто-нибудь из работников спецслужб вздумал наблюдать за Пушкинской площадью напротив киноконцертного зала «Россия», он все равно едва ли заметил бы что-нибудь необычное в поведении множества отдыхающих у памятника всемирно известному поэту. Между тем человек тридцать из них представляли собой профессионалов слежки, охраны и боя, призванных защитить своих подопечных от возможного нападения. Два десятка из этих тридцати принадлежали манипулам Бабуу-Сэнгэ и Юрьева, остальные входили в мейдеры Котова и Самандара.

Почему координатор Союза Девяти выбрал для встречи это многолюдное место, Посвященные не поняли. Случись конфликт, пострадало бы немало посторонних людей. Но право выбора было за Бабуу-Сэнгэ, «чистильщики» вынуждены были принять его условия, подстраховав себя по классу «элит». Бойцы бывшего горшинского мейдера, переданного Тарасом Василию при расставании, все как один работали в свое время в суперсекретных специальных подразделениях и знали свое дело отлично.

Выйдя из подземного перехода к памятнику Пушкину, Василий и Вахид Тожиевич сразу направились к паре пенсионеров, скромно устроившейся на лавочке напротив фонтана. Узнать Юрьева и Бабуу-Сэнгэ в облике двух глубоких стариков было трудно, однако наблюдатели Вени Соколова, обозревавшие площадь через «малые СЭРы», быстро вычислили кардиналов Союза, а также их телохранителей и навели своих командиров на объект абсолютно точно.

– Разрешите присесть? – любезно приподнял шляпу Василий, также решивший изобразить старика.

– Пожалуйста, располагайтесь, – благожелательно повел рукой «старик» Юрьев. – Места хватит.

Самандар, одетый в ослепительно белый костюм и похожий на киноартиста, коротко поклонился. То же самое сделал Бабуу-Сэнгэ, выглядевший сухоньким, невзрачным на вид, седеньким старичком-монголом. Посвященные сели рядом с кардиналами, и все четверо как бы пропали для сидящих на соседних скамейках и гуляющих людей, окружив скамейку сферой невидимости.

– Приятно пообщаться с такими известными людьми, – все с тем же благожелательным видом проговорил Юрьев. – Мне кажется, мы уже встречались где-то, не так ли?

Василий промолчал, хотя у него складывалось такое же впечатление. Но он точно знал, что с Юрием Венедиктовичем никогда не контактировал.

– Мы вас слушаем, – сухо произнес Самандар.

– Вероятно, вы знаете, что происходит в мире, – не обижаясь на его тон, кротко сказал Бабуу-Сэнгэ. – Кто-то начал коррекцию земной реальности, выражающуюся в ликвидации Внутреннего Круга. В связи с этим...

– Без предисловий, будьте добры.

– Хорошо, – закивал Бабуу-Сэнгэ, на миг вдвое увеличиваясь в размерах, превращаясь в былинного богатыря, словно давал представление о своей силе. – Ликвидатора нужно остановить. Он не делит Круг на своих и чужих, на Собирателей и Хранителей, кардиналов и комиссаров «чистилища». Он убивает всех! Поэтому у нас созрело предложение объединиться и уничтожить его.

– Почему вы думаете, что он убивает всех?

– Я это знаю. Он – существо многомерное, многореальное, это ясно, а для дела вербует, вернее, зомбирует исполнителей, причем каждый раз – других, из-за чего у него иногда случаются провалы, как, например, с вами или с вашим воспитанником: исполнители вас недооценили. Но чаще всего их операции удаются. Могу с прискорбием сообщить, что четверо наших коллег погибли.

– Это ваши заботы... – начал было Самандар, но Василий его остановил:

– Подожди. Как вы представляете наше взаимодействие?

– Ликвидатор развернул свою деятельность во всех странах мира, поэтому куратор Союзов решил обратиться к эгрегору кардиналов и...

– Организовать «час Ц», – закончил Василий. – А дальше?

Юрьев и Бабуу-Сэнгэ переглянулись.

– Дальше мы определим координаты ликвидатора и попробуем его уничтожить. Вы подключитесь к нам на конечной стадии операции, потому что для уничтожения ликвидатора потребуются не просто Посвященные, владеющие магией преобразования структур реальности, но и мастера боя. А таковых среди нас, увы, мало.

Теперь уже настала очередь обмениваться взглядами Самандару и Котову.

– Мы обдумаем ваше предложение, – сказал Вахид Тожиевич. – Но есть одно существенное «но». Один ваш коллега очень хочет резко ограничить деятельность «чистилища» и даже пытался ликвидировать нас.

– Речь, наверное, идет о Рыкове? – усмехнулся Юрьев.

– Герман Довлатович действительно недоволен вашей самостоятельностью, – бесстрастно сказал Бабуу-Сэнгэ. – В последнее время он метит на трон координатора, и шансы у него неплохие. Правда, мне также известно, что, несмотря на его дружбу с Монархом, ликвидатор и Рыкова внес в черный список подлежащих уничтожению людей. Так что он сидит в той же лодке, что и все мы. Я попробую внушить ему мысль, что «чистилище» нам... э-э...

– Полезно, – иронически посмотрел на координатора Вахид Тожиевич. – Чего уж там. И на том спасибо. Хотя я уверен, что после ликвидации ликвидатора, если операция удастся, Рыков снова примется за старое.

– Все будет зависеть от обстоятельств. Мы подумаем, – подтвердил слова напарника Котов. – Позвольте вопрос? Что вы знаете о ликвидаторе? Кто он и откуда? Почему решил откорректировать реальность таким своеобразным способом?

– К сожалению, у нас нет ответа на этот вопрос, – с почти искренней печалью произнес Юрий Венедиктович. – Ясно, что ликвидатор реализует запущенный кем-то «темный процесс», но кем – мы не знаем.

– Может быть, Монархом?

– Мы не знаем, – тихо повторил слова кардинала Бабуу-Сэнгэ, и Василий ему поверил. Кряхтя, поднялся, начиная играть роль старика.

– Благодарим за предложение. Засим разрешите откланяться.

– Скажите, Василий Никифорович, – сказал Юрьев, оставаясь сидеть, – а каким образом вы хотите использовать тхабс? Зачем он вам понадобился?

Самандар тоже встал – плечом к плечу Котова. Соединенными усилиями воли они отбили всплеск ментального поля, не атаку – разведимпульс Юрьева, причем Василию показалось, что им кто-то помог, и ответный их пси-толчок был достаточно сильным, чтобы кардинал и координатор Союза Девяти почувствовали это.

– До свидания, – сказал Василий вежливо.

Чувствуя на себе взгляды по крайней мере десятка человек, они откланялись и неторопливо направились к памятнику, за которым нос к носу столкнулись с Марией и Стасом.

– А вы что здесь делаете?! – хмуро поинтересовался Василий.

– Ждем вас, – виновато ответил Стас.

– Вполне самостоятельные детки, – сказал Самандар ровным голосом. – Всегда готовы подставиться. Жду вас в офисе к пяти, Василий Никифорович. – Он кивнул и растворился в толпе.

Василий хотел выругаться, но, посмотрев на девушку, в глазах которой вспыхивали и гасли искры смеха и вызова, сдержался и пошел вперед. Переглянувшись, молодые люди последовали за ним. Идея «подстраховать» комиссаров «чистилища» уже не казалась им столь привлекательной, как раньше.

Глава 20

ЧЕМПИОНАТ

Двенадцатого июня во дворце спорта «Лужники» начались рейтинговые бои двадцать девятого Абсолютного чемпионата мира по боевым искусствам, называемого негласно *ultimate figts* – «боями без правил». Двухдневные разборки между каратеками, айкидоками, самбистами, дзюдоистами, боксерами, представителями разных школ борьбы со всех континентов должны были выявить победителя, участника супербоев, в которых планировались встречи прошлогоднего чемпиона, нынешнего, а также чемпионов Америки и Азии. Эти бои намечалось провести в Конгресс-холле Центра международной торговли.

Стас подошел к соревнованиям в хорошей физической и психической форме, поэтому был уверен в своих силах. Многих участников чемпионата он знал еще по боям двухгодичной давности, когда выступал сам на первенстве России по русбою, титулы же остальных на него влияния не оказали, в глубине души он был уверен, что сможет победить любого.

– Хорошо запомнил, как себя вести в перерывах между боями? – спросил его Василий, помогая собираться.

Стас молча кивнул, хотя считал, что возможность нового нападения на него исключена самим характером соревнований. Людей с огнестрельным и холодным оружием во Дворец спорта не пропустит охрана, а невооруженные не рискнут нападать на глазах у всех. Василий думал примерно так же, однако в расчет брал любую, даже самую маловероятную ситуацию, и согласовал с учеником все его маршруты передвижения по Дворцу спорта: раздевалка – ринг – раздевалка – туалет – ресторан. Во всех этих перемещениях Стас постоянно должен был находиться на виду у охраны.

В девять утра они сошли вниз к «Фиату», охраняемому парнями Вени Соколова, и Василий сел за руль.

– Заверни на Арбат, – попросил Стас.

– За Марией? – догадался старший Котов. – Я не советую тебе брать ее с собой.

– Я обещал.

Василий смолчал, но на Арбат, к дому Юрьева, все же заехал. Мария в сарафанчике, подчеркивающим ее дивную фигуру, ждала их возле метро «Арбатская», в Филипповском переулке, напротив знаменитого «Arbat Blues Club». Как ни в чем не бывало поздоровалась с мужчинами, оценив их красноречивые взгляды, и Василий безошибочно определил присутствие в ней Светлады. Погрустнел, вспоминая Ульяну. Мария была чем-то на нее похожа. Сказал, чтобы завязать разговор:

– Любите острые ощущения? Я имею в виду мордобой, выбитые зубы, увечья, кровь.

– Не то чтобы люблю, – улыбнулась девушка понимающе, устраиваясь на заднем сиденье, – но и не сторонюсь. Кстати, тот же вопрос я могла бы адресовать и вам.

– Что вы имеете в виду? – озадачился Василий.

– Разве вы руководите «чистилищем» не ради острых ощущений? Ради чего еще человек может так долго заниматься опасным делом, практически не дающим результатов?

Василий с мрачным неудовольствием посмотрел на Стаса, и тот ответил честным открытым взглядом, говорящим, что он не делился с Марией своими догадками об увлечениях учителя.

– Откуда вы знаете, что я руковожу «чистилищем»? И почему вы считаете, что его деятельность не дает результатов?

– Ваши вопросы уже предполагают ответы, Василий Никифорович, – сморщила носик Мария. – И не смотрите на Стаса столь многообещающе, он мне о вас ничего не рассказывал. Но ответьте на один простой вопрос: вам не кажется, что «чистилище» работает слишком спокойно?

Василий выехал на Садовое кольцо, увеличил скорость, обдумывая ответ.

– Объяснитесь.

– Извольте. Десять лет вашей ККК занимаются такие нехилые конторы, как МВД, ГУБО^[26] и Федеральная служба безопасности, и – ничего! Вы живы, провалов практически не бывает, никого из «чистильщиков» не поймали, не убили, лично вас до сих пор не вычислили... Вам это не кажется удивительным?

– Кажется, – после длительного молчания признался Василий. – Хотя, с другой стороны, все вполне можно объяснить профессионализмом сотрудников «чистилища». Но допустим, вы правы, что из этого следует?

– Одно из двух. Либо вам кто-то здорово помогает, либо вы находитесь в узле чьих-то программ, допускающих долговременность такой незаконной организации, как «чистилище».

– Чьих программ?

– Иерархов, разумеется. Угрозами Германа Довлатовича пренебрегать, конечно, не следует, но и переоценивать его значимость не стоит.

– Кто вы? С кем я сейчас разговариваю? Со Светладой?

– Самую малость, – засмеялась девушка. – Больше с Машкой, избалованной дочкой крутого родителя. А что? Не привыкли разговаривать с такими девчонками на равных?

– Да нет, – улыбнулся и Василий, – но не каждая девчонка говорит старшим дерзости и неприятные вещи. Уж не вы ли нам помогаете? Я имею в виду инфарха.

– Нет, не мы, – посерьезнела Мария. – Я не знаю, кто. Но вам стоит задуматься над вопросом: кому выгодна деятельность «чистилища» в нынешнее смутное время?

Несколько минут ехали молча. Потом Василий перевел разговор на другую тему:

– Стас вам рассказывал о последнем нашем походе в «розу»? В какой мир мы попали, по-вашему?

– Судя по встрече с Асатом, тхабс переместил вас в еще одну «запрещенную реальность», подвергшуюся изменению. Я знаю, что Конкере экспериментировал с такими мирами, выводя новые разумные породы существ путем трансформации тупиковых, но куда именно вас занесло, определить по рассказу не могу. Чтобы это сделать, надо посмотреть, но для этого вам необходимо взять меня с собой.

– Возьмем, – пообещал Василий, сворачивая к Лужникам. – Об этом мы поговорим отдельно. Ты все помнишь? – оглянулся он на Стаса.

Тот молча кивнул.

– Тогда иди. Ни пуха...

– К черту!

Стас и Мария вылезли из машины и пошли к центральному входу на территорию комплекса. Василий посмотрел, как их ведут профи Соколова, остался доволен и вылез сам. Он чувствовал, что предстоит драться, только не знал – с кем.

* * *

Помост, устланный ковром-татами, метровой высоты железная сетка, окружающая десятигранник боевой площадки, пятьдесят столиков для особо важных персон вокруг помоста, четырехсторонний амфитеатр за пределами «особо важной» смотровой зоны – таков зал Дворца спорта в Лужниках, предназначенный для выяснения отношений между соискателями главного приза чемпионата. Из удовольствий, кроме самого зрелища, – шампанское, бутерброды, фрукты, напитки плюс неременный тотализатор. И уйма болельщиков, переживающих за своих кумиров.

Стас в такой обстановке выступал уже не однажды, поэтому, выйдя в первый раз на помост, не оробел. Нашел глазами Марию, помахавшую ему рукой, и тут же «ушел» в концентрацию, отбросив все посторонние мысли и подавив эмоции.

Первым его соперником жребий определил стодесятикилограммового Олега Кирьяка, охранника из личной гвардии украинского президента, бывшего морского пехотинца, приверженца боевого самбо. Стас был на двадцать килограммов легче, но вес спортсмена в подобных боях никогда не становился решающим фактором, и переживать по этому поводу не стоило. Хотя, надо признаться, выглядел Кирьяк устрашающе: эдакая волосатая туша с буграми мускулов, с руками-лопатами, короткой могучей шеей и толстыми ногами. Он был на голову ниже Стаса, но и это обстоятельство нельзя было отнести к преимуществу или к недостатку бойца. Все, как всегда, решало мастерство, а не физические данные.

Перечислив титулы соперников (список побед Кирьяка был впятеро длиннее, чем у Стаса), судья с возгласом «хаджимэ!» дал отмашку, и Кирьяк попер на Котова как танк, выставив вперед руки со слегка согнутыми пальцами.

Стас, облаченный в отличие от почти голого соперника в черное кимоно, ждал его до последнего мгновения в оптимально свободной позе, имеющей в ниндзюцу название кикэн-тай. Эта поза подразумевала нефиксированность бедер и плеч в момент нанесения удара, а также небольшой наклон корпуса вслед выполняемому движению, что позволяет максимально использовать силу инерции тела. Он просто стоял и ждал, что на трибунах было воспринято как оцепенение потерявшего волю к победе молокососа и отмечено улюлюканием и свистом. Но свист моментально стих, как только Кирьяк достиг соперника и промахнулся, нанося круговой удар правой рукой, а левой норовя ухватить Стаса за шею. Однако Стаса на том месте не оказалось, он был уже за спиной украинца, недоуменно ворочающего шеей и не видящего противника.

Развернувшись, украинец снова пошел в атаку и вдруг сунулся головой вперед в татами. И не встал. Стас, пропустив тушу мимо, нанес ему лишь один удар – локтем в основание шеи, так называемый суки кэн в кейтю^[27]. Этого оказалось достаточно, чтобы Кирьяк, чемпион Европы по самбо, финалист трех Абсолютных чемпионатов мира, пришел в себя только через несколько минут.

Зал снова взорвался свистом, топотом, криками и аплодисментами. С одной стороны, зрители были недовольны, не увидев боя и не получив того удовольствия, на какое рассчитывали, с другой – оценили победителя по достоинству.

Оглядывая зал, Стас встретил чей-то тяжелый, неприязненный взгляд, мгновенно «ощетинился», но человека, бросившего на него этот взгляд, определить не успел. Тот или отвернулся, или заблокировал передачу эмоций. Поклонившись, Стас сошел с помоста и отправился в раздевалку в сопровождении тренера Такэды, не сказавшего ни слова, только легонько сжавшего плечо.

Следующего боя пришлось ждать два с половиной часа, пока не отработали все двадцать пар предварительного рейтингового турнира. Из сорока участников отсеялись двадцать, которым теперь предстояло сократить число претендентов до десяти. Прошлогодний чемпион мира в предварительных состязаниях не участвовал, он готовился к супербоям.

Стас отдыхал и смотрел бои вместе с Марией. Василия они не видели, но чувствовали, что тот где-то рядом. Девушка выглядела

задумчивой и тихой, зрелище ей не очень нравилось, красивых схваток почти не случалось, зато в изобилии присутствовали, как и предупреждал старший Котов, выбитые зубы, сломанные ребра и носы, разбитые физиономии. Правда, серьезных увечий все-таки не наблюдалось, класс участников боев позволял им избегать опасных для жизни травм.

Разговаривали во время схваток мало, хотя на помост Мария особенно и не смотрела. Было заметно, что она о чем-то размышляет, а может быть, прислушивается к разговорам вокруг. И еще Стас обратил внимание на то, что никто из сидящих рядом и сверху мужчин, разгоряченных «обалденным» спектаклем боевых искусств, словно не замечает Марии, красота и вызывающая женственность которой обычно действовали на парней, как красная тряпка на быка. Видимо, она отгородилась от всех, кроме Стаса, «накидкой невидимости».

Следующим соперником Котова был трехкратный чемпион мира по боям без правил, абсолютный чемпион США по карате-кёкусинкай Джерри Чарльз Харрис, гигант ростом в сто девяносто пять сантиметров и весом под сто двадцать килограммов. Этот противник был уже посерьезней самоуверенного Кирьяка, потому что мастером оказался очень высокого класса и двигался по площадке легко, несмотря на громадную массу.

К счастью, Стас к любому поединку готовился с исключительной добросовестностью и к тому же за долгие годы тренировок под руководством дяди усвоил истину, что противника надо уважать. Поэтому и после боя с Кирьяком он не расслабился, не понадеялся на привычное «авось повезет». Минутный сеанс медитации перед схваткой позволил ему сосредоточиться на «состоянии пустоты», и теперь он был готов мгновенно реагировать на любое движение противника.

Харрис был очень хорош. Он не стал ходить по рингу, как это показывают в фильмах, играть мускулами, подзывать соперника пальцем, призывать публику хлопать, а сразу пошел в атаку в стиле кёкусинкай: удар правой ногой по голени – прямой удар правой рукой – боковой удар левой рукой в лицо – поворот – удар локтем в грудь – поворот – блок. Все это было сделано в хорошем темпе, плавно и красиво. Американец мог бы достичь цели, если бы Стас ждал противника на месте. Но опять-таки его там уже не было.

Он просто сделал иrimi – «вхождение», то есть ушел с линии атаки партнера, нанес ему два удара – левой рукой в бок и правой в лицо и остановился, сохраняя «состояние пустоты». Формула Дао: нет никакой двойственности, нет никакой борьбы, нет никакого противника, есть только действия собственного духа в гармонии с духом Вселенной – перестала быть для Стаса просто философской догмой, а вошла в плоть и кровь, поэтому он не сражался, а просто «восстанавливал гармонию» в данной области пространства.

Джерри Харрис, пропустив неожиданно чувствительные удары, отлетел в сторону и круто развернулся, обнаруживая соперника сзади. Снова кинулся вперед, наработанно, автоматически реагируя на расслабленную свободную позу Стаса. Прямой удар левой ногой в живот – боковой удар в лицо правой ногой – поворот спиной к противнику – правая нога пошла к левой – удар ногой в грудь (отличный хидари гэдан уширо гэри каагэ). Но вся комбинация снова ушла в воздух, не затронув партнера. Не блокируя удары (в кунг-фу, тайцзи и ниндзюцу нет классических блоков, а в русбое они весьма специфичны – являются одновременно и ударами), Стас уклонился, подхватил изнутри ногу Харриса и легко свалил его влево, используя инерцию удара.

Зал взорвался аплодисментами, поощряя бойцов.

Харрис вскочил, с недоумением глядя на обманчиво расслабленного соперника, но времени на оценку ситуации у него не было, поменять систему боя, которой владел, он не мог, а она требовала действовать в определенном ключе, и американец опять бросился в атаку, демонстрируя красивую и довольно редкую связку приемов с чередованием прыжков, уклонов, ударов руками, ногами и локтями.

Понимая, что бой таким образом может длиться долго, на радость болельщикам, Стас перешел в темп, выпав из поля зрения Харриса, зашел сбоку и нанес несильный, но точный кити кэн – удар ребром ладони по точке поражения сефу^[28]. Американец сделал по инерции два шага вперед и завалился на бок, подогнув руки. Бой закончился.

Но, как оказалось, не закончилось испытание Стаса. Спасло его то, что он не сразу вышел из состояния боевого транса и успел уловить «ветер смерти» – сакки. Нырнул в темп. Время послушно замедлило

бег. И тогда Стас увидел неспешно (с его точки зрения) летящий в него откуда-то с трибуны нож.

Перевернувшись два раза (бросал его мастер!), нож достиг груди Стаса точно в области сердца, и Стас не стал рисковать с его ловлей, хотя со стороны это выглядело бы классно, а просто ударил ребром ладони по рукояти, сбивая нож вниз. Нож сочно вонзился в помост, пронзив татами.

Зрители хлопали в ладоши, кричали, гудели, смеялись, еще не понимая, что произошло, а слева от входа в зал уже началось какое-то движение, побежали вокруг помоста люди, всколыхнулась цепочка омовцев, окружавшая помост. Это заработала система охраны Вени Соколова, одновременно с Василием оценившего ситуацию.

– Уходи! – донесся откуда-то голос Котова.

Однако Стас, почему-то зная, что больше инцидентов не будет, дождался объявления рефери, что он победил, и только тогда сошел с помоста.

Мария прибежала в раздевалку через две минуты, возбужденная и встревоженная. Потом пришел Василий, оглядел спокойно сидящего на скамье Стаса и улыбнулся.

– Не потерял желания идти дальше?

Стас слабо улыбнулся в ответ, качнул головой.

– Как малый ребенок, – сердито проговорила Мария. – Совершенно не хочет слушать разумные советы. Говорит: влез по горло, лезь и по уши.

– Правильно говорит.

– Метателя нашли? – спросил Стас.

– Ушел, – помрачнел Василий. – Опытный, гад. Бросил и мгновенно отступил. Ладно, я пошел, отдыхай, мойся. У тебя еще два выхода остались?

– Скорее всего три.

– Мы возьмем зал плотнее, но и ты смотри в оба.

Василий ушел.

Мария посмотрела на отрешенное лицо молодого человека, подседа ближе, провела пальцем по щеке.

– Воин, ты рискуешь.

Стас посмотрел ей в глаза, вдруг обнял и поцеловал, не обращая внимания на присутствие тренера, невозмутимо отвернувшегося в этот

момент.

* * *

Третий бой – с бразильцем Робертом Леонардо, фаворитом чемпионата (двадцать восемь лет, девяносто шесть килограммов, сто девяносто сантиметров росту, двукратный победитель Бескомпромиссных боев Южной Америки, чемпион мира по джиу-джитсу), Стас провел так же собранно и целеустремленно, как и первые два.

Смуглый, цепкий, сильный бразилец обладал змеиной пластикой и весь бой построил на захватах, болевых контролях и бросках, что, впрочем, неожиданностью для Стаса не стало. Он мог бы закончить бой уже в первые пять минут, используя ударную технику русбоя, но предпочел ответить тем же и продемонстрировал такую великолепную смесь приемов дзюдо, айкидо и тайдзюцу, что зал ревел и бесновался на протяжении всей схватки.

Бразильцу удалось провести два броска, Стасу восемь, после чего он «задушил» его ногами, удержав на спине до тех пор, пока Леонардо не заколотил рукой по коврику. Стас отпустил противника, и тут случилось неожиданное.

Бразилец вдруг кинулся на сетку, иступленно заколотил по ней кулаками, начал биться головой об пол, схватился за горло, упал навзничь и затрясся в эпилептическом припадке.

Стас первым догадался, в чем дело. Оттолкнув судью, подскочил к упавшему и, сунув пальцы ему в рот, вытянул из горла проглоченный язык. Бразилец расслабился, затих, потерял сознание, но вскоре пришел в себя.

– Еще пять секунд – и был бы труп! – констатировал кто-то из русских судей, выскочивших на помост. – Повезло парню. Спасибо, победитель, – обратился он к Стасу. – Спас ты его, однако.

Стас кивнул, считая, что повезло обоим. Если бы бразилец умер, он себе этого бы не простил.

За выход в финал боролись четверо. Пятый полуфиналист, тоже бразилец, одолевший три круга соревнований, получив сотрясение

мозга и перелом ключицы, из дальнейшей борьбы выбыл. Таким образом и сложились две пары.

Стас выходил на помост в последней. Ему достался невысокий, но жилистый и очень «моторный» махачкалинец Магометхан Каримов, чемпион Евразии, двукратный абсолютный чемпион России по дзюдо. Он почти не уступал Стасу в классе, владел, кроме дзюдо, русбоем и самбо, да и двигался с ошеломляющей быстротой, но все же темпа Стаса не выдерживал и зачастую проваливался в атаках, героически держа удары в корпус и в голову. Кончилось все тем, что Стас, доверившись подсознанию «пустоты», предоставив действовать «божественному», в одной из встречных атак провел прием-удар (тин кэн^[29]) с «выбросом силы» (тикара-но даси-ката), и Каримов вылетел с помоста через сетку. Обратно на ковер он уже не вернулся.

Финальный бой с дагестанцем Рустамом Хулибовым Стас выиграл буквально за минуту. Низкорослый и мускулистый, но слишком малоподвижный каратек практически ничего не показал, кроме двух ударов ногой, и, пропустив удар костяшками пальцев в висок, потерял сознание. Видимо, он надеялся на свою массу – весил дагестанец сто тридцать шесть килограммов – и непробиваемость мышечного каркаса. Стас даже испытал нечто вроде разочарования, приготовившись к серьезному поединку. О разочаровании же зрителей и вовсе говорить не приходилось. Свист после окончания боя в зале стоял оглушительный.

Получив пояс чемпиона, Стас ушел в раздевалку, оставаясь в состоянии меоза. Однако в этот вечер больше ничего не произошло. Только у выхода чемпиона со свитой догнал вице-президент Совета по абсолютным поединкам и сообщил расписание супербоев.

Супербои между четырьмя чемпионами мира и континентов: Стасом, Игорем Вовколаковым, прошлогодним чемпионом мира, перуанцем Рикардо Родригесом и знаменитым пятикратным чемпионом мира по карате японцем Сото Якудзавой должны были состояться на следующий день в Конгресс-холле.

Вез домой Стаса Василий, предварительно высадив уставшую Марию возле ее дома. Их сопровождал микроавтобус с телохранителями Юрьева, которые держались поодаль и уже не пытались отбирать объект охраны у «конкурирующей фирмы».

– Задержали бросившего нож? – задал Стас мучивший его вопрос, когда Котовы поднялись в свою новую квартиру на седьмом этаже.

– Нет, – ответил рассеянно-озабоченный Василий. – По версии Вени, это был кто-то из бойцов, дожидавшихся своей очереди. Нож прилетел из их сектора, а когда парни Соколова бросились к выходу из зала, им показалось, что кто-то скрылся в раздевалке.

– Проверили?

– Конечно, проверили, но там находилось человек восемь, тренеры и бойцы, пойдя определи, кто кидал. Между прочим, среди них были и оба твоих будущих партнера по супербоям. Так что будь осторожен. И прими один неожиданный совет: не иди на добивание соперника, как бы ни хотелось закончить поединок. Как говорится, не бей лежащего.

– У Такэды есть поговорка, – улыбнулся Стас, – лежащих надо бить, чтобы вставать научились.

Василий шутки не принял, отрезал:

– Не в этом случае. Не прошел чистый удар, жди новой атаки, но к упавшему не приближайся. Я манеру боя Вовколакова знаю, он хитрый и жестокий боец.

– Да ладно, дядь Вась, – протянул обескураженный Стас, – я все понял, сделаю, как ты хочешь...

Василий косо посмотрел на ученика, крутанул желваки, и Стас понял, что дядя просто переживает за него. Теплая волна благодарности омыла сердце, и тут же вспомнился Матвей Соболев. Оба этих человека приняли такое участие в судьбе Стаса, что жизнь без них представить было уже невозможно. Правда, в этой жизни появилась Мария, но к ней Стас относился совсем по-другому...

Глава 21

ИНСПЕКТОР СОЮЗОВ

Морихей Цвингер прибыл в Москву из Палестины в качестве туриста. Это был высокий худой господин с холеным породистым лицом и красивой сединой в длинных волнистых волосах, ниспадающих на шею. Несмотря на летнюю московскую жару, одет он был в строгий темно-коричневый костюм, белую рубашку с галстуком в горошек и лакированные туфли, но, казалось, вовсе не страдал от перегрева.

Его никто не встречал в аэропорту Шереметьево, как большинство авиапассажиров, но тем не менее этот господин не стал ловить такси или частное авто, а сразу сел в первый же автомобиль у левого крыла аэропорта и укатил в город. Водитель, ожидавший своего начальника, словно забыл о нем и не спросил даже, куда везти севшего в машину. Опомнился он, лишь высадив пассажира у гостиницы «Россия», но так потом и не понял, как и почему здесь оказался. Он не знал, что его пассажиром был инспектор Союзов Неизвестных.

В тот же день координатор Союза Девяти Бабуу-Сэнгэ, обретавшийся в Москве, был вызван по каналу ментальной связи в гостиницу «Россия». Встретились Посвященные в номере люкс на четвертом этаже. Бабуу-Сэнгэ ожидал увидеть куратора Союзов Хуана Креспо и был неприятно поражен, узнав, кто вызвал его на аудиенцию, однако при встрече не подал виду.

– Сердечно рад приветствовать вас на русской земле, – сказал он, поклонившись, отмечая силу хозяина, буквально распирившую обе комнаты номера.

– Присаживайтесь, координатор, – кивнул Цвингер на кожаный диван возле столика с напитками и фруктами. Одет инспектор Союзов был в роскошный махровый халат ослепительно белого цвета. – Это ваши люди бродят в коридоре и внизу, в холле гостиницы?

– Мои, – признался Бабуу-Сэнгэ, пожевав губами. – В последнее время одному передвигаться стало небезопасно, знаете ли. А вы разве не используете для охраны профессионалов, не посвященных в Учение?

– Не испытываю нужды, – не дрогнул лицом Цвингер, в глазах которого на миг всплыли искры кастовой заносчивости. – Разговор у нас будет не длинный, но важный. Для вас. Я прибыл для того, чтобы оценить адекватность ваших действий перед лицом угрозы и доложить патриархам. Решать степень вашего служебного соответствия будут они.

– Я готов, – покорно сказал Бабуу-Сэнгэ.

Инспектор сел в кресло, взял со стола бокал с каким-то рубиновым вином, пригубил.

– Итак, начнем с главного. Что вам известно о так называемом ликвидаторе Круга?

– Демон необъяснимого... – пробормотал Бабуу-Сэнгэ. – Простите, это эмоции. На наш взгляд, ликвидатор реализует исполнение нового Закона реальности, принятого где-то в отраженных реальностях и спущенного в нашу «запрещенную». Кем он запущен, нам неизвестно, хотя есть предположение, что этим господином может быть либо Аморф Конкере, либо личинка аватары Соболев.

Глаза Цвингера остались обманчиво пустыми и равнодушными, но психоэнергетические потоки, циркулирующие вокруг его головы, окрасились в цвета раздражения и недовольства.

– Откуда у вас сведения о Соболеве? Вы связаны с иерархами? Вопреки запрету Круга?

– Я не связан с иерархами, – ровным голосом произнес Бабуу-Сэнгэ, – однако же мое положение позволяет мне пользоваться кое-какими закрытыми информационными каналами.

– Что вам еще известно о ликвидаторе?

– Он называет себя Истребителем Закона...

– Это не титул, а функциональное определение.

– ...переноса вины, – невозмутимо закончил координатор Союза Девяти, – что дает нам некоторую ориентировку. Но догадки наши еще не факты, когда мы будем уверены в выводах, мы доложим их Сходу. Будьте уверены, инспектор, мы работаем.

– Плохо работаете, координатор. Ваш Союз понес самые значительные потери по сравнению с другими Союдами, неужели вас это не настораживает?

– Настораживает, – признался Бабуу-Сэнгэ. – Положение действительно неутешительное, вы правы. Однако рискну заметить,

что Россия стала слишком сильно загрязнена магией, наши аналитики видят в этом определенное целенаправленное воздействие темных сил, стремящихся дестабилизировать социум и уничтожить Русь как этнос. Именно поэтому удар по нашему Союзу был нанесен более мощный, чем по остальным.

– Вы сами виноваты в этом, координатор. Вы знали, что ваш кардинал Рыков связан с Монархом, но не принимали никаких мер, а теперь заявляете о целенаправленном воздействии. Оно началось не сегодня, а десять лет назад, когда Рыков вышел на контакт с Конкере, создал СС и дал возможность Монарху внедриться в массу «эсэсовцев», создать «эгрегор Тьмы».

– Виноват, – смиренно сложил ладони на груди Бабуу-Сэнгэ, поклонился.

Цвингер посмотрел на его затылок длинным, ничего хорошего не обещающим взглядом, допил вино, взял яблоко.

– Передо мной вы можете не оправдываться, я индульгенций не даю. Оправдываться будете перед Большим Сходом. Лучше скажите, что вы намерены делать с Германом.

– Ничего, – поднял голову Бабуу-Сэнгэ. – Сход Союза признал его отступником. Теперь он вне Союза... и вне закона. Я буду просить Большой Сход лишить его сана кардинала, привилегий корректора реальности и судить за содействие Монарху.

Цвингер брезгливо поджал губы.

– Уже поздно его судить, координатор. Рыков опирается на эгрегор Монарха, нейтрализовать его будет очень трудно, одна надежда на... – Инспектор замолчал, но Бабуу-Сэнгэ и так понял его: Цвингер имел в виду ликвидатора. – Однако вернемся к нашей теме. Каким образом вы предполагаете бороться с Истребителем?

– Куратор Союзов назначил «час Ц»...

– Я спрашиваю о ваших личных действиях.

Инспектор перебивал координатора столь бесцеремонно, что другой на месте Бабуу-Сэнгэ давно бы рассвирепел, но координатор был сама кротость.

– «Час Ц» позволит нам выяснить координаты и возможности ликвидатора... э-э... Истребителя, после чего мы предполагаем натравить на него одну боевую организацию.

– Какую? Уж не русскую ли разведку? Или контрразведку СМЕРШ? Не смешите меня.

– Так называемую «команду контркрим», или иначе «чистилище». Его руководители являются Посвященными I ступени Круга.

Цвингер бросил надкусанное яблоко обратно в вазу.

– Неужели вы думаете, что они способны справиться с многомерным существом, которым является ликвидатор? Он обладает мощностью, сравнимой с седьмой иерархией Сил Бога! А у ваших союзников – только первая ступень!

– Еще не союзников, – терпеливо сказал Бабуу-Сэнгэ. – Но они не просто Посвященные, а мастера боя, что имеет принципиально важное значение. А во-вторых, они владеют тхабсом и некоторыми Великими Вещами Мира.

– Вот как? – удивился Цвингер. – Почему же вы до сих пор не разобрались с ними? Не попытались переориентировать тхабс?

– Это не так-то просто сделать. Союз ослаблен, мы вынуждены защищаться, а эти люди сумели не просто объединиться, но научились переходить порог иерархий Сатариял и Эл. Кроме того, их поддерживает кто-то из архонтов.

– Вы уверены?

– Не совсем, однако объяснить их возможности иным способом невозможно. Слишком быстро они овладели эгрегорной защитой. Я даже имею подозрение, что им помогают Хранители. Но точных данных об этом у меня нет.

– Жаль. Мы совсем иначе расставили бы акценты в общении с Хранителями. О каких Великих Вещах вы упоминали?

– Посвященные Котов и Самандар, о которых шла речь, уже использовали тхабс и вышли в «розу». Правда, всего лишь пока на подуровни земной реальности. Но по информации, которой я располагаю, в одном из походов им удалось отыскать где-то и переправить в нашу реальность синкэн-гата.

– Что?! – Инспектор вздрогнул. – Этого не может быть! Синкэн-гата – жезл Воина Закона справедливости, который давно закончил коррекцию земной реальности и распался. Воин – существо соборное, он даже не личность, а особое состояние Сил мира.

– Я знаю, инспектор, но Воин реализуется не по чьей-либо прихоти, а всякий раз, когда появляется потребность в нем. Видимо,

сейчас такая потребность есть. Я даже знаю некоторых претендентов на это звание.

– Ну-ну, интересно, – иронически скривил губы Цвингер. – Кого же вы прочтете на роль Воина?

– Одного из руководителей «чистилища», Василия Котова и его воспитанника Станислава Котова. Вчера я имел честь видеть младшего Котова в деле, на чемпионате мира по боям без правил. Сегодня он будет участвовать в супербоях с тремя прежними чемпионами. Не хотите понаблюдать?

Цвингер поморщился.

– У меня нет на развлечение времени. Но если ваша информация о тхабсе и синкэн-гата точна, нас всех ждут новые потрясения. Этого надо избежать любым способом. Синкэн-гата у Посвященных изъять. Формированию Воина помешать. Тхабс нейтрализовать. Путь в «розу» заблокировать. Посвященных наказать, а если будут сопротивляться – уничтожить! Нам необходимо не допустить возвращения аватары... э-э... Соболева в нашу реальность... – Инспектор замолчал, сообразив, что сказал лишнее. – Вы поняли, координатор?

– Понял, инспектор. Сделаю все, что в моих силах. – Бабуу-Сэнгэ поднялся с дивана – бесстрастный, узкоглазый, меднолицый, седой, типичный тибетский лама. Его квадратный медальон с выгравированными на нем тай-дзокай и конгокай-мандалами брызнул алыми искрами. – Передайте патриархам мою нижайшую просьбу. Чтобы совладать с ликвидатором, необходимо использовать еще одну Великую Вещь Инсектов – кодон. Пусть патриархи разрешат его применение.

Координатор Союза Девяти поклонился по обычаю и, бесшумно просеменив к выходу из номера, исчез. В коридоре его ждала тройка телохранителей, один из которых отрицательно качнул головой, давая понять, что поводов для тревоги нет, но Бабуу-Сэнгэ и сам знал это. Уже сидя в машине, он подумал, что инспектор недоговорил нечто существенное, когда признавался в необходимости недопущения возврата Соболева в реальность. Возможно, недосказанным осталось то, чего подспудно боялись все кардиналы и патриархи Круга: возвращение Соболева в качестве аватары означало бы глобальное изменение реальности, в которой едва ли нашлось бы место для «второго человечества» – его Внутреннего Круга.

«А что, если ликвидатор и есть Соболев?!» — в который раз пришла на ум координатору пугающая мысль.

Глава 22

СУПЕРБОЙ

Предчувствие у Стаса было нехорошее, предчувствие засады и готовящейся подлости, но делиться своими ощущениями он не стал ни с дядей Васей, ни с Марией, относя их (ощущения) к обычному состоянию нервного напряжения перед соревнованиями. Каким бы выдержанным спортсмен ни был, внутри он все равно переживает. Стас в этом отношении не исключение, хотя держать себя в руках умел.

Василий привез его в Международный центр торговли на Красной Пресне ровно за четверть часа до начала боя, чтобы не «светиться» лишний раз перед зрителями. Так сказать, чтобы не спровоцировать какого-нибудь идиота еще раз метнуть нож.

– Не отвлекайся на зал, – напутствовал Стаса старший Котов, – мы его закрыли наглухо. Но, с другой стороны, никто не мешает присутствовать на чемпионате нашим подкольным друзьям-кардиналам. Вычислить их трудно.

Стас кивнул. Василий с сомнением посмотрел на его отрешенное лицо и ушел, уводя с собой Марию, которая ничего не советовала, только поцеловала и сказала одно слово:

– Победы!

Тренер Такэда, присутствующий при этом, как всегда, сделал вид, что ничего не замечает, но, когда Мария ушла, вдруг разразился речью:

– Эта девушка очень сильная и мудрая. Тебе повезло. Недаром говорят, что мудрость хочет видеть нас мужественными, беззаботными и сильными, потому что она женщина и любит всегда только воина. Однако с девушками надо вести себя иначе, разнообразней. Воин должен уметь быть нежным.

Стас, озадаченный многословием тренера, задумался было над смыслом тирады, но тут объявили его выход, и размышлять о чем-либо другом стало недосуг.

Красочное шоу под названием «Супербои суперпрофессионалов» включало в себя выступление постаревшего, но все еще обаятельного и импозантного Вилли Токарева, показ мод и эротическую данс-

программу «You fashion», подготовленную известным ню-танцором Лемонтьевым. Длилось оно без малого три часа, после чего началось то, ради чего в Конгресс-холл прибыли двести тридцать «особо важных персон», заплативших за представление и сидение за столиками по пятьсот долларов, и около тысячи «рядовых» зрителей, разместившихся по периметру шестиугольной, огражденной высокой металлической сеткой, боевой зоны.

Первыми на татами вышли украинец Игорь Вовколаков и перуанец Рикардо Родригес. Этот бой длился восемнадцать минут и доставил зрителям много захватывающих переживаний, но Стас его не видел, медитируя в охраняемой тренером (и «чистильщиками» Соколова) комнате отдыха. Такие комнаты были у каждого участника супербоев, в том числе и у соперника.

Победил Вовколаков, в конце концов «задушив» перуанца полами его же кимоно. Затем наступила очередь Стаса.

На ярко освещенную прожекторами площадку он вышел первым, окунаясь в гул зрительского зала, как в воду, но уже не слыша его и не реагируя на подбадривающие крики болельщиков; как оказалось, большинство зрителей в зале болели за него.

Пятикратный чемпион мира по карате-до японец Сото Якудзава – в белом кимоно с тремя разноцветными поясами – появился в круге света лишь через десять минут. Это был по японским меркам настоящий гигант весом в сто десять килограммов, смахивающий на борца сумо, такой же мощный, оплывший жиром и мясом, с виду – рыхлый неповоротливый увалень, справиться с которым можно было без труда, уронив его на пол. Однако стоило японцу пошевелиться, как по всему телу вспухли и заиграли мышцы, и стало ясно, что звание пятикратного чемпиона мира он носит по праву. К тому же и двигаться по татами он умел быстро и гибко, с пластикой кошки и змеи.

Стас еще изучал его фигуру, а японец после поклона уже оказался рядом и атаковал Котова прямым ударом в лицо (миги гэдан ои пуки), одновременно левой рукой захватывая запястье руки Стаса и тут же выкручивая ее влево и вверх, чтобы нанести завершающий удар комбинации – миги агэ эмпи учи – предплечьем в область локтевого сустава; перелом от такого удара обеспечен, коли противник зазевадается. Но Стас не зазевался. С виду сонный и пассивный, что было всего лишь внешним проявлением состояния мицуно кокоро («ум

как вода»)), он жил уже по законам гоку-и – «шестого» чувства, или, как его еще называли, «экстремального разума», позволяющего реагировать на нападение до его начала, и ответил в стиле гоно сэн, то есть контратакой, развивающейся раньше атаки.

Первый удар Стас пропустил в миллиметре от виска, дал Якудзаве захватить рукой свое запястье правой руки и нанес два мгновенных удара: сэйдон – «клювом» (пальцами левой руки, сложенными вместе) в глаз и суй-гэцу – коленом в «крест» живота. Удары были произведены без выброса силы, поэтому на ногах японец устоял, но был вынужден отступить.

Опустив руки, Стас ждал, оставаясь на месте, все такой же заторможенный и ословелый. Сото Якудзава бросился на него снова: удар левой ногой в пах – прямой удар правой ногой в голову – удар с поворотом локтем правой руки в спину наклонившегося противника – поворот и круговой удар левой ногой в горло (чисто исполненная комбинация сётокан-рю). Но ни один удар не достиг цели. Впечатление было такое, будто японец просто показывает ката, не доводя приемы до конца, а его противник лишь слегка отклоняется, чтобы его ненароком не задело.

– Бей его, Стас! – донесся рев трибун. – Не стой на месте, бей япону мать!

Другой на месте японца, наверное, остановился бы, озадаченный своими промахами, но Якудзава все же был чемпионом мира и знал не только карате, но и другие системы боя. Во всяком случае, он владел и тайдзюцу, и силатом, что и продемонстрировал тут же, ни на мгновение не прекращая движение. И Стас пропустил-таки сан-минг – удар в центр нижней челюсти, с трудом погасив его приемом тати-нагарэ, то есть падением на спину с моментальным вставанием разгибом-прыжком. С этого мгновения он начал действовать иначе, не в стиле тодомэ^[30], а в стиле джет кун до^[31], опережая все атаки противника.

Победа пришла к Стасу спустя одиннадцать минут с начала поединка. После очередной бесплодной попытки нападения выведенный из равновесия Якудзава с воплем прыгнул на Котова, словно собираясь подмять его, задавить массой, задушить, и пропустил «укол ядовитой руки» (босикэн) – удар большим пальцем в подложечную ямку. Это еще не был удар из свода приемов ТУК, а

всего лишь прием из диммак, поражающий определенный нервный узел, но Стас провел его на выдохе, с выплеском энергии, палец пробил мощный мышечный каркас японца, достиг солнечного сплетения, и парализованный на некоторое время японский мастер превратился в безвольную куклу. Руки его повисли, ноги ослабели, он согнулся и чуть было не упал, качнувшись к Стасу. Ситуация по всем законам боя требовала нанести еще один удар – добивающий, последний, финал был упоительно близок. Однако, во-первых, Стас помнил совет учителя – не идти на добивание, а во-вторых, из двух принципов ментального мироощущения ниндзя: саккацу – «свобода убивать» и дзидзай – «свобода даровать жизнь» – предпочитал выбирать последний. В данном конкретном случае речь, конечно же, о смерти соперника не шла, и все же Стас остановился. Не выходя из боевого транса. И был за это вознагражден. Мышцы Якудзавы вдруг сократились, правая рука совершила мгновенный «круг нейтрализации» – тэнкай, а правая нога с поворота выстрелила ударом хидари кин гэри. Если бы Стас пошел на добивание, один из этих мастерски исполненных ударов непременно достиг бы цели, уж слишком неожиданно они были нанесены, когда боец еще находился в состоянии «сумерек сознания». Но Стас в этот момент разрывал контакт, уходил назад, контратаку заметил, перехватил и ответил блестящим ударом ребром ладони внутрь (китэн кэн) по точке поражения рэнсэн (гортань).

Сото Якудзава издал на выдохе глухой звук: хуп! – и упал, схватившись руками за горло. Продолжать бой после этого он уже не смог.

Зал взорвался криками, аплодисментами, воем, свистом и топаньем. Зрители были в восторге. Судья поднял руку победителя, но Стас себя счастливым не чувствовал. Мерзкое ощущение обмана и будущих неприятностей усилилось. Продолжать супербои не хотелось. Но и не выйти на площадку он не мог.

Поклонившись на четыре стороны, Стас нашел глазами Марию, махавшую ему рукой, и ушел в комнату отдыха в сопровождении молчаливого тренера. По условиям соревнований на отдых финалистам предоставлялся один час. Теперь Стасу предстояло драться с Игорем Вовколаковым, мастером боевого самбо,

использующим эффективную комбинированную систему русбоя. И Стас чувствовал, что этот поединок будет очень и очень тяжелым.

Василий и Мария пришли к нему в комнату отдыха вместе.

– Что-то готовится, – хмуро сказал Котов-старший. – Все проверено, все под контролем, ни одного подозрительного лица, и все равно я чувствую запах сюрприза. У Вахида то же самое чувство.

– И у меня, – тихо призналась Мария. – Я бы на его месте не вышла на бой.

– Исключено, – твердо сказал Стас.

Василий окинул его скептическим взглядом и вдруг улыбнулся.

– Знаешь, на кого ты сейчас похож? На Пятачка.

– На кого? – удивилась Мария.

– Анекдот вспомнился. К Пятачку прибегает Винни-Пух и говорит: «Пятачок, нам прислали десять банок варенья, по восемь на каждого». – «Как это по восемь?» – «Не знаю, но я свои восемь уже съел».

Мария засмеялась. Стас тоже улыбнулся.

– Ты похож на Пятачка, когда он спрашивал: «Как это по восемь?» – Василий стер улыбку с лица. – Ты сильнее всех, я знаю, но будь начеку. Как бы не пришлось сегодня вспомнить о канасибари^[32]. Ладно, я пошел, отдыхай, елику возможно, я буду в зале. – Он исчез за дверью.

Поколебавшись, вышел и Такэда.

– И все-таки на твоем месте я бы отказалась, – со вздохом проговорила девушка, глядя на сидящего в расслабленной позе Стаса. Села рядом. – А если этот Волколомов тебе сломает чего-нибудь или глаз выбьет?

– Увечье – не бесчестье, – ответил пословицей Стас. – И я не Пятачок, как считает дядя.

– Но и не Винни-Пух, – фыркнула Мария. – По-моему, дядя прав, ты еще дерешься на уровне Пятачка, хотя и научился кое-чему.

Стас повернул к девушке голову, слабо улыбнулся. Из равновесия вывести его было трудно и более сильными средствами, но Мария не пыталась это сделать, она просто хотела немного отвлечь друга от мыслей о предстоящем поединке.

– Ты знаешь, даже отец пришел посмотреть на тебя сегодня. Он редко ходит на подобные мероприятия, а тут решил оценить приятеля

дочери. – Мария с улыбкой взяла Стаса за руку, и того пронзил тихий психоэнергетический разряд соединения чувственных сфер. Он вздрогнул. Глаза девушки стали большими и глубокими, полными внутреннего сияния.

– Я буду с тобой, – сказала она медленно, – на уровне мусэйдэнсин^[33]. Если вдруг кто-нибудь осмелится...

– Я понял, – сказал Стас, притягивая к себе девушку, – спасибо.

Такэда пришел, как всегда, вовремя, когда они целовались. Сказал невозмутимо:

– Пора идти.

– Я буду с тобой, – шепнула Мария горячими губами на ухо Котову.

* * *

Игорь Вовколаков был опытней и старше Стаса на восемь лет. Бой Котова, ставшего чемпионом нынешних соревнований, он видел, силу его оценил и начал схватку предельно осторожно, прерывая серии ударов и отходя, как только противник начинал контратаку. И все шло в русле темпового, абсолютно классического самбо, не очень зрелищного, но насыщенного внутренним напряжением, пока Вовколаков вдруг на глазах Стаса не переродился, превратившись в вихрь приемов, наглядно демонстрируя принцип кентай-итиё – «тело и оружие едины».

Он наносил удары из самых немыслимых положений, буквально летая вокруг противника; для зрителей он, наверное, просто иногда исчезал, таял в воздухе, чтобы возникнуть в другом месте. Его кисти, локти, колени, руки, ноги, пальцы начинали свой путь к телу Стаса не просто в абстрактный «средний» или «верхний» уровень, а шли оттуда и туда, куда и когда требовалось, в конкретную точку поражения, и плотность боя сразу увеличилась на порядок, превращая поединок в демонстрацию высшего искусства.

Спасли Котова только темп и наработанный за десять лет арсенал приемов. Но для победы этого было явно недостаточно. Его изматывали, доставали – с передачей энергии, и сознание Стаса начало

двоиться, плыть. Все чаще он проваливался в мусин, контролируя ситуацию только на уровне рефлексов и подсознательного «сознания», и все чаще ему начинало казаться, что дерется он не с человеком, а с монстром, соединяющем в себе черты насекомого, льва и человека.

Каваси^[34], блок-удар укэ-кимэ-итиё^[35], ответный кайтэн^[36], вспышка боли в печени, ухмыляющееся лицо соперника сбоку, вспышка боли в позвоночнике... уход от удара слева и тут же – звон в ухе от удара справа, совершенно неожиданный какуси-кэри^[37]. Дьявольщина, как он успевает?!

Стас разорвал дистанцию, не решаясь применить свое знание ТУК, и получил тычок пальцем в грудь, от которого едва не потерял сознание. Противник тоже знал приемы техники усыпляющего касания!

Усилием воли подавив попытку организма забастовать, «отдохнуть», Стас погнал себя по площадке вокруг Вовколакова, не прекращавшего непрерывный ураган перемещений-ударов, ложных и реальных атак, и смог наконец ответить на выходе из кажущегося безнадежным положения уколом в шею с выплеском энергии ТУК. Но Вовколаков не изменил рисунок боя, словно не почувствовал удара! Зато ответил замершему на мгновение Стасу мощным штампующим ударом в предплечье, опять же – с «выдохом усыпляющей силы», и не помог Котову даже мгновенный уход с линии атаки поворотом тела. Украинец действовал быстрее.

И снова Стасу показалось, что дерется он не с обычным человеком, а с удивительным существом, похожим на человека, льва и насекомого одновременно, причем существом не предельно злым, а предельно равнодушным – к обстановке, к противнику, к зрителям, немо взиравшим на освещенный круг боевой площадки, к людям вообще и к себе в частности. Никто из людей не имел для него никакого значения, все они с его точки зрения были уже мертвы. Но в то же время это существо нельзя было назвать машиной или киборгом, оно было живым, и у него была цель – убить противника, постепенно повышая уровень воздействия. Исчерпав себя в физическом плане, оно было готово перейти на ментальный.

Следующие несколько секунд Стас двигался в полубреду, отдавшись «состоянию пустоты» и чудом избежав поражения, затем, выплыв на верхний этаж сознания, усилением воли запустил программу

канасибари, концентрируясь на цели – выключении страшного соперника, в которого, как уже понял Стас, явно внедрился кто-то из многореальных существ: либо кардинал, либо иерарх. Или же ликвидатор... Последняя мысль-озарение была близка к истине, Стас это осознал мгновением позже.

Тот, кто воспользовался телом Вовколакова, каким-то неестественным чутьем определил, что его раскусили, оценил нарастающее сопротивление партнера и, уже не таясь, понимая, что обычным путем победить его нельзя, нанес страшный психоэнергетический удар, способный сломить волю любого нормального человека. Но его раппорт неожиданно натолкнулся на защитный блок и отразился в зал, заставив зрителей дружно вскрикнуть от внушенного ужаса.

Вовколаков на мгновение замешкался, ошеломленный неудачей, он не ожидал сопротивления в ментальном поле, и Стас, получив поддержку (Мария! Вовремя!), нанес противнику сильнейший урасюто – ребром ладони изнутри в сонную артерию (мурасамэ).

Такой удар не оставлял никаких надежд на дальнейшее сопротивление, заканчиваясь обычно смертью соперника или в лучшем случае потерей сознания. Но Вовколаков устоял, хотя и был потрясен! А потом Стасу показалось, что ему на голову рухнул потолок...

Он стоял, беспомощный, привязанный шипастой проволокой к раскаленной металлической колонне, и смотрел, как гигант-всадник на шестиногом монстре лениво тянет копьё из специального крепления сбоку от седла, медленно поднимает его... Ухмылка на лице всадника вполне человеческая, презрительно-равнодушная, рассеянная даже, но тело его человеческим назвать никак нельзя – это скорее тело огромного насекомого, закованное в сияющие изумрудно-фиолетовые латы... вяло текут мысли: сейчас последует бросок... вдруг шепот за ухом, торопливый, тонюсенький, детский: поймай копьё, ты сможешь... бросок!

Стас рванул руки вверх, едва не завопив от невыносимой боли: шипы глубоко врезались в тело, избородили кожу на руках, но проволока не выдержала, лопнула, и он успел уклониться и поймать копьё со светящимся, как лёд, наконечником. Бросил обратно, без размаха – мешала колонна, обжигающая жаром спину.

Всадник без труда отбил свое же копьё, неизбежно потеряв какое-то время, к тому же он был удивлен и раздосадован и только теперь начал присматриваться к противнику. Однако Стас, хотя и был уже свободен, оружия не имел, в то время как гигант, нахмутив густые черные брови, потянул из ножен меч.

В ухо Стаса снова влился детский голосок:

– Шанс только один: отнять меч! Не мешкай!

Не оглядываясь, чтобы разглядеть подсказчика (потерял бы драгоценные мгновения), Стас прыгнул к всаднику, не ожидавшему такой прыти от жертвы, рванул его за шипастый сапог вверх и тут же схватил ножны меча. Но опоздал. Великан свалился по ту сторону своего жуткого «коня», однако меч не выпустил. Вот-вот ударит... И в тот же миг Стас осознал себя стоящим на четвереньках в круге света на татами и увидел надвигавшегося соперника, готового нанести удар ногой в лицо.

Темп!

Свистящий щелчок рефлекса.

Время замедлилось.

Не все потеряно! А сознание двоится от того, что Вовколаков пытается поразить его на ментальном уровне, деформируя энергетические и эфирные оболочки. Если бы не помощь Марии («детский голосок»), он был бы уже мертв!

Ну, подонок, кто бы ты ни был – держись!

Нога Вовколакова пошла вперед и вверх, вытягиваясь неестественно далеко и доставая подбородок Стаса, но тот ждал этого момента, отклонился и подхватом изнутри и скручиванием ноги бросил врага на ковер. Холодная ярость – энергетика бойца – переполняла Стаса, питала его тело и поддерживала состояние боевого транса. И еще он чувствовал гигантский прилив сил и способности к мгновенному анализу ситуации как бы из нескольких точек сразу, пока не понял, что его на психофизическом уровне поддерживает кто-то еще, кроме Марии. Вероятно, это был дядя.

Стас не знал, что, кроме Василия и Марии, в псидой на его стороне вступил и Самандар, и даже Юрьев, которого уговорила Мария. Именно вмешательство Юрия Венедиктовича и не позволило «проекции» ликвидатора, внедрившейся в Игоря Вовколакова, довести бой до конца, превратить Котова в безвольную куклу, в идиота.

Но и его враг получил поддержку, хотя и не ожидал этого. Присутствующие на соревнованиях Рыков и Бабуу-Сэнгэ, не сговариваясь, понимая, что другого удобного момента может и не представиться, попытались повлиять на будущего Воина Закона справедливости – Стаса, подавить его волю к сопротивлению и почти преуспели в этом, не вмешайся на пси-уровне Самандар и Юрьев.

Стас не стал ждать новой атаки Вовколакова, чувствуя, что надолго его ярости не хватит. Силы были все же неравными, его враги владели большим запасом психоэнергетики, чем друзья. Двигаясь с немыслимой даже для Посвященного скоростью (для зрителей он «размазался» в полосу и вообще выпал из поля зрения), Стас догнал встающего с татами соперника и нанес ему один-единственный удар с критическим выбросом энергии. Удар назывался нукитэ – «рука – копье», он пронзил куртку, грудную клетку чемпиона и деформировал сердце, останавливая его. При желании обратным движением Стас мог бы вырвать сердце, но не стал этого делать, бой был закончен и без этого. Отпрыгнув, Стас остановился, чувствуя, что сам близок к обмороку.

Вовколаков схватился руками за грудь, глаза его расширились, он посмотрел на ручеек крови, побежавший из-под ладоней по серому кимоно, перевел взгляд на Стаса, и темный огонь безумия и жажды убийства в его глазах погас. Подогнулись ноги, спортсмен упал.

Зал, потрясенный финалом боя, притихший на время, но не осознавший трагедии, почувствовавший напряжение пси-поединка, но не понявший его причины, дружно встал и взорвался единым криком, выразившим восторг и оценку искусных бойцов.

– Уходи! – услышал Стас голос Василия в общем гуле голосов и криков, но не послушался, подошел к упавшему, перевернул на спину, приподнял и услышал его шепот:

– Разговор не закончен, мальчик, ты обречен...

После этого Вовколаков подмигнул ему, улыбнулся и расслабленно обвис на руках Стаса. Но не умер! Покидая чужое тело, «проекция» ликвидатора успела запустить сердце и слегка «подштопать» грудь украинца, как бы благодаря его за аренду тела. Впрочем, сделал это ликвидатор не из признательности к человеку, чьим сознанием воспользовался, а для продолжения боя, и лишь убедившись, что данный организм функционировать в прежних

кондициях не сможет, прекратил попытку восстановления и покинул тело Вовколакова.

Сам Стас потерял сознание, когда судья поднял его руку, объявляя абсолютным победителем, и на площадку выскочили охранники Вени Соколова во главе с Котовым-старшим.

Глава 23

ИНСПЕКТОР, НЕ СПЕШИ

К машине Стаса провожали Василий, Самандар, тренер и Мария, а также Юрий Венедиктович Юрьев, отыскавший дочь после боя в комнате отдыха рядом с Котовым-младшим. Стас выглядел отрешенным, ушедшим в себя, заторможенным, на вопросы и разговоры реагировал не сразу, отвечал медленно и скупой, и было видно, что он все еще думает о прошедшем поединке. Мария тоже выглядела задумчивой, ведя Стаса под руку, и вопросов не задавала.

Переговариваясь, вся группа вышла из здания Международного центра торговли, подошла к машинам на стоянке. Василий открыл дверцы «Фиата», жестом пригласил Стаса и Марию внутрь.

— Садитесь, поведу я.

Молодые люди послушно уселись сзади. Василий придержал дверцу, обернулся к Юрьеву, на губах которого появилась понимающая тонкая усмешка.

— Честно говоря, не ожидал от вас поддержки, кардинал, но все равно спасибо.

— Не за что, — небрежно отмахнулся Юрьев. — Благодарить надо не меня, а Машку, это она инициатор моего участия.

— Как же это вы осмелились пойти против координатора? — понизил голос Василий. — Я еще понимаю — против Рыкова, идущего по пути отступника, но координатор Союза — совсем другая величина.

— Каждый из нас волен отстаивать свой взгляд на вещи любым доступным ему способом. Наши мнения по поводу происходящего разошлись, только и всего, а проблема не столь глобальна, чтобы делать далеко идущие выводы. Кстати, парень ваш действительно хорош! Настолько хорош, что я удивлюсь, если ликвидатор не сделает еще одной попытки уничтожить его.

— Мы будем готовы, — сказал Василий, пристально взглянув в глаза кардинала. Юрьев чего-то недоговаривал, несмотря на кажущуюся откровенность, и целей своих раскрывать не спешил. Его вмешательство в пси-бой объяснить влиянием дочери было трудно.

Юрий Венедиктович поклонился, бросил взгляд на Марию, прижавшуюся к Стасу, кивнул на нее:

– Оставляю Машку на ваше попечение. Может быть, возьмете пару моих ребят для прикрытия?

– Не надо, мы справимся.

Юрьев кивнул и, не прощаясь, пошел к своей машине – темно-зеленой «Ауди-300». Судя по движению на стоянке, его охраняли не менее пяти человек.

Вася выдвинул из-за уха усик микрофона, приблизил к губам:

– Один-один, что там у вас?

– Все нормально, – отозвался динамик рации, вставленный в ухо, голосом Соколова. – Все объекты под контролем. Рыков замечен в ресторане, с ним какой-то господин с породистым лицом. Беседуют. Но услышать ничего не удастся. Ни одного старика-монгола, соответствующего вашему описанию, мои парни не обнаружили.

– Снимайте наблюдение, переключайтесь на сопровождение и прикрытия отъезда.

– Режим?

– «Элит».

– Принял, исполняю.

– Не нравится мне все это, – заговорил Самандар, не произнесший до этого ни одного слова.

– Что именно? – покосился на него Василий.

– Суета вокруг Стаса. Если бы ликвидатор хотел его убрать, он давно сделал бы это, возможностей ему представлялось предостаточно. Такое впечатление, что он только делает вид, что охотится за ним.

– Но, внедрившись в Вовколакова, он имел вполне серьезные намерения...

– Тогда зачем он начал бой в физическом плане, а не сразу в ментальном, давая нам время подготовиться? Поиграть захотел, как кошка с мышью? Плохо верится. Его цель – ликвидация, без всяких там сантиментов и эмоций. А он вместо того, чтобы убить противника, начал демонстрировать свои возможности, постепенно повышая уровень воздействия. Зачем? Чтобы мы успели прийти парню на помощь?

Василий задумался, потом сел в машину.

– Может быть, ты и прав. Надо подумать. Встретимся завтра утром и обмозгуем все версии.

– Береги синкэн-гата.

– Не беспокойся, он со мной всегда.

Вася тронул машину с места, выехал со стоянки. За ним двинулись еще две машины с оперативниками Соколова. Самандар проводил их взглядом, выслушал рапорт собственного мейдера охраны и сел в свой «Фольксваген». Но поехал не домой, а следом за кортежем Котовых, ощущая некое «гудение» ментального эфира. С некоторого времени любое движение в этом специфическом «пространстве» сопровождалось ощущением чьего-то незримого и недоброго присутствия, и скорее всего это ощущение порождалось действием общего психоэнергетического поля чужого эгрегора. Двигало Вахидом Тожиевичем, кроме того, предчувствие опасности, которое его еще никогда не подводило.

Василию тоже было не по себе. Казалось, он упустил что-то из виду, какую-то важную деталь, намек на скрытые пружины, движущие событиями вокруг, но поймать мысль не удавалось, и это злило и отвлекало внимание от дороги. Возможно, именно борьба с ощущением дискомфорта и не позволила ему среагировать вовремя на изменение обстановки.

У поворота с улицы академика Бочвара на улицу Живописную стоял патруль ГАИ. Светящийся жезл инспектора указал на обочину, и Вася послушно свернул, останавливаясь за «Фордом» гаишников. С ГАИ у него никогда не возникало особых проблем, удостоверение сотрудника ФСБ действовало безотказно, а иногда он применял гипнораппорт, внушающий инспектору мысль, что водитель ни в чем не виноват. Вот и на этот раз Василий приготовился показать малиновые «корочки» инспектору и замер, не донеся руку до кармана. Инстинкт сработал раньше сознания. И тогда вместо удостоверения он вытащил пистолет и сказал в микрофон рации только одно слово:

– Алярм!

В зеркальце заднего вида Вася видел, как из машины ГАИ вышли еще две темные фигуры. В свете далеких фонарей блеснул металл: гаишники были вооружены вовсе не по-гаишному – автоматами, в том числе и неторопливо приближающийся инспектор.

– Грязное место! – вдруг быстро заговорила Мария. – Я чувствую давление на мозг...

– Пригнитесь! – сквозь зубы сказал Василий, заметив, как инспектор ГАИ на ходу отжимает предохранительную скобу автомата, и когда тому осталось сделать всего один шаг, резко открыл дверцу машины и упер в грудь гаишника ствол «волка».

Инспектор замер. Но лицо его при этом не выразило ни малейшего волнения, испуга или удивления, вообще ничего! Это было лицо не человека, а сомнамбулы, больного, оперируемого под наркозом. Несколько мгновений они смотрели в глаза друг другу, потом гаишник начал поднимать ствол автомата («калашников-99» с глушителем и укороченным прикладом, десантный вариант), и Василий аккуратно прострелил ему руку.

Инспектор, в глазах которого тлел огонек безумия и фанатизма, дернулся, все так же не меняя замороженного выражения лица, но автомат не выпустил, только раньше времени нажал курок. Ствол автомата заплясал, выплевывая строчку пуль, прочеркнувшую асфальт и борт машины, и Василий вынужден был выстрелить еще два раза – в другую руку и в ногу гаишника; убивать его он не хотел, понимая, что тот закодирован против своей воли и ни в чем не виноват.

Но инспектор стрелять не перестал! Только руки дрогнули, из-за чего ствол автомата повело, и он вывел синусоиду дырок в дверце «Фиата». И тогда в действие вмешались двое: Стас – толкнув дверь со своей стороны и сбивая инспектора с ног, и кто-то из «чистильщиков» Соколова, страхующих комиссара, – выстрелив инспектору в затылок с двадцати метров из своего «винтореза». Упал инспектор на дорогу уже мертвым. Стрельба стихла, ухнул взрыв, кто-то закричал, затем крик захлебнулся, и наступила тишина.

– У них были гранатометы! – прошелестела рация. – Один успел выстрелить.

– Потери?

– Нет, ребята успели выскочить, машине хана.

– Уходим!

Но уйти им не дали. С визгом тормозов и колес к машинам Котова и Соколова подскочили еще три машины, загородив выезд: джип «Лендровер», микроавтобус «Мицубиси» и длинный шестидверный «Линкольн-Таункар». Захлопали дверцы авто, из них высыпали на

дорогу десятка два ловких парней, вооруженных пистолетами и автоматами. Остановились, цепью охватывая «Фиат» Васи, машину ГАИ и джип Соколова. Но за те секунды, что потребовались им для развертывания, и «чистильщики» не дремали, успев перегруппироваться и укрыться за машинами. Горящая «Мазда» Соколова освещала поворот шоссе, трамвайные пути и стену деревьев за ними, хорошо выделяя на фоне темноты новых действующих лиц. Еще через мгновение должна была начаться контратака многоопытных профессионалов Соколова, один из которых успел метнуться за деревья и обойти приехавших с фланга, но в этот момент открылась дверца «Линкольна» и на дорогу вышел Герман Довлатович Рыков. За ним важно вылез высокий мужчина в темно-коричневом костюме с надменно-сытым породистым лицом – тот самый, что беседовал, по словам наблюдателей, с Германом Довлатовичем в ресторане.

– Не стреляйте, Василий Никифорович, – сказал Рыков, обходя труп инспектора, приблизился, но за цепь своих телохранителей тем не менее не вышел. – Есть предмет для разговора. Но поскольку времени у нас мало, давайте пооперативней.

Василий вышел из-за машины с пистолетом в руке, насмешливо козырнул им.

– Какая приятная встреча, маршал! Неужели вы решили объявить нам войну официально? А ГАИ, надо понимать, теперь в вашем непосредственном подчинении?

– Это не мои люди, – ровным голосом отозвался Герман Довлатович. – За вами по пятам идет ликвидатор.

– А разве за вами нет?

– Я смогу защититься.

– Мы тоже. Что вам нужно? Зачем этот лихой вираж? Предупреждаю: давления не потерплю, а ребята у меня вряд ли уступят вашим в чем бы то ни было.

– Нам нужна одна вещь, которую вы незаконно переправили в нашу реальность, – густым властным голосом произнес спутник Рыкова. – Отдайте ее нам, и вас не тронут.

– Ах, даже так? – саркастически осклабился Василий. – Значит, не тронут, говорите? А с кем я имею честь беседовать, господин хороший?

– Я Морихей Цвингер, инспектор Союзов, – вздернул подбородок незнакомец. – Надеюсь, вы знаете, что может последовать за вашим отказом сотрудничать со мной?

– Нет, а что? – простодушно спросил Вася.

Цвингер и Рыков переглянулись.

– Наверное, вы плохо оцениваете свое положение, Василий Никифорович, – сказал Рыков сухо. – Сопротивление инспектору карается отречением и блокировкой астрала. Вы станете изгоем, как ваш бывший приятель Горшин. Но до Схода патриархов вы можете и не дожить.

Василий склонил голову набок, повертел в пальцах пистолет: четыре оборота вперед – четыре назад – фиксация с пальцем на курке и дулом вперед, – глянул исподлобья на нетерпеливо переступившего с ноги на ногу Цвингера.

– Инспектор, а вы сами-то не боитесь отречения? Ведь вы не можете не знать, что кардинал Рыков фактически вышел из Союза и контактирует с Аморфом Конкере, то есть Монархом Тьмы.

– Я вас предупреждал, – торопливо сказал Герман Довлатович, – они не отдадут синкэн-гата добровольно. Надо было сразу начинать силовую акцию захвата.

– Значит, вы отказываетесь подчиниться инспектору? – добавил угрозы и угрюмости в свой голос Цвингер.

– Значит, отказываюсь, – пожал плечами Василий.

– В таком случае мне придется воспользоваться своим правом саккацу... – Инспектор не договорил, дернув головой и замолкая на полуслове. Пуля, выпущенная из снайперской винтовки, попала ему в правый висок и вышла из левого, проделав в черепе дыру величиной с кулак. Звук выстрела прилетел мгновением позже.

Телохранители Рыкова попятились, озираясь, готовые открыть ответную стрельбу, но Герман Довлатович не рискнул дать команду и даже не бросился к союзнику, чтобы помочь ему, а в темпе скрылся в машине, тут же сорвавшейся с места. Его прислуга отступила, взвыли моторы, один за другим автомобили прикрытия кардинала умчались за машиной босса к мосту через Москву-реку. Наступила тишина. Переговоры Посвященных длились всего две минуты.

– Кто стрелял? – глухо спросил Василий.

– Я, – долетел издалека чей-то знакомый голос, и из-за кустов, скрывающих в полусотне метров поворот трамвайных рельсов, вышел человек, оказавшийся Самандаром. В руках он нес не винтовку, как сначала определил Василий, а мощный однозарядный пистолет калибра 12, 7 миллиметра фирмы «Maadi Griffin», с ночным прицелом и дульным тормозом, придающим и без того грозному оружию устрашающий вид.

– Убирайтесь отсюда, – сказал Вахид Тожиевич, подходя и наклоняясь над телом инспектора Союзов, все еще подающего признаки жизни. – Сюда сейчас примчатся все милицейские силы округа. Шума вы наделали изрядно.

– Не мы – ликвидатор. Где такую пушку достал? Что-то я ее у тебя раньше не видел.

– Купил.

– Ясно. Ты с нами?

– Езжайте.

Василий дал сигнал, нырнул в «Фиат» вслед за молча севшими Стасом и Марией, группа Соколова мгновенно заняла уцелевший джип и «Форд» ГАИ, и все три машины понеслись прочь от места засады, оставив позади трупы незадачливых гаишников, в недобрый час попавшихся ликвидатору, и Морихея Цвингера, инспектора Союзов, считавшего, что он чуть ли не бессмертен.

Глава 24

«СЖИМАЮЩАЯСЯ ЛАДОНЬ»

Бабуу-Сэнгэ позвонил Юрьеву поздно ночью:

– Не спите, Юрий Венедиктович?

– Слушаю музыку, – с ноткой иронии ответил Юрьев, только что звонивший Котовым, чтобы узнать, где Мария; домой девушка не вернулась, осталась ночевать у Стаса.

– Как вас понимать? – продолжал Бабуу-Сэнгэ, не желая разводить канитель с соблюдением правил вежливости. – Почему вы во время боя младшего Котова с авешей ликвидатора выступили на его стороне?

Юрий Венедиктович помолчал.

– А ведь этот мальчишка впечатляет, не правда ли, координатор?

– Вы не ответили на вопрос.

– Если честно, сначала я поддался уговорам дочери, но потом понял, что можно заработать кое-какие дивиденды. После этого инцидента «чистильщики» станут мне больше доверять, и я смогу получить доступ к их базе данных. Возможен даже выход в «розу» через тхабс Котова. Да и ту Великую Вещь Инсектов, которую он доставил на Землю, не догадываясь о ее сущности, можно будет попытаться изъять без лишнего шума.

Теперь уже задумался координатор.

– Разумно. Хотя и рискованно. Уровень Сил, которыми научились пользоваться эти Посвященные, резко повысился, справиться с ними будет нелегко. Вы знаете, что нас посетил инспектор Союзов?

– Я беседовал с ним.

– Он убит.

Изумленное молчание в трубке.

– Ликвидатор?

– Опосредованно. Убили Морихея «чистильщики». Герман Довлатович, по сути, подставил инспектора, когда решил с его помощью отобрать у Котова синкэн-гата.

– Когда это случилось?

– Два часа назад, в районе Щукина. Ликвидатор подготовил засаду, но Котов оказался хитрей, да и помощники у него дай Бог каждому, сработали по высшему разряду, позавидовать можно. А потом к месту засады подтянулся Герман с инспектором.

– Как погиб Морихей?

– Выстрел в голову. Стрелял Самандар. Так что будьте осторожны с этими людьми, Юрий Венедиктович, мы их явно недооценили. Как, впрочем, и ликвидатор.

– Приму к сведению. Что слышно от Креспо? Почему не объявляется «час Ц»?

– Возникли сложности с реализацией проекта, многие координаторы в панике активизировали «сжимающуюся ладонь», что мешает консолидировать силы.

– Разве мы не будем активизировать «сжимающуюся ладонь»?

– Будем, у нас просто нет другого выхода. О времени сбора я вас извещу.

Связь прервалась. Юрьев выключил телефон, посидел в кресле в расслабленной позе, одетый в любимый синий атласный халат, и позвонил Мурашову. Пришло время обсудить положение дел с будущим союзником.

– А парень действительно хорош! – вслух выразил свое мнение о Стасе Юрий Венедиктович, вспомнив финал супербоя в Конгресс-холле. – Утика-тигатай^[38], как говорят японцы. Жаль будет Машку... если с ним что-нибудь случится. Может, плюнуть на все и присоединиться к ним?..

* * *

Истребитель Закона появился в земной реальности не в облике живого существа, а в виде поля взаимодействий, внедрившись в общую компьютерную сеть Земли. То есть в один прекрасный момент компьютерные комплексы всех стран мира обрели неосязаемого хозяина и стали единым разумным существом, способным решать любые задачи, в том числе – зомбирования исполнителей для ликвидации Внутреннего Круга.

Для удобства проведения операций Истребитель завербовал в каждой стране достаточно высокопоставленных лиц, ответственных за организацию убийств, разработал планы операций и занялся наведением исполнителей на цель. О дальнейшей судьбе исполнителей и организаторов он не заботился. С его точки зрения все они – и киллеры, и жертвы были уже мертвы, хотя и в разной степени. Для него главным было достижение результата, эмоции людей при этом роли не играли, сам же он был высокоинтеллектуальным, но в высшей степени аморальным существом без плоти и крови, почти таким же, как и Монарх Тьмы. Но тем не менее с Монархом ничего общего Истребитель не имел. У него в «розе реальностей» был другой покровитель и заказчик. А поскольку в «запрещенной» земной реальности ему приходилось действовать самостоятельно, не опираясь на подсказку покровителя, то и решать поставленную задачу он имел возможность по-разному, в соответствии с предоставленными возможностями. И в один из моментов анализа очередной неудачи (Посвященные стали сопротивляться, давать отпор, убивать их становилось все трудней) Истребитель вдруг по достоинству оценил идею одной из жертв – Германа Рыкова, создававшего свой собственный эгрегор для реализации властных амбиций. Осуществив эту идею, ликвидировать Внутренний Круг можно было намного проще, а для этого надо было всего лишь зомбировать Посвященных с помощью уже имеющихся психотронных средств типа суггестора «удав» или кодонов, редчайших из всех сохранившихся Великих Вещей Мира, доступ к которым имели Хранители. Внедряясь в сознание каждого Посвященного, ориентируя их на слепое подчинение, можно было образовать контрэгрегор, по сути – сверхсущество, подобное кланам-семьям Инсектов – разумных пчел, муравьев, термитов и ос. Сам же Истребитель при этом становился единственным полноправным повелителем реальности, о чем он уже успел задуматься не раз. Мешала ему лишь жесткая программа, предписывающая после решения поставленной задачи покинуть реальность и самоликвидироваться, да умелое сопротивление некоторых групп Посвященных. Но если с нейтрализацией этих групп он еще мог справиться путем подключения к решению задачи силовых структур типа МВД, ФСБ и армии – в России, ЦРУ, ФБР и полиции – в США, других подобных спецподразделений в остальных странах, то с

программой заказчика справиться было трудней. Помочь Истребителю мог бы только тот самый контрэгрегор, базу для которого практически создал Герман Рыков.

Сначала «живым» представителем Истребителя-ликвидатора в России стал начальник Главного управления ГАИ генерал Синицын, потом, после ряда провалов, его заменил министр внутренних дел Артур Емельянович Дятлов, знаменитый своим «планом спасения России». Главным принципом этого вполне заурядного человека был «принцип пластилина» – поддаваться всем, от кого зависели карьера, зарплата, распределение благ, получение удовольствий, свобода делать то, что хочется, и он с успехом применял этот принцип в жизни. Недаром журналисты прозвали Дятлова «пластилиновым министром», приводя его послужной список. Однако для своих подчиненных он был царь и Бог, и переживший его гнев мог считать себя счастливым. Истребитель Закона обратил внимание на Артура Емельяновича, любителя компьютерных игр (правда, несложных, типа пасьянса, подкидного дурака и тетриса). Уже на другой день после «назначения» Дятлов начал действовать с похвальной оперативностью, предложив неплохой план разгрома «чистилища».

– Действуйте, – ответил Истребитель строчкой на экране компьютера, выступая в роли его «души». – Но помните, что главное – ликвидация Посвященных, а не конкретных организаций и групп типа ККК или СС.

– Мне понадобится запас «глушаков», – отстучал ответ на клавиатуре Дятлов.

– В ближайшее время вам его передаст сотрудник ФСБ.

– Но мощи «глушаков» не хватит для подавления воли Посвященных II ступени, для этого нужны кодоны.

– Кодоны – наследие прошлого, завладеть ими непросто, доступ к ним имеют только Хранители, но один кодон я вам предоставляю. Возможно, он понадобится для зомбирования спутников аватары.

– Вы имеете в виду Котова и Самандара? Я уничтожу их в первую очередь и без кодона.

– Попробуйте, но не рассчитывайте на легкую победу. Я потерял уже шестерых исполнителей, пытавшихся нейтрализовать младшего Котова. Не спешите с его арестом, сначала реализуйте план

«сжимающейся ладони», чтобы ему и его покровителям некуда было бежать.

– Нет ничего проще. Уже завтра эти люди будут у меня.

Истребитель не умел выражать эмоции, но его взгляд – волну влияния через экран компьютера – можно было смело назвать скептическим.

– Не торопитесь праздновать победу, вокруг этих людей идет непонятная мне возня Посвященных II уровня, надо за ними понаблюдать. Начинать лучше с зомбирования властных структур. Чем больше у нас будет армия зомби, тем быстрее мы слошим сопротивление Круга.

– С этим проблем не будет. Сегодня я встречаюсь с министром юстиции и генеральным прокурором, начну с них.

Экран служебного компьютера в кабинете министра («Шайенн-2010») мигнул и стал чистым, пустым, сознание Истребителя покинуло его процессор. Дятлов выключил машину и некоторое время собирался с мыслями. Он уже не удивлялся, как в первое время, откуда у него появились знания о Внутреннем Круге, о Союзе Девяти Неизвестных, о предках людей – Инсектах, о прочих удивительных вещах и почему он во все это верит, главным оставалось то, что он, обыкновенный человек, имел возможность распоряжаться судьбами людей Круга, людей неординарных, владеющих запрещенными знаниями и необычными возможностями. Он стал их судьей и палачом, вершителем жизни, абсолютным господином! И эта мысль грела душу министра больше остальных.

Посидев еще немного с приятным ощущением могущества, внушенным Истребителем, Дятлов нажал кнопку селектора и велел секретарю вызвать начальника МУРа.

Он не знал, что след его нового хозяина в памяти компьютера может быть прочитан и расшифрован. Первым это сделал Рыков, следивший за компьютерными сетями спецслужб, вторыми Котов и Самандар. Конечно, дословно записать общение министра с Истребителем им не удалось, но факт общения был зафиксирован, а выводы делать они умели.

– Значит, «сжимающаяся ладонь», – угрюмо проговорил Василий (он сидел в офисе Вахида Тожиевича на следующее утро после стычки

с инспектором Союзов). – Скоро нас загонят в угол. Надо переходить на нелегальное положение.

– Я вне подозрений, – сказал холодно невозмутимый Самандар. – Чтобы меня арестовать, необходимо постановление генерального прокурора, а вот ты – простой инженер, тебя взять легче.

– Не обольщайся, не помогут тебе твои связи, министру придумать причину твоего ареста проще простого, а из «Лефортова» ты уже не выйдешь. Уходить надо всем.

– Твой ученик тебя не поймет.

– Поймет, если хорошо объяснить. Я чувствую, что на него делается какая-то ставка, причем с двух сторон, и это меня и радует, и печалит. Парень еще не закален в нужной степени.

– Закалка – дело времени. Когда идем в «розу»?

– Сегодня вечером. Надеюсь, проводник наш знает свое дело. – Василий имел в виду Светладу.

Самандар промолчал. Он не доверял никому, только себе, но высказывать свое мнение по этому вопросу не любил.

Глава 25

ГОНЧИЕ МОНАРХА

Поход в «розу» едва не начался со скандала.

– Не берите ничего, – сказала Мария, ознакомившись с содержанием трех огромных дорожных сумок со снаряжением, которое вознамерились взять с собой «путешественники по реальностям». – Оставьте всё!

– То есть как оставить? – не понял Василий. – Здесь все необходимое для похода: гермокостюмы, противогазы, НЗ, оружие...

– Ничего этого брать не нужно, у вас уже есть тхабс.

– Поясни, – сказал Стас, слегка уязвленный, что подруга не поставила его в известность о правилах перехода.

– Вы забываете, что «роза реальностей» – пространство допустимых состояний мира, а не всех возможных. Вы не просто переходите границу «розы», но и формируете при этом условия в ее «слоях-мирах». Все абсолютные вещи, попадая в другие реальности, жестко организуют их структуру. Вспомните, как вы боролись со своим собственным пистолетом.

Василий, помедлив, кивнул.

– Он стал... живым... но я думал, что это иллюзия...

– Все реальности «розы» – суть иллюзии, отражения одной Материнской, или, как ее называют еще, Фундаментальной реальности, их можно переделывать с помощью магических воздействий... чем и занялись иерархи, воюя друг с другом.

– Но ведь мы не сможем без спецкостюмов и защиты...

– Ваши спецкостюмы – тхабс! Он создает любые защитные оболочки применительно к любым условиям «розы». Возьмите только холодное оружие, оно везде остается оружием и подчиняется только мастеру, воину.

– Я всегда говорил, что тхабс – хитрая штукавина, – бросил Самандар. – Вы все его возможности знаете?

– Не все, – покачала головой Мария. – Это «след» Безусловно Первого, бережно оберегаемый Хранителями. Если они кому-то приоткрывают тайну тхабса, значит, возникла такая потребность. Но

помните: ничто не дается даром – ни тхабс, ни синкэн-гата, ни другие Великие Вещи Мира. Их приобретение обычно сопровождается великими потерями.

– А поконкретней?

– Конкретней не смогу, – виновато улыбнулась Мария.

– Ясно. И все же я бы кое-что из этого взял с собой... – раскрыл одну из сумок (с оружием) Василий.

– Возьмите – и реальность, куда вы попадете, ответит адекватно. Все предметы обихода в «розе» – суть мысле-формы: одежда, обувь, вещи, машины, дома. Маг все это делает сам, подгоняет для тех или иных нужд.

– Мы не маги.

– Во-первых, вы Посвященные, даже у Стаса есть пси-резерв.

– Спасибо, – покраснел Стас. – Все-таки не безнадежен.

– Не обижайся, я констатирую факт. Во-вторых, вы все умеете объединять волепотоки и пси-поля. В-третьих, у вас есть тхабс... Имеется и в-четвертых, но и того, что вы имеете, вполне достаточно для реализации цели.

– А что такое «в-четвертых», если не секрет? – любопытствовал Вахид Тожиевич.

– В-четвертых, с вами иду я, – улыбнулась девушка, и все трое мужчин ощутили под черепом «мяукнувшую улыбку Чеширского кота» – касание индивидуального мысленного поля Светлады.

– Ну хорошо, уговорили, – почесал в затылке Василий, – из оружия мы возьмем с собой только ножи и наборы ниндзя. А «тюбетейки» нам не пригодятся разве?

– Он имеет в виду генераторы защиты от излучений «глушака», – пояснил Стас в ответ на вопросительный взгляд Марии.

– Не думаю, что ваши «тюбетейки» помогут вам повысить защитный психофизический потенциал, но, во всяком случае, не помешают, хотя в имплицитных реальностях «розы» главную роль играет все же техника уклонения от психоэнергетического удара.

– Простите, в каких реальностях? В имплицитных?

– Зависимых или проявленных. «Роза» полна и эксплицитными реальностями, то есть непроявленными, в которых отсутствуют наблюдатели. Иерархи, желающие поэкспериментировать, часто разворачивают такие виртуальные реальности в материальные,

становятся как бы богами созданного мира. Это очень увлекательная игра.

– Представляю. Может быть, мы еще сами в нее поиграем. А если мы все-таки возьмем пару гранат? Хотя бы светобарических.

Мария посмотрела на подмигнувшего ей Стаса.

– Вы вообще можете не слушать мои советы. Берите свои гранаты, если вам хочется, но я вас предупредила.

– Ловлю на слове.

– Кто ловит женщину на слове, тот садист, – пробурчал Самандар, никак не выражая своего отношения к происходящему.

Стас засмеялся. Василий сделал строгое лицо.

– По коням, господа! Пора выступать. Но уж синкэн-гата, я надеюсь, вы нам не запретите взять с собой?

– Его лучше всегда иметь при себе, – серьезно сказала Мария. – Если он попадет к адептам Тьмы, быть беде!

– Это мы уже и сами поняли. Кстати, слушается он почему-то только Стаса.

– То, что Стас может его носить, еще не означает, что синкэн-гата его слушается.

– А почему у него такая странная форма?

– Он принимает форму в зависимости от последней исполняемой им функции. Вероятно, последний владелец использовал синкэн-гата в качестве оружия.

– Время, – напомнил Самандар. – О возможностях меча можно будет поговорить потом.

Василий повернулся и молча направился к выходу из квартиры.

В семь часов вечера они заехали к Самандару в МИЦБИ и вооружились. Василий выбрал меч ниндзя – нин-то, набор трезубцев и кинжал (метательные иглы и звезды он взял еще из дома), Стас был вооружен своим необычным синкэн-гата, но добавил к нему еще современный нож с эргономически выверенной удобной рукояткой. Вахид Тожиевич отобрал японскую катану и ниндзя-кэн, он владел риото-дзукай – техникой фехтования двумя мечами. Мария не взяла ничего, ее оружием были воля и мысль.

В начале девятого они нырнули под землю в районе Троице-Лыковского кладбища, где парни из команды Вени Соколова проделали колодец к трубе канализации, выводящей

путешественников прямым путем к спуску в МИР Ликозидов. О чем думали профессионалы разведки и контрразведки, копая землю и долбая бетон, осталось за кадром, сам же Соколов не задал ни одного вопроса, и Вася мимолетно подумал, что, узнай бывший капитан о цели спусков своих боссов под землю, он вряд ли поверил бы в существование подземных замков, созданных древними разумными насекомыми и сохранявшихся десятки миллионов лет.

В пещере с МИРом Ликозидов ничего не изменилось. Изуродованная ажурная пирамида разумных тарантулов продолжала сочиться призрачным бледным светом, поражая совершенством узора и пропорциями внутренних переходов. Не изменился и центральный «тронный» зал дворца с полурасплавленным саркофагом последнего царя. Никто, кроме путешественников по «розе», здесь не появлялся и следов не оставил.

Стас посматривал на спутницу с любопытством, но реакции на лице Марии не заметил. Девушка несла в себе память Светлады и знала, кто построил гигантское сооружение, за многие миллионы лет опустившееся под землю и законсервированное Хранителями.

Миг перехода не отразился на ощущениях людей. Из «тронного» зала дворца Ликозидов они перенеслись на вершину срезанной пирамиды, слеplенной из хрустальных шаров разного размера, и замерли, прислушиваясь к себе, озираясь по сторонам. Это был тот самый мир, охраняемый кентавро-львом Асатом, только на сей раз здесь царила ночь, освещенная двумя лунами размерами с земную и яркой, на порядок ярче Млечного Пути, звездной дорожкой поперек небосвода. Но пирамида не принадлежала городу Пауโรปодов, в котором оказались путешественники при первом посещении этой реальности, хотя и походила на одно из его зданий. Ее высота превышала высоту земных аналогов – египетских пирамид – вдвое, а основание было не квадратным, а пятиугольным. Кто ее строил и зачем, не знала и Светлада. Но не этим вопросом задавались сейчас гости реальности, посещенной десять лет назад (по земным меркам) Матвеем Соболевым со товарищи.

Пирамида стояла посреди песчаной оранжево-красной равнины, перепаханной воронками самого разного диаметра, и даже неопытному наблюдателю сразу становилось ясно, что здесь когда-то шла война. Равнина исчезала за горизонтом, угрюмая, навевающая

тоску и страх, и лишь в стороне, где над краем равнины нависала одна из лун, похожая на человеческий череп, виднелась черная полоска: не то лес, не то горы, не то какое-то искусственное сооружение.

Последнее предположение оказалось верным: там, в двух десятках километров от пирамиды, начиналась колоссальная стена, скрывающая за собой тайны здешнего мира.

– Да, это мир, где мы встретили кентавра, – изрек наконец Василий, убедившись, что тхабс действительно обеспечил их защитой и возможностью дышать здешним воздухом. – Что это за мир, Мария?

– Я уже говорила. – Девушка обнаружила в густофиолетовом небе облачко светлых точек, напоминающих стаю светлячков, и обратила на них внимание Котова. – Вот доказательство – осы. Это мир «запрещенной реальности» наподобие земного. Монарх экспериментировал здесь с биосферой планеты, выводя новую породу разумных существ, скрещивая растения с животными. Ос он вывез с Земли. Насколько я знаю, эксперимент не удался, и Конкере бросил этот мир, хотя и продолжает контролировать с помощью встроенных программ типа Асата.

– Так значит Асат – программа?!

– Совершенно верно. Кентавром ее сделали стереотипы вашего мышления и воображение. Кстати, вы ничего не чувствуете?

– Гудит... очень глубоко... в инфразвуке, – проговорил Самандар, давно ощутивший странную дрожь пирамиды, порожденную низким подземным гулом.

Василий кивнул. Он ощущал то же самое.

– Это реакция еще каких-то программ Монарха на наше появление здесь. Сейчас они проявятся.

– Это опасно?

– Приготовьте на всякий случай оружие. – Мария оглянулась на спокойно созерцавшего равнину Стаса. – А ты держи синкэн-гата в ножнах. Это наш последний аргумент. Сначала попробуем договориться.

Гул, слышимый Посвященными на грани восприятия, резко усилился. Пирамида под ногами заколебалась, отзываясь хрустально-фарфоровым звоном и треском. На горизонте появилась искра света, вознеслась над равниной и спикировала на людей, превращаясь в кошмарное существо с драконьими крыльями, корпусом льва, могучим

человеческим торсом и златокудрой женской головой с лицом неземной красоты. Это был страж границы реальности Асат. Вооружен он был, как и прежде, гигантской секирой, но пустить ее в ход не успел. Раппорт Марии-Светлады остановил его атаку, а потом он узнал остальных. Мягко утвердился мощными львиными лапами на зернистой поверхности пирамиды, опустил секиру. Раздался нежный и в то же время сильный голос:

– Что здесь делают Воин Закона и его спутники?

Василий посмотрел на Марию, лицо которой буквально засветилось изнутри розовым светом. Он так и не понял, говорил ли Асат на русском языке или это был «перевод», обеспеченный тхабсом.

– Нам нужна твоя помощь, – проговорила девушка.

Страж границы внимательно посмотрел на нее, склонил голову к плечу, улыбнулся.

– Надо же, какие у меня сегодня гости. Никак сам инфарх пожаловал?

– Только его слабенькое эхо, третье Я. Ты поможешь нам?

– Сожалею, повелитель, но моя программа не рассчитана на помощь нарушителям границы, а как бы даже наоборот.

– Твоя помощь будет заключаться лишь в одном – в нейтрализации других программ твоего хозяина в течение очень короткого отрезка времени. Для этого ты, в сущности, ничего не должен делать, только побыть с нами.

– Сожалею, – еще раз произнес Асат, покачав головой, – я бы и рад помочь инфарху, но, даже уважая Воина Закона, находиться с вами могу, только исполняя свои обязанности.

– Прекрасно. Вот тебе противник, – Мария указала на Стаса, – поупражняйся с ним в фехтовании, пока мы втроем будем искать в вашем астрале следы нашего друга. Так ты исполнишь свой долг и поможешь нам.

Страж границы в сомнении посмотрел на невозмутимого Стаса, опоясанного ножнами с синкэн-гата.

– Он владеет кэндо?

– Он Воин, сам же говорил, – улыбнулась Мария. – Испытай его.

– Маша, а если... – шагнул было вперед встревоженный Василий, но Самандар остановил его:

– Она знает, что делает.

Асат поднял свою громадную секиру, способную одним ударом рассечь быка пополам, и та вдруг поплыла струей дыма, меняя очертания, превратилась в меч.

– Ты готов, Воин?

– Всегда, – сказал Стас.

Страж границы одним прыжком преодолел расстояние до своего противника, стоящего с опущенными руками, в расслабленной позе, нанес удар мечом, и спутники младшего Котова увидели технику иайдо в наглядном изображении.

Меч Асата не успел упасть на голову Стаса. Последовало мгновенное движение руки, высверк выхваченного из ножен синкэн-гата, колокольный звон столкновения клинков – и меч стража границы разлетелся на множество голубоватых осколков, словно был сделан из льда. Следующим движением Стас мог отсечь руку поздно отпрянувшего Асата, но не стал этого делать, бросил меч в ножны тем же стремительным красивым движением, будто делал это каждый день на протяжении многих лет.

– Я проиграл, – с печалью в голосе сказал кентавро-лев, – и теперь должен вызвать подкрепление. В моей программе содержится указание не сопротивляться Воину Закона, а предупредить хозяина о его появлении.

– Подожди немного, – подняла руку Мария. – Ведь он может сражаться и обыкновенным мечом. Не хочешь поучиться?

Лицо Асата, лицо женщины безупречных линий, оживилось.

– Пожалуй, особых противоречий моя программа в этом не видит. Я могу сопротивляться некоторое время.

– Лови. – Самандар бросил Стасу свою катану, и тот ловко поймал меч за рукоять.

В руке Асата появился еще один меч, копия первого, и страж границы бросился на противника, вздымая меч над головой. Разнообразием приемов его техника кэндо не отличалась. Раздался поющий звон столкнувшихся клинков.

– Беремся за дело, – глянула Мария на мужчин, с разными чувствами наблюдавших за поединком, – у нас мало времени. Выходим в астрал, поддерживая друг друга, и ищем Соболева. Сторожевые псы Монарха нас, конечно, засекут, но мы должны стряхнуть их и убраться

отсюда до момента вытаскивания псов в реальность. И, пожалуйста, не отвлекайтесь.

– Поехали, – сказал Василий, с трудом отрывая взор от зрелища и пресекая попытку подсказать Стасу то или иное движение. Ученик в советах не нуждался.

Это был очень необычный астрал, гораздо запутанней и мудреней земного. Если бы не помощь Светлады, ни Василию, ни Самандару не удалось бы найти то, что они искали, и выбраться из него обратно. Континуальное поле информации здешней реальности было, по сути, разумным существом, диктующим иерархию уровней, и контактировать с ним можно было только на пределе всех ментальных и душевных сил. Организовывал этот «живой» астрал – настоящую кладовую дьявола! – пентарх Удди, правая рука Монарха, вернее, его «проекция» на реальность, и он же командовал сторожевыми псами реальности – особыми программами, стерегущими выход (не вход!) из астрала и способными приобретать физическую сущность и плоть в соответствии с местными законами природы.

Светлада нашла-таки след Соболева – отпечаток его личности на «замках дьявола», закрывающих секретные уровни информации, и даже проникла в один из таких уровней, но больше ей сделать ничего не удалось. Сторожа астрала учуяли чужих и бросились в погоню.

Каким чудом им удалось стряхнуть со своих потоков сознания злобных тварей Удди, Василий не понял. Весь «искусанный», покрытый «язвами» фантомных болей, он выплыл из глубин дьявольского астрала и увидел финал боя Стаса с Асатом. Кентавро-сфинкс преклонил пред Котовым-младшим колено, признавая его победу.

– Я вновь вынужден...

– Уходим! – прервал стража границы Самандар, перенесший сражение с информационно-энергетическими «псами» легче Василия. – Крути свой тхабс домой.

– Ни в коем случае! – воскликнула Мария. – Они прорвутся за нами! Их надо увести отсюда. Сосредоточьтесь на эксплицитной реальности, на совершенно пустой или на покинутой всеми. Спешите, они сейчас будут здесь! Асат, удержи псов!

– Попробуюсь, повелитель, но не гарантирую...

Василий «крутанул» тхабс «вперед» по вектору разворота реальностей в глубины «розы», и дальнейших слов Асата они не услышали.

На этот раз миг перехода в другую реальность длился дольше – ощутимо дольше – и был насыщен неизъяснимой мукой чьего-то размышления. Впечатление было такое, будто тхабс прикидывает, куда отправить своих неопытных хозяев. А в следующее мгновение они оказались в мире без объектов и свойств, бесконечно большом и бесконечно малом одновременно, в мире оглушительно грохочущей тишины и неслышного грохота, где ничего не происходило и ничто не длилось, в мире, где люди ощутили себя ничем и одновременно всем, в мире потрясающе интересной скуки и одновременно невыразимого блаженства ожидания... Но это многоплановое понимание происходящего пришло на один удар сердца и ушло с появлением луча первой звезды, рожденной выходом наблюдателей. Потом пронесся шквал переходов-ощущений-озарений, и путешественники осознали себя сидящими в креслах какого-то колоссального космического корабля.

Почему именно эта мысль – космический корабль! – появилась первой, Василий не понял, как и все остальные, но она оказалась верной. Они действительно сидели в амортизационных креслах огромного звездолета, пахавшего по инерции здешний космос многие тысячи лет. Водители звездолета давно ушли в небытие (три их окаменевших трупа сидели в соседних креслах рубки), а он все еще мчался сквозь пространство к неведомой цели, мертвая машина с мертвым экипажем.

Впрочем, не совсем мертвая. В звездолете все еще работали какие-то механизмы, обеспечивающие его светом и теплом, поддерживающие искусственное поле тяготения, примерно равное земному.

Озираясь по сторонам, беглецы из «экспериментальной» реальности оглядели огромную рубку звездолета, по форме – идеальную пирамиду с пятиугольным основанием, освещенную голубовато-серебристым светом, сползли со своих кресел странных пропорций: ни одной круглой детали или поверхности – резкие изломы линий, углы и ребра, отрезки прямых. Кресел было девять, и группировались они вокруг черного пятиугольного зеркала в полу

помещения, над которым высоко вверху, там, где грани пирамиды сходились углом, висело еще одно такое же черное зеркало. Шесть кресел были пустыми, в трех сидели бывшие водители корабля в серо-бурых скафандрах, больше всего похожие на двуногих и двуруких высохших акул. Конечно, по скафандрам нельзя было судить о форме тел их владельцев с полной уверенностью, но впечатление «акулы» они производили сильное.

Не чувствуя ни брезгливости, ни отвращения, ни страха, Василий оглядел космонавтов, потрогал их твердые, как металл, скафандры и повернулся к Марии, задумчиво разглядывающей зеркало в кольце кресел.

– Ну, и где мы, по-вашему, Мари? Это действительно корабль или только результат работы нашего воображения? И почему я уверен, что это звездолет?

– Тхабс, – проговорил Самандар. – Его работа. Не так ли?

Девушка ответить не успела.

Пол звездолета вздрогнул. Где-то в его недрах зародился неясный шум, напомнивший людям стихию разъяренной толпы, стал усиливаться, приближаться, и вскоре в стену рубки с гулом ударил невидимый таран.

– Все-таки псы Монарха догнали нас, – хладнокровно заметил Вахид Тожиевич. – Наверное, придется драться. Или побежим дальше? Кстати, Котов, когда ты включал тхабс, ты ориентировал его на следы Соболева или нет?

– Конечно, – кивнул Василий, сжимая рукоять меча.

– Значит, Соболев был здесь?

– К чему ты клонишь?

– Надо поискать его послание. Если он на Земле предвидел наше появление и догадался оставить знание тхабса, то и здесь мог оставить письмо.

– Мысль хорошая, но несвоевременная. Будем отходить.

– Надо драться, к сожалению, – тихо, но твердо и виновато одновременно сказала Мария. – Если стая почуяла нас и догнала даже в другой реальности, она не отцепится.

– Почему стая?

– Психоэнергетические сторожевые псы, как правило, организованы в «стаи оптимального воздействия», их очень трудно

уничтожить.

В стену рубки снова с гулом ударил таран, так что она загудела и завибрировала, и одновременно с этим ударом зашевелились в креслах высохшие трупы космонавтов.

– Берегитесь! – вскрикнула Мария. – Они способны внедряться в любые предметы!

Реакция ее спутников не заставила себя ждать. Все они были воинами, прошедшими хорошую жизненную школу, не исключая и Стаса, и все трое умели анализировать ситуацию и действовать упреждающе. Сверкнули три клинка, разваливая надвое бросившихся на людей «акул». Но если Василию и Самандару пришлось рубить ожившие трупы еще раз, «акула», против которой Стас применил синкэн-гата, просто разлетелась на тысячу осколков, будто глыба серого стекла.

Но на этом бой не окончился.

Третий удар потряс рубку чужого звездолета, в ее косо наклоненной стене появилась полусферическая выпуклость, раздулась в шар, который с чмоканьем оторвался от стены, оставив в ней метровую дыру, и покатился на людей.

– «Печать джинна»! – отчаянно крикнула Мария, прижав к вискам ладони для концентрации мысли. – Не подходите к ней, попытайтесь оттолкнуть!

Василий и Самандар поняли девушку сразу, обрушив на серый зернистый шар свои ментальные поля, заставив его двигаться по спирали, и увидели «печать джинна» в действии. Кресло, оказавшееся на пути шара, просто исчезло. Затем наступила очередь останков «акул» и еще одного кресла, которое, вдруг ожив, шарахнулось прочь, но не успело.

«Волки от испуга скушали друг друга», – вспомнил Василий с внутренним смешком детские стихи. В следующее мгновение он метнул в шар одну из светозвуковых гранат размером с грецкий орех.

Граната исчезла внутри серой опухоли и, вероятно, взорвалась, но люди не увидели вспышки и не слышали звука, только шар при этом на мгновение вырос в объеме и снова опал, продолжая двигаться по рубке. Граната подействовать на него не могла.

– Вахид, сзади! – увидел Василий выползавшую из дыры в стене рубки многоногую тварь.

Самандар оглянулся и устремил на нее свой меч.

– Стас, зацепи этот б...ский шар!

Стас, давно ждавший удобного момента, прыгнул из-за кресла, которое миновала живая ловушка, сделал выпад и уколол шар «в спину».

С диким воплем, от которого у людей зашевелились волосы на голове, шар оброс длинными черными шипами, превращаясь в гигантского ежа, и тут же сжался в точку, исчез, обдав напоследок рубку волной холода. Стас остановился, зачарованно разглядывая на полу морозный след «печати джинна», стягивающийся вокруг черной точки, и был подстегнут возгласом Котова-старшего:

– Помогай!

Праздновать победу над «печатью джинна» было некогда. Псы стаи рвались в рубку, и было их много, а остановить их обычные мечи не могли, могли только сдерживать атаки. И Стас включился в бой, охваченный холодной яростью человека, защищавшего не только свою жизнь, но и жизнь друзей.

Они отбили восемь атак самых разнообразных тварей, каких только мог вообразить человеческий мозг: гигантских пауков, шершней, муравьев, тарантулов, скорпионов, змей, гориллоподобных монстров, драконов и динозавров, – затем сами вырвались из рубки в коридоры звездолета, без устали работая мечами, и наконец настигли последнего «пса» – шестилапую помесь кабана и крокодила с мощными когтями. Стас поднял синкэн-гата, собираясь нанести последний удар, и в это время Мария, следовавшая за мужчинами и, как оказалось, охранявшая тыл в ментальном плане, крикнула:

– Подожди, не бей!

Стас удержал удар, остановился, вытянув острием вперед свой странный меч, совсем не эффектный, ни издали, ни вблизи, но очень эффективный в борьбе с псами стаи. Мария вышла из-за спин разгоряченных боем Василия и Самандара, чьи лица блестели от пота, бросила вполголоса:

– Прикройте меня. – Подошла к Стасу, глядя на кошмарное существо, в свою очередь, без страха рассматривавшее людей. – Кто тебя послал?

Рот чудовища, полный гигантских клыков, не пошевелился, но тхабс продолжал исправно служить людям, и все слышали басовитый

хриплый голос:

– Мой хозяин.

– Кто твой хозяин?

– Разве Мастер Мастеров не в состоянии определить иерарха?

– Я только тень Мастера Мастеров. Твой хозяин – пентарх Удди?

– Сожалею, Мастер, что меня натравили на вас, но я всего лишь исполнитель. Однако вас ждет более серьезный противник, нежели стая гончих, истребленная вами, и даже это, – монстр кивнул на меч Стаса, – вас не спасет.

С этими словами кабано-крокодил съежился, конечности его втянулись в тело, которое тоже потеряло видимость шкуры и превратилось в шар. Потом шар превратился в черную молнию и пропал. Переглянувшиеся люди остались в коридоре одни.

– Он сбежал? – поинтересовался Самандар.

– Самоликвидировался, – тихо сказала Мария.

– Что дальше?

Василий, вдруг ощутив огромную усталость, перевел взгляд на девушку, и Мария, уставшая не меньше остальных, прошептала:

– Теперь можно возвращаться.

– Но ведь вы узнали что-то о Соболеве? – вмешался несколько разочарованный финалом Стас. – Где он? Что с ним? Может, он где-то рядом?

– Он был здесь, но ушел.

– Эти псы... гончие... – проговорил Самандар, прислушиваясь к тишине, – больше не вернутся? Никто не сбежал?

– Это стая. Они дерутся только вместе и бегут все вместе. Мы уничтожили всех.

– Тогда есть смысл вернуться в рубку и поискать письмо Соболева. Не найдем – вернемся домой.

Василий подумал и потащился по коридору, отмеченному останками «псов», которые потихоньку дымились и таяли. Какое бы существо ни представлял каждый «пес», умирал он так же, как и все особи стаи: превращаясь в шар, в дым, в ничто. Наверное, суть «гончих» Монарха была одна – психоэнергетическая, а чудовищными тварями их делало воображение людей.

В рубке путешественники сгруппировались вокруг двух уцелевших кресел, не зная, как приступить к поискам письма Соболева, не очень-

то надеясь на его существование. Но Письмо само отозвалось на мысли и чувства людей. Черное зеркало в полу рубки вдруг наполнилось золотистым сиянием, столб золотого света ударил вверх, отразился от второго зеркала, и внутри образовавшегося объемного столба замершие путешественники увидели две обнявшиеся за плечи фигуры – мужчины и женщины. Мужчина был Матвеем Соболевым, женщина – Кристиной. Лица их казались сосредоточенно спокойными, а волосы – белыми как снег.

– Привет, – невольно пробормотал Василий.

Соболев открыл рот, собираясь что-то сказать, и в тот же момент пол рубки ушел из-под ног – наступила невесомость, зеркало лопнуло, столб света погас, мучительная вибрация потрясла звездолет. Казалось, он сейчас развалится на части.

– Держитесь! – рявкнул Василий, и рубка чужого звездолета растаяла. Все четверо очутились в тронном зале МИРа Ликозидов, освещенном призрачным лунным светом. Второй поход в «розу реальностей» закончился.

Глава 26

«ЧАС Ц»

Любой человек является психосоматическим устройством, приемником особого рода, способным обнаружить реальность, недоступную никаким физическим приборам. Но только Посвященные Внутреннего Круга пользуются этими способностями в полной мере и могут понять, что они видят.

Когда в пять часов утра по московскому времени молящийся в номере гостиницы «Москва» Бабуу-Сэнгэ услышал голос и увидел перед собой колеблющуюся призрачную фигуру старца в белых одеждах, он сразу понял, что его вызывают по трансперсональному каналу. Поэтому он без опаски открыл свою ментальную нишу и сразу оказался в особом пространстве ментального канала связи с куратором Союзов.

«Вы готовы к подсоединению?» – спросил Хуан Креспо.

«Готов», – без колебаний ответил Бабуу-Сэнгэ.

«Есть возможность возглавить Сход».

«То есть стать объединителем эгрегора? – уточнил координатор Союза Неизвестных России. – На какой период?»

«На время поиска ликвидатора. Но эта акция зачтется при последующем Посвящении».

«Если оно состоится. Я бы предпочел воздержаться от этого шага. К тому же консолидатором эгрегора всегда были вы, монсеньор. Меня могут принять не все коллеги».

«Вы, как всегда, слишком осторожны, координатор. У вас есть шанс возвыситься до касты Мастеров. Но коль вы не хотите этого, придется мне опять нести крест организатора одному. Не выходите из эфира, мы начинаем. «Час Ц» настал».

Бабуу-Сэнгэ устроился на полу поудобней, приняв позу лотоса. Внутри его зазвучала удивительная многоголосая струнная музыка: это его личное ментальное поле влилось в коллективное поле сознания Внутреннего Круга, образуящее эгрегор. Координатор мгновенно перестал быть самим собой. Его мозг увеличился в объеме до размеров Земли, он стал чувствовать себя миллионоруким и миллионоглазым

существом, обнимающим всю планету. Диапазон видения-чувствования его скачком вырос, так что Бабуу-Сэнгэ стал видеть в ультрафиолете, в рентгеновском диапазоне, в инфракрасном свете, в диапазоне сверхдлинных радиоволн, СВЧ-спектре и даже воспринял медленные колебания электромагнитных полей биосферы, так что мир вокруг совершенно преобразился. А еще сознание координатора, став многослойным, многоплановым, многомерным, получило удивительную возможность проникать в сознание других людей и читать их переживания.

Сила бурлила в жилах Бабуу-Сэнгэ, силой была наполнена его воля, силой стала его мысль.

Тяжкий удар гонга потряс волнуемую вселенную звуков и света – внутреннего пространства координатора, ставшего одной из «клеток» психоэнергетического колосса – эгрегора Круга. Затем раздался безликий и бестелесный, но могучий голос, потрясший весь океан эгрегора:

– Мы, объединенные Размышлением Бога, вставшие над четвертой «сферой света» ради защиты Великого Круга, направляем свою волю на определение Врага! Приступайте!

Струнное гудение ментального эфира, забившее все шепоты и шорохи сотен тысяч мысленных потоков, усилилось и резко смолкло, вернее, перешло в иное качество – качество «большой тишины». Эгрегор координаторов, подпитываемый энергией общего поля Круга, обрел метасознание, стал единым интеллектуальным организмом, разумной и высокочувствительной системой, способной видеть глубины материи – вплоть до молекул и атомов и слышать «разговоры» растительных биосистем. Этой системе-организму потребовалось всего несколько секунд, чтобы ощупать всю Землю в поисках Врага – ликвидатора Круга, определить его местонахождение и понять сущность. И возбудиться от ошеломляющего открытия: ликвидатор, называющий себя Истребителем Закона, не существовал! Вернее, не существовал как личность, единичный или групповой носитель заказа на ликвидацию. Он представлял собой своеобразный компьютерный вирус, поле сознания вне личности и вне времени, «осевшее» на земной компьютерной сети. Он был везде и нигде!

Бабуу-Сэнгэ вновь услышал могучий шум океанского прибоя – интерференцию мысленных полей своих коллег, заволновался и сам,

потому что не ожидал столкнуться со столь глобальным манипулированием электронными облаками и потоками, собственно процессами расчета, составляющими суть компьютерной технологии.

С гонгом внимания в уши влился невыразительный голос организатора эгрегора, которым стал Хуан Креспо:

– Мы нашли Врага! Призываю всех, кому дорог Круг, ответить мне высшим напряжением Силы Эл, чтобы навсегда покончить с проникшим в нашу реальность процессом дестабилизации, отголоском Закона дьявола. Приступаем! С нами Эл!

Пространство эгрегора потряс не очень стройный музыкальный аккорд: предложение организатора поддержали не все координаторы и кардиналы Союзов, в том числе и Бабуу-Сэнгэ, инстинктивно предчувствовавший опасность. Он хотел предупредить Креспо, подать идею: уничтожить ликвидатора с помощью полного отключения всех компьютерных и коммуникационных сетей от источников энергии – но не успел. Пси-пространство эгрегора прорезала черная судорога деления: кто-то отсоединил от него очень большой энергоинформационный объем.

Это было настоящим предательством – отколоться от армии союзников в момент атаки врага! И человеком, проделавшим этот трюк, был кардинал Союза Девяти России Герман Довлатович Рыков.

Креспо не смог отреагировать на этот предательский ход адекватно, он уже начал наступление, после чего Истребитель Закона ответил на выпад эгрегора Круга. Только уровень его ответа был гораздо выше силового купола, инициированного людьми, ослабленного бегством Рыкова. Ответил ликвидатор на уровне шестой Силы Бога – Элохим Алеф (Безусловно Первый), опираясь на эгрегор куда более массивный, чем Круг, – на все властолюбивое человечество!

Бабуу-Сэнгэ успел закрыться от удара, владея техникой уклонения от психоэнергетического нападения путем перехода в измененное психическое состояние, но и он почувствовал мощь ответа ликвидатора, затеявшего «крестовый поход» против Внутреннего Круга.

Пространство, образующее эгрегор координаторов, высветила вспышка пси-аннигиляции, деформирующей групповое поле сознания, создающей Силу Тогарини – Дьявольской Красоты. Сила Тогарини

всегда сопутствовала разрушению чего бы то ни было, и созерцавший Дьявольскую Красоту, как правило, умирал.

Бабуу-Сэнгэ смог «закрыть глаза», уплотнив свое индивидуальное пси-поле и отбив луч Тогарини, но организатор «часа Ц» Хуан Креспо хлебнул Дьявольской Красоты слишком много и растворился в ней, превратился в сгусток электромагнитных полей, поглощенный Истребителем Закона. Погибли и координаторы, его поддерживающие: Степан Корчма – координатор Союза Неизвестных Украины, Назар Баев – координатор Казахстана, Кийт Ульм – координатор Эстонии и многие другие, метившие на кресло куратора Союзов.

Эгрегор Круга распался, спасаясь от полного разрушения, превратился в рыхлый конгломерат запаниковавших Посвященных, поспешивших закуклится каждый в своей индивидуальной нише. Ликвидатор одним ударом достиг главной цели – дисбаланса психоэнергетических структур реальности в пользу сил Тьмы. После этого ему оставалось только «подчистить» работу, доуничтожить Посвященных, каждый из которых с этого момента не мог рассчитывать на помощь всех.

Бабуу-Сэнгэ ощутил себя сидящим на полу в номере гостиницы. Тело казалось губкой, пропитанной водой, каждое движение давалось ему ценой невероятных усилий.

«Что надо делать, если на тещу напал тигр? – вспомнился координатору старый анекдот. – Сам напал, сам пусть и выкручивается, ответило армянское радио».

– Тигр... – вслух выговорил Бабуу-Сэнгэ пересохшим языком, поднимаясь с колен. – Был тигр, да весь вышел... а теща теперь примется за остальных членов семьи...

Под тещей подразумевался, конечно, ликвидатор Круга.

– Пора бежать отсюда... завладеть тхабсом и бежать...

Зазвонил телефон.

Напрягаясь, Бабуу-Сэнгэ проверил линию и снял трубку.

– Слушаю.

– Вы в порядке, координатор? – Голос принадлежал Юрьеву.

– Вашими молитвами.

– Как вам Герман?

– Он не ведает, что творит. Ликвидатор доберется и до него.

– Но до этого исчезнем все мы. Круг. Необходимо предпринимать экстренные меры. Наш план с выведением на цель команды «чистилища» перестал быть актуальным, уничтожить компьютерную сеть невозможно.

– У меня есть одна сумасшедшая идея. Не знаю, удастся ли ее осуществить.

– Давайте встретимся, обсудим.

– Хорошо, приезжайте ко мне в...

– Я знаю, ждите.

В трубке запульсировал гудок отбоя. Бабуу-Сэнгэ бросил трубку на аппарат и вытер руки о рубашку. Впервые за две сотни лет жизни ему, как простому смертному, захотелось сделать глоток алкоголя.

Глава 27

ТЕЛЕФОН – ИСТОЧНИК БЕСПОКОЙСТВА

Этим утром Котовы завтракали вместе. День начинался с дождя, и настроение обоих соответствовало погоде, хотя и по разным причинам. Стас, ковыряясь в тарелке с жареными шампиньонами, первым обратил внимание на сумрачный вид учителя:

– Невкусно?

Готовил завтрак он.

– Отчего же, вкусно, – без выражения ответил Василий.

– Анекдот хочешь?

– Валяй.

– «Доктор, все ли грибы может есть человек?» – «Все, но некоторые из них только один раз».

Василий дернул уголком губ, продолжая над чем-то размышлять.

– У этого анекдота длинная борода.

– Зато он о грибах. Что случилось, дядя? У тебя такое выражение лица, будто ты ежа проглотил.

– Просто я ничего не понимаю. – Котов-старший отодвинул тарелку. – Не могу войти ни в одну компьютерную сеть! Все источники информации закрыты!

– Может быть, они просто поменяли пароли и коды?

– Я могу обойти любой пароль. Впечатление такое, будто меня кто-то не пускает в сети МВД и ФСБ.

Стас пожал плечами, не очень понимая волнение дяди.

– Посоветуйся с Вахидом Тожиевичем, он большой спец по хакер-разведке.

Стас проговорился, он не должен был знать о деятельности «чистилища», но Василий не обратил на это внимания, занятый своими мыслями.

– Ты утром спал хорошо?

– Да вроде бы, а что?

– Ничего необычного не почувствовал?

Стас перестал жевать.

– В пять утра с минутами... будто кто-то заглянул в меня... а потом стал проглатывать. Я закрылся, и все прошло.

Василий откинулся на спинку стула, вытер пальцы салфеткой, задумчиво разглядывая спокойное лицо парня.

– Значит, ты все-таки почувствовал... Это хорошо.

– Да что происходит, в конце концов? Можешь объяснить?

– Кто-то из адептов Круга организовал внезапный Сход с опорой на весь эгрегор, отсюда твои ощущения.

– Зачем это ему понадобилось?

– Так как Сход проходил по уровню Цафкиель, то его целью было, наверное, решение какой-то важной проблемы, а так как самой большой проблемой сейчас для всего Круга является выживание, могу предположить, что Сход решал проблему борьбы с ликвидатором.

– Логично, – помолчав, сказал Стас, снова принимаясь за еду. – Хочешь, я уточню? Позвоню Марии, она наверняка знает больше.

– Позвони. – Василий налил себе чаю. – Я попытался после этого пройтись по сетям спецслужб и получил полный отлуп. Сети блокированы! И сделано это не без магического воздействия.

– Тогда это работа Рыкова.

Василий оторвался от размышлений, внимательно посмотрел на ученика, с простодушной естественностью заканчивающего завтрак.

– Студент, пора тебя, кажется, посвятить во все мои проблемы. А то я делаю вид, что не знаю, что ты знаешь о моей деятельности в «чистилище», а ты делаешь вид, что не знаешь, что я знаю, что ты знаешь.

– Давно пора, – согласился Стас. – Это будет нечто вроде Посвящения в Круг?

Василий хмуро улыбнулся.

– Вступительный экзамен.

Лежащий на столе сотовый телефон заверещал. Василий поднес его к уху.

– Шеф, очень мне не нравится обстановка, – раздался в трубке голос Вени Соколова.

– Конкретнее.

– В том-то и дело, что ничего конкретного сообщить не могу. Просто отмечаю подозрительное шевеление вокруг вашего дома. Это

еще не поток внимания, но уже и не случайный процесс. Появились машины во дворе, которых раньше не было. В некоторые квартиры вошли люди, которые там не живут... Не нравится мне все это.

– Мне тоже, – подумав, сказал Василий. – В последнее время и меня тяготит предчувствие... Ладно, работайте в прежнем режиме, но подключитесь к экспертам Вахида, понаблюдайте за его домом и центром тоже.

– Есть понаблюдать.

Вася щелкнул кнопкой выключения телефона, встретил взгляд Стаса, досадливо поморщился.

– Похоже, какая-то контора вычислила нас и здесь.

– Команда Рыкова?

– Германа я бы почувствовал. Звони своей королеве Марго, посоветуемся насчет Схода Круга. Пригласи ее к нам.

Телефон зазвонил снова. На сей раз тревожил Котовых Юрьев. Голос кардинала был сух и резок:

– Василий Никифорович? Стас дома?

– Передо мной, – глянул на ученика Василий.

– Мария с вами?

– Нет.

– А где она?

– Как это – где? – не смог скрыть удивления Василий. – Должна быть дома. Стас отвез ее еще вчера вечером...

– Дома ее нет. Я приехал поздно ночью и подумал, что она осталась у вас, поэтому не звонил. Где она?

Стас, почувствовав неладное, привстал со стула.

– Что случилось?

Василий закрыл микрофон рукой.

– Пропала Мария. Ты ее до дома проводил?

– До квартиры. Встретил двух знакомых телохранов ее папаша. Мы еще постояли там в коридоре несколько минут.

– Юрий Венедиктович, – сказал в трубку Василий, – он проводил Марию до двери квартиры и встретил двух ваших охранников.

– Кого именно?

Василий сунул трубку Стасу.

– Поговори.

Тот выслушал Юрьева, коротко нарисовал портреты встретившихся телохранителей.

– Жбан и Чалый, – узнал Юрий Венедиктович. – Они тоже исчезли и на связь не выходят. Плохо. Дай старшего.

Стас передал телефон дяде.

– У вас на хвосте после возвращения из «розы» не повисла какая-нибудь из спецконтор?

– Обижаете, – буркнул Василий, – мы не дилетанты. Ищите похитителей дочери среди своих врагов и друзей.

– Почему вы считаете, что ее похитили?

– Она слишком много знает... особенно о реальном положении вещей. Могу предположить самое худшее: она у Германа. Попробуйте выйти на него. А мы начнем поиск по своим каналам.

Молчание в трубке.

– Появится информация – звоните.

– Вы тоже.

Василий выключил телефон, покосился на Стаса, не сводящего с него взгляда.

– Ну, что?!

– Она исчезла. Охранники тоже. Скорее всего ее действительно похитили, но зацепок никаких.

Стас отбросил вилку, повернулся к двери.

– Я побежал...

– Стоять! – Василий сжал его плечо железными пальцами. – Бежать никуда не надо, надо думать. Никогда не позволяй языку и ногам опережать твою мысль. – Котов-старший набрал номер, дождался соединения. – Вахид, у нас проблема. Исчезла Мария. Приедешь? Хорошо, ждем.

Василий бросил телефон на стол.

– Пока он едет, давай помозгуем, кому выгоден перехват Марии.

– По-моему, мозговать не о чем, только Рыкову. Он знает о тхабсе, наверняка догадывается о наших походах в «розу», о моих встречах с Марией.

– Но, захватывая дочь Юрьева, он неизбежно вступает с ним в конфликт, а кардинал Союза – не рядовой Посвященный.

– Значит, он уверен, что справится с ним. Вы же сами говорили, что Рыков – авеша Монарха.

– Резонно. Но если Герман пошел на... – Василий не закончил, снова зазвонил телефон.

Котовы переглянулись. Василий хмыкнул.

– Что-то сегодня телефон возбудился... Слушаю.

– Доброе утро, комиссар, – раздался в трубке характерный горловой голос Бабуу-Сэнгэ. – Надеюсь, оно сегодня у вас доброе?

– Не совсем, – сказал Василий, настораживаясь. – Исчезла дочь Юрьева, Мария, и мы предполагаем, что ее похитили люди Рыкова.

Координатор помолчал.

– Это вполне допустимо. Герман Довлатович открыто встал на путь отступничества. Сегодня он во время ментального сеанса большого Схода отсоединил свой эгрегор от общего, в результате чего погиб куратор Союзов Хуан Креспо.

– Рыков... предал Союз?!

– Очень емкая и верная формулировка, но не Союз – Круг.

– Но ведь ему грозит отречение...

– Со стороны Круга ему уже ничто не грозит, многие старейшины и патриархи Посвящения убиты, мистериат Посвящений распался, Круг под угрозой полного уничтожения. Каждый Посвященный теперь, по сути, предоставлен самому себе, каждый сам за себя. Принцип «один за всех, все за одного» перестал работать. Спасти Круг можете только вы.

Василий тряхнул головой, пробормотал:

– Не преувеличивайте... если уж Сход не решил проблему выживания Круга, то «чистилище» тем более не в состоянии это сделать... с командой Германа в тылу.

– И все же вы единственные из всех боевых подразделений, кто сможет остановить ликвидатора.

– Вы его вычислили?

– Да. Это министр МВД.

– Дятлов?! Ликвидатор?! Не может быть! Каким образом он контролирует все страны?

– Еще не знаю. Но это так. Артур Емельянович Дятлов – ликвидатор. Именно поэтому Внутренний Круг России понес наибольшие потери. Проанализируйте ситуацию в стране и поймете, что иначе объяснить происходящее нельзя. Если не верите мне, поговорите с другими кардиналами, с Юрьевым, Грушиным,

Мурашовым. Когда будете готовы к диалогу и сотрудничеству, позвоните мне в гостиницу.

Голос Бабуу-Сэнгэ пропал. Василий подержал трубку телефона возле уха, опустил и посмотрел на Стаса, в глазах которого стоял мучительный вопрос и тлея жажда действия.

– Кто звонил?

– Координатор Союза Девяти. Они вычислили все-таки ликвидатора, это министр внутренних дел Дятлов.

Стас недоверчиво покачал головой, подумал, снова покачал.

– Мне почему-то кажется, что это неправда. Российский министр не имеет возможности контролировать процесс уничтожения Круга во всех странах мира. Для этого нужен более свободный и влиятельный оператор. Дятлов же может быть лишь эмиссаром ликвидатора в России.

– Я тоже удивлен заявлением Бабуу, но какой ему смысл вводить нас в заблуждение?

– Прямой. Уничтожив Дятлова, «чистилище» даст возможность координатору восстановить свое бывшее влияние на социум, погибнет само – перестанет быть опасной, неподчиняющейся, конкурирующей структурой.

Василий с мрачным удовлетворением окинул взглядом порозовевшее лицо ученика, хлопнул его по плечу.

– Растешь, воин. Логика в твоих словах почти безупречна. Ну а кто, по-твоему, тогда ликвидатор?

– Не знаю, – вздохнул Стас с сожалением, – по идее это должен быть человек, свободно пересекающий границы государств, может быть, даже авеша иерарха. – Стас подумал. – Или совсем не человек.

– А кто? Или что?

– Не знаю. Надо спросить у Марии, она оценит информацию быстрее.

– Тут ты прав, осталось только выяснить, где она. Не переживай, сейчас придет Вахид, втроем мы взломаем блоки компьютерных сетей и пошарим по секретным кладовым спецслужб. Не может быть, чтобы не нашлось каких-либо следов.

Стас кивнул, помедлил и вышел из кухни. Василий смотрел ему вслед с угрюмой озабоченностью и сомнением, не веря в глубине души, что проблеме исчезновения девушки удастся решить просто. И в

это время телефон зазвонил в четвертый раз. Посмотрев на него, как на мину замедленного действия, Василий осторожно поднес его к уху, жестом остановив примчавшегося на звонок Стаса.

– Котов? – раздался в трубке шелестящий голос Рыкова. – У меня есть то, что нужно вам, у вас то, что необходимо мне. Предлагаю обмен.

– Мария у тебя? – глухо спросил Василий.

– У меня. Мне нужен тхабс.

– Это не вещь, которую можно передать.

– Я найду способ его овецествления. На размышления даю один день. Потом начинаю допрашивать девушку. Вы знаете, где меня можно найти.

Связь прервалась.

Василий выругался, раздавил трубку в кулаке, озабоченно глянул на свою руку, перевел взгляд на Стаса и ответил на его немой вопрос:

– Она у Рыкова.

– Я знал, что она у него! Что он хочет?

– Тхабс. – Василий усмехнулся. – Ни много, ни мало.

– Но ведь его нельзя обменять, как вещь...

– Он уверяет, что можно.

– Ну и что мы будем делать?

Тихо звякнул дверной звонок. Василий сжал руку Стаса, направился из кухни в прихожую.

– Пойдем, это Вахид. Будем размышлять. Время у нас еще есть.

Глава 28

ПРИКАЗАНО УБИТЬ ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ

Известие о похищении Марии Рыковым отозвалось в душе Самандара неожиданно сильно, чему он даже удивился, – почти так же сильно, как и исчезновение десять лет назад Ульяны Митиной. Несмотря на свою активную деятельность на поприще «восстановления справедливости» – возродив «чистилище», Вахид Тожиевич как бы доказал самому себе, что способен на многое, – он что-то потерял с уходом Ульяны, какой-то внутренний стержень, заставлявший его обособляться, идти своим Путем. Именно поэтому он и вышел на Балueva-Котова, бессознательно ища поддержки, а потом уж и вовсе уступив ему инициативу в составлении планов «чистилища», пока не понял, что завидует Василию. Завидует не его энергии и воинскому мастерству, а характеру, независимому, но легкому и удачливому, способному на высокую душевную отдачу, что, очевидно, и повлияло в свое время на Ульяну, внезапно обратившую внимание на ганфайтера, еще только мечтавшего о Пути в Круг.

До конфликта, однако, дело не дошло. Ульяна исчезла. Но тенью продолжала стоять между Самандаром и Василием, претендующими на ее ответные чувства.

Чем занимался Котов в редких перерывах между акциями «чистилища», Вахид Тожиевич особо не интересовался, сам же он увлекся познанием тайн человеческой истории, не без оснований полагая, что процесс познания тоже своего рода сексуальное постижение бытия. Сексуальное в том смысле, что его конечная цель – сохранение рода человеческого и распространение его во Вселенной. Вахид Тожиевич не помнил, кто сказал, что познание – вторая разновидность любви, но был с ним полностью согласен. Поэтому в связи с отдачей научному поиску всего свободного времени интерес его к женскому полу несколько увял.

Тем сильнее подействовало на него происшедшее с Марией Юрьевой. Похищение совершенно посторонней на первый взгляд

девицы заставило его встряхнуться и по-новому оценить свое отношение к женщинам, а также участие в «масонской» организации Круга. От него многое зависело в сложившейся ситуации, а с распадом Союза Неизвестных он мог и вообще достичь высот влияния на реальность, о которых только можно было мечтать. Если бы удалось уничтожить ликвидатора, перед Самандаром открылись бы заманчивые перспективы стать не только Посвященным II ступени, но и кардиналом (а то и координатором!) нового Союза. Ради этого стоило поучаствовать в вызволении дочери действующего кардинала. Но на пути к этой захватывающей дух цели стоял еще один кардинал – Герман Довлатович Рыков, и Вахид Тожиевич взялся за идею сокрушения его власти со всем усердием и желанием. Похищение девушки оказалось как бы последней каплей в чаше терпения директора МИЦБИ, возбудившей в его душе волну гнева и жажды власти.

У Котовых он пробыл всего полтора часа.

Втроем они попытались взломать защиту компьютерной сети МВД, сообразили, что она магически закрыта «печатью отталкивания», снять которую оказалось невозможно, и договорились о взаимодействии по варианту спецопераций контрразведки. И у Котова, и у Самандара имелись свои закрытые каналы сбора информации, которые надо было активировать, и Вахид Тожиевич поспешил к себе в центр, где из кабинета мог руководить любыми секретными делами «чистилища», не боясь прослушивания и слежки спецслужб. Кабинет был защищен не хуже, чем подобные служебные помещения ФСБ.

Обычно его на двух машинах сопровождали четверо телохранителей личного мейдера, возглавляемого профессионалом высокого класса, бывшим генералом службы безопасности Бакановым, подавшим в отставку после известных событий с похищением партии сверхсовременного оружия. Но при выезде на Краснопресненскую набережную Вахид Тожиевич заметил еще одну следовавшую за ними машину и насторожился. Последние события показали, что ликвидатор занялся своим непосредственным делом всерьез и мочил всех Посвященных без разбора. Учитывать его возможности теперь надо было всегда. К тому же не стоило сбрасывать со счета и киллеров

Рыкова, объявившего войну «чистилищу». Поэтому Вахид Тожиевич решил перестраховаться.

– Шохор, серую «девятку» сзади видите?

– Видим, – донесла рация ответ Юры Шохора, старшего группы реагирования, следующего в последней машине.

– Сделайте ей хансоку^[39]!

– Я уже заметил, что она не отстает, и дал кое-какие указания. Не обращайтесь на нас внимания, двигайтесь с той же скоростью.

Машина с Шохором и его напарником отстала, потом свернула под мостом налево, исчезла. Первая машина с подчиненными Шохора перестроилась в другой ряд, чуть-чуть приотстала и вдруг вывернула, подсекая идущую по другой полосе серую «девятку».

Водитель «Жигулей» резко взял влево... и напоролся на неведомо откуда выскочившую «Тойоту» Шохора. Раздались визг тормозов, удар, вой сигналов, еще несколько ударов, и движение застопорилось по всей набережной. «Фольксваген» Самандара и неповрежденная машина сопровождения продолжали свой путь к месту назначения. А через несколько минут их встретила еще одна машина мейдера, зеленая «Ауди», мигнула фарами.

– Все в порядке, Вахид Тожиевич, – раздался в наушнике рации энергичный голос Шохора, – мы их стряхнули. Сзади и спереди все чисто.

– Узнали, кому принадлежала «девятка»?

– Скорее всего милиции, дежурный уточняет.

– О'кей, – коротко бросил Самандар. В опыте своих телохранителей он не сомневался. Мысли его вновь вернулись к Ульяне, к оценке своего отношения к ней. Да, он больше думал о себе, о своих успехах и неудачах, о работе, увлеченно играл в игры Посвященных, чувствуя себя не таким, как все люди, и не хотел менять образ жизни, в котором почти не было места любимой женщине. Да, он мало думал о ней, не разделял ее увлечений и не понимал ее интереса к простым смертным. Но почему же ему стало так больно, когда она исчезла? Почему еще и сейчас, спустя десять лет после перехода Соболевым и его спутниками границы реальности, сердце замирает, когда перед глазами встает ее образ?..

Машина свернула к зданию МИЦБИ, заняла свое обычное место на стоянке, где уже стояла «Ауди» Шохора. Самандар вышел и

последовал за двумя телохранителями, в то время как еще двое пристраивались сзади. Все было как всегда. Но чувства Вахида Тожиевича оказались в растрепанном состоянии и не позволили ему вовремя ощутить запах опасности. Да и успешная нейтрализация преследователей подействовала слишком успокаивающе. Что атмосфера центра не соответствует его понятию «нормальной психосферы», он понял уже внутри здания, когда увидел в холле слишком много деловых людей.

Вероятно, лучшим вариантом действий в складывающейся ситуации был бы вариант отступления, но интуиция подсказывала Самандару, что отступать некуда, следует принимать разработанный кем-то сценарий игры, и Вахид Тожиевич спокойно направился по лестнице на свой этаж, отмечая тихую, незаметную неопытному глазу оперативную суету, начавшуюся в холле. По этой суете можно было почти с уверенностью сказать, что за директором МИЦБИ пришла какая-то государственная контора, хорошо знавшая его возможности.

Пискнула в ухе рация.

– Шеф, отмечаю поток внимания. Вызываю подмогу.

– Вызывай, но не суетись, – сквозь зубы процедил Самандар в лацкан костюма, где был укреплен микрофон рации. – В открытую задерживать меня на моей территории они побоятся, знают, на что мы способны. Идем, как шли. «Качать зону» начнете только при прямом нападении.

– Приняли, – вонзился в ухо шепот Юры.

В коридоре на третьем этаже у входа в приемную директора стояли двое пожилых джентльменов в хороших костюмах, но чувства Вахида Тожиевича, перешедшего в состояние ментального озарения, уже перестали быть чувствами обыкновенного человека, и он сразу ощутил злую силу пожилых джентльменов.

Не обращая, однако, на них внимания, Самандар проследовал за своими телохранителями в приемную, одного взгляда оказалось достаточно, чтобы оценить обстановку.

Секретарь директора, корректный и милый Валера Зеленев, ничего, конечно, не видел необычного в посетителях, ожидающих появления босса, но Самандару ничего не стоило увидеть каждого. После чего он вздохнул с некоторым облегчением: его ждали, но люди ликвидатора так себя не вели бы.

Посетителей было шестеро: трое молодых людей в джинсах и кроссовках, играющих роль студентов, девушка с отличной фигурой гимнастки (судя по свободной позе – специалист комбы) и еще двое джентльменов среднего возраста в костюмах клерков: худой, щуплый мужчина в очках с лицом обремененного заботами многодетного отца и громадный, как шкаф, гуманоид с пудовыми кулаками и литыми плечами борца-тяжеловеса, в котором Вахид Тожиевич с удивлением узнал начальника Московского уголовного розыска генерала Синельникова.

Движение в приемной прекратилось.

Телохранители Самандара могли начать «бузу» в любой момент и ждали только сигнала шефа – жеста или взгляда. То же самое переживали оперативники Синельникова. Несколько мгновений генерал и Вахид Тожиевич смотрели друг другу в глаза, потом Самандар в полной тишине пересек ставшую тесной приемную, распахнул дверь и поклонился:

– Заходите, Александр Викторович.

Генерал усмехнулся, шагнул в кабинет, за ним было двинулись очкарик и девица, но Самандар глянул на них сверкнувшими глазами, так что те споткнулись, останавливаясь, и сухо сказал голосом Мюллера из «Семнадцати мгновений весны»:

– А вас я попрошу остаться.

– Что случилось, Александр Викторович? – сказал он спокойно, указывая на стулья у стола. – Присаживайтесь. Это не вашу ли «девятку» тормознули мои ребята у Кутузовского моста?

– Неплохо работают, надо признаться.

– Профи, что с них взять. А у вас есть ордер? Приказ на задержание?

– Приказ министра, – хмыкнул Синельников, останавливаясь посреди кабинета и с любопытством оглядывая стеклянные шкафы и ковры на стенах, увешанные холодным оружием. – Красиво живете, Вахид Тожиевич. Я слышал о вашей коллекции, но вижу впервые в жизни. Как вам удалось ее собрать? Ведь это, наверное, стоит немалых денег?

– Это стоит денег.

Синельников подошел к коври с коллекцией мечей, потрогал рукоять одного из них.

– Настоящий? Как называется?

– Ягдшвертер, немецкий охотничий меч. А в чем меня обвиняют, генерал? И могу ли я позвонить своему адвокату?

– Разве вы еще не позвонили? – повернулся к хозяину кабинета начальник МУРа, подождал ответа и, так как его не последовало, продолжал: – Господин президент Международного исследовательского центра боевых искусств, вам инкриминируется создание и участие в деятельности террористической организации, известной под названиями ККК и «чистилище».

Самандар остался невозмутим.

– Отрицать будете?

– Нет.

– Я так и думал. – Синельников потерял живость, сгорбился, помрачнел, прошелся по кабинету вдоль шкафов, покосился на спортивный уголок кабинета с приспособлениями для тренировок, остановился у стола, разглядывая над ним висящую на стене циновку с вычурным крестом сложного и гармоничного рисунка. – Вахид Тожиевич, министр предоставил мне досье на вас, где чуть ли не по минутам расписаны ваши бандлики и где отмечается степень вашего личного участия в них. Сфабриковать такое невозможно, я профессионал и понимаю в этом толк, к тому же кое-что проверил. Единственное, чего я не понимаю, как эти материалы попали к министру, минуя нас. А вы не догадываетесь случайно?

Самандар догадывался. С сосущим холодком в груди он понял, что ликвидатор добрался-таки до него, через эмиссара – министра внутренних дел, но добрался, умело организовав цепочку воздействия. Приходилось констатировать, что прогнозы Котова подтверждались. Реагировать на угрозу надо было раньше.

– Ясно, – кивнул Синельников с сочувствием. – Не догадываетесь. Хотя какое это имеет значение. Хочу предупредить, Вахид Тожиевич: здание окружено моими людьми. Я наслышан о ваших достижениях, вы мастер боя и все такое прочее, но лучше бы нам договориться без эксцессов. Сопротивляться будете? Демонстрировать... как это по-японски? Нэ-вадза^[40]?

– Не буду. Но позвольте и мне дать вам совет. Ваш министр – очень плохой человек. Очень! Возможно, он даже не совсем человек.

– А кто же? – с иронией посмотрел на хозяина генерал.

– В скором будущем вы сами убедитесь в этом. Сторонитесь его, держитесь подальше и не спешите выполнять его приказы. А теперь идемте.

– Погодите. – Генерал потер лоб могучей ладонью. – Какой-то вы слишком спокойный, мне это не нравится. Но кое-что не нравится больше. Есть одна закавыка в этом деле, которая меня сильно смущает. Министр поставил задачу... ликвидировать вас при задержании, так сказать, при попытке сопротивления и бегства. И я до сих пор ломаю голову – почему? Чем вы ему так насолили?

– Не ломайте голову, Александр Викторович. Все очень просто. Вы ведь знаете о существовании «К-реестра», посланного «чистилищем» в сети МВД и ФСБ?

– Я его читал. Там нет фамилии Дятлова.

– Зато есть другие фамилии: вице-премьеров, чиновников из администрации президента, депутатов... самого премьер-министра... Этого достаточно, чтобы вынести смертный приговор кому угодно. А я всего лишь президент Международного центра боевых искусств.

– Шарман, – пробормотал Синельников. – Вы замахнулись на таких деятелей, что подумать – и то страшно!

– Поверьте мне, генерал, есть более влиятельные люди в нашем отечестве, и вот их-то опасаться стоит больше. Разрешите все-таки мне позвонить.

– Без церемоний. Откуда у вас убеждение, что министр – «очень плохой человек»?

– А разве хороший человек даст приказ уничтожить подозреваемого при попытке к бегству?

Синельников не нашелся, что ответить.

Самандар набрал номер Котовых.

– За мной пришли.

– Кто? – коротко осведомился Василий.

– МУР, по приказу Дятлова.

– Уйти можешь?

– Пока могу.

– Ребята Вени Соколова неподалеку, они подстрахуют, если что.

– Хорошо. – Самандар положил трубку. – Я готов.

– А кому это вы звонили, если не секрет? Комиссару, Котову? Он второй в моем списке.

Вахид Тожиевич внимательно оглядел широкое сильное лицо генерала, заглянул в его глаза с хитринкой, снова набрал тот же номер и сказал всего одно слово:

– О-эру^[41].

На языке «чистильщиков» это означало немедленную остановку всех операций, смену квартир и явок и «нырок на дно», то есть свертку всей системы жизнедеятельности организации.

– Вы на что-то надеетесь, – полувопросительно сказал Синельников.

– На счастливый случай, – позволил себе улыбнуться Самандар.

Генерал с сомнением посмотрел на его непроницаемое лицо, перевел взгляд на стену с циновкой над столом.

– Все не решаюсь спросить: что это за крест? Иероглиф? Символ?

– Хэ Ту, – сказал Самандар. – Графическое изображение китайского варианта магического креста.

– И что оно обозначает?

– Базовое понятие основы Мироздания. Символ Знаний Бездн.

– Чего? Каких знаний?

Самандар знал, что генерал не примет его объяснений, и промолчал. Синельников еще некоторое время поразглядывал крест, хмыкнул и повернулся к двери.

– Пойдемте, Вахид Тожиевич.

– А как вы намереваетесь выполнять приказ министра? – спросил Самандар, не двигаясь с места.

– Никак, – не обернулся генерал.

– Совет не забыли?

– У меня хорошая память.

Они вышли из кабинета.

– Отбой варианту «зеро», – буркнул Синельников. – Он поедет со мной.

– Но у нас приказ ми... – заикнулся было худосочный начальник оперативно-розыскной бригады полковник Агапов.

– Отбой, я сказал! – Синельников прошествовал через приемную, как дреднот, поднимая «волну» суеты среди «кораблей сопровождения». Агапов бросил на Самандара странный вороватый взгляд, и Вахид Тожиевич смекнул, что у зама начальника МУРа могут быть свои соображения и расчеты по поводу приказа министра.

Поэтому он не дал отбоя своим телохранителям, как намеревался, а показал Шохору и появившемуся в приемной Баканову согнутый указательный палец, что означало: будьте наготове и следуйте за мной.

В таком порядке они и вышли из здания МИЦБИ: впереди Синельников, за ним Самандар, потом Агапов с девицей и двумя джентльменами сопровождения и последними телохранители Вахида Тожиевича, рассредоточиваясь на ходу.

Действовать люди Агапова, с которыми он перемолвился парой фраз, начали, когда процессия подошла к стоянке автомашин: якобы выполняя охранные мероприятия, джентльмены отстали и остановили ребят Шохора, явно предполагая вызвать их ответные действия.

Агапов просчитал все верно: стычка работников двух профессионально-военных контор была неизбежна, а в перестрелке должен был погибнуть и объект задержания. Но и Самандар умел мгновенно анализировать ситуацию, и шеф его охраны Баканов, и кое-кто еще, кого Агапов в расчет не брал, потому что не знал, с кем имеет дело. Поэтому события начали развиваться сразу в нескольких планах одновременно и совсем не так, как предполагали разработчики операции.

Глава 29

ПРИ ПОПЫТКЕ К БЕГСТВУ

– Возьми меня с собой, – сказал Стас.

– Нет! – отрезал Василий, сбрасывая футболку и накидывая голубой джинсовый жилет с кармашками, в которых прятались метательные иглы и звезды. Звонок Самандара, в общем-то, не застал его врасплох. Подспудно он ждал каких-то действий ликвидатора, надеясь засечь начало подготовки к операции уничтожения, но все казалось, что время еще есть.

– Я не помешаю, – в спину уходящему учителю сказал Стас. – Сам же говорил: пора подключать меня к оперативной работе команды.

Василий снова хотел ответить отказом, но, оглянувшись, встретил обиженно-умоляющий взгляд ученика и передумал.

– Держись в кильватере. Будешь делать только то, что я скажу.

Обрадованный Стас переоделся в мгновение ока, догнал дядю уже во дворе с длинным свертком, в котором лежал в ножнах синкэн-гата.

– Вот, взял на всякий случай.

Василий промолчал, сядя за руль «Фиата». Он уже связался с Веней Соколовым и примерно представлял расстановку сил. Обнадеживало то, что за Самандаром пришли не киллеры Дятлова, а оперативники МУРа во главе с его начальником. Если Синельников не зомбирован, шанс у Вахида освободиться есть, надо лишь подгадать момент.

К зданию МИЦБИ они подъехали через двадцать минут после звонка Самандара, побив все рекорды нарушений правил дорожного движения, и успели вовремя, чтобы увидеть начало операции полковника Агапова. Именно он был запрограммирован ликвидатором, как впоследствии оказалось, терять ему было нечего.

Здесь уместно будет описать общую диспозицию сил двух спецслужб: Московского уголовного розыска и «чистилища». Последнее вполне можно было называть спецслужбой, пользующейся теми же методами, что и официальные государственные спецслужбы, разве что более высокоорганизованной.

Международный исследовательский центр боевых искусств располагал четырьмя собственными зданиями возле речного порта в районе Нагатинской поймы: пятиэтажным административно-учебным корпусом, трехэтажным научно-исследовательским и двумя спортзалами, образующими своеобразный городок на берегу Москвы-реки. Административно-учебный корпус выходил фасадом на Проектируемый проезд (сколько себя помнили работники центра, они не переставали удивляться «фантазии» чиновников, давших проезду такое название, хотя в столице можно найти и более шизофренические) и был отгорожен от него декоративной металлической решеткой с воротами и калиткой для прохода на территорию центра. Напротив здания проезд расширялся и превращался в автостоянку, окруженную с двух сторон тополино-березовой рощицей; с третьей стороны к автостоянке примыкали низкие корпуса какого-то склада и хоздвор порта, но вида не портили, были скрыты деревьями. Жилые дома начинались от этого места метрах в семидесяти – четыре пятиэтажки горбачевской постройки, унылые и безликие, как кирпичи. Вот и весь пейзаж. Реку и порт можно было увидеть лишь из окон пятого этажа административного корпуса, из кабинета директора они были не видны.

Оперативники МУРа в количестве двадцати пяти человек, вооруженные табельными «волками», оцепили здание администрации, перекрыли подъезд к нему и блокировали стоянку, довольно умело сворачивая порядки по мере отступления к машинам, но они предусмотрели далеко не все варианты развития событий, не перекрыли предполагаемые пути отхода задерживаемого объекта и не выяснили дислокацию наблюдателей и охраны центра, что впоследствии сказалось на результатах операции, начатой полковником Агаповым вопреки приказу начальника МУРа.

Первыми стартовали джентльмены, сопровождавшие Агапова, резко остановив парней Юры Шохора. Не получившие приказа повиноваться чужим, те отреагировали соответствующим образом: двое скрутили руки джентльменам (командиру и старшине взвода муровского спецназа), удерживая их на месте, двое их обошли, продолжая идти за Самандаром. Почти одновременно с этим эпизодом в дело вступили девица, выхватившая пистолет из сумочки, и сам полковник Агапов, сделавший то же самое и выстреливший идущему

впереди директору МИЦБИ в спину. Но за долю секунды до этого момента Вахид Тожиевич ушел с линии огня, а снайпер команды Баканова, бывший диверсант из отряда «летучих мышей» ГРУ Паша Корнеев, спустил курок своего «винтореза».

Пуля, выпущенная Агаповым, попала Синельникову в мощную спину, защищенную, к счастью, бронежилетом. Пуля «винтореза» вышибла пистолет из руки Агапова, ломая ему пальцы.

Девуцу обезвредил Юра Шохор, великолепный мастер боевого самбо, знавший толк в приемах «кратчайшего поражения». Он просто сломал руку девушке ударом «лапа медведя», подхватывая пистолет и направляя его на полковника. Наступила томительная пауза, грозящая перейти в открытый огневой контакт двух противоборствующих сторон. Разрядил ее Синельников, рывкнув:

– Отставить стрельбу, вашу мать!

И в этот момент Самандар вошел в темп и выпал из поля зрения генерала и его сотрудников. Только Василий со Стасом, готовые вмешаться в любой момент, видели, как Вахид Тожиевич за несколько секунд промчался вдоль шеренги машин, обогнул серый барак склада и исчез за деревьями. Паника среди муровцев началась мгновением позже.

– Поехали, пока нас не заметили, – сказал Василий сам себе, сдавая «Фиат» задом и разворачиваясь.

– А как же Вахид Тожиевич? – спросил Стас, неотрывно глядя назад.

– Он сам нас найдет. Но, судя по всему, нам придется-таки уйти в подполье. Господин Дятлов в покое не оставит.

Машина выехала на Судостроительную улицу. Внезапно Василий почувствовал озноб и странное внутреннее беспокойство, глянул на Стаса и встретил его вопросительный взгляд. Притормозил, потом и вовсе остановился.

– Или я не прав, или одно из двух...

– Флюиды, – сказал Стас. – Кто-то висит над нами...

– Веня, – позвал Василий, включая рацию, – у нас веселое чувство, что за нами «хвост».

– В пределах видимости никого не наблюдаем, – отозвался командир мейдера. – Езжайте потихоньку, мы проконтролируем и предупредим, если что.

Машина снова покатилаь вперед, к проспекту Андропова, миновала школу, церковь, ряд магазинов. Чувство неловкости не проходило. Становилось ясно, что ведут не простые люди, а владеющие экстрасенсорикой.

– Вы правы, босс, – доложила рация. – Мы вычислили одну супертачку – «Линкольн-Таункар». Идет в километре как привязанная. Но это не наши коллеги из родственной конторы. Эсбэшники и милиция так не работают.

– Скорее всего это Рыков, – тихо сказал Стас.

Василий покачал головой.

– Ему незачем отслеживать нас лично. Мария у него, он знает, что мы сами к нему придем.

– Тогда кто это?

– Веня, попробуйте стряхнуть его, – сказал Василий. – Без стрельбы. Почувствуете что-нибудь – уходите.

– Что почувствуем?

– Ну, что-нибудь эдакое... – Вася поискал нужные слова, понимая, что Соколов не поймет объяснений, – необычное, странное, давление на психику, всякие видения, мистику, в общем.

– Понял, – после паузы ответил озадаченный Соколов.

Василий представил его лицо, усмехнулся. Вряд ли бывший капитан-«афганец» понимал на самом деле, о чем шла речь.

Через полчаса они пересекли центр у Манежа, и Веня доложил, что «Линкольн» цвета «мокрый асфальт» отстал. Но улучшить настроение Василия и Стаса это сообщение не могло.

Оба понимали, что кто-то видит их в ментальном плане и наблюдает издали, оценивая, как они себя ведут, как охраняются и подстраховываются. И еще падению настроения способствовал наезд на Самандара команды Дятлова. Пока он занимал пост министра, у «чистилища» не было возможности продолжать свою деятельность в прежних объемах.

– Что будем делать, дядь Вась? – негромко спросил Стас.

– Работать, – угрюмо и твердо проговорил Котов-старший. – Искать выход на Дятлова, вызволять Марию.

– Как?

– Соберем команду Посвященных: Юрьева, Грушина, самого координатора... Без их помощи не обойтись.

– Ты думаешь, они согласятся помочь?

– У них нет другого выхода.

– А я?

– Найдется и для тебя работа. – Василий похлопал Стаса по плечу и вылез из машины.

В квартире их ждал Вахид Тожиевич Самандар.

Глава 30

ПУТИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

Сначала Василий позвонил Юрьеву.

Кардинал Союза Девяти сразу понял общую идею и согласился принять участие в акции против Рыкова, который не побоялся объявить ему войну похищением дочери.

– Но с Бабуу и остальными договаривайтесь сами, Василий Никифорович, – добавил он. – Без них или с ними, мы все равно пойдем к Герману за Машкой. Я уже предпринял кое-какие меры и пытаюсь определить, где он держит дочку. Сообщу, как только выясню.

Василий хотел было поделиться с ним своими планами на вечер, но передумал. Все зависело от участия в них других кардиналов Союза. Тогда он позвонил Бабуу-Сэнгэ.

– Да, я слышал о похищении, – ответил координатор, – и согласен помочь, но не уверен, что мне удастся уговорить Петра Адамовича и Виктора Викторовича.

– Попробуйте, настоятель, – сказал Вася неласково. – От того, как успешно мы проведем операцию по спасению дочери Юрия Венедиктовича, будет зависеть и успех операции по гашению Дятлова.

– Я вам позвоню, – не стал оспаривать высказанный тезис Бабуу-Сэнгэ, выключая связь.

Василий посмотрел на часы: до назначенного Рыковым срока оставалось еще шесть часов с минутами, – оглянулся на Стаса, ходившего за ним по пятам, как ниточка за иголкой, пересилил раздражение.

– Потренируйся с мечом, пока я буду работать с компом. А лучше собери свои вещи в сумку, сюда мы скорее всего не вернемся.

Стас молча вышел из спальни. Василий сочувственно посмотрел ему вслед: парень маялся от бездействия, но изредка подавал дельные идеи, голова у него работала. Так, идея – отвлечь Рыкова с помощью Бабуу-Сэнгэ, а самым в это время напасть на схрон, где кардинал прячет Марию, – была его. Оставалось только определить координаты этого схрона.

Размышляя над этим, Василий включил компьютер и вдруг ощутил такое липко-холодное прикосновение к голове «мерзкой лягушачьей лапы», такой пронизывающий все тело ветер, что в ужасе зашлось сердце. Уже понимая, что компьютер получил «душу», то есть проекцию какого-то многореального существа – иерарха, а то и Монарха Тьмы, Василий попытался выключить его, но руки не повиновались, тело оказалось парализованным, а в голову явственно начала вливаться чужая, ломающая психику и волю, сила.

На мгновение яростным всплеском воли он отбил ментальную атаку, заставил агрессора, сидящего в цепях компьютера, отступить в удивлении, но силы были слишком неравными, Василий снова начал тонуть в страшном водопаде чужой, невыразимо холодной, равнодушной и смертельно опасной воли.

«Кто ты?!» – мысленно вскрикнул он и получил ответ:

«Тот, кого вы назвали ликвидатором: Истребитель Закона. Мне нужен исполнитель. Ты подходишь. Не сопротивляйся».

«Пошел ты!..»

«Я не могу никуда пойти, – педантично заметил сидящий в компьютере. – Ты мне мешаешь, не дергайся, иначе я выжгу тебе сознание».

Василию удалось перепрыгнуть на другую частоту психического состояния и задержаться на поверхности сознания.

«Зачем ты уничтожаешь Посвященных Круга? Кто тебя послал?»

«Круг должен быть реорганизован, он перестал выполнять свои изначальные функции коллективного хранителя знаний. Вопрос: кто меня послал, – некорректен. В этой реальности будет один господин – я!»

«Значит, ты решил сам стать регулятором реальности? Не много ли на себя берешь, Истребитель? Твоя самостоятельность может не понравиться хозяину, Монарху».

«Аморф Конкере не мой хозяин. И я сам хозяин своей воли».

«Ну, так вот: я тоже!»

«Ты слишком слаб, человек, чтобы бороться со мной на равных. Я победил Сход Круга, и теперь закон – это я! Если я уничтожу Хранителей, реальность обретет одного-единственного покровителя и корректора».

«Если бы у бабушки был член, она бы дедушкой была!» – презрительно бросил Василий.

«Бабушка, как особа женского пола, не может стать особой мужского пола, – не понял насмешки Истребитель. – Итак, что ты выбираешь, идущий? Путь подчинения или путь небытия?»

«Пошел ты!..» – снова бросил Василий и, чувствуя, что сил сдерживать пси-натиск ликвидатора больше нет, простонал сквозь неповинующееся горло:

– Стас!

Котов появился в спальне с синкэн-гата в руке, словно ждал за дверью. Он тоже почувствовал колебания ментального поля и, встревоженный, уже шел к дяде спросить, что происходит. Одного взгляда ему оказалось достаточно, чтобы понять происходящее. И хотя внедрившийся в компьютер Истребитель попытался и его подчинить своей воле, остановить Стаса ему не удалось.

Прыжок, взмах меча, удар!

Чемодан процессора с визгом и треском разлетелся на тысячу льдисто сверкнувших осколков. Затем взорвался дисплей, высветив предварительно черный на алом фоне иероглиф матига-и^[42].

Взрывная волна опрокинула стул вместе с Василием, истыкав его лицо осколками экрана. Стас не пострадал, защищенный силой синкэн-гата.

– Что это было? – спросил он, ошеломленный случившимся.

– Не что, а кто, – прохрипел Василий, повозился на полу, сел, потрогал окровавленное лицо. – Черт! Надо же, как не повезло.

– Черт?!

– Да нет, я имел в виду порезы... – Василий посмотрел на себя в зеркало, покачал головой и пошел в ванную комнату, где принялся вытаскивать из кожи стекла. – Это был ликвидатор.

– Ликвидатор?! Как это? – Стас объявился на пороге ванной со своим «штрих-мечом» в руке. – Как он нашел адрес нашего компа?

– Ему не надо искать адрес и взламывать пароли, он сам сидит в компьютерной сети. Именно поэтому мы не можем проникнуть в сети спецслужб.

– Не может быть!

Василий скривился, бледный до синевы. Закончил вытаскивать стеклянные занозы, поблагодарив Бога за то, что они не попали в глаза,

смыл кровь и за минуту вылечил ранки, затянувшиеся чистой кожей. Посмотрел на ошеломленного Стаса, взгляд которого выдавал все, о чем он думает, улыбнулся.

– Такие вот пироги, студент. Хорошо, что ты вовремя его порубал. Если я прав, – а я уверен в этом, – ликвидатора уничтожить невозможно. Во всяком случае, я не вижу способа, с помощью которого можно нейтрализовать поле сознания, объединяющее все компьютерные сети Земли.

– Выключить компьютеры, – машинально посоветовал все еще не пришедший в себя Стас.

– Разве что. Только кто нам поверит и даст это сделать, мой друг? А без компов нам будет очень трудно реализовать замыслы.

– Ликвидатор – в сети! – дошло наконец до Стаса окончательно. – Контролирует все компьютерные базы! Кошмар! Он же везде!

Василий кивнул. Подумав, сунул голову под холодную воду, вытерся полотенцем, уже не такой бледный, как минутой раньше.

– Ничего, прорвемся. Он пытался меня купить или сломать, но не смог, значит, не всесилен, как ему кажется, и невероятно тщеславен! В этом наш шанс: тщеславные личности, как правило, чаще других совершают ошибки.

– Но ведь Бабуу... координатор Союза... уверяет, что ликвидатор – министр внутренних дел.

– Дятлов – эмиссар ликвидатора, это было ясно и до того. А вот зачем координатору скармливать нам ложную информацию, надо подумать. Как говорят в армии: голова у солдата, чтобы думать, а мозги – чтобы соображать. Будем соображать.

Стас несмело улыбнулся.

В прихожей заиграл на три ноты входной звонок. Котовы переглянулись, Василий прислушался к себе и пошел открывать. Пришел Самандар.

* * *

Бабуу-Сэнгэ тоже достаточно сильно зависел от компьютерных сетей и связей, позволяющих ему контролировать исполнение решений

Союза. Отсечение от них, произведенное ликвидатором, сильно ограничило его возможности и оперативный простор, но все же, обладая паранормальными способностями, он имел возможность контактировать с кардиналами и коллегами из других стран без риска прямого перехвата разговора. Если с Юрьевым ему удалось поговорить по обычному, хотя и хорошо защищенному «скремблированному» телефону, то Грушина и Мурашова он «достал» только по каналу ментальной связи.

Петр Адамович Грушин был самым молодым кардиналом и самым горячим. Десять лет назад он предпринял «хождение во власть», то есть создал первый российский прецедент, став премьер-министром. Однако кресло премьера оказалось слишком беспокойным и не столь удобным, как представлялось молодому кардиналу, и, проработав на этом посту три года и не достигнув особых успехов в деле регуляции социума, Петр Адамович снова ушел «в тень» — перебрался в свое старое кресло директора Национального банка, не столь внушительное со стороны, но зато не менее влиятельное.

На предложение Бабуу-Сэнгэ «слегка окоротить» Рыкова он согласился сразу, так как и его беспокоили растущие аппетиты коллеги, замахнувшегося на абсолютную власть в стране. А вот Виктор Викторович Мурашов, бессменный секретарь Совета безопасности на протяжении многих лет, был более осторожен.

«Прежде чем сражаться с Германом, — сказал он, — следовало бы разобраться с ликвидатором. А то мы только ослабляем себя внутренними разборками, вместо того, чтобы консолидироваться. У вас не появилось дополнительной информации по Истребителю?»

«Дополнительной нет, — терпеливо сказал Бабуу-Сэнгэ. — Я знаю то же, что и вы: Истребитель Закона, то есть ликвидатор Круга, — есть носитель чьей-то высшей, нечеловеческой справедливости и морали, программа которого в силу конфликта между иерархами претерпела необратимые изменения, в результате чего он стал уничтожать без разбора всех Посвященных».

«Я тоже считаю, что произошел спонтанный дрейф Закона, который олицетворяет собой Истребитель, но нам от этого не легче. Если мы начнем воевать друг с другом, как иерархи, мы погибнем. Прав был предок: история ничему не учит, а только наказывает за

незнание уроков^[43]. Кстати, почему бы вам не посоветоваться с иерархом, авшей которого вы числитесь?»

«Иерархам не до нас, вы же знаете. И даже архонты не в курсе того, что происходит в нашей реальности. Но я, конечно же, просил помощи экзарха...»

«И?...»

«Он отказал под очень смешным предлогом: борьба с Истребителем – наше внутреннее дело, и если мы не справимся – нам нечего делать в «розе».

«Может быть, он прав?»

«Он прав».

Мурашов помолчал.

«Хорошо, я подумаю. Но после того, что он сделал, Герман вряд ли согласится выслушать нас, он очень изменился и вырос, но самое плохое, что он опирается на свой собственный эгрегор Сверхсистемы».

«Я буду ждать вашего ответа, Виктор Викторович. Если мы не поможем «чистилищу» сейчас, оно не сможет защитить нас в борьбе с ликвидатором».

Канал парасвязи между кардиналом и координатором Союза истончился, растаял. Бабуу-Сэнгэ, сидящий на полу в своем номере гостиницы в позе лотоса, подмасане, подумал, сменил позу на тадасану, позу горы, и вызвал Рыкова.

* * *

Герман Довлатович обедал в ресторане «Пекин», когда почувствовал вызов по каналу ментальной связи. Сначала хотел заблокировать канал и не отвечать, потом передумал. Искал его Бабуу-Сэнгэ.

Мысленный разговор их длился не больше полминуты, потом Герман Довлатович допил облепиховый сок, вытер пальцы салфеткой и вызвал по рации командира своего манипула:

– Маршрут номер один.

Это означало, что едет он к себе в офис, располагающийся на семнадцатом этаже здания банка «Северо-Запад» на Сенной площади.

В кабинете, накрытом «колпаком непроницаемости», он включил телесистему, позволяющую следить за всеми помещениями семнадцатого этажа, с минуту наблюдал за одним из них, на полу которого лежала девушка, потом выключил монитор и набрал личный секретный номер мобильного телефона министра МВД. Дятлов ответил почти сразу:

– На связи. Кто это?

– Это Рыков, – ответил Герман Довлатович. – Я знаю, кто вы, Артур Емельянович, и предлагаю сотрудничество.

– И кто я? – хмыкнул министр.

– Эмиссар ликвидатора.

Долгое молчание в трубке. Рыков понимающе усмехнулся: министр выяснял, откуда он звонит. Но это была линия криптофона, определить абонента которой, да еще защищенного «печатью отталкивания», было невозможно.

– В чем будет заключаться наше сотрудничество?

– Я помогаю вам ликвидировать Союз, вы гарантируете мне кресло своего заместителя. Я имею в виду – не милицейского. Вдвоем регулировать социум страны будет легче.

Молчание. Ледяной сквознячок из трубки телефона.

– Допустим, я соглашусь. Что вы предлагаете конкретно?

– Через три часа я должен встретиться с координатором Союза Бабуу-Сэнгэ. Мы можем его... погасить.

– Где назначена встреча?

– На «Лосином острове».

– Это не ловушка?

– Нет. Мы оба знаем свои возможности, Артур Емельянович, нет смысла играть в кошки-мышки.

– Берегитесь, Герман Довлатович! Если ваша информация не подтвердится... Вы сделали свой выбор.

Рыков бледно улыбнулся, выключил телефон и включил компьютер. На черном фоне экрана медленно разгорелся алый паучок – иероглиф цюань, код вызова Конкере. В кабинете похолодало, а во всем здании работающие люди вздрогнули и с беспокойством переглянулись. Ментальная волна темного влияния – эффект выхода Монарха в реальность – рождала у каждого человека чувство слепого страха.

Впрочем, они оба – Рыков и Монарх – несли в себе ужас. Только один ему служил, а второй им повелевал.

Глава 31

АТАКА ЛИКВИДАТОРА

Встреча Посвященных уровня кардиналов Союза – это взаимодействие достаточно крупных боевых подразделений, способных оперативно решать проблемы подзащитных объектов, это взаимодействие мобильных армий и обеспечивающих их частей – наблюдателей, аналитиков, экспертов, техников, инженеров. «Армия» Бабуу-Сэнгэ насчитывала более сотни человек – кроме того, что он сам представлял собой паранормальную «систему» контроля, анализа и выработки решений на основе внечувственных восприятий и магического оперирования.

«Армии» Грушина и Мурашова были поскромней, уместаясь в три десятка человек. Юрьева сопровождало и того меньше – полтора десятка человек. Сколь велико войско маршала СС Рыкова, никто не знал, но все чувствовали: Герман Довлатович собрал под своими знаменами тысячи.

Первыми к месту randеву в Природный национальный парк «Лосиный остров» прибыли люди Бабуу-Сэнгэ. Они обследовали территорию парка, заняли места согласно оптимальному варианту защиты босса и стали ждать появления действующих лиц. С минутной разницей к парку стянулись манипулы Грушина и Мурашова. На некоторое время «Лосиный остров» превратился в сверхохраемую зону, контролируемую сотней хорошо вооруженных людей, замаскированных под гуляющих, обнимающихся, пьющих пиво и безалкогольные напитки граждан. Потянулись долгие минуты ожидания команды Рыкова, которая по данным наблюдателей координатора начала движение к «Лосиному острову» с разных концов города. К четырем часам пополудни прибыла и она. Затем на территории парка, на Абрамцевской просеке, появились сами кардиналы в сопровождении крутых парней, готовых ради своих хозяев пройти огни, воды и минные поля; все телохранители были зомбированы и смерти не боялись.

Рыков подъехал позже всех со свитой всего из двух человек, выражением лиц напоминающих роботов. Чувствуя на себе взгляды по

крайней мере двух десятков наблюдателей, своих и чужих, он оставил телохранителей возле машины и направился к мостику через ручей, где молча стояли бывшие коллеги кардинала по Союзу Неизвестных, накрытые «колпаком невидимости». Со стороны их нельзя было ни услышать, ни увидеть нормальному человеку.

Не доходя метров десяти, Герман Довлатович остановился, разглядывая каждого по очереди, словно желая убедиться, те ли это люди. Приветствовать их он не стал.

Первым заговорил Грушин:

– Герман, это правда, что ты захватил дочь Юрия Венедиктовича? Что за шутки?

– Это не шутки, – растянул бледные губы в холодной усмешке Рыков. – Она знает то, что хочу знать я, а иного способа получить информацию не существует.

– Что же она знает?

– Она дружит с учеником Посвященного I ступени Стасом Котовым. Сам же Посвященный, Василий Котов, как вам, должно быть, известно, каким-то ухищрением получил тхабс. Мне он нужен тоже. И еще у меня есть подозрение, что во время своего последнего похода в «розу» Котов и Мария нашли там одну из Великих Вещей Мира.

Кардиналы переглянулись.

– Что за Вещь? – недоверчиво проговорил Мурашов.

– Это я и хочу выяснить. Если Котов согласится на обмен, я отпущу девушку. Не мешайте мне.

– А если он не согласится?

Рыков посмотрел на спокойного с виду Юрьева.

– Ничего личного, Юрий Венедиктович. Я только соблюдаю закон интеллектуальной чистоты. У меня есть заложник, у вас – возможность его выручить путем обмена.

– А если мы тебя сейчас... – начал дрожащим от ярости голосом Грушин.

– Вы ничего не сможете сделать, – снова показал свою специфическую улыбку маршал СС. – Во-первых, парк окружен моими людьми, число которых – легион. Во-вторых, подразделения ОМОНа, руководимые лично министром МВД, готовы десантироваться в район парка по первому сигналу. В-третьих, у меня

имеются и другие могущественные союзники. Вам со мной не совладать. Давайте говорить о деле.

– Ты... связался... с ликвидатором?! – с изумлением и ненавистью пробормотал Грушин.

– Вы обречены... если не присоединитесь ко мне.

– Он не блефует, – повернул Юрьев голову к Бабуу-Сэнгэ. – Не удивлюсь, если к нему кто-то подселен.

– Я предполагал нечто подобное, – ответил координатор. – Ваши люди готовы? Придется переходить сразу на третий вариант.

– Согласен.

– Эй, мудрецы. – В глазах Рыкова, наполненных черной силой, мелькнуло беспокойство. На лицах кардиналов и координатора, а также в их ауре он не заметил ни страха, ни колебаний, лишь Грушин демонстрировал эмоции открыто. – Вы, наверное, не поняли? Если мы не договоримся, отсюда вы уже не уйдете.

– Мы не договоримся, – покачал головой Мурашов.

И в то же мгновение Грушин бросился на Рыкова.

Одно мгновение казалось, что Петр Адамович достанет замешкавшегося на миг, не ожидавшего атаки в физическом плане маршала СС. Но, во-первых, Грушин не был мастером боя и вряд ли смог бы справиться с Германом Довлатовичем, прилично владеющим самбо. Во-вторых, телохранители Рыкова, с которыми он прибыл на randevu, не прозевали бросок Петра Адамовича и с расстояния в полсотни метров открыли огонь из «волков» с оптическими прицелами. Правда, они тут же были убиты бдительной охраной кардиналов, но дело свое сделали – поразили Петра Адамовича в ногу и в шею. А затем и Рыков выстрелил в коллегу, но не из пистолета, а из «глушака», добавив для верности ментальный раппорт Силы Эл, превративший Грушина в «соляную» статую.

На мгновение движение прекратилось. Тройка бывших коллег Рыкова смотрела на него в замешательстве, хотя уже и понимала, что он начал войну не от отчаяния, а уверенный в своих силах. Рыков же, переполненный какой-то бурлящей, как гейзер, темной энергией, смотрел на них с превосходством и презрением.

– Герман, ты делаешь величайшую ошибку в своей жизни, – сказал понявший раньше всех, в чем дело, Юрьев. – Остановись, пока не поздно, верни Машку, и мы сможем начать все сначала. Если

страной, полной дураков и больных людей, еще кое-как можно управлять, то зомбированной страной – нельзя! В скором времени начнется психический коллапс, а за ним физическое вырождение. Ты должен это знать.

– Может быть, именно этого я и добиваюсь, – оскалился Рыков, и тотчас же сила, kloкотавшая в нем, выплеснулась на кардиналов.

Это был удар Сил Элохим Гибор, что говорило о прямой связи Рыкова с Монархом Тьмы. Кардиналы с трудом погасили его, так как Грушин уже практически выбыл из борьбы и не мог им помочь, и ответили тем же, помутив сознание всех, кто находился в радиусе нескольких километров. После этого началась всеобщая пальба, и охранники прибывших Посвященных принялись уничтожать друг друга, уже не заботясь об охраняемых ими лицах. Кардиналы же еще некоторое время сражались с авешей Монарха в ментальном пространстве, раскачивая в этом месте – локально – законы природы и обрушивая друг на друга потоки энергий, ломающих даже структуру физического мира «запрещенной реальности». Айки-канасибари^[44], доступная кардиналам, достигла такой концентрации, что после того, как бой закончился, парк «Лосиный остров» стал неузнаваемым, превратился в зону плывущего ландшафта, в болото.

Первым эту не видимую никем, кроме самих противоборствующих сторон, битву не выдержал сам ее инициатор, Рыков, хотя ему помогала проекция Монарха Тьмы, владеющая куда более мощным запасом пси-энергий. Сосредоточившись на Мурашове, Герман Довлатович заставил его заблокироваться, «закуклиться», что сразу сказалось на общей защите кардиналов, нанес по Юрьеву и Бабуу-Сэнгэ потрясающий основы психики удар (Юрьев потерял почти все уровни сознания, что было равносильно нокдауну, Бабуу-Сэнгэ отбил удар с помощью своего «нагрудника справедливости») и начал отступление, недоумевая, когда же в действие вступит ликвидатор.

На мгновение бой людей Круга прекратился (бой между их слугами продолжался), Рыков, пригнувшись, вытянув вперед руки с растопыренными пальцами, пристально смотрел на своих врагов, похожий на злобное хищное животное, впервые показав свой внутренний облик. Вероятно, не вмешайся ликвидатор, его можно было бы и уничтожить на пределе тех энергий, которыми владел

координатор, опирающийся на талисман и силы экзарха – иерарха, поддерживающего его в земной реальности. Однако в этот момент со всех сторон по периметру парка заревели милицейские мегафоны: «Прекратить огонь! Сложить оружие! Сдавайтесь! Иначе будете уничтожены!» – и Рыков оскалился в торжествующей усмешке: прибыл Истребитель Закона.

«Уходим!» – позвал всех Бабуу-Сэнгэ, предусмотревший этот вариант событий.

Сосредоточив потоки своих Сил на кинжальном пси-выпаде, кардиналы вынудили Рыкова отступить, а сами бросились за координатором, поспешившим перебраться через ручей и углубиться в лес, к линии электропередачи. Рыков не стал их преследовать, уверенный, что от ликвидатора, то есть от армии Дятлова, им не уйти, лишь с особым удовольствием добил стоявшего столбом Грушина. Кардиналы же, выбежав на просеку, обнаружили у опоры линии электропередачи камовский вертолет аварийной службы, охраняемый крепкими молодцами в желто-оранжевых робах.

Ни слова им не говоря, Бабуу-Сэнгэ проворно полез в кабину, подождал Юрьева и Мурашова, и вертолет тотчас же взлетел. Панорама «Лосинового острова», превращенного в поле битвы, легла под машиной как на ладони. Стрельба еще продолжалась, кое-какие сооружения на территории парка горели, стали видны машины милиции и ОМОНа, оцепившие парк, но все это быстро сдвинулось назад и вниз, вертолет рванул на север, подальше от города. Он сделал резкий вираж, потом еще один. Снизу по нему дважды выстрелили из переносного зенитно-ракетного комплекса «игла-М», но пилот был асом, а об опасности его предупредил Бабуу-Сэнгэ прямой пси-передачей, и сбить вертолет неведомому стрелку не удалось. Хотя расчет Дятлова был верен: он был готов и к этому варианту бегства своих подопечных.

– Значит, Герман теперь в связке с ликвидатором? – тоном утверждения спросил Мурашов.

Юрьев и Бабуу-Сэнгэ промолчали.

– Жаль беднягу Петра Адамовича...

Снова молчание.

– И что мы будем делать теперь? – Мурашов в некоторой растерянности посмотрел на невозмутимых коллег.

– Мы – ничего, – коротко ответил координатор.

– Теперь очередь «чистилища», – пояснил наконец Юрьев. – Мы натравили на эмиссара ликвидатора «чистильщиков», и они взялись его нейтрализовать.

– Но это же не решает проблемы самого ликвидатора.

Юрьев, скривив губы, посмотрел на бледное, потерявшее прежний лоск и барскую важность, породистое лицо Виктора Викторовича.

– Конечно, не решает. Но у комиссаров «чистилища» есть тхабс, и они могут помочь нам покинуть реальность, ставшую весьма неудобной. На время, естественно. Потом, когда все утихнет, мы вернемся.

– Ты уверен, что комиссары захотят нам помочь?

– Не захотят – заставим, – бросил Бабуу-Сэнгэ.

Никогда не слышавшие, чтобы координатор говорил в таком тоне, кардиналы бывшего Союза Девяти посмотрели на него, сидевшего с полужакрытыми глазами и державшегося двумя руками за квадрат талисмана. И обоим стало ясно, что Бабуу-Сэнгэ напуган и хочет жить. Что он – просто очень старый человек.

Глава 32

ОСВОБОЖДЕНИЕ МАРИИ

Мнение Рыкова о своих возможностях несколько расходилось с действительностью. Несмотря на все его ухищрения, Василию с помощью Самандара, Юрьева и Бабуу-Сэнгэ (еще до их похода на «Лосиный остров») удалось установить местонахождение Марии.

Сначала они искали ее по базам Германа Довлатовича в Домодедове, Крылатском, Шереметьеве и в районе Курского вокзала, потом по всем известным «чистилищу» владениям маршала СС – дачам, квартирам, частным домам. Мария оказалась упрятанной в здании банка «Северо-Запад» на Сенной площади, на семнадцатом этаже которого Рыковым был оборудован центр управления СС, имеющий криптосистему защиты и самоликвидации по классу «элит» с новейшей электронной аудио – и видеоаппаратурой, техникой маскировки типа «хамелеон», скрытые артерии передвижения и хитроумные ловушки. Плюс «печать отталкивания», подпитываемая пси-энергией на уровне Силы Элохим Цабоат; эту печать помогал устанавливать Рыкову Монарх. И все же, несмотря на это, компания смогла определить схрон Рыкова и теперь была готова к штурму здания. На штурм они отводили себе всего час времени – с момента встречи маршала СС в парке «Лосиный остров» со своими коллегами.

Отсчет операции начался ровно в шестнадцать часов, когда наблюдатели Соколова сообщили о прибытии Рыкова в парк. Именно в это время из окон пятнадцатого этажа здания банка повалил густой серый дым. Тотчас же прохожие у здания начали кричать: пожар! По всему зданию заверещали звонки пожарной тревоги. Спустя минуту к месту происшествия прибыл наряд милиции и начал командовать охраной здания, выводить людей, предотвращая панику. Еще через три минуты на Сенную площадь примчались пожарные машины и микроавтобус ОМОНа. Началась стандартная с виду работа оперативной бригады пожарников и взаимодействующих с ними омовцев по тушению пожара; пятнадцатый этаж здания, где находились хозяйственные службы банка и других фирм, был уже весь в дыму, а кое-где из лопнувших окон вырывались языки огня;

специалисты по диверсиям Вени Соколова сработали быстро и качественно.

Пока настоящие пожарники раскатывали рукава брандспойтов, вытягивали стрелы лестниц на сорокапятиметровую высоту и готовили десант, «пожарники» Соколова во главе с Котовым и Самандаром уже проникли в зону пожара и пошли выше, на шестнадцатый и семнадцатый этажи.

Здесь их встретили охранники Рыкова из бригады ОСС, не терявшие хладнокровия ни при каких обстоятельствах. Все они были, конечно, зомбированы Германом Довлатовичем и не боялись никого и ничего, в том числе и смерти.

Крики «пожарников»: «Горим! Начинайте эвакуацию!» – на них не подействовали, но бдительность притупили. Они никак не ожидали нападения, получив сообщение о настоящем пожаре двумя этажами ниже, поэтому и сопротивления практически не оказали. Двое из этих крупнотелых экземпляров, стерегущие вход с лестницы на этаж, были убиты сразу, третий – у бронированной двери – успел ее заблокировать и дать сигнал тревоги, прежде чем получил пулю в лоб от идущего впереди Самандара.

– Взрываем? – остановился у внушающей уважение двери Вахид Тожиевич, не приближаясь к ней, однако, ближе чем на два метра: дальше начиналась зона отражения атаки, состоящая из электрического контура и лазерной линии, которая при включении создавала плазменный шнур, опоясывающий дверь. Кроме того, в стены лестничной клетки были вделаны газовые карманы и скрытая амбразура с пулеметом, говорящие, что защищаться маршал СС был настроен с размахом.

– Юра!

Из-за спин Котовых вперед с готовностью шагнул «пожарник» Шохор с гранатометом, но Василий остановил его.

– Эту дверь гранатой не возьмешь, ее надо проходить иначе. Нейтрализуйте зону.

Двое оперативников Шохора ловко метнули вперед металлические рамки миноискателей, система защиты сработала, появился светящийся оранжевый шнур-луч лазера, и тотчас же с шипением в отверстия в стене, откуда начинался и куда уходил луч, ударили струи пены. Луч погас. Пена залила пол площадки, мгновенно

затвердела, создавая толстый изоляционный слой, который и нейтрализовал электрическое поле защитного контура.

– Бей! – подтолкнул вперед Стаса Василий.

Стас шагнул к двери и дважды полоснул по ней синкэн-гата. Дверь из стального листа толщиной в десять сантиметров, покрытая досками из граба, выгнулась внутрь пузырем и с визгом лопнула, как мыльный пузырь! Ни сталь, ни магическая печать Рыкова не выдержали удара Великой Вещи Инсектов, которая называлась «устранителем препятствий» или «нейтрализатором высших непреодолимостей».

Ошеломление защитников центра управления СС, по правде сказать – не главного, главным штабом Сверхсистемы давно стал «Белый дом», – трудно было описать. Даже готовые ко всему зомбированные охранники и дежурные замерли, открыв рты, когда их цитадель оказалась вскрытой, как консервная банка. И этого замешательства бойцам «чистилища» было достаточно, чтобы ворваться внутрь охраняемой зоны и начать ее чистку от всех, кто оказывал сопротивление.

Василий, Стас и Вахид Тожиевич шли во втором эшелоне, «принюхиваясь» к местному пси-фону. Они должны были определить, в каком из помещений спрятана Мария. Однако бой вокруг бушевал нешуточный, защитники рыковского центра дрались яростно и сдаваться не хотели, вооруженные самым новейшим отечественным и зарубежным оружием от пистолетов «волк» и автоматов «никонов» до револьвер-гранатометов «идальго» и электроискровых разрядников «павиан», поэтому Котовым пришлось вмешаться в боевые действия, чтобы атака не захлебнулась. Времени у них до возвращения Рыкова оставалось все меньше.

Находясь в состоянии меоза, Василий и Самандар хорошо чувствовали «ветер смерти» и вовремя реагировали на появление новых защитников, выскакивающих неожиданно то слева, то справа, как чертики из табакерки. Видели они и ловушки вроде скрытых в стенах коридора ниш со спрятанными в них лазерами и пулеметами, а также падающие сверху плиты и баллоны с кислотой под высоким давлением. Один такой баллон сработал и пустил вдоль коридора тонкую ядовитую струю, едва не отрезав одному из «чистильщиков» руку и обрызгав четверых других; кислота мгновенно проела в их

комбинезонах дыры и, попав на кожу, вызвала болезненные, долго не заживающие ожоги.

Коридором, пронизывающим этаж, команда Котова овладела за восемь минут, затем наступила очередь индивидуальных боев за каждое помещение, где укрылись работники центра. Так как определить по колебаниям ментального поля местонахождение девушки не удалось, Василий принял решение начать ее поиски с кабинета Рыкова. Он был уверен, что без команды Германа Довлатовича тюремщики Марии убивать ее не станут, а сам Рыков, судя по поступающим радиосообщениям, был в это время занят разборками с бывшими коллегами по Союзу Незвестных.

Дверь в приемную маршала СС удара синкэн-гата не выдержала точно так же, как и входная на этаж, – разлетелась на странные «стеклянно-ледяные» осколки. Видимо, «штрих-меч» каким-то образом влиял на структуру препятствия, изменяя ее, превращая в молекулярные конгломераты, теряющие прочность. Ворвавшийся первым – нырком на пол – Василий получил пулю в ногу, но успел выстрелить в ответ, поразив одного из четырех защитников в лоб, а Самандар и Стас успокоили остальных. Вахид Тожиевич двигался гораздо быстрее стрелков, а Стаса пули избегали – складывалось такое впечатление, хотя и он не отставал в скорости от своих учителей.

С помощью синкэн-гата они пробились и в кабинет Рыкова, закрытый мощным полем «печати отталкивания». Непроходимого для «устранителя препятствий», наверное, не существовало в принципе.

Интерьер кабинета маршала СС был супертехнологичен: ничего живого, даже ни одной деревянной детали, – пластик, хромированная сталь, керамика, стекло. Пока Василий и Вахид Тожиевич разбирались в аппаратуре кабинета, Стас обошел его кругом и вдруг уловил ощутимый рывок меча: синкэн-гата словно приглашал его следовать за собой. В тот же момент сработала и мусэй-дэнсин парня. Стас уловил тонкий, еле слышный, как ночной ветерок, ментальный зов: я-а-а з-з-д-е-е-е-с-с-сь...

Встрепенулись и Самандар с Василием, отметив пси-толчок, оглянулись на Стаса, но тот уже выбегал из кабинета, не отреагировав на возглас Котова-старшего:

– Ты куда?!

Синкэн-гата рванулся из руки, но Стас удержал его и косым ударом развалил дверь соседнего помещения с номером «666». Дверь задымилась, вспыхнула и с визгом лопнула, открывая взору небольшую кубическую комнату с металлическими стенами, полом и потолком. Посреди комнаты стояла стеклянная на вид колонна, внутри которой неподвижно застыла с поднятыми вверх руками Мария. Глаза ее были открыты, и плавилась в них боль и страдание, так что было видно – держится она из последних сил.

Стас слепо шагнул вперед, поднимая меч, и был остановлен железной рукой Василия, буквально выдернувшего его назад.

– Не спеши! Это ловушка! Она стоит на mine!

– Но я не... – заикнулся обескураженный парень.

– Это магическая мина. – Василий оглянулся на подошедшего Самандара. – Сколько у нас будет времени?

– Секунды.

– Раппорт удержания... на пределе... может быть, успеем! Бей! – это уже Стасу. Сам же Василий, напрягаясь до обморока, послал вперед волевой импульс сдерживания мины. То же самое сделал и Самандар. Дальнейшее произошло в течение долей секунды.

Стас без слов чиркнул мечом по «стеклянной» колонне, та с отвратительным хлюпающим звуком превратилась в дымную, потекшую к центру трубу, но Стас и Василий успели сунуть в нее руки и выдернуть девушку, прежде чем произошел двойной взрыв: сначала «дым» заклятия скачком стянулся в пронзительно засиявшую струну (если бы Мария оставалась внутри – была бы раздавлена!), затем волна отдачи ударила во все стороны и вышвырнула всех четверых в коридор.

Только теперь Стас понял, почему дверь в клетку с девушкой не охранялась.

Больше всех при этом досталось Марии, потерявшей сознание, однако она осталась жива, а это было главное. Операция по ее освобождению затевалась не напрасно. Но на этом она не закончилась. Хозяин кабинета и всего здания в целом успел вернуться, прежде чем «чистильщики» начали покидать здание. А вместе с ним к «Северо-Западу» прибыл на вертолете и лично министр МВД Дятлов, имея под рукой еще три вертолета с батальоном внутренних войск. И «чистильщики» вынуждены были снова вступить в бой с

превосходящими силами противника, чтобы дать возможность комиссарам отступить и спасти ту, ради которой они рисковали жизнью.

Мейдер, ведомый Веней Соколовым, уже зарекомендовал себя в высшей степени профессиональным подразделением. Да и бойцы Баканова, работающие на Самандара, тоже свой хлеб ели не даром. Бывший генерал, мастер спецопераций и ликвидации террористических группировок, готовил их со знанием дела. Поэтому первая фаза боя, начавшаяся с десанта внутренних войск, была выиграна «чистильщиками» вчистую.

Два вертолета получили повреждения и были вынуждены сесть, третий загорелся и рухнул в Москву-реку, четвертый – с министром – был вынужден отвернуть и высадил Дятлова с его зомби-командой за квартал от площади.

Вторая фаза боя – атака внутренних войск тоже осталась за профессионалами Соколова и Баканова, которые вынудили солдат залечь на подступах к зданию банка, окруженному пожарными машинами. Наступила третья фаза – позиционная перегруппировка сил, за которой должна была последовать новая атака на «чистильщиков», и, вполне вероятно, она захлебнулась бы, как и первая, но Василий не хотел кровопролития в отличие от эмиссара ликвидатора, не считавшегося с жертвами ради достижения поставленной цели, и дал приказ к отступлению и свертке операции. С прибытием Рыкова эта задача осложнялась, но и своих бойцов класть ради собственного спасения Василий не захотел. Отступление они начали двумя группами: Самандар, Стас и Мария, пришедшая в себя, но еще слабая, впереди; Василий, Юра Шохор и Веня Соколов – сзади.

У них было целых четыре варианта отступления: вниз – через подвалы здания и подземные коммуникации, вверх – на крышу и посадка в дежурный вертолет Рыкова, в окно – по лестнице-стреле пожарной машины и опять же вверх – на крышу, где бойцы Баканова уже готовы были развернуть дельтапланы. Избрали путь на крышу, несмотря на то, что Рыков, силы которого были удесятерены проекцией Монарха, уже посадил там свой второй вертолет и теперь спускался вниз, взбешенный неудачей в схватке с коллегами на «Лосином острове» и беспрецедентной наглостью «чистильщиков», посмевших напасть на его резиденцию.

Они встретились в центральном холле этажа, из которого начиналась стеклянная шахта с лестницей на крышу: Рыков-Монарх и команда Посвященных. Трех гигантов-телохранителей Германа Довлатовича в расчет можно было не брать. Они были закодированы и опасны, но только для обычных людей, и ими сразу же занялись Соколов и Шохор, отлично понимавшие свою задачу. Василий, Самандар и Стас, загородив спинами Марию, молча двинулись на маршала СС, показавшего вдруг не свойственную ему волчью усмешку. Он увидел синкэн-гата в руке Стаса и оценил силу противника, но пренебрег угрозой гибели и нанес удар первым.

Это был выпад Силы Элохим Гибор, противостоять которой в земной реальности не могло ни одно защитное поле, ни один физический закон. Даже стабильные элементарные частицы, такие, как электрон и протон, начинали распадаться на пары античастиц и аннигилировать, если обладатель Силы желал этого.

Зонтик защиты, поставленный Посвященными, Стасом и частично Светладой, занятой восстановлением психики хозяйки – Марии, лопнул как воздушный шарик. В центре коридора, там, где стояли Котов и Самандар, образовался черный дымный эллипсоид, ощущаемый как жуткая, засасывающая в себя все и всех бездна. Эллипсоид стал расширяться и вращаться, выбрасывая изнутри рукава-спирали: это означало, что попавшие внутрь иномерного объема Посвященные продолжали бороться. Один рукав коснулся стены холла и превратил часть ее в полосу черного порошка. Шохор и Соколов, успевшие справиться с телохранителями Рыкова, попятились. Стас же, ощутив прилив ненависти, отмахнулся от еще одного рукава мечом, и тот как живой, дернувшись в сторону, втянулся в эллипсоид.

И в этот момент кто-то возник за спиной Рыкова, заставив его оглянуться. Это был Юрий Венедиктович Юрьев, отец Марии.

– Го-но сэн! – раздался его крик.

Стас, и без команды собиравшийся начать контратаку, вонзил в расширяющийся эллипсоид тьмы свой синкэн-гата. Одновременно с этим Юрьев нанес по сознанию кардинала мощный пси-удар, не позволивший тому поддержать расширение иномерности, и эллипсоид с воем распался на черные дымные вихрики и струйки, которые через мгновение испарились без следа. В центре образовавшегося в полу

холла углубления стояли неузнаваемые, словно обгоревшие, в дымящихся лохмотьях, но живые Василий и Самандар.

Рыков, отбив нападение Юрьева, оглянулся на Посвященных, готовый к новой атаке, и тогда Стас прыгнул к нему, вытягиваясь в полете и устремляя вперед руку с мечом. Один миг казалось, что он достанет кардинала, но не достал. Рыков отпрыгнул назад не хуже кошки, даже зашипел сквозь оскаленные зубы. Ударил торопливо, в половину Силы Элохим Гибор, и снова отпрыгнул назад, не веря глазам, потому что пластинки-ромбы меча Стаса со свистом очертили вокруг его головы подобие колпака, отбили пси-нападение и вернулись на место, образуя силуэт странного штрих-меча.

– Синкэн-гата! – прошипел Рыков, как бы разговаривая сам с собой. – Мне надо было догадаться, что это «нейтрализатор».

Стас уже поднимался с пола, намереваясь повторить атаку, но был остановлен хриплым криком Юрьева:

– Бегите! Оставьте мне меч, я его задержу!

– Я сам! – твердо заявил Стас, наступая на Рыкова.

Василий, жестом отослав ошеломленных Шохора и Соколова, подхватил Марию под руку, Самандар под вторую, и они отступили к лестнице на крышу, продолжая изо всех сил отбиваться от ментального ливня, искривляющего перспективу, сбивающего с толку, сдавливающего голову. Рыкову пришел на помощь его эгрегор. Но сам он прекратил наступление на своих врагов, озадаченный новым открытием: синкэн-гата, «духовный меч» последнего Воина Закона справедливости, посетившего земную «запрещенную» реальность семьсот с лишним лет назад, слушался мальчишку! Не посвященного в Круг!

Юрьев, создавший вокруг себя призрачную фигуру дракона – ментальный слепок его сущности, стал отступать к Стасу, державшему синкэн-гата острием к Рыкову.

– Двигаем потихоньку... медленно... держи его сердечную чакру...

Стас сделал легкий укол-выпад в грудь кардинала, и хотя тот стоял в двадцати шагах от него – попятился, покрываясь сеточкой извивающихся злых зеленых молний.

– Вам не уйти! – сказал он глубоким басом, не похожим на обычный невыразительный голос Рыкова. – Артур перекрыл все

возможные пути бегства.

– Дурак ты, Герман, – с холодной безразличностью сказал Юрьев, – коль связался с ликвидатором. Предательство всегда каралось законами нашей реальности. Если тебя не уничтожит ликвидатор, то найдет инквизитор Круга... или Воин Закона справедливости.

– Воин – легенда, а Истребитель Закона – реален, и он на моей стороне.

– Он на своей стороне, в крайнем случае на стороне Монарха, путь которому в нашу реальность заказан, и даже ты, став его авешей, не в состоянии отменить законы, вмороженные в реальность Творцом. Прощай.

– Вам не уйти, – повторил Рыков-Монарх, но уже с меньшей уверенностью.

– А ты попробуй нас остановить.

Стас сделал еще один выпад в сторону маршала СС, заставив его отступить, и поднялся вслед за Юрьевым на крышу здания, где уже раздались выстрелы: «чистильщики» Соколова, так и не бросившие своих командиров, открыли огонь по вертолетам Рыкова, затеявшим вокруг здания банка боевую карусель.

К счастью, вертолеты не были военными, типа «Черная акула» или «Крокодил», Дятлов не рассчитывал наносить по Москве ракетные удары, иначе действовал бы по-другому, поэтому он взял только многоцелевые «вертушки» «Ка-226», не имеющие вооружения. По приказу министра омовцы открыли огонь из автоматов по крыше здания, однако нанести значительный урон «чистильщикам» не могли: пилоты были вынуждены лавировать, чтобы избежать ответного огня и попаданий. Если бы Василий отдал приказ применить гранатометы, вертолеты давно были бы сбиты. Но это была не война с фашистами или с моджахедами в Афганистане, и даже не война в Чечне, и «чистильщики» лишь огрызались точными очередями, распугивая «вертушки», пока Самандар, Василий, Стас, Мария и Юрьев садились в собственный вертолет Рыкова. Огонь прекратился, как только вертолет – новейший «Ка-42» «Мышь» – сорвался с крыши и улетел.

Догонять беглецов лично Рыков не стал, хотя сразу же после их бегства сел во второй вертолет. Он знал, куда могут полететь беглецы и где спрятаться, и решил перехватить их в этом месте. Уже в воздухе он связался с министром МВД, затеявшим было погоню за вертолетом с

Посвященными в духе американских боевиков, и доложил ему свои соображения.

После этого два вертолета продолжили погоню, вынуждая беглецов петлять и лететь к цели по дуге, а оставшиеся пять повернули на северо-запад, в сторону Строгина.

Василий заметил этот маневр и, поняв его смысл, повернулся к остальным, чтобы посоветоваться. Самандар кивнул, не говоря ни слова: он тоже обо всем догадался. Стас и Мария, зажатые сиденьем и стенкой кабины, смотрели друг на друга, и лица у них были такие сияющие, что Василий вдруг ощутил боль утраты и свирепую тоску по той, которую любил по сей день. Так ничего и не сказав, он повернулся к пилоту и показал рукой, куда надо лететь.

Глава 33

ХРАНИТЕЛИ

Они очень редко собирались вместе. На памяти Матфея в последний раз апостольский Сход Хранителей собирався в тысяча девятьсот сорок первом году, когда решался вопрос спасения русских национальных святынь и памятников культуры от фашистского наступления. На сей раз причина Схода была веселей и серьезней: выживание Круга в связи с деятельностью ликвидатора.

Они могли провести Сход и без прямого контакта друг с другом, однако опять же из-за ликвидатора, потрясшего основы Круга, решили встретиться не в виртуальной реальности, а физически. Местом встречи стал Сергиев Посад, точнее, Троице-Сергиева лавра, на территории которой когда-то располагался эйнсоф – многомерное пересечение миров «розы реальностей». Десять лет назад непосвященный по имени Матвей Соболев каким-то неведомым способом (существовала гипотеза, что ему помог сам Монарх Тьмы!) смог инициировать эйнсоф и проделать инверсию личной временной линии, после чего эйнсоф исчез, перебрался в другое место. Эти объекты не поддавались ничьему контролю. Вполне возможно, что они представляли собой какие-то неведомые законы «запрещенной» реальности, свернутые до поры до времени Безусловно Первым для каких-то своих целей и ожидавшие своего часа. Какого – не знали не только Посвященные I и II ступеней Круга, но даже Хранители.

Матфей задумывался об этом не в первый раз и даже провел широкий информационный поиск во втором и третьем поясах континуального поля сознания Земли, но информация об эйнсофах, равно как и о других Великих Вещах-Объектах Мира, хранилась, вероятно, на более высоком уровне поля – в универсуме, путь в который мог проторить лишь оператор, не подверженный прямому изменению совместно с изменением матрицы Мироздания, то есть Безусловно Первый.

На появление ликвидатора Хранители, конечно, отреагировали, усилив защиту подконтрольных объектов и собственных бастионов, но картина становления «нового мирового порядка» была далека от

идеальной, в ней четко прослеживалась черная полоса жесткого контроля над всеми сферами социума, инспирируемая из единого центра вне земной реальности. И тогда Матфей активировал свою собственную «службу быстрого реагирования» и начал разведку по всем законам земного бытия. Хранители-Патриархи тоже были когда-то людьми и, защищая традиции, начинали ошибаться. Мир же вокруг менялся, и менялся тем сильнее, чем упорнее они отстаивали права касты и принципы преемственности, запрещавшие Хранителям регулировать социум наравне с кардиналами Союзов Неизвестных. Как сказал один умный человек: «Уроки истории заключаются в том, что люди ничего не извлекают из уроков истории»^[45].

Матфей прибыл в лавру первым, накинув на Успенский собор невидимый никому из смертных колпак «печати отталкивания». За ним прибыли Хранители Петр и Павел, затем Симеон и Иакинф. Последним появился Никола Русый, возраст которого насчитывал семь тысяч лет.

Со стороны их никто видеть не мог, в том числе не только монахи лавры и верующие, но даже Посвященные Круга, к тому же Успенский собор был закрыт якобы на реставрацию благодаря воздействию на паломников и верующих. Но Павел лично проверил ментальную базу лавры, чтобы убедиться в отсутствии магических и прочих наблюдателей, и в этом жесте крылся тревожный и неприятный смысл, веление времени, дыхание новой и, быть может, самой жестокой – психической – войны.

Сходы никогда не начинались с докладов, общих обсуждений, анализа существующего порядка вещей. Хранители всегда были в курсе всех происходящих в мире событий и не нуждались в хронологическом их изложении, но появление ликвидатора породило смущение умов, посеяло некую смуту в душах людей Круга, вдруг ощутивших себя уязвимыми, что наложило отпечаток и на проведение нынешнего Схода.

Старейшины, разбредшиеся было по центральному залу собора, собрались вокруг Николы Русого. Все они, кроме Матфея, одевались в одинаковые плащи с капюшонами, и лишь по разной обуви можно было судить о стране обитания того или иного Хранителя. Так, Никола Русый носил мягкие юфтевые сапожки и жил в России, на Урале. Петр надевал кожаные сандалии с толстыми подошвами и жил в Палестине.

Симеон предпочитал ковбойские сапоги со шпорами и стетсон, что говорило о его американском образе жизни. Матфей каждый раз одевался иначе, но чаще всего носил армейские ботинки образца девяностых годов прошлого века.

– Матфей, что происходит? – начал Никола Русый, суровый седой старец, чем-то похожий на старика с филином с картины Константина Васильева. – Где твой хваленый Воин Закона справедливости, которому ты помогал вопреки нашему запрету? Кстати, зачем ты позволил открыть тхабс Посвященному I ступени Котову?

– Тхабс ему открыл Воин, предчувствуя демпфирование Закона у верхней границы распространения, я же не препятствовал этому, – ответил Матфей; разговор происходил на метаязыке, но без ускорения времени. – Положение же самого Воина вам известно.

– Он слишком часто ошибается, чтобы стать аватарой, и не в состоянии кардинально изменить Мироздание, если не может изменить сам себя. Его Путь слишком сложен.

– Аватара он или нет, покажет время. Как сказал поэт: «Он придет, наш светлый Гость. Из распятого терпения вынут выржавленный гвоздь»^[46]... Что касается Соболева, то его Путь – это всего лишь попытка освобождения от Его Воли. Вы все прекрасно знаете, что Соболев оказался в узле множества программ, из которого очень трудно выбраться без посторонней помощи и любому из нас.

– Но ведь ты помог ему, почему же он снова пошел не туда, почему продолжает утолять жажду приключений, а не жажду знаний? Как говорят: «Даже мудрец может сесть на муравейник, но только глупец останется на нем сидеть»^[47].

– У нас говорят иначе, – улыбнулся Симеон, проживший среди индейцев около двухсот лет. – Только презренный бледнолицый может дважды наступить на одни и те же грабли.

– Может быть, его Путь слишком длинный, – согласился Матфей, – но никто из вас не может сказать, что он не и с т и н н ы й. Реальность больна, медикаментозное лечение, предлагаемое Союдами Неизвестных, не помогает, необходимо хирургическое вмешательство. Другое дело, что к этому процессу подключились темные силы во главе с Монархом, что усугубляет кризис бытия. Если темный аватара – Рыков наберет достаточно сил, с ним не справится и сам Монарх. Не пора ли вмешаться, государи мои?

– Я против, – сухо сказал седоусый и лысый Павел. – Игнорирование принципов Круга, Круга Великого Молчания, и привело к тому, что мы переживаем сегодня. Если и мы начнем поступать, как люди действия, Круг окончательно исчезнет. Я даже считаю, что мы изначально совершили ошибку, сохраняя Великие Вещи Мира, которыми уже начали пользоваться Посвященные низших каст и даже непосвященные. Вы знаете, государи мои, что Посвященный I ступени Котов завладел синкэн-гата? Как это ему удалось? – Павел в упор посмотрел на Матфея. – Это не твоих рук дело, отступник?

– Нет, – с сожалением качнул головой Матфей. – Думаю, что синкэн-гата подбросили Котову иерархи, инфарх или экзарх... а может быть, и Монарх, который сделал нечто подобное, подкинув ликвидатору координаты кодонового схрона. Вот что сейчас главное: нейтрализовать утечку, остановить расползание кодонов по Земле!

– Остановить – значит уничтожить? – уточнил Никандр.

– Как физические объекты – да, уничтожить, но как информационный пакет сохранить в логосе.

– И снова я не согласен, – сверкнул глазами Павел. – Мы ни в коем случае не должны вмешиваться в дела смертных, уподоблять себя кардиналам Союзов, людям действия. Мы Хранители, наша задача...

– Да остынь ты, Павел, – с укоризной произнес всегда молчаливый смуглолицый Иакинф. – Мир изменился, пора менять принципы, чтобы этот мир, а заодно и мы с ним уцелели. Уничтожение ликвидатором людей Круга – не самое страшное. Начала изменяться ткань реальности! Вы знаете, что на месте «Лосинового острова» после боя кардиналов с использованием Сил образовалась локальная депрессия физических законов реальности? В частности – законов термодинамики. Там теперь возможно пересечение слоев «розы», что ведет к непредсказуемым последствиям. А вы знаете, что второй раз зацвели сосны – по всей Земле? Что резко уплотнился озоновый слой? Что пчелы стали летать объемами, то есть шарообразными сгустками, роями, а не по одиночке? Не признак ли это семиуровневого развертывания абсолюта?

Хранители переглянулись.

– Что ты хочешь сказать? – поднял брови Никола Русский.

– Много и ничего, – хмуро ответил Иакинф. – Либо Соболев добрался до Знаний Бездн и стал игнорантом^[48], выпав из-под влияния Материнской реальности, либо пробудился Безусловно Первый, и мы ощущаем его приближение.

В зале собора установилась тишина. Хранители слишком долго жили на Земле и слишком хорошо знали друг друга, чтобы спорить или доказывать недоказуемые вещи. Слова Иакинфа лишь заставили их сравнить свои ощущения со сделанным предположением.

– Если пробудился Первый, – сказал Матфей, – тем более надо помочь светлым силам здесь, в нашей реальности. Изменение неизбежно, так почему бы не попытаться хотя бы сгладить его последствия, колебания социума?

– Я тверд в своих убеждениях, – бросил Павел.

Матфей грустно улыбнулся.

– Твердое и крепкое – спутники смерти, нежное и мягкое – спутники жизни^[49]. Ты выбираешь сейчас не между традицией и прогрессом, изменением и стабильностью, а между бытием и небытием, между жизнью и смертью.

– Чего ты хочешь, потрясатель традиций? – глянул на Матфея из-под седых бровей Никола Русский. – Зачем тебе наше благословение? Ведь ты все равно поступишь по-своему.

– Нельзя полностью уничтожить Тьму, но ее можно и нужно ограничить. Появление ликвидатора в Материнской реальности – это наступление Тьмы, наша помощь борцам с ликвидатором – это ее ограничение. И ничего сверх того.

– Как простым смертным удастся нейтрализовать Истребителя Закона, который представляет собой поле сознания вне личности и времени, а не живое существо?

– У них есть воля и есть желание восстановить Закон справедливости.

– Этого мало.

– У них есть синкэн-гата. И если им по следам Всемогущих удастся добраться до Соболева, которому стала доступна маха видья^[50], возникнет возможность возрождения Первоначального Замысла Творца.

На лицах Хранителей промелькнули улыбки. Первоначальный Замысел был седой легендой Круга, но никому не хотелось разрушать

эту легенду сомнениями.

– Делай, что сочтешь нужным, – сказал Никола Русый. – Мы не будем препятствовать. Но обязаны предупредить патриархат Круга.

Павел, который демонстративно отошел от всех, вдруг поклонился и исчез. Он не был согласен с решением Схода, но подчинялся ему. За ним по одному ушли остальные Хранители, остались только Матфей и Никола Русый.

– Ликвидатор стал слишком самостоятельным и не остановится на уничтожении Круга, – сказал Матфей тихо. – Он замахивается на абсолютную власть в реальности. В скором времени он примется за нас, и если ему удастся добраться до остальных Великих Вещей...

– Я знаю, – скорбно опустил уголки губ Никола Русый, в лице которого проступили черты Серафима Саровского, авшей которого он был. – Нового Изменения человечеству не пережить. Но и жить так, как мы жили до этого, нельзя. Нужен светлый выход. Хотелось бы верить, что появление Воина Закона справедливости, воплощения аватары, и есть выход. Удачи тебе.

И Матфей остался один.

Глава 34

РЯД ВОЛШЕБНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ МИЛОГО ЛИЦА

Преследователи норовили все время зайти справа, и пилоту то и дело приходилось маневрировать, чтобы не дать им подойти близко и в то же время лететь к цели – Троице-Лыковской церкви, где беглецы могли нырнуть в подземный лабиринт и пробраться к МИРу Ликозидов.

– Их осталось два, – крикнул пилот на ухо Василию. – Остальные отвалили. Попробую оторваться.

– Они встретят нас у церкви, – в другое ухо Василия пробурчал Самандар. – Рыков прекрасно знает, что нам некуда деться, кроме как уйти в МИРЫ Инсектов.

– Почему вы летите именно в Троице-Лыково? – напряг голосовые связки Юрьев, поглядывающий на притихшую в объятиях Стаса дочь. – Свет клином сошелся, что ли, на МИРе Ликозидов?

– Именно из него мы уходим в «розу», – ответил Василий.

– Тхабс должен работать из любого района реальности, не обязательно из определенной точки.

– Может быть, но я не умею им пользоваться.

– Формула предельно проста, но ее не объяснить словами. Тхабс должен перейти в интервал «разрешенной неизвестности», тогда вы сможете уходить в «розу» из любой точки пространства без боязни, что переход границы будет запеленгован.

– Я не знаю, как перевести тхабс в... этот ваш интервал, – с некоторым раздражением сказал Василий.

– Могу помочь. И тогда мы уйдем в «розу» прямо отсюда. Но для этого вы должны открыть мне ваше сознание и выйти вместе со мной в астрал, чтобы образовать виртуальный объем перевода.

Василий размышлял недолго.

– Согласен. Но вместе с нами выйдет и Вахид.

– Возражений нет. Включаемся и соединяем усилия, времени мало.

Трое Посвященных сосредоточились на вхождении в астрал и на какое-то время как бы выпали из потока бытия, унеслись в иные – многомерные края, чтобы обменяться знаниями и тут же вернуться обратно, уже с иным пониманием мира. Василий был потрясен открытием до глубины души, Самандар никак не выразил свои чувства, а Юрьев умело скрыл свое ликование: он узнал все, что хотел, и без особого труда, на что рассчитывать даже не смел.

– Ну что, экспериментируем? – сказал он.

– Оставьте оружие, – очнулась Мария. – Помните о преобразовании реальностей, в которые попадете.

– Она права. – Василий отложил автомат и пистолет, проследил, чтобы остальные сделали то же самое, пробормотал: – Боже, если ты есть, спаси мою душу, если она есть... Поехали!

И кабина вертолета опустела.

Пилот, обеспокоенный наступившей тишиной, оглянулся, выругался в изумлении, непроизвольно выпуская штурвал из рук, так что винтокрылая машина нырнула и пошла боком, зажмурился, помотал головой, ущипнул себя и перекрестился. Но наваждение не проходило: от тех, кого он спасал от погони, осталось в кабине только оружие...

* * *

Первой мыслью Василия было: не получилось!

Они все так же стояли в тесной кабине вертолета, вертолет все так же мчался вперед над городом, лавируя между высотными зданиями, но затем стало ясно, что ситуация изменилась.

Во-первых, в кабине отсутствовал пилот!

Во-вторых, исчезли преследующие беглецов вертолеты.

В-третьих, небо над городом было не голубое, а белое, перечеркнутое серебристой светящейся полосой.

А в-четвертых, город под машиной Москвой назвать было трудно.

Василий осознал это за секунды, хотел обратить внимание остальных на отсутствие пилота, в этот момент вертолет завис над плоской крышей одного из зданий, превратился в миллион легких

пушистых нитей и растаял. Люди выпали с высоты двух метров на белую и твердую, как керамика, крышу здания, но сгруппировались и удержались на ногах, хотя в себя пришли не сразу. И все пятеро, включая Стаса и Марию, первым делом ощупали своей чувственной сферой окружающее пространство. Мысленное сканирование мира вокруг стало для каждого из мужчин уже не привычкой, а инстинктом, и даже Стас, воспитанный старшим Котовым в духе воина, постигший значение санго – трех уровней подготовки: тело, понимание, дух, – без усилий выходил в астрал и просеивал излучение материальных предметов, научившись отмечать очаги опасности. Для Марии же, впитавшей в себя знания Светлады, ощупывание мира вокруг стало естественной потребностью.

Однако мир, в который они попали с помощью тхабса, впервые сработавшего без участия саркофага Инсектов, был пустынен и тих и лишь напоминал Землю. Город, на крыше здания которого они оказались, не походил ни на один земной город. Но ни Василий, ни Самандар не знали, где, в какой реальности «розы» он находится.

– Черт возьми! – с легким удивлением произнес Юрьев. – Никогда не думал, что попаду в запасник...

– Куда, куда? – оглянулся на него Василий. – Вы знаете, где мы?

– «Подсфера А» – так это называется, то есть мир артефактов, вещей из искусственных материалов. По сути, это двойник земной реальности, первый ее подуровень, архитектурный запасник. Дальше располагаются планеты Солнечной системы, последующие подуровни.

– Там мы уже побывали.

– Я слышал. – Юрьев оглянулся на Марию, не отходившую от Стаса ни на шаг. – Маш, ты в порядке?

– Да, папа, – ответила девушка. – Мне уже лучше.

– Рыков тебя... допрашивал?

Мария зябко передернула плечами.

– Пытался зомбировать.

Мужчины одновременно посмотрели на девушку, потом друг на друга.

– Ты... выдержала?!

– Сначала он показал свою силу, но Монарх его не поддержал, и тогда кардинал разрядил в меня «глушак», не предполагая, что я – не

просто дочь Посвященного, но и авеша Светлады. — Мария еле заметно улыбнулась. — Если бы не это, меня бы уже не было на свете.

Стас посмотрел на Василия, встретил его взгляд, и оба произнесли мысленно почти одни и те же слова: ну, кардинал, тебе не жить!

— Я не думал, что он зайдет так далеко... — остался хладнокровным Юрьев. — Да, Герман изменился.

— И вы так спокойно говорите об этом? — с недоверием взглянул на кардинала Василий. — Речь ведь идет о... — Он не договорил, потому что Самандар взглядом остановил его. Василий понял: Юрий Венедиктович явно знал о внедрении в сознание его дочери проекции Светлады.

Он выпятил губы и вдруг ехидно сказал:

— Знаешь, на кого ты похож, Вахид? На подгоревший шницель.

Вахид Тожиевич не ответил на шутку, разглядывая материал крыши, потом отошел со словами:

— Надо найти место, где мы могли бы привести себя в порядок и отдохнуть.

— Согласен, — вздохнул Василий. — Идеи какие-нибудь свежие есть? Юрий Венедиктович, в этом вашем «запаснике» можно найти уголок для отдыха и приведения себя в надлежащий вид?

— Сомневаюсь, Василий Никифорович, — вежливо сказал Юрьев, отлично понявший жест Самандара. — Здания законсервированы и могут сохраняться очень долго без особого за ними ухода, а что касается одежды и предметов быта — вряд ли они здесь есть вообще. Можно, конечно, поискать, но скорее всего мы только насторожим местного охранника.

— Эта реальность тоже охраняется?

— Что значит «тоже»?

— Когда мы в первый раз вышли в «розу», то наткнулись на сторожа...

— Это был Асат, сторож границы, а не реальности. «Подсфера А» имеет собственную охрану, так сказать Хранителей подуровня. Советую найти ручей или речку и вымыться, а потом отправиться дальше. У вас есть какой-то план пребывания в «розе»?

— Как же без плана? — неопределенно промычал Василий, разглядывая светящуюся полосу в небе. — А что это такое там светится,

над нами?

– Это снежно-пылевое кольцо, – сказал Юрьев равнодушно. – Земля данной реальности не имеет Луны, зато имеет кольцо, как Сатурн и Юпитер, только пожиже. Так что вы собираетесь делать дальше, Василий Никифорович?

– Искать ручей, – вздохнул Василий.

* * *

Они недолго оставались в «запаснике» земной реальности.

Город, в котором их высадил тхабс, напоминал многие города России, в том числе и Москву. В нем сохранились лишь старинные здания, такие, как знаменитые дома-башни сталинской постройки, соборы, монастыри, церкви да кремль, только не из красного камня, а из белого и серого. Правда, изредка встречались и вполне современные здания из стекла и бетона, оригинальной архитектуры, которые создавали достаточно сильный эстетический эффект.

Обойдя пару «кварталов» по странным улицам, покрытым не асфальтом или бетоном, а белым, пружинящим под ногами материалом, беглецы обнаружили неширокую реку с удивительно красивым ажурным мостом и устроили привал. Пока Самандар и старший Котов смывали с себя копоть и грязь, Стас оберегал их на мосту с мечом в руке, не обращая внимания на веселый блеск в глазах Юрьева. Мария тоже захотела искупаться, когда она наплавалась и оделась, отряд был готов к походу. Однако Юрьев не торопился выказывать готовность следовать за остальными.

– Может быть, мне все-таки будет позволительно, – сказал он, – узнать, куда и зачем вы направляетесь?

Василий и Самандар обменялись взглядами.

– Юрий Венедиктович, вряд ли вас обрадует цель нашего путешествия, – сказал Василий. – Десять лет назад в «розу» ушел наш приятель...

– Матвей Соболев, – закончил Юрьев. – Я знаю эту историю не хуже вас. И вы теперь хотите его отыскать? – Он покачал головой.

– Хотим. А что в этом такого... необычного? Или вы что-то знаете о судьбе Соболева?

– К сожалению, не знаю, но если он до сих пор не вышел...

– Короче, вы идете с нами или нет?

– Иду, – с некоторым колебанием согласился Юрьев. – Пока Марго с вами.

– Вот и славно.

– Но смысла в этом походе я не вижу. Вы уже знаете, где искать Соболева?

– С помощью вашей дочери мы вычертили примерный вектор движения Матвея и теперь будем следовать в этом направлении. Вот и весь план. Подходит?

– План достаточно прост, – засмеялся Юрьев, не обижаясь на издевку в голосе Котова-старшего. – Однако реализовать его будет трудно. Как только вы «засветитесь» на тропе Соболева, вас начнут доставать те, кто не заинтересован в возвращении будущего аватары в земную реальность.

– Ну, это мы как-нибудь уладим. Вы-то сами заинтересованы в его возвращении?

– Скорее да, чем нет, хотя особого волнения не испытываю. Но и мешать не буду.

– И на том спасибо. Поехали, путешественники.

И они очутились в другом мире.

Это была та самая «запрещенная» реальность, с которой недавно экспериментировал Монарх и границу которой охранял Асат, а также и другие сторожевые «псы»-программы Конкере. Здесь путешественники задержались лишь для того, чтобы в присутствии сторожа-сфинкса – при последнем погружении в «розу» люди оставили его сражающимся с «псами» Монарха – поговорить о деле. Асат был жив и невредим и приветствовал их если и не дружески, то с расположением.

– Спешите в вечность, – посоветовал он им иносказательно, – за образом, предшествующим Богу. У вас еще есть шанс опередить Тьму. Но берегитесь, ваш нелегкий Путь полон бездн.

– Мир – бездна бездн! – пробормотал Василий, вспомнив стихотворение Бунина. – Спасибо за совет, друг.

И они помчались дальше, нанизывая на вектор Пути реальности, в которых задолго до них побывал отряд Соболева.

Следующим был мир «рериховской серии», исполненный в той же цветовой гамме, с горными чертогами и намеками на скрытые тайны древних цивилизаций. Тхабс перенес путешественников прямо к зеву пещеры, перед которой стояла странной формы скала, сверкающая тусклым золотым блеском. Больше всего скала напоминала оплывшего книзу горбатого старика с посохом в руке, и веяло от нее суровой непреклонностью и бесконечным терпением.

– Васиштха, – сказал задумчиво Юрьев, как-то по-особому посмотрев на Василия. – Один из первых Хранителей Круга. Надо признаться, Василий Никифорович, что ваш тхабс очень избирательно ведет вас по «розе». В этом мире стоило бы задержаться и полюбоваться на его сокровища.

– Некогда, – сказал озабоченный Василий. – Мы шагнули сюда лишь потому, что здесь был Соболев. Проверим здешний астрал и пойдем дальше.

– А кто поставил тут этот памятник Хранителю? – поинтересовался Стас; в одной руке он так и держал свой меч, другой обнимал Марию за талию.

– Это не памятник – сам Хранитель.

Стас, а вместе с ним Василий и Самандар с недоверием и удивлением посмотрели на Юрия Венедиктовича.

– То есть как это – сам?! Вы хотите сказать, что он... живой?!

– Не живой... но и не мертвый. Он в особом состоянии нирваны, вне времени и движения. А пещера – вход в его прежнее жилище. Он хранил весь этот мир на протяжении сотен тысяч лет.

Наступило продолжительное молчание. Путешественники любовались на удивительную «статую» Хранителя. Потом загорелся Стас:

– Можно заглянуть в пещеру?

– В другой раз, – остудил его порыв Василий. – Когда-нибудь мы пройдемся по этим мирам как созерцатели чудес, а не как воины, десантники и разведчики. Вахид, подключайся, идем в астрал.

Сеанс информационной разведки длился всего несколько минут, после чего отряд двинулся дальше по цепочке миров, посещенных

Соболевым. В этом «рериховском» мире со статуей живого Хранителя он тоже не стал задерживаться надолго.

Следующий мир почти не отличался от предыдущего, разве что силуэты гор были другими, цветовая гамма собрала все оттенки фиолетового и синего цветов, а вышли люди из внепространственного тоннеля тхабса не в горах, а на равнине в окружении двенадцати скал, изображавших чудовищных насекомых. Видимо, эту планету посещали когда-то и разумные Инсекты.

Астрал и здесь сохранил следы пребывания Соболева в форме энергетических, хорошо различимых струй, будто будущий аватара искал что-то и буквально всколыхнул все местное иномерное астральное «болото».

Третий и четвертый миры «рериховской серии» путешественники миновали, выходя лишь на секунды для проверки правильности пути, а в пятом задержались, вдруг ощутив странную усталость и голод.

– Предлагаю вернуться, – сказал Самандар, олицетворявший собой наиболее практичную часть отряда. – Без экипировки и запасов еды нам далеко не уйти.

– Вы все время забываете о законах «розы», – мягко напомнила о себе Светлада-Мария; она уже восстановила силы и чувства и готова была снова выполнять функции проводника. – Порог срабатывания магической физики здесь не столь высок, как в земной реальности, можно попытаться добыть пищу и одежду. – Она красноречиво посмотрела на лохмотья, оставшиеся от комбинезонов Василия и Самандара.

– Да мы бы и не возражали, – смущенно признался Василий, – но не знаем, как это делается.

– Без знаний формул творения у нас ничего не получится, – проговорил Юрьев. – Можно пойти другим путем: создать наиболее простые вещи, доступные детальному воображению, то есть спортивные костюмы, луки, стрелы, кинжалы, пращи, а потом всем пятерым попытаться сотворить какую-нибудь дичь, подстрелить ее, зажарить и съесть.

Мужчины переглянулись.

– Есть хочешь? – спросил Котов-старший.

– Не отказался бы, – солидно отозвался Котов-младший.

– Тогда помогай колдовать. А тхабс не может снабдить нас запасом пищи и одежды?

– Тхабс – не джинн из лампы, это своеобразный закон, внедренный в личность, способный перебросить владельца в иную реальность и защитить его. Другие желания он не выполняет.

– Жаль. Тогда, как говорится, хватит дело делать, надо работу работать. Давайте напрягать мозги и желания, чтобы перекусить.

Василий хотел добавить, что никогда не видел себя в роли колдуна или мага, но передумал. Пришла пора учиться быть волшебником, хотя бы и в коллективе.

Несмотря на сомнения, опыт удался. Они смогли детально вообразить все, о чем говорил Юрьев, и подстрелить пару уток, также сотворенных после первого же сеанса коллективной магии. Утки, правда, летать не умели и были слишком массивными, но мясо их оказалось вполне съедобным, как и хлеб, полученный тем же путем, что и оружие.

Так что трапеза удалась на славу. Не хватало только хорошего вина, пришлось довольствоваться компотом. После сытного обеда все почувствовали себя немного уверенней, приободрились, однако сил хватило лишь на один прыжок в глубины «розы». Встряски переходов границ «розы» все же отнимали немало нервной энергии у путешественников.

Этот мир тоже входил в число «рериховских», судя по нежным пастельным тонам красок и форме природных образований, но по нему совсем недавно прокатилась война, и он представлял собой пустынно-лунный ландшафт: кратеры, дыры, воронки разных размеров, выжженные багровые и черные плечи, поля спекшейся почвы и расплавленного песка покрывали его на многие сотни и тысячи квадратных километров. От города, на окраине которого очутились люди после тхабс-перехода, остались лишь жалкие развалины да одна-единственная черная башня, похожая на восточный минарет.

Все долго рассматривали руины города с вершины холма, на котором тоже когда-то стояли непонятные сооружения, и одновременно посмотрели на старшего Котова, олицетворявшего собой командование отряда. Василий понял невысказанный вопрос.

– Остаемся здесь на ночь. Утром решим, что делать дальше. Или есть другие предложения?

Предложений не поступило.

В течение получаса они разбили лагерь, сотворив палатки и спальные мешки, отгородились от окружающей Среды «сферой запрета» и уселись вокруг костра пить чай. Стас и Мария, испросив позволения, ушли в город, напутствуемые Василием «держат ухо остро и далеко не заходить». Мужчины остались сидеть у костра, потягивая напиток из пиал, созданных Самандаром. Говорить особенно было не о чем, делиться же своими планами никто не торопился, но у Василия давно созрело несколько вопросов, и он заговорил первым:

– Странно, что нас никто не встречает и за нами никто не гонится. Эти рериховские слои «розы» никем не охраняются, Юрий Венедиктович?

– Мне это тоже кажется подозрительным, – признался рассеянно задумчивый Юрьев. – Каждый мир-слой «розы» имеет своего сторожа, и отсутствие их указывает на какое-то нарушение порядка вещей. Быть может, виной тому война между иерархами, а вполне возможно, вмешался Монарх, давно задумавший новое изменение земной реальности.

– Границу нашей реальности тоже стережет какая-то особая программа типа Асата?

– Нет, ее оберегает иерарх – декарх. Оберегал. – Юрьев помолчал, не желая делиться своим знанием, но пересилил себя и добавил: – Декарх нейтрализован, поэтому наша граница сейчас без охраны. Отчасти поэтому ликвидатор проник в нашу реальность беспрепятственно, да и тени Монарха свободно переходят границу туда и обратно.

– Юрий Венедиктович, – Василий помолчал, пытаясь сформулировать вопрос дипломатически, потом решил говорить без обиняков. – Я понимаю, что ваш поход с нами вынужденный, а сотрудничество временное, и никто не требует от вас ответа, но все же меня давно подмывает спросить: зачем вам, кардиналам во главе с Бабуу, понадобилось дезориентировать нас?

– Не понял, – очнулся Юрьев от своих размышлений.

– Зачем вы натравливаете «чистилище» на министра МВД, называя его ликвидатором? Ведь он всего лишь эмиссар ликвидатора в России.

Кардинал остался невозмутимым, но в глаза Котова-старшего смотреть не стал. Отвернулся, помолчал.

– Это была идея координатора.

– А кто на самом деле является ликвидатором?

Юрьев снова помолчал, потом поймал угрюмо-недоверчивый пристальный взгляд молчащего Самандара и нехотя улыбнулся.

– В принципе, вы и сами это узнали бы вскорости, поэтому не будет большой беды, если я открою секрет: ликвидатором, или Истребителем Закона дьявола, то есть Закона переноса вины, ставшим, кстати, еще худшим дьяволом вследствие мутации программы, является не какая-то определенная личность, супермонстр, а поле сознания, внедрившееся в компьютерную сеть Земли.

– Зачем же вам понадобилось обманывать нас? Ну, убрали бы мы Дятлова, так на смену ему настоящий ликвидатор поставит нового эмиссара. Что изменилось бы?

– Бабуу необходим запас времени, чтобы собрать свой эгрегор и попытаться ограничить деятельность ликвидатора, побороться с Истребителем на его территории.

Ответ был дан слишком быстро, и Василий, прищурясь, оглядел гладкое уверенное лицо кардинала, чтобы сказать ему об этом, но поймал предупреждающий взгляд Самандара и проговорил ворчливо, обходя остроту темы:

– По-моему, ни один государственный или национальный эгрегор не в состоянии справиться с, так сказать, «электронным» эгрегором такого масштаба, который демонстрирует ликвидатор. Но оставим этот скользкий разговор. Спасибо за откровенность, кардинал, честно говоря, я не ожидал, что вы скажете правду.

– Он все равно не сказал всей правды, – бесстрастно проговорил Самандар.

– Но ведь и вы не всегда говорите всю правду, – с тонкой усмешкой возразил Юрьев.

– Вы хотите сказать, что мы лжем?

– Я хочу сказать, что противоположность лжи – не правда, а истина, что не одно и то же. Правда бывает разная, у каждого она своя, а уж тем более полуправда.

– Намек понял. – Василий засмеялся. – Мы достойны друг друга. Жаль, что ваши методы коррекции реальности лежат именно в области

полуправды, иначе мы могли бы стать партнерами. Ну что, Вахид Тожиевич, отходим ко сну? Кто будет дежурить первым?

– Я, – предложил Юрьев.

– Последите за детьми, – не возразил Василий, – а лучше верните их во избежание сюрпризов. Кто знает, какие недобитые твари прячутся в развалинах города.

– Не беспокойтесь, Василий Никифорович, я уже позвал Машку, они возвращаются.

Василий встал, потянулся и прошелся вокруг холма, разглядывая темно-синее, с зеленоватым оттенком небо, гряды кипенно-белых облаков на горизонте, неяркое и нежаркое светило в зените (ночь они себе устроили условную), потом залез в свою палатку и в состоянии меоза еще раз обследовал окрестности всей сферой обострившихся чувств. Запахи опасности отсутствовали, пахло недавним сражением и тоскливой обреченностью. Тогда он расстелил спальник, улегся и через минуту уснул. Самандар разбудил его спустя три с лишним часа:

– Юрьев исчез.

– Ну и что? – Василий протер глаза, посмотрел на часы, потом выглянул из палатки: здешнее солнце ни на йоту не сдвинулось со своего места в зените. – По-маленькому пошел... а то и по-большому.

– Мария тоже пропала.

Сон сняло как рукой.

– Давно?

– Не знаю. Мне показалось, что кто-то шевелит сферу защиты, проверил – их нет.

Василий заглянул в соседнюю палатку и встретил затуманенный взгляд проснувшегося Стаса.

– Что случилось, дядь Вась? Мне сон дурной приснился...

– Юрьевы ушли.

– Ушли? Как это? Куда ушли?!

– Скорее всего домой, на Землю.

– Каким образом? Разве они умеют... – Стас прикусил язык.

Василий кивнул.

– Теперь папаша Марии знает тхабс, недаром он искал с нами контакта, близости отношений. Добился своего. Конечно, спасибо ему за расширение возможностей моего тхабса, теперь мы можем переходить границы реальностей в любом месте, но факт остается

фактом: он все прекрасно рассчитал... а то и помог Рыкову захватить дочь, чтобы втереться к нам в доверие.

– Не может быть, – покачал головой Котов-младший с недоверием и сомнением. – Рисковать Машей... какой отец позволит себе такое?

– Нормальный отец – нет, кардинал Союза – да.

– Нужно срочно догонять...

– Успокойся, – остановил порыв юноши Василий. – Никуда она не денется, отыщем на Земле. Зато мы теперь можем обсудить свои планы, не боясь чужих ушей.

– Мария не чужая!

– Я о ее папаше. Вахид Тожиевич, как думаешь, почему Юрьев сбежал? Испугался? Решил свою проблему – с тхабсом и понял, что мы больше не нужны?

– Не принял нас всерьез.

– Вот как? Оригинально. Это хорошо или плохо?

– Я ему не верил с самого начала. Если бы не... – Самандар покосился на Стаса и перевел разговор в другое русло: – Какие планы ты хотел обсудить?

– Во-первых, стоит ли идти дальше в ослабленном составе? Каким бы негодяем Юрьев не выглядел, союзником он был мощным. Да и Мария знает многое для успешной разведки.

– По-моему, вывод ясен.

– То есть не стоит. Я тоже так думаю. Теперь о возвращении. В родной реальности нас ждут не дождутся Рыков и эмиссар ликвидатора. И оба постараются убрать нас самыми простыми и надежными способами, тем более что возможностей у них хватает. Будем ли мы от них бегать или сообразим что-нибудь поэффективней?

– Конкретней.

– Лучшая защита, как известно, нападение. Они нам шагу не дадут ступить, а нам то и дело придется возвращаться из «розы». Предлагаю разработать бандлики по обоим. Сил у нас тоже немало.

Самандар молча двинулся в обход палаток, окидывая взглядом развалины города под холмом. Глаза Стаса говорили все, о чем он думает, и Василий, невольно улыбнувшись, подмигнул ему.

– Ну, Воин Закона, начинаем большую войну?

– Сначала найдем Марию, – ответил Стас хмуро.

Василий засмеялся, ударил рукой по палатке, превращая ее в дым со всем содержимым.

– По этому вопросу, как говорится, есть два мнения: одно неправильное, другое мое. Не хмурься, найдем мы твою принцессу. Вахид, твое слово?

– Поехали домой, – соизволил наконец ответить Самандар.

Глава 35

ВЕТЕР В ГОЛОВЕ

Их возвращения ждали везде, где только было можно: на квартирах, принадлежащих «чистилищу» и известных Рыкову и ликвидатору, в офисах зависимых от «чистилища» фирм, в МИЦБИ, на базах и конспиративных явках. В этом Василий убедился, позвонив Вене Соколову сразу после возвращения и с радостью узнав, что «чистильщикам» удалось покинуть здание банка «Северо-Запад» без потерь. Но границу реальности Котовы и Самандар перешли не там, где их ждали. У Василия возле Савеловского вокзала был схрон, то есть погреб, превращенный им в склад еще во времена службы, о котором не знал ни один его бывший начальник и компьютеры спецслужб. Именно в этом погребе и объявились разведчики «розы реальностей», после того как от них сбежали Юрьев с дочерью.

Стас порывался тут же броситься на поиски девушки, но Василий остудил его разгоряченное воображение, рассказав старый анекдот:

– Идет мужик по лесу, слышит – кукушка. Остановился, спрашивает: «Кукушка, кукушка, сколько мне жить осталось на белом свете?» – «Ку... – отвечает кукушка». – «А почему так ма...?»

– Понял, – пробормотал молодой человек, стискивая зубы и заставляя себя сдержаться.

Самандар, разглядывающий интерьер погреба, освещенного лампой дневного света, усмехнулся, но промолчал. Василий достал из сумки на полке радиотелефон, позвонил Соколову и выяснил все обстоятельства, связанные со штурмом офиса СС в здании банка и бегством комиссаров «чистилища». Судя по веселому балагурству Вени, министр МВД поставил на уши всю милицию, угрозыск, ОМОН и внутренние войска, чтобы найти беглецов, в Москве уже сутки приводились в исполнение планы «Перехват» и «Невод», но «чистилище», имеющее глубоко эшелонированные системы подстраховки и безопасности, пока потерь не понесло.

– Так что вам появляться в общественных местах опасно, – добавил Соколов. – Особенно возле штаба и на некоторых квартирах. Там везде полно «глаз» министра.

– Утечки информации не произошло?

– Мы успели сжечь все компьютеры, а бумаг у нас отродясь не водилось. Но все равно ходить по Москве вам нельзя, опасно.

– «Товарищ милиционер, скажите, по этой улице ходить опасно?» – вспомнил еще один анекдот Василий. «Было бы опасно, я бы здесь не ходил...» Веня, брось одну группу на Савеловский, на двух машинах. Одна должна быть с мигалкой. И продолжайте работу по плану. Очередной бандлик по СС выполнить сегодня же.

– Нет проблем, командир.

– Теперь еще одно задание. Срочно выдвиньтесь в район Арбата и понаблюдайте за квартирой Юрьева.

– Ребята давно уже там, со вчерашнего дня, но никого не видели.

– Молодцы, – после паузы сказал Василий, озадаченный проницательностью начальника охраны, покосился на Стаса. – Поищите его, где можно: работа, дача, рестораны, схроны...

– Есть поискать.

– Я буду звонить тебе сам. – Василий выключил связь. – Юрьев и Мария дома не появлялись. Не думаю, что Дятлов объявил на них розыск, все-таки Юрьев – помощник президента, лицо неприкосновенное, но где-то наш кардинал объявится. А мы давайте готовиться к исполнению плана А. Эмиссар – наш любимый Артур Емельянович Дятлов или сам ликвидатор – не суть важно. Главное, что, пока он жив, нас будут искать и давить, а в таких условиях много не сделаешь.

– Мне надо в институт, – заикнулся притихший Стас.

Василий с сомнением посмотрел на него.

– А если тебя там ждут?

– Мне все равно надо сдавать экзамен.

– Я могу пойти с ним, – предложил Самандар. – Только позвоню кое-кому.

Василий подумал немного и сунул ему трубку радиотелефона. Самандар, перестав озираясь, связался со своей оперативной группой и договорился с Бакановым о взаимодействии. После этого Василий достал сумки с одеждой, и они переоделись в «цивильное», так, чтобы не бросаться в глаза и не выделяться из толпы. Вдобавок ко всему он предложил соратникам несколько изменить облик, и все трое наклеили себе усы. Посмотрев на себя в зеркало, Стас развеселился.

– Я похож на опереточного злодея. Бороды только не хватает.

– Слово «борода» происходит от арабского «баррида» – «благочестие это», – сказал Самандар. – Василий Никифорович, у тебя тут бритвы нет? Подзарос я, не люблю ходить небритым.

Василий молча достал электрическую бритву фирмы «Браун», потрогал щетину на подбородке и тоже решил побриться. Через несколько минут процесс приведения себя в порядок закончился, и Котов-старший объяснил, каким путем выбираться отсюда к вокзалу, где Самандара и Стаса должна была ждать группа Юры Шохора на машинах, а Василия – Веня Соколов со своими орлами.

– Береги меч, – напутствовал ученика Василий, – и будь начеку. Возможны самые неожиданные встречи и сюрпризы.

– Не волнуйся, дядь Вась, я не маленький.

– И вообще ведите себя так, будто вы культурные люди, – мрачно улыбнулся Василий, открывая изнутри хитрый замок погреба, с виду – огромный амбарный, отпирающийся только снаружи.

Самандар и Стас один за другим вылезли на свет Божий, некоторое время поосматривались, затем исчезли. Через несколько минут покинул свой схрон и Василий. Из всей тройки он был наиболее неуязвим, потому что мог в любой момент исчезнуть, перейти границу реальности с помощью тхабса.

Мейдер Соколова на трех машинах: «Вольво», «сто десятый» «Жигуль» и джип «Рэнглер» – ждал своего босса напротив здания Савеловского вокзала. При его появлении команда Вени мгновенно отреагировала «захватом зоны внимания», то есть стандартно отработала задачу прикрытия «особо важной персоны», в данном случае самого Котова, и Василий остался доволен выучкой команды. Что бы кругом ни происходило, эти парни знали свое дело блестяще, на них всегда можно было положиться.

– Что Юрьев? – спросил Василий, подсаживаясь к Вене в кабину джипа.

– «Засветился» в Кремле, – ответил Соколов, одетый в мундир майора внутренних войск; водитель джипа тоже был в костюме бойца внутренних войск, но в чине прапорщика. – Полчаса назад выехал на «мерсе» со своими телохранителями с Кутузовского проспекта на Рублевку, наверное, едет к себе на дачу.

– Дочь его не заметили?

– Женщин с ним в машине нет.

Василий поразмышлял, потом махнул рукой.

– Поехали за ним.

Соколов выдернул из-под воротника мундира усик микрофона и сказал негромко:

– Семерка, ведите его на оптике, не упустите из виду. Едем к вам.

Джип нырнул под виадук-развязку у вокзала, свернул на Бутырский вал. Соколов явно чувствовал себя не в своей тарелке, поглядывал на комиссара «чистилища» с любопытством и сомнением, но заговорить на интересующую его тему так, наверное, и не решился бы, если бы Василий не заметил этих его колебаний.

– В чем дело? Что жмешься, полковник?

– Вопрос можно?

– Валяй, – кивнул Котов, уже понимая, о чем пойдет речь.

– Это правда, что вы... прыгнули с вертолета?

– Кто тебе это сказал?

– Пилот «вертушки». Клянется-божится, что вы исчезли из кабины, когда он отвлекся на маневр. Оглянулся – вас нет! У него чуть крыша не поехала. Потом он понял, что вы прыгнули...

Василий усмехнулся.

– У страха глаза велики. Но если я расскажу правду, куда и как мы десантировались, и у тебя крыша поедет. Так что лучше не спрашивай.

– Есть... не спрашивать... – пробормотал окончательно сбитый с толку Соколов.

Машина выбралась на Рублевское шоссе, считавшееся правительственной трассой, и выехала за город. Судя по докладам наблюдателей, ведущих автомобиль Юрьева, кардинал действительно ехал к себе на дачу, ни капли не смущаясь тем, что за ним Дятлов наверняка послал своих охотников. Впрочем, меланхолически подумал Василий, теперь он тоже может не бояться ликвидатора, владея тхабсом.

С Рублевского шоссе машина Юрьева свернула на улицу Осеннюю в Крылатском и, попетляв по проселочным дорогам местного лесного массива, остановилась у небольшого пруда, на берегу которого в окружении ольхово-осиново-березовой рощицы стоял двухэтажный коттедж финской постройки с остроконечной крышей, мансардой и застекленной верандой. Это была дача советника

президента Юрия Венедиктовича Юрьева, причем вторая, насколько было известно Василию, но наверняка не последняя.

– Доложите обстановку, – велел Котов.

– Объект заехал в гараж, – сообщил наблюдатель. – Сопровождение мизерное: двое оперов и прикрытие. Дача охраняется сторожем, собак не видно, две телекамеры, датчики, электрические усы над сеткой забора, антенна в мансарде с выходом на спутник. Что делать дальше?

– Сидеть тихо, взять под наблюдение подъезды и подходы к даче.

– Будем брать? – предположил Соколов.

Василий помолчал, прикидывая варианты, потом отрицательно качнул головой.

– Нет, попробую сначала поиграть в открытую. Поехали прямо к нему, у ворот посигналишь.

Джип свернул с шоссе в Крылатское и через четверть часа петляний по лесу выехал к даче Юрьева. Водитель дважды рывкнул клаксоном. Сторож, обитавший в небольшом деревянном строении за главным зданием, не появился, но ворота тем не менее начали медленно открываться, снабженные исполнительным механизмом.

– Похоже, нас тут ждали, – хмыкнул Соколов.

Василий не ответил. Он давно чувствовал на себе ментальный взгляд хозяина дачи, поэтому не имело смысла прятаться и вести прямое наблюдение за домом. Юрьев наверняка почуял слежку еще в городе и проверил, кто прицепил ему «хвост».

– Ждите в машине, – бросил Василий, вылезая.

– Может, подстраховать вас снайперочком?

– Не надо. Держите дороги и воздух, может быть, доблестная милиция тоже обосновалась здесь для слежки за дачей. Тогда возможны гости.

– Понял.

Василий неторопливо зашагал по гравию дорожки к веранде, дверь которой отворилась сама собой. Снаружи веранда казалась пустой, но это был эффект «печати невидимости»: Юрий Венедиктович сидел за столом, одетый по-домашнему в халат, и пил чай. Встал, коротко поклонился, не подавая руки (Василий ответил тем же), сделал приглашающий жест:

– Присаживайтесь. Чаю хотите?

Василий увидел второй прибор, подтверждающий, что кардинал ждал его и был готов к встрече, кивнул.

– Покруче, если можно.

Юрьев налил заварки, разбавил кипятком (Василий пил чай по-другому), подвинул конфеты, пироги с курагой, орехи.

– Чем обязан?

– Почему вы сбежали? – прямо спросил Василий.

Юрий Венедиктович допил чай, промокнул губы салфеткой, не спеша пососал дольку лимона. Василий почувствовал мгновенный натиск чужой воли, закрылся, мысленно «покачал пальцем»: не шали, мол.

– Я не сбежал, – сказал хозяин, не меняя выражения лица. – Просто у меня полно дел на Земле.

– А Марию почему утащили с собой?

Глаза Юрьева сверкнули острым холодком.

– Василий Никифорович, я готов вам помогать в деле нейтрализации ликвидатора, но в пределах допустимого. Ваши походы в «розу» меня не касаются ни с какой стороны, хотя рискуете вы изрядно. По сути, вы обречены, а Марии – жить да жить. Не трогали бы вы ее?

– Она сама решила помочь нам, тем более что она...

– Авеша Светлады, знаю. И тем не менее отстаньте от нее. Она слишком молода и безответственна, чтобы понимать, во что влипла.

– И все-таки вы не имеете права насильно заставлять ее делать что-то против воли.

– Ошибаетесь, комиссар, имею, – с холодным высокомерием произнес Юрьев. – Я ее отец. Это вы не имеете права втягивать мою дочь в сомнительные предприятия. Так что если у вас ко мне больше ничего нет, разрешите проводить вас до выхода.

Василий встал.

– Спасибо за угощение, кардинал. Оказывается, вы тоже способны ошибаться, как все люди. Вот почему ликвидатор легко победил Круг. Правда, получив тхабс – вы ведь этого добивались, втираясь к нам в доверие, не так ли? – вы сами стали почти неуязвимы, но вот Мария не гарантирована от нападения.

– Не беспокойтесь за нее, она в надежном месте.

– Где, здесь?

Юрьев распахнул дверь. Василий вышел, отмечая, как натурально спокоен кардинал, и вдруг подумал, что Мария – не на Земле! Самым надежным местом для нее мог быть только мир другой реальности!

– Прощайте, комиссар, – помахал рукой Юрьев, не приближаясь к джипу. – Понадобится помощь, звоните.

– Не понадобится, – ровным голосом сказал Василий. – Обойдемся без вас.

Оставив озадаченного таким поворотом дела Юрия Венедиктовича, Василий сел в машину, и они выехали с территории дачи на дорогу.

– Что-нибудь не так? – спросил внимательный Соколов. – Не хочет сотрудничать?

– Все так, Веня, но человек он сложный, непредсказуемый, и верить ему нельзя.

– А где они, простые-то? Кому можно верить?

– Я же тебе верю, ребятам твоим... Поехали в центр.

– Группу оставить?

– Снимай, им тут нечего... впрочем, оставь пару толковых ай-профи, самых опытных, пусть поглазеют за дачей через оптику и «СЭРы», на пределе дистанции.

Соколов продиктовал задание, и в кабине стало тихо, лишь урчал мощный движок джипа да из леса доносились птичьи трели. Мысли же Василия бродили далеко отсюда. Он был уверен, что догадался о схроне Марии правильно. Найти ее теперь не составляло особого труда.

* * *

Экзамен по физике твердого тела Стас легко сдал в числе последних студентов группы, отметив это событие стаканом черносмородинового сока в институтском баре, но отказался от общего похода в кафе, что для группы стало традицией. Душа не лежала к развлечениям, в то время как Мария сидела где-то взаперти и ждала освобождения. Почему-то Стас был уверен, что отец увел дочь насильно и спрятал ее под «колпаком невидимости» от претендента на

звание зятя. Хотя сам Котов плохо представлял кардинала Союза Неизвестных в роли тестя.

Ни во время экзамена, ни после никаких инцидентов не произошло, никто на Стаса не бросался и никто за ним не следил. Это отметил и Самандар, терпеливо исполнявший обязанности телохранителя Котова. Убедившись в отсутствии прямой угрозы носителю синкэн-гата (Стас не расставался с мечом даже во время экзамена, превратив ножны с мечом в длинный «рулон бумаги»), Вахид Тожиевич связался со старшим Котовым и узнал подробности контакта Василия с Юрьевым.

– Пошли, – сказал Самандар, сделав жест, понятный лишь его телохранителям, и первым направился к машине. Пятёрка Юры слаженно отработала отход, хотя со стороны этот маневр был виден только профессионалам; вся динамика группы контролировалась Шохором с помощью компьютера, вырабатывающего оптимальную стратегию поведения группы в соответствии с передвижением объектов и изменением обстановки, но чтобы заметить специальное перемещение телохранителей со стороны, надо было хорошо знать специфику охранных систем, а это всегда удел профессионалов.

Стас безропотно последовал за Вахидом Тожиевичем. В кабине «Мерседеса» с затемненными стеклами, где уже сидел Шохор, он не удержался и спросил:

– У дяди Васи все в порядке?

– Похоже, он нашел Марию.

– Где?! – подался вперед Стас.

– Не сказал. Полчаса назад он беседовал с Юрьевым на его даче в Крылатском, теперь едет по делам. Вечером пересечемся, обсудим дела.

Машина выехала на Дмитровское шоссе, увеличила скорость. Машина сопровождения – «Линкольн» со спецномером – чуть отстала.

– Высадите меня на Кольцевой, – попросил вдруг Стас.

Самандар покосился на него.

– Зачем?

– Я поеду туда... в Крылатское. Мария там, на даче.

– Никуда ты не поедешь. Серьезные дела так не делаются. Приедет Котов, тогда и обговорим детали похода к Юрьеву. Если в этом будет резон.

Стас помолчал, переживая приступ желания выскочить из машины на ходу, расслабился, глубоко вздохнул.

– А сейчас мы куда?

– Туда же, где вышли из «розы». Посидишь там пока, отдохнешь от волнений. Я съезжу в город, проверю кое-какие свои владения, может быть, не все они под контролем ликвидатора. Только не вздумай действовать самостоятельно, погреб будет охраняться моими людьми.

Стас, который как раз подумывал о самостоятельном поиске Марии, сделал вид, что подчиняется обстоятельствам.

Вскоре они выгрузились на площади у Савеловского вокзала, и Самандар отвел подопечного к погребу-складу, располагавшемуся на откосе железнодорожных путей, среди трех сотен таких же погребов, выкопанных владельцами квартир близлежащих домов. Когда погреб только строился, откос, наверное, был голым и хорошо просматривался из окон девятиэтажки напротив, теперь же здесь поднялась тополиная роща и скрыла погреб от любого взора.

– Не скучай, – усмехнулся Самандар, оставляя Стаса в тесном подземном бункере и бросая ему пачку газет. – Почитай, поспи.

И Стас остался один. Но читать газеты не стал. Подождал несколько минут, чтобы Вахид Тожиевич ушел отсюда подальше, и начал действовать, ни капли не сомневаясь в совершенстве своего плана.

Дверь погреба он открыл без особых хлопот, вспомнив, как это делал учитель. Спокойно закрыл ее за собой и не удивился, когда услышал за спиной голос:

– Куда это мы собрались, студент?

– В институт, – спокойно повернулся Стас, встречая насмешливый взгляд охранника, оставленного Самандаром; парня звали Борисом, и Стас его знал. – Надо срочно договориться с преподавателями насчет сдачи экзаменов.

– Чего ж сразу не договорился, когда мы там были?

– Всего не предусмотрить. – Стас начал спускаться по откосу вниз, к дорожке вдоль железнодорожного полотна, и был остановлен непреклонным:

– Не торопись! Придется тебе подождать старших, парень. Мне велено никого отсюда не выпускать.

– А если я не послушаюсь?

Борис с сожалением развел руками.

– Боюсь, придется задержать тебя силой. Да ты не смотри волком, приказ есть приказ, сам понимаешь. Я слышал, что ты каратист знаменитый, так и мы не лыком шиты.

– Мы? – Стас чувствовал присутствие еще одного охранника, но никак не мог определить, где он прячется. – Вас разве двое? Где ж твой напарник?

– А туточки я, – отозвался чей-то веселый голос, и на гребне вала, в откос которого и были врезаны погребя, возник улыбающийся молодой человек с мороженым в руке. – Давай топай обратно, не заставляй нас нервничать и сердиться. Мороженого хочешь?

– Ага, – сказал Стас, мгновенным щелчком выбрасывая округлый камень и попадая парню в лоб, и тут же прыгнул к первому охраннику, успевшему лишь хлопнуть глазами и дернуться за оружием. Удар в подбородок подбросил того в воздух и выбил сознание.

– Извините, ребята... – выдохнул Стас, мгновение вслушиваясь в тишину и вглядываясь в стену деревьев, затем перебежал пути. Через несколько минут он был у вокзала, где сел в метро и доехал до квартиры, где они жили в последние дни. Здесь Стас сел в «Фиат», стоящий на платной стоянке недалеко от дома, и поехал в Крылатское искать дачу Юрьева. О том, что за машиной могли наблюдать сотрудники милиции или слуги Рыкова, он не подумал.

Дачу он нашел всего за полчаса, доверившись интуиции и вспоминая слова Самандара, сказавшего о визите дяди к Юрьеву мало, но достаточно, чтобы представить это место. Еще полчаса ушло на по возможности незаметное наблюдение за дачей, после чего Стас решил действовать так же прямолинейно, как перед этим действовал его наставник. Он вышел из машины и позвонил, утопив кнопку звонка на калитке, сделанной из металлического уголка и сетки. Звонок тихо прозвенел внутри сторожки рядом с двухэтажной дачей, но никто к воротам не вышел. Стас терпеливо нажал кнопку еще раз, чувствуя, что за ним наблюдают по крайней мере с двух сторон.

Тишина. Птичьи голоса в саду и в лесу за дорогой. Скрипы деревьев. Далекие звуки автомобильных моторов.

Стас нажал кнопку и не отпускал минуты две. Ничего, ни одного движения. Тогда он вытащил синкэн-гата и одним движением развалил калитку надвое, превратив ее в стеклянную паутину. Вошел на

территорию дачи и увидел наконец сторожа, возникшего на пороге небольшого строения с помповым ружьем в руках.

– Эй, бандюга, может, скажешь, чего тебе надо? – безразличным голосом осведомился детина двухметрового роста с узловатыми от мускулов руками и бугристым лицом. – Ножик-то брось, не то подстрелю. Тебе кто дал право врываться на территорию частной собственности?

– Позови хозяина. – Стас продолжал идти, хотя и медленнее.

– Я хозяин. – Ствол «помпушки» глянул Стасу в грудь. – Стой, кому говорю!

Стас пропустил предупреждение мимо ушей. Добродушное выражение на лице сторожа уступило место сосредоточенному обдумыванию возникшей ситуации, так что стало ясно – думать парень не привык. Затем он вскинул ружье к плечу, сощурил глаз, выцеливая ногу шагнувшего вперед гостя, и... с криком изумления отлетел назад, роняя оружие. Голыш, брошенный Стасом, угодил ему прямо в переносицу.

Стукнула дверь дачи, на пороге появился Юрьев в халате. Стас остановился напротив, не опуская меча. Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза. Потом кардинал закрыл дверь за собой и спустился по ступенькам крыльца на дорожку, мельком глянув на лежащего навзничь с раскинутыми руками сторожа.

– Зачем пожаловал?

– Не за чем, а за кем. Где Мария?

– Ее здесь нет.

– Не верю!

– Ее здесь нет. – Глаза Юрьева налились темной силой, голову Стаса сдавили горячие твердые пальцы, под кости черепа проникли холодные щупальца, перебирая складки мозга, выискивая что-то. Стас напрягся, пытаясь закрыться от пронизывающего взгляда кардинала, поднял меч, и ему тут же стало легче.

– Где Мария?

Юрьев, потерпевший неудачу с подчинением воли молодого человека, покачал головой.

– Какой же ты еще мальчишка, совсем мудха^[51], как говорят индусы. У тебя в руке синкэн-гата, а в голове ветер. Неужели ты способен убить меня, чтобы узнать, где прячется Машка?

Стас подумал, опустил меч, вдруг осознавая всю некорректность своего поступка, но ответить Юрьеву не успел: тот вдруг поднял голову, глядя вверх и прислушиваясь к чему-то, потом повернулся к дому и повелительно обронил:

– Иди за мной! Мальчишка! Ты привел за собой ликвидатора!

Скрывшись в гостиной, Юрий Венедиктович вскоре появился одетым в свой рабочий костюм с «дипломатом» в руке и радиотелефоном в другой, бросил несколько фраз в трубку, поднял глаза на замершего в нерешительности Стаса.

– Старший Котов знает, куда ты поехал?

– Н-нет...

– Что ж, все, что ни делается, делается к лучшему. Ты хотел видеть Машку? Ты ее увидишь.

И стены коридора, в котором стояли Стас и Юрьев, исчезли. Оба, и кардинал, и студент, оказались в другом мире перед входом в пещеру, охраняемую «живой» статуей Хранителя. А через мгновение из пещеры выбежала Мария, почуявшая прибытие гостей.

Глава 36

КАРДИНАЛ МИНИСТРУ НЕ ТОВАРИЩ

Настроение Германа Довлатовича имело цвет «горечи и яда», как выражался поэт. За последние несколько дней он получил несколько чувствительных ударов по своей империи, которые не способствовали радостному ощущению бытия и заставили маршала СС несколько переоценить значение своих связей с Монархом и ликвидатором. Диктатуру, пирамиду абсолютной власти в реальности строить было невероятно трудно, приходилось все время делиться с кем-то, кого-то привлекать, от кого-то зависеть и кому-то помогать, чего Рыков делать не любил, перенося эту нелюбовь на подчиненных. Так, он жестоко наказал уцелевших охранников и сотрудников центра управления в банке «Северо-Запад» за то, что те допустили прорыв «чистильщиков» и позволили им освободить ценную заложницу, дочь Юрьева. Двоих он просто задушил закланием «сжимающейся петли», в трех других на глазах остальных разрядил «болевик». Их крики подействовали на «эсэсовцев» столь сильно, что один из них сутки спустя выпрыгнул из окна семнадцатого этажа, а второй появился в ГУБО и рассказал о деятельности СС все, что знал. Его признания, конечно, дальше кабинета разговаривающего с ним сотрудника ГУБО не ушли, да и самого его потом сбила машина, но улучшить настроение Германа Довлатовича эти происшествия не могли.

После того, как главные инициаторы похищения дочери Юрьева исчезли – их вертолет оказался пустым – и не появились в районе Троице-Лыкова, под которым располагался МИР Ликозидов, Герман Довлатович сразу понял, что его противник усилил свои позиции знанием универсального тхабса, что намного снижало эффективность приемов, которыми владели сам Рыков и ликвидатор. Теперь команду Котовых надо было искать не только на Земле, но и в других реальностях «розы», а возможности Германа Довлатовича были ограничены. Плюс ко всему отряд противодействия приобрел новых сторонников в лице Юрьева и Бабуу-Сэнгэ, имеющих определенные

ареалы воздействия на социум, собственные оперативные подразделения и возможности магического манипулирования. Сбрасывать их со счетов не приходилось, несмотря на мощную поддержку ликвидатора и Монарха, вдруг обнаружившего интерес к происходящему на Земле.

Герман Довлатович не мог отрицать, что Монарх здорово помог ему в последних событиях и готов был помогать и дальше, но за всем этим внезапным интересом наверняка стоял какой-то особый расчет, вычислить который Рыков не смог и мучился, раздираемый сомнениями: что бы это значило? У него даже мелькнула мысль: а не переметнуться ли, пока еще не поздно, в лагерь «чистилища», уничтожить ликвидатора, а уж потом приняться за союзников? Но мысль мелькнула и спряталась до поры до времени, потому что беспристрастный анализ происходящих событий показал силу ликвидатора и его несомненные успехи. Внутренний Круг человечества был почти уничтожен. Уцелеть можно было, лишь присоединившись к победителю.

Но Герману Довлатовичу мало было уцелеть, он хотел остаться единственным повелителем реальности, а для этого готов был предать кого угодно и сотрудничать с кем угодно, будь то Истребитель Закона, Воин Закона или сам дьявол. Он хорошо усвоил студенческую формулу времен СССР: главное в жизни не то, что есть, а то, чего хочется. А хотел Герман Довлатович многого. Если бы он читал известное произведение Себастиана Бранта «Корабль дураков», то, наверное, запомнил бы строки: «Жена, земля и бездна ада – сколь ни давай, еще им надо!» Но Бранта Рыков не читал и о бездне ада никогда не думал. Ад был в нем самом.

Сутки спустя после печального инцидента в здании банка Герман Довлатович собрал в клубе «У Шварценеггера» свой СССР – Совет Сверхсистемы, чтобы обсудить положение дел. Этого требовали участвовавшие болезненные выпады со стороны «чистилища». Однако на Совет прибыло не более половины генералов СС, напуганных обстановкой в столице, и Рыкову пришлось привлечь своих спецназовцев, чтобы собрать кворум. Проблема защиты СС становилась недопустимо острой, пора было принимать адекватные меры, хотя где искать главных виновников создавшегося положения –

комиссаров ККК Самандара и Котова Рыков не знал. Вернее, знал – в «розе реальностей», но достать их там он пока не имел возможностей.

После заседания он собрался было в сауну, расслабиться после стрессовых встреч и решений, и был неприятно удивлен, когда ему позвонил министр внутренних дел.

– Герман Довлатович, – раздался в трубке сотового телефона голос Дятлова, – будьте так любезны, навестите меня в конторе. И как можно быстрее. Есть дело.

– Предлагаю встретиться на нейтральной территории, – сделав паузу, отозвался осторожный Рыков. – Например, «У Шварценеггера» или в Новых Сандунах.

– Я в баню не хожу, – отрезал министр. – Будьте через час в клубе. Выяснили, где прячутся ваши обидчики?

– Еще нет, – бесцветным голосом сказал Рыков. – Но с ними был господин советник президента Юрьев, а он недавно объявился в реальности. Попробуйте получить сведения через него.

– Мои люди его упустили. Что вы знаете о нем, чего не знаю я?

– Юрий Венедиктович считается преемником координатора и очень с ним дружен. Вдвоем они представляют немалую силу. Если хотите расправиться с ними, начните с...

– Приберегите советы до встречи и не опаздывайте. – Дятлов отключил телефон.

Рыкову отчего-то стало зябко, тон министра ему не понравился, и тогда он решил принять кое-какие меры предосторожности. Клуб «У Шварценеггера» считался территорией, свободной от любых разборок и посягательств на свободу личности, но если министру внутренних дел еще приличествовало следовать каким-то принципам, то эмиссару ликвидатора ни один закон не мог служить препятствием к достижению цели. Следовало побеспокоиться о подстраховке.

Дятлов прибыл в клуб в сопровождении двух шкафообразных телохранителей, все мысли которых легко читались на их мощных складчатых загривках. Рыков, ожидавший министра в бильярдном зале клуба, впервые оценил, как выглядят со стороны подобные типы, ибо его охранники ничем не отличались от этих. Но что поделаешь, если человеку с комплексами нравятся люди сильные и видные, с гипертрофированными мускулами, которые очень редки в среде интеллектуалов...

Дятлов, не здороваясь, подождал, пока Рыков выставит на стол шары и, жестом отослав телохранителей, взял предложенный кий.

– Так что вы там говорили о расправе над Юрьевым и Бабуу?

Герман Довлатович окинул ничего не выражающим взглядом грузную, с выпирающим животом, фигуру министра, со злорадством подумал, что Дятлов не зря комплексует, окружая себя людьми мощными и глупыми. Посредственность и уродство всегда тяготеют ко всему крикливому, большому и вызывающему. О том, что он сам поступает подобным образом, Рыков не подумал.

– Их надо разъединить, рассорить, натравить друг на друга. Тогда можно будет задавить каждого в отдельности.

– Ну, это известная формула, – скривил губы министр, хищно глянул на стол, прицеливаясь, и виртуозно всадил шар в лузу. – Разделяй и властвуй. Я думал, у вас есть конкретные предложения.

Конкретные предложения у Рыкова были, но делиться ими он не спешил.

Дятлов забил еще один шар.

– Итак, к делу, господин кардинал. Если хотите жить, сотрудничайте со мной потесней и не вздумайте менять ориентацию. Кто не со мной, тот против меня, со всеми вытекающими последствиями. И не особенно надейтесь ни на поддержку эгрегора, ни на помощь Конкере. Он далеко, а ликвидатор близко. Вы меня поняли?

– Я бы тоже не советовал вам разговаривать со мной в таком тоне, – бледно улыбнулся Рыков. – Вы же не знаете всех моих козырей.

– Знаю, – отрезал Дятлов. – Ваши люди в клубе обезврежены, так что не стоит на них рассчитывать. А вы, как мне известно, не из тех людей, которые владеют абхайей^[52].

– Зато я владею кое-чем другим, – пожал плечами Рыков, не вдаваясь в подробности; он имел в виду гипногенератор «удав».

Дятлов понял его по-своему. Хотя он и получил знания Круга как зомби-проекция ликвидатора, но был все же обыкновенным человеком, в отличие от Рыкова, который владел многими паранормальными способностями и занимал восемнадцатую ступень на «лестнице самореализации» Внутреннего Круга, что позволяло ему оперировать магическими Силами Иегова Элохим и Эл, определяющими степень воздействия на психику человека и на земную реальность в целом.

– Если вы имеете в виду стрелковое оружие, то оно не дает гарантии ликвидации неугодных нам лиц. Пора подумать о ракетных атаках на уцелевших людей Круга.

– Вы это... серьезно?

– Более чем, – сверкнул глазами Дятлов. – Мне церемониться некогда, поставленная задача должна быть выполнена в кратчайшие сроки.

«Но ведь это взорвет всю страну, – хотел сказать Рыков, – начнется хаос, кем и чем я буду управлять?» Но вслух сказал другое:

– Как только вы начнете применять ракеты, вас вызовут в Кремль, потребуют объяснений и отправят в отставку. Кстати, Юрьев, по моим данным, уже подал президенту записку о вашем несоответствии должности с предложением отправить вас на пенсию.

– Это меня не волнует, – отмахнулся Артур Емельянович, забивая подряд три шара. – Я всегда имею возможность обвинить во всех грехах «чистилище». Что вам известно о Воине Закона справедливости?

Рыков, так ни разу и не вступивший в игру, помолчал.

– Насколько я знаю, его приход подготовлен, однако сам он в реальности еще не появился. Зато ходят слухи, что «засветилось» его оружие.

– Синкэн-гата?! – Дятлов оторвался от стола. – Черт возьми, это серьезно! Вы второй, кто мне это говорит. У кого сейчас синкэн-гата? Кроме самого Воина, им может владеть только оруженосец Воина.

– Синкэн-гата доставил на Землю из «розы» Посвященный I ступени Котов... который, кстати, является комиссаром «чистилища», сбежавшим от нас позавчера.

Дятлов отставил кий.

– Найдите мне его! Синкэн-гата не должен попасть в руки Воина! Делайте что хотите, но найдите Котова... если желаете пожить и повластвовать над страной!

В бильярдную зашли телохранители министра. Артур Емельянович оглянулся на них, недовольный вторжением, потом посмотрел на Рыкова и начал кое-что соображать.

– В чем дело, парни?

– Они теперь работают на меня, – любезно пояснил Рыков. – Так что вы напрасно говорили о нейтрализации моих людей в клубе.

Дятлов поморщился.

– Как вы торопитесь, кардинал. Мне ничего не стоит взорвать весь этот клуб... вместе с вами. Доказательства нужны?

– Нет, – подумав, ответил Рыков, снова ощущая сосущий холодок страха в груди. В отличие от Дятлова – не министра, а эмиссара – он очень хотел жить.

– Найдите мне Котова, – повторил министр и вышел, обойдя своих перепрограммированных телохранителей как столбы.

Глава 37

ФОЛ ПОСЛЕДНЕЙ НАДЕЖДЫ

Виктор Викторович Мурашов владел в Москве семью квартирами, из которых только три были известны его соратникам и друзьям, остальные же четыре входили в секретный «золотой фонд безопасности» и не находились ни на балансе спецслужб, ни на балансе канцелярий Круга. Их местонахождение было известно только одному Виктору Викторовичу.

Кроме квартир, кардинал Союза Неизвестных имел три дачи в Подмосковье и два офиса – помимо официального в «Белом доме», поэтому чувствовал он себя достаточно независимо, уверенный в отсутствии прямой угрозы жизни, и даже несомненные успехи ликвидатора в деле сокращения «поголовья» Круга не смогли поколебать этой уверенности. Просто Виктор Викторович стал осмотрительнее в контактах с государственными деятелями и людьми вообще и увеличил численность охраны собственной персоны еще на полтора десятка человек.

После боя с Германом Довлатовичем на территории «Лосинового острова» Виктор Викторович некоторое время скрывался на одной из тайных квартир, ожидая, что предпримет ликвидатор, но так как относительно его никаких действий не последовало, он осмелел и вышел на работу, где встретился с премьер-министром и поделился с ним сомнениями относительно служебного соответствия министра внутренних дел. Москва была взбудоражена убийствами известных деятелей, взрывами и терактами, бой между «неизвестными террористами» и силами правопорядка в здании банка «Северо-Запад» стал последней каплей в чаше терпения Совета безопасности, которым руководил Мурашов.

Премьер тоже был озабочен творившимся в стране беспределом и пообещал секретарю Совета безопасности поговорить на эту тему с президентом, а поскольку слову премьера можно было верить, Виктор Викторович немного воспрял духом. Рычаги влияния на жизнь страны еще подчинялись ему, и это вселяло определенные надежды на успех в борьбе с ликвидатором.

В пятницу седьмого июня, проведя очередное заседание Совета (эти заседания стали чуть ли не ежедневными), Виктор Викторович решил слегка расслабиться и после обеда поехал в закрытый спортклуб «У Шварценеггера» для правительственных чиновников, располагавшийся рядом с одноименным элитным клубом у Патриарших прудов. Кардинал любил проводить время на прекрасных теннисных кортах этого клуба и ракеткой владел прилично, что для высшей правительственной элиты стало как бы нормой с подачи еще первого российского президента.

На корте Виктор Викторович появился в пять часов пополудни, пригласив в качестве партнера первого вице-премьера. Корт был накрыт козырьком, играть на нем было весьма приятно, тем более что за игрой наблюдала молодая симпатичная секретарша Мурашова, и Виктор Викторович забыл о своих неприятностях и невзгодах. Однако не надолго. Ликвидатор напомнил о себе сам и в тот момент, когда меньше всего хотелось думать о нем.

Внезапно Мурашов почувствовал «толчок» ментального поля и мгновенно понял, что обстановка вокруг изменилась. Не нужно было даже выходить в астрал и вызывать состояние просветления – сатори или самадхи, чтобы оценить ситуацию: некто очень большой и властный, владеющий магическим оперированием, вычислил положение кардинала и перекрыл ему свободный отход в психофизическом поле. Означать это могло только одно: ликвидатор начал операцию по уничтожению кардинала, ни капли не смущаясь возможным общественным резонансом.

Виктор Викторович очень хорошо знал возможности министра внутренних дел и был готов к покушению на свою жизнь, однако он не знал пределов цинизма этого человека, зомбированного ликвидатором, и не был подготовлен к масштабу предлагаемой игры и мощности выбранных средств.

Охрана Мурашова, к данному моменту насчитывающая два десятка человек, свое дело знала неплохо и рассредоточилась вокруг корта и по всему клубу так, что могла перекрыть доступ к охраняемому объекту любой террористической группе, если таковая возымела бы намерение напасть на особо важную персону. Однако и бригада спецназа, усиленная ОМОНОм и оперативной ротой ГУБО, подчиненная непосредственно Дятлову, тоже неплохо владела

навыками диверсионной работы и захвата террористов. Получив приказ на задержание Мурашова и разрешение применять оружие (под каким предлогом это делалось, чем руководствовалось командование бригады, чем обосновывал свой приказ министр – осталось неизвестным), бригада начала действовать и, как только охранники секретаря Совета безопасности стали сопротивляться, применила все, что имела на вооружении: снайперские винтовки повышенной точности с автоматической подводкой «плавающего» ствола на цель, лазерные пистолеты, газовые парализаторы и электрошокеры. Вся операция по нейтрализации первой линии обороны Мурашова, выставленной вокруг и внутри спортклуба, заняла несколько минут. Затем наступила очередь ликвидации второй линии защиты – вокруг и внутри кортов, непосредственно на площадке.

Здесь наступление ОМОНа замедлилось. Охранники уже получили сигнал о нападении и начали операцию по спасению охраняемой персоны, также не особенно церемонясь в выборе средств защиты; все они были вооружены пистолетами-пулеметами «кипарис» и «клин», а также новейшими «волками» и стреляли не хуже омовцев.

Мурашов начал отступление еще раньше, как только почувствовал изменение психофизических потенциалов вокруг Патриарших прудов. Не объясняя свои действия ни партнеру, ни зрителям, ни охране, он устремился бегом с площадки к запасному выходу из клуба, вовремя обнаружил двух снайперов на крышах недалеких высотных домов, обездвигил их, чувствуя, что за ним продолжает наблюдать тот самый некто, двинувший свои полки на ликвидацию кардинала, но до выхода не добежал: сломив сопротивление внешней линии охраны, омовцы ворвались на территорию клуба и с этой стороны. На размышления времени у Виктора Викторовича не оставалось совсем, и тогда он использовал состояние самадхи для преодоления порога Силы Иеговы, способной изменять законы природы в ограниченном объеме.

Для многочисленных свидетелей атаки ОМОНа на корты спортклуба, в том числе и для собственных телохранителей, Виктор Викторович просто исчез. На самом же деле он «отвел» всем глаза заклятием невидимости, и омовцы перестали его видеть.

Наверное, если бы не вмешательство еще одной трансцендентной силы в лице Рыкова, Мурашов ушел бы живым. Он прошел цепь

бойцов спецназа, выбрался в переулок за строениями клуба и даже преодолел пешеходный мостик над дорогой, готовясь остановить чей-нибудь автомобиль, высадить водителя и уехать, но в это время Рыков, наблюдавший за проведением операции из окна на двенадцатом этаже ближайшего дома, нанес ментальный удар по сознанию бывшего коллеги.

И тотчас же пелена невидимости вокруг Мурашова исчезла, его заметили.

Виктор Викторович успел-таки отбить эту страшную невидимую астральную атаку, едва не погрузившую его в беспамятство, поймать машину и сесть в нее, а также снова попытаться создать зону невидимости вокруг себя, но один из бойцов охранения, заметивший кардинала, за мгновение до исчезновения Мурашова навел на захваченную им машину гранатомет и выстрелил.

Взрыв гранаты произошел уже в зоне невидимости, однако это секретаря Совета безопасности не спасло, граната рванула буквально в его голове, вонзившись в висок. Жизнь кардинала оборвалась...

* * *

Оставив ошеломленного Стаса и Марию возле пещеры со статуей Хранителя, не дав им опомниться, Юрьев вернулся в земную реальность, возникнув прямо у себя в кабинете в здании президентской администрации на территории Кремля. Первое, что он увидел, оторопев от неожиданности, – висящий в центре кабинета мохнатый по первому впечатлению гудящий шар. Это был рой пчел! И как только Юрий Венедиктович понял, что это пчелы, рой бросился на него.

Любого другого человека пчелы вполне могли закусать до смерти. Однако нападение, хотя и было неожиданным, не сопровождалось ментальной поддержкой и деформацией энергетических оболочек тела, поэтому Юрьев легко отбил его всплеском Силы Эл, превратив пчел в тающие янтарные капли. И все же сюрприз был неприятен. Он говорил о том, что ликвидатор ищет новые формы атак на Посвященных и успокаиваться не собирается.

Юрий Венедиктович закрыл окно в кабинете, внимательно осмотрел его на предмет других сюрпризов, ничего не обнаружил и позвонил президенту. Надо было заставить его обратить внимание на деятельность Министерства внутренних дел и тем самым ограничить Дятлову свободу маневра. Снять его указом президент не мог, но мог дать рекомендации Думе рассмотреть вопрос снятия с должности за упущения в работе, некомпетентность и злоупотребления служебным положением. С другой стороны, Юрий Венедиктович прекрасно понимал, что это не решение проблемы. Министра, эмиссара ликвидатора, в принципе можно было нейтрализовать и даже вообще уничтожить, однако на его место пришел бы другой эмиссар, и война продолжалась бы по-прежнему. А к самому ликвидатору подхода пока Юрьев не видел. Теми средствами, что имелись в распоряжении кардиналов, уничтожить его действительно было невозможно. Лишь некоторые из Великих Вещей Мира, такие, как винайка и синкэн-гата, обладали потенциальными возможностями воздействия на разумную систему Истребителя Закона, но они почти все находились под контролем Хранителей и доступа к ним Посвященные других каст не имели.

Конечно, у Юрия Венедиктовича была перспектива завладеть «духовным мечом» Стаса Котова, то есть синкэн-гата, мальчик, по сути, находился в его руках, и теперь только надо было подобрать к нему ключик.

Разговор с президентом, к которому Юрьев мог входить в любое время дня и ночи, длился всего несколько минут. Человеку Круга ничего не стоило убедить главу государства в необходимости замены министра внутренних дел. Теперь оставалось то же самое доказать Думе, а этот процесс требовал времени. Надо было выловить руководителей думских фракций и при необходимости зомбировать каждого, чтобы большинство депутатов на очередном заседании Думы проголосовали за отставку министра.

Домой Юрий Венедиктович демонстративно поехал без охраны, она ему была теперь не нужна. О смерти Мурашова ему сообщил по сотовому телефону секретарь-референт, когда Юрьев уже подъезжал к Арбату. Размышляя над печальным событием, Юрий Венедиктович обозрел астральные горизонты в поисках опасности и поднялся на

свой этаж. В квартире кардинала ждал Бабуу-Сэнгэ, сумевший преодолеть «печать отталкивания» и обойти охрану дома.

– Вы знаете о гибели Виктора Викторовича? – без предисловий начал он.

Юрьев оглядел наряд координатора: Бабуу-Сэнгэ сменил свой атласный халат на приличный европейский костюм и трость, изменил цвет лица и волос, сами волосы связал в пучок на затылке, нацепил темные очки и теперь был похож на музыканта. Юрий Венедиктович отметил для себя эти знаменательные перемены в облике никогда ранее не переодевавшегося координатора и прошел в спальню, где переоделся в домашний халат.

– Это ваши люди караулят Арбат? – обратился он, вернувшись в гостиную, к Бабуу-Сэнгэ. – Или оперативники ликвидатора?

– Мои, – слегка поклонился гость. – Вы так спокойно об этом говорите, Юрий Венедиктович, что я начинаю верить словам Рыкова, что вы теперь тоже обладаете тхабсом.

– Это правда, – после паузы ответил Юрьев. – Чай, кофе?

– Кофе, – неожиданно попросил Бабуу-Сэнгэ, всем напиткам всегда предпочитавший чай. И этот момент также отметил для себя Юрьев, понимая, что координатор Союза не зря изменил не только одежду, внешность, привычки, манеры, но и образ жизни.

– Есть старый анекдот, – улыбнулся Юрий Венедиктович. – К психиатру приходит женщина: «Доктор, с моим мужем творится что-то странное. Он каждое утро пьет кофе». – «Что же здесь странного?» – «Да, но потом он съедает чашку!» – «Как, целиком?!» – «Нет, ручку почему-то оставляет». – «Действительно, странно, – задумчиво произносит доктор, – ведь самое вкусное – это как раз ручка...»

Бабуу-Сэнгэ мелко засмеялся. А у Юрьева на душе заскребли кошки. Координатор никогда раньше не позволял себе показывать свои переживания.

– Присаживайтесь. – Юрий Венедиктович сварил и принес кофе. – Чем обязан визиту?

Он догадывался, почему пришел к нему координатор, но собиравшись поиграть с гостем, заставить его раскрыть карты первым. И тут сработал известный спортсменам закон парности ошибок. В коллективных играх, таких, как волейбол, баскетбол и футбол, очень часто случается так, что на ошибку игрока одной команды тут же

вторая отвечает ошибкой своего игрока. То же самое произошло и сейчас.

Юрьев ждал игры, каких-то предварительных разговоров, намеков, обмена информацией и ошибся, потому что Бабуу-Сэнгэ пришел не для переговоров или ради обсуждения возникших проблем, он пришел, чтобы получить тхабс, причем – силой! Юрьев ждал объяснений, а вместо этого схлопотал мощнейший, фрустрирующий психику ментальный удар, усиленный разрядом «глушака» и «нагрудником справедливости» – талисманом координатора, частичкой Великой Вещи Мира, известного под названием «кодон». Эта Вещь – кодон – могла лишить сознания и воли любого человека, в том числе Посвященного, человека Круга.

Но и Бабуу-Сэнгэ допустил ошибку, посчитав свою внезапную атаку достаточной и не повторив ее, в результате чего Юрий Венедиктович, сознание которого «вылетело» за пределы всех частотных уровней психики, но «врезалось» в стену тхабса и задержалось на мгновение в инстинктивной сфере, усилием гаснущей воли успел бросить себя в «розу реальностей».

Бабуу-Сэнгэ остался в квартире кардинала один. Проникнуть в подсознательные глубины психики Юрьева и считать с памяти формулу тхабса он не успел. Обессиленный поражением, он опустился на ковер, словно постарев сразу на полсотни лет, и начал молиться...

Глава 38

ЛИКВИДАЦИЯ ЭМИССАРА

План был оптимален, это признал даже скептически настроенный поначалу Самандар. Портили настроение Василия лишь исчезновение Стаса и отсутствие «в пределах оперативной видимости» Юрьева с дочерью. Самандар даже увязал оба этих вида абхав^[53] в один узел, но проверить догадку пока не представлялось возможным, да и времени не хватало, и Василий скрепя сердце начал развертку бандлика по эмиссару ликвидатора – министру внутренних дел – без ученика.

Весь расчет строился на посещении Дятловым клуба «У Шварценеггера», где министр, заядлый поклонник и мастер бильярда, проводил почти каждый вечер. Ничего не стоило изучить его привычки, манеру поведения и весь процесс игры от момента появления в клубе до его закрытия. Веня Соколов со своими разведчиками сделал это за два дня. На третий – в субботу восьмого июня «чистильщики» приступили к реализации плана.

Дятлов обычно посещал клуб после семи-восьми часов вечера, но в субботу мог прийти и днем, поэтому все было основано на безупречном взаимодействии наблюдателей, следящих за каждым шагом министра, и оперативников Соколова и Баканова. Василий и Самандар должны были начать операцию первыми, появившись в клубе раньше Дятлова.

Сигнал о том, что министр выехал с Петровки в направлении Патриарших прудов, Котов получил в шестнадцать часов три минуты. Через пять минут он подъехал к зданию клуба и, предъявив клубную карточку, прошел на территорию знаменитого катрана, посещаемого сильными мира сего, включая правительственных чиновников, главарей мафии, бандитов и криминальных авторитетов, имеющих респектабельную официальную репутацию «бизнесменов».

Самандар уже находился в клубе (под личиной помощника депутата от фракции ЛДПР Блехно), где в ожидании прибытия министра баловался с кием, сняв лучший из бильярдных столов на весь вечер. Веня Соколов, пребывающий в амплуа телохранителя

«помощника депутата», помогал ему играть «хозяина», подобострастно меняя напитки и собирая шары. Остальные «чистильщики» заняли места согласно «штатному расписанию», пройдя в клуб заранее под разными масками и предложениями.

Сначала в бильярдную заглянули сотрудники секьюрити министра – трое спортивного вида, высоких и сильных, с цепкими глазами, молодых людей. Они готовили для своего босса гарантированную зону безопасности. Один из чекистов подошел к играющим и вежливо попросил предъявить документы.

Василий, играющий роль депутата Блехно, недовольно глянул на молодого человека, буркнул:

– Я Блехно. А это мои помощники. В чем дело?

– Обычная проверка, – с терпеливой вежливостью ответил молодой человек. – Мы видим вас впервые, а через несколько минут клуб посетит особо важная персона, понимаете?

– Ну и что? – На лице Василия нарисовалась высокомерно-снисходительная мина. – Мы здесь все особо важные. Охрана клуба свое дело знает, так что ваша проверка излишня.

Глаза молодого человека приобрели цвет стали.

– И все же я попросил бы...

– Сначала предъявите свои полномочия, – возник сбоку улыбчивый Соколов. – Мы ведь тоже можем устроить проверку.

Чекист подумал и достал удостоверение на имя подполковника милиции Сахарова.

– Очень приятно познакомиться. – Соколов протянул свое – полковника ФСБ. – Уверяю вас, коллега, все в порядке, и эти люди находятся здесь на законном основании. Это известный всем депутат Яков Семенович Блехно, это его помощник Борис Леонтьевич Сахно, кстати, блестяще играет в бильярд. Какая еще проверка нужна? А здесь мы действительно впервые, так как играли раньше в клубе «Достоевский».

Это была правда. Настоящий депутат Блехно посещал именно этот престижный клуб, отличающийся более свободным и раскованным поведением столичной богемы.

Молодой человек еще немного подумал, через силу выдавил из себя «извините» и отошел. Самандар, так ни разу на него не посмотревший, продолжал играючи класть в лузы шар за шаром.

Василий подошел к нему, и они начали «русскую горку», перестав обращать внимание на всех, кто находился в зале.

Пошептавшись со своими коллегами, подполковник Сахаров исчез, а еще через минуту вернулся, сопровождая Дятлова, что-то втолковывая ему на ходу.

Артур Емельянович остановился в центре зала, разглядывая вальяжно-важные лица игроков, затем отвлекся на оценку партии и уже с иным интересом посмотрел на Самандара, с небрежной грацией профессионала продолжавшего кладку шаров. Подвели Дятлова его природная самоуверенность и пренебрежение к противнику. Будучи абсолютно убежденным в собственной неуязвимости и тактической непогрешимости, он не был готов к тому, что кто-то посмеет приготовить ловушку лично ему да еще в столь неподходящем для этого месте, и принял диктуемые «чистилищем» условия игры.

Василий понял это сразу, многозначительно поднял бровь. Самандар кивнул. Министр клюнул на приманку.

– Позвольте? – подошел он к игрокам. – Вы Яков Семенович? Извините, что не знаю вас в лицо, хотя наслышан. Я Артур Емельянович...

– О, господин министр, мы не только наслышаны, но и хорошо вас знаем, – расцвел улыбкой Василий, чуть ли не расшаркиваясь. – Вы занимаете такое высокое кресло, которое видно издалека. Не желаете ли сыграть? Я, откровенно говоря, играю слабо, хотя и люблю это дело, нервы успокаивает, знаете ли, а вот мой помощник – мастер.

– Да, я заметил. Не возражаете, если мы с ним покатаем желтенькие?

– Какие разговоры? – развел руками Василий. – С удовольствием понаблюдаю за поединком львов.

Дятлов взял принесенный из отдельного шкафчика кий, взвесил его в руке.

– Классику? Или предпочитаете сотенку с отколышем?

– Я играю все, – бесстрастно поклонился Самандар.

– Прекрасно, тогда предлагаю славяночку по маленькой.

Веня Соколов по жесту «хозяина» с готовностью собрал шары в треугольник, министр разбил его, и игра началась. Василий отошел к соседнему столу с кием в руке, делая вид, что поглощен игрой, а сам принялся анализировать расстановку сил.

По докладам наблюдателей положение «чистильщиков» представлялось более выгодным, чем прибывших оперативников министра. Во-первых, потому, что никто их не вычислил и не знал в лицо, во-вторых, потому, что они заняли стратегически важные позиции у входов-выходов, в игровых залах и на кухне. Охранники министра в количестве двух десятков человек сосредоточились возле бильярдного зала и разошлись по коридору к выходу, до автостоянки. Еще одна группа спецназа, не обнаруживающая себя, но доступная контролю «чистильщиков», ждала министра в микроавтобусе «Рэндровер». В отличие от группы внутри клуба эти парни были прекрасно вооружены и экипированы и только ждали команды, чтобы тут же появиться на сцене, если этого потребует ситуация. Их следовало опасаться больше всего.

Кроме того, Артура Емельяновича на берегу пруда, на специальной площадке, ждали вертолет и взвод поддержки. Министр не зря считал себя в полной безопасности.

Вася оглядел зал, оценивая расположение противника.

Против троих – Самандара, Вени Соколова и его самого противоборствующая сторона выставила шестерых телохранителей министра под командованием подполковника Сахарова плюс штатный охранник клуба, плюс двое парней обслуживающего персонала. Кроме них, в зале находились еще две пары игроков, пожилых и молодых, и две девицы сопровождения, которых тоже следовало взять в расчет, потому что было неизвестно, являются ли они завсегдатаями клуба или входят в команду охраны Дятлова негласно. И все же Василий остался доволен обстановкой, несмотря на явно превосходящие силы противника. Невооруженных людей, какими бы они профессионалами боя ни были, он не боялся.

– Начинаем? – подошел к нему Соколов, напряженный, наполненный злым весельем предстоящей схватки; если кто и прислушивался к разговорам в зале, вряд ли успел бы сообразить, к чему относится реплика.

– Я первый, – одними губами напомнил Василий.

Игра между тем продолжалась. Самандар не дал Дятлову в первой партии ни одного шанса отыгаться, и министр, забыв обо всем, рвался восстановить статус-кво.

Василий, якобы замороженный игрой, подошел ближе к столу с открытым ртом, отмечая встречное движение подполковника Сахарова, контролирующего ситуацию со своей стороны. Чекист хорошо видел подконтрольную зону и на всякий случай перестраховывался.

– Не мешайте, Яков Семенович, – прошептал он на ухо Василию, приблизившись вплотную.

– Я только возьму шар, – прошептал Вася в ответ, вытащил из лузы шар, забитый Самандаром, и сделал шаг назад. Сахаров отступил, ложно истолковав желание «депутата», и в то же мгновение Василий специальным приемом, так называемым «щелчком плетью», бросил шар в министра. Перехватить руку метателя захваченный врасплох подполковник не успел.

Шар с силой врезался Дятлову в висок, ломая височную кость, отбрасывая голову согнувшегося над столом Артура Емельяновича, и тотчас же на его голову обрушился еще один удар: Вахид Тожиевич неуловимым движением воткнул кий в глаз министра.

На мгновение все застыли, глядя, как падает на пол с торчащим из головы кием особо важная персона. Затем началось то, что называется паникой среди зрителей и стрессовой реакцией оплошавшей охраны.

Подполковник Сахаров, оскалившись, бросился на Василия и наварлся на прием ТУК, уложивший начальника охраны на пол рядом с мертвым шефом. Остальные охранники ринулись на «депутата и его помощника», но были встречены вихрем контратак Самандара и Василия, вошедших в темп и действующих на сверхскоростях, недоступных даже оперативникам спецназа. Веня Соколов помогал командирам чем мог, зорко наблюдая за ходом боя и командуя своими людьми, начавшими чистить территорию клуба от бойцов ОМОНа и готовить отход основной группы.

Бой в бильярдном зале длился всего четверть минуты. Шестеро телохранителей министра, бросившиеся им на помощь охранник клуба и парни обслуживающего персонала все до единого потеряли сознание от касаний ТУК и ударов, которыми наградил их Самандар. Затем началось отступление «чистильщиков», безупречно сделавших свое дело.

Последним уходил Василий, проверив на всякий случай состояние Дятлова и убедившись, что тот бесповоротно мертв. И в это время ему показалось, что стены зала качнулись, а в ушах лопнула

тонкая стеклянная нить. Кто-то далекий и в то же время близкий, словно засевший одновременно во всех стенах зала, одарил людей презрительно-угрожающим взглядом, нашел Василия и прыгнул на него со всех сторон сразу...

Но Котов был готов и к этому варианту – выходу на сцену самого ликвидатора, владеющего эгрегорными полями зомбированных им людей. Он не зря надел свою «тюбетейку» – генератор защиты от гипноизлучения и уговорил надеть такие же Самандара и Соколова. «Тюбетейка» взяла на себя основную часть пси-атаки, а остальное отбил сам Котов, не потеряв ни на миг нити ситуации. То же самое сумел сделать и Вахид Тожиевич. Лишь Соколову досталось больше, но и он не потерял сознания, продолжая привычно, несмотря на качающиеся стены, контролировать операцию и действия окружающих. Именно он уловил движение одной из девиц, по-мужски цепко следящей за происходящим, – девица собиралась метнуть в отступавших комиссаров какой-то предмет, оказавшийся миниатюрной гранатой с парализующим газом (!), – и кием выбил гранату у нее из руки.

Дальнейшее произошло в течение пяти секунд, пока срабатывал взрыватель гранаты.

Из двери в коридор вдруг выскочил Самандар, бросив одно слово:

– Назад!

Крикнул Соколов:

– Граната!

Василий прыгнул к столу, цапнул бильярдный шар, нашел глазами падающий «греческий орех» гранаты и броском шара отбил орех к двери.

Раздался чмокающий хлопок взрыва, в проеме двери вспухло белое, стремительно расширяющееся облако дыма. И тотчас же сквозь это облако в зал ворвался поток черной жидкости, целеустремленно хлынувший к Посвященным, отступившим ко второму выходу из зала. Лишь спустя мгновение Василий разглядел, что это была за «жидкость» – поток тараканов! И веяло от этого потока холодной нелюдской ненавистью, угрозой и ужасом!

– Беги! – подтолкнул Веню к выходу Василий. – Вариант номер два!

Соколов безмолвно нырнул в дверь, бормоча команды отступления по варианту два. Василий и Самандар задержались, соединенным ударом ментального поля останавливая поток тараканов, превращенный ликвидатором в коллективное разумное существо с единым полем сознания. Но сражаться с ним они не стали, как ожидал этого, наверное, ликвидатор, не успевший подстраховать своего эмиссара. Остановив поток, Посвященные тут же рванули вслед за Соколовым, и догнать их «тараканья проекция» ликвидатора уже не смогла. Зато она здорово напугала омовцев, пытавшихся задержать отступавших «чистильщиков».

Через минуту Котов, Самандар и Соколов сидели в машине. Еще через минуту они были далеко от Патриарших прудов.

Штурм-команда «чистилища» в течение этого времени организованно сворачивала свои порядки, «втягивала щупальца под панцирь», маскировала следы и тихо растворялась в ущельях близлежащих к территории клуба улиц. Вооруженная до зубов рота спецназа, оцепившая клуб, уже ничем не могла помочь своему министру.

Глава 39

НЕ ЩАДИТЬ НИКОГО!

Истребитель Закона хоть и не был человеком и вообще живым существом, способным испытывать боль и радость, гнев и обиду, другие эмоции и переживания, однако совсем бесчувственным назвать его было нельзя. Так, гибель российского эмиссара, попавшего в ловушку тех, за кем он охотился, подействовала на ликвидатора угнетающе и одновременно возбуждающе, заставила испытать специфические гнев и ярость, но не поколебала уверенности в скором достижении цели. Однако возрастающее сопротивление дичи – людей Круга требовало принятия адекватных мер, и ликвидатор объявил всем эмиссарам «час молитвы», то есть созвал их для всеобщего инструктажа.

Всего эмиссаров набралось по разным странам около тысячи человек. Этого количества еще не хватало для образования полноценного эгрегора, но уже было достаточно для создания зародыша, ядра будущего всепланетного эгрегора, на который мог бы опереться ликвидатор, а впоследствии – образовать новое качество: «переселиться» из компьютерной сети в сознание коллектива, создать разумную систему типа «стая». В этом случае ликвидатор становился практически не уничтожимым. А помочь ему в создании «разумной стаи» могли многие лидеры групповых и национальных эгрегоров, такие, как Герман Довлатович Рыков, координаторы Союзов Неизвестных, президенты и премьер-министры разных стран. Но если кодирование президентов и премьеров казалось достаточно простым делом, все они пользовались компьютерами и были зависимы от них, то Рыков, а вместе с ним и его мощный российский криминальный эгрегор, «эгрегор Тьмы», был пока неподконтролен ликвидатору, и привлечь его на свою сторону являлось задачей номер один. Задачей номер два Истребитель Закона считал уничтожение бывшего кардинала, сумевшего-таки чем-то заинтересовать Монарха и получить его поддержку. Задачей номер три становилось уничтожение Посвященных, ликвидировавших министра внутренних дел России и свободно разгуливающих по «розе реальностей».

Инструктаж эмиссаров состоялся восьмого июня, почти сразу же после гибели министра-эмиссара. Он был краток и категоричен.

– В связи с неуклонно падающей эффективностью операций по гашению людей Круга, – сказал ликвидатор (только небольшая доля компьютеров не была оборудована звуковыми и мысленными диалоговыми системами, имея выход на дисплеи, остальные компьютеры давно общались с операторами как живые существа), – приказываю увеличить мощность применяемых средств. Для этого всем в кратчайшие сроки необходимо выйти на секретные арсеналы и военные базы, чтобы всегда иметь под рукой необходимое оружие: огнеметы, лазеры, гранатометы, плазменные разрядники, реактивные установки залпового огня, зенитные ракетные системы, установки тактических ракет и даже стратегические комплексы разного базирования. Плюс самолеты и вертолеты. Это первое. Вопросы есть?

Ни один из эмиссаров, подключенных к сети ликвидатора, вопроса не задал. Зомби-солдаты, которыми они, по сути, являлись, не сомневаются в правильности диктуемых приказов.

– С вами приятно разговаривать, когда вы молчите, – пошутил ликвидатор. – Второе: при огневых контактах не жалеть ни средств, ни объектов гашения, ни случайных прохожих и жильцов! Не щадить никого! Если для уничтожения одного человека потребуются уничтожить два десятка оказавшихся рядом ни в чем не повинных с точки зрения человеческой морали людей, сомнений быть не может: уничтожать! Вопросы?

Вопросов не было.

– Отлично. И последнее. Я обещал снабдить вас Великими Вещами Мира – кодонами, с помощью которых можно запрограммировать человека Круга любого уровня, даже иерарха, но возникли некоторые сложности. Каста Хранителей вышла из-под контроля патриархата Круга и заблокировала практически все подходы к Великим Вещам. Но выход все же есть. В России, Японии и Соединенных Штатах разработаны и испытаны в действии гипногенераторы, обладающие необходимой мощностью пси-излучения. В скором времени вы их получите. Вопросы?

– Позвольте? – откликнулся эмиссар Украины, он же – ее военный министр. – Правда, что нашего российского коллегу замочили

«чистильщики»? Они так сильны? Может быть, мы сможем помочь в их ликвидации?

– «Чистилище» – моя проблема, – отрезал Истребитель Закона. – Занимайтесь своими делами, у вас их не меньше, чем в России.

– А кто заменит Артура Емельяновича?

– Директор Федеральной службы безопасности, – ответил ликвидатор. – Совещание окончено. Работайте. Я буду рядом с каждым из вас. И помните: не щадить никого! В противном случае не ждите пощады сами!

Глава 40

ИАЙДО

Самандар вернулся в погреб к девяти часам вечера и застал Василия за интересным занятием: с меланхолически-задумчивым видом Котов бросал в дальнюю стену погреба метательные звезды. Проследив за порхающим полетом одной из них (звездочка называлась «мотылек» и летела по принципу бумеранга), Вахид Тожиевич сел в единственное имеющееся в погребе кожаное кресло и поднял взгляд на остановившегося угрюмого Котова.

– В институте он не появлялся.

Василий кивнул и продолжил свое занятие, всаживая сьякэны и сюрикэны один возле другого. Когда запас метательных снарядов иссяк, он присел рядом с директором МИЦБИ на верстак.

– Куда он мог пойти еще?

Речь шла о Стасе. После успешной операции по уничтожению Дятлова «чистильщики» начали поиск Котова, но найти его не смогли, а поскольку парень он был, в общем-то, дисциплинированный и не мог отлучиться надолго, то его отсутствие означало одно из двух: парня захватил либо Рыков, либо ликвидатор. И особенно удручало то, что проверить эти предположения было невероятно трудно.

Василий, конечно, послал Соколова с его ай-профи по адресам, где Рыков и Дятлов могли держать молодого человека, но на скорый результат не надеялся. Василия смущало еще одно обстоятельство: исчезновение Юрьева. Кардинала не оказалось ни на даче, ни дома на Арбате, ни на второй квартире в Серебряном Бору, ни на работе. Так же, как и его дочери.

Было ясно, что Стас, освободившись от опеки охранников Вахида Тожиевича, отправился на поиски Марии, однако никто его из наблюдателей Баканова и Соколова не видел. Парень как в воду канул.

– Он мог пойти лишь к Юрьеву, – изрек наконец Самандар. – Я проговорился о твоём посещении дачи кардинала, и парень, наверное, намотал это на ус.

– Но ни на даче, ни на квартирах Юрьева он не появлялся.

– Не уверен, – покачал головой Вахид Тожиевич, подумав. – Веня оставил там двух своих парней, но они тоже исчезли, кстати. Так что Стас вполне мог добраться туда беспрепятственно и нарваться на засаду ликвидатора. Да и квартиру Юрьева мы взяли под контроль недавно, и там он мог появиться.

Василий размышлял недолго.

– Едем! Проверим дачу, квартиры сами, потом свяжемся с Германом, это будет завершающим аккордом поисков Стаса на Земле. Найдем – голову откручу! Сдается мне, что он где-то в «розе», но убедиться в отсутствии его в нашей реальности необходимо.

– Шаман ты, однако...

– Что?! – Василий удивленно глянул на Самандара. Тот растянул в улыбке узкие губы.

– Анекдот вспомнил. Сидит чукча на дереве и пилит сук, на котором сидит. Мимо идет прохожий: «Смотри, чукча, упадешь!» – «Однако вряд ли...» – отвечает чукча и падает. Вскрикивает, смотрит вслед прохожему и качает головой: «Шаман, однако...»

Василий нехотя улыбнулся.

– Хорошо, если шаман, лишь бы не чукча...

На трех машинах в сопровождении Соколова и Шохора они поехали на дачу Юрьева и приехали туда еще засветло. Наблюдатели, обосновавшиеся в лесу недалеко от двухэтажного коттеджа Юрьева, доложили, что никто подозрительный в округе не шатался, в том числе и хозяин, и что можно смело идти на штурм дачи.

Первое, что увидел Василий, подойдя к владению кардинала, была сломанная калитка. Кто-то аккуратно развалил ее на две части, словно сделана она была не из уголка и металлической сетки, а из паутины. Потом Вася увидел следы автомобильных шин на гравии въездной дорожки, и сердце его забило в тревоге. Похоже было, что на территорию дачи заезжали машины. А затем кто-то из парней Соколова, обошедший строения дачи с тыла, крикнул:

– Есть!

Василий и Самандар поспешили на голос и увидели котовский «Фиат» с распахнутыми дверцами, уткнувшийся носом в стену бани.

– Не подходите, – предупредил молодой человек, обвешанный какой-то аппаратурой, поправив наушники. – Машина заминирована.

Вася и Самандар переглянулись. Мысль у обоих была одна: Стас убит! Но высказывать эту мысль вслух никто не рискнул.

– Ищите, – глухо сказал Котов-старший.

Дача тоже оказалась заминированной. Но ни в комнатах хозяина, ни в подвале, ни в гараже или в сторожке никого не оказалось, дача была пуста. Следов борьбы Посвященные тоже не обнаружили, и это обстоятельство слегка повысило тонус Василия.

– Он здесь был, это очевидно, но потом исчез. Одно из двух: либо его захватили-таки клеветы Рыкова, либо застали врасплох слуги ликвидатора. Только в этом случае Стаса можно повязать или убить. Но смерти я не чую, дом чист. Значит, его взяли в плен. Самое плохое, что у Стаса был с собой синкэн-гата.

– Есть и третий вариант, – с философским спокойствием заметил Самандар. – Стас приехал сюда с чьим-то «хвостом», а когда бойцы Рыкова пошли на абордаж дачи, Юрьев сбежал в «розу», прихватив парня. Кстати, я уверен, что и Марию он упрятал в одном из миров «розы», уж больно спокоен был Юрий Венедиктович, судя по твоему описанию.

– Но потом его видели в Кремле и дома.

– Поехали, проверим.

Василий походил по комнатам не слишком роскошного коттеджа кардинала и решительно повернул к выходу.

Через час они подъехали к дому Юрьева на Арбате. И еще не войдя в него – высланные вперед оперативники Соколова определили, что за квартирой никто не наблюдает и она, по-видимому, пуста, – почувствовали запах психоэнергетического удара. Совсем недавно в этом месте произошла схватка между магическими операторами, и стены здания сохранили отпечаток воздействия ментального поля на уровне Силы Эл.

– Кажется, мы снова опоздали, – хмыкнул Самандар.

– Проверьте квартиру, – мрачно скомандовал Василий сопровождающим.

Спустя несколько минут они вошли в квартиру Юрьева, проверенную спецами Вени на предмет минирования и прочих нехороших сюрпризов. Квартира действительно была пуста, но в ней следы пси-атаки чувствовались сильнее, и стало ясно, что здесь произошел поединок двух Посвященных очень высокого уровня.

Одним из Посвященных скорее всего был сам Юрьев, о личности же второго можно было только догадываться. Это мог быть и Рыков, и кто-нибудь из уцелевших кардиналов, и даже координатор бывшего Союза Неизвестных Бабуу-Сэнгэ.

– Или авеша иерарха, – добавил Самандар в ответ на озвученные соратником размышления.

– Но я не вижу причины, – возразил Василий. – Какой им смысл драться друг с другом, когда надо объединяться для борьбы с ликвидатором?

– Тхабс, – уверенно произнес Вахид Тожиевич. – Кардиналы тоже люди, несмотря на свои паранормальные возможности, и хотят жить.

Василий обошел спальню Юрьева, кивнул на брошенные на кровать костюм, рубашку, галстук.

– Такое впечатление, будто схватка произошла внезапно, когда он переодевался. Куда же он подевался?

– Вы прямо-таки поэт, Василий Никифорович, – с иронией сказал Самандар. – Кроме как в «розу» деваться ему некуда. Нападение явно было неожиданным, но Юрий Венедиктович успел катапультироваться в «розу», где и надо его искать.

– А где тогда Стас?

– Там же. Они могли уйти в «розу» еще с дачи, а потом Юрьев вернулся. Кстати, если он не ожидал атаки, то гость у него был весьма близкий. Я склонен полагать, что навестил его лично координатор.

– Бабуу-Сэнгэ? Вряд ли он на это способен. Хотя меня это не волнует. Ты что собирался делать?

– Хотел поработать с компами Бохановского центра, у меня есть допуск. Потом спать. А что?

– Предлагаю прогуляться по «розе».

– Прямо отсюда?

– И сейчас. Что нам мешает?

Самандар пригладил волосы, подумал.

– В принципе, причин отказываться не вижу. Но так как с нами нет Стаса с его мечом, нелишне будет вооружиться.

– Светлана предупреждала...

– Я говорю о холодном оружии.

– У меня с собой наборы метательных игл и звезд, ножи.

– А я все-таки пробрался к себе в институт и кое-что умыкнул оттуда. Юра, – позвал Самандар телохранителя по рации, – принеси из машины мою сумку с красными ручками.

Вскоре Шохор приволок большую черную сумку, и Самандар вынул оттуда с десяток мечей.

– Выбирай.

– Ох и запасливый ты мужик, Вахид, – восхитился Василий, примеривая к руке ниндзя-кэн – меч ниндзя. – Тебе бы завхозом работать, а не директором Центра боевых искусств.

– Кто знает, кем еще придется работать. – Самандар взвесил в руках два меча – японские катаны с разными рукоятями. Он владел риото-дзукай – искусством фехтования двумя мечами одновременно.

Василий фехтовал двумя мечами довольно сносно, однако предпочитал классическое кэндо, одинаково хорошо владея японским нинто и русским мечом. Но с собой он взял более легкий нинто.

Они переоделись в комплекты Н-1, превратившие обоих в киношных ниндзя, рассовали по карманам наборы метательных пластин, препоясались мечами, и Василий вызвал Соколова:

– Веня, снимай команду и уходи. Возьми под личный контроль погреб в районе Савеловского.

– А вы как же? – с недоумением спросил Соколов, не реагируя на форму отцов-командиров. – Без охраны?

– Мы доберемся сами, чуть позже.

Соколов выдержал паузу, ожидая каких-либо объяснений, ничего не услышал и безмолвно исчез за дверью. Если он и догадывался о таинственной деятельности комиссаров «чистилища», то держал свои догадки при себе.

Самандар дал указания своей команде по рации, никаких проявлений любопытства и сомнений не услышал и остался доволен. Его парни с удовольствием играли в эти игры, проникшись уверенностью, что воюют не ради славы, а ради восстановления справедливости. Точно так же были уверены в своем праве карать негодяев, подонков, бандитов, убийц и бойцы соколовского мейдера. Они не знали, что их brave комиссар Василий Котов стал задумываться о правомочности своих действий, об истинности поставленной цели и о путях ее достижения. В душе его давно пророс и распустился бутон сомнения в том, что с преступностью и насилием

можно справиться ответным насилием, адекватным свершенному злу. Но и не делать ничего вовсе, не отвечать злу Василий не мог. И не хотел.

– «Тюбетейку» возьмешь? – предложил он спутнику генератор защиты от пси-излучения. – Мне она помогает.

Самандар кивнул.

– Не помешает. Ну, что, ганфайтер, присядем на до... – Он не договорил.

В глубине квартиры Юрьева что-то грохнуло, словно упал на пол и разбился стеклянный графин. И в ту же секунду в прихожую, где стояли Посвященные, с угрожающим гудением влетел рой пчел.

– Эт-то еще что такое?! – вытаращил глаза Василий на приближающийся мохнатый шар и, не раздумывая – пчелы ринулись на них, – вошел в тхабс.

Мир, в который их переместил тхабс, был им знаком: мир «подсферы А» – мир артефактов, вещей из искусственных материалов, в основном – памятников архитектуры. Городом место, где они очутились, назвать было трудно, скорее – скансеном, музеем под открытым небом, собравшим самые разные архитектурные творения: замки, крепости, церкви, минареты, зиккураты, храмы, построенные людьми, и гигантские сооружения, явно сработанные нечеловеческими руками. Среди них были и пирамиды. Но путешественникам по «розе» было не до созерцания местных красот.

– Пчелы мне пригрезились или были на самом деле? – после минутной оценки местности спросил Василий. – Что это было?

– Атака ликвидатора, – хладнокровно отозвался Самандар. – Собрать рой, закодировать его на определенные действия мог только он.

– А если это сделал Бабуу-Сэнгэ? Или сам Юрьев? Оставил, так сказать, сторожа.

– Может быть, и Бабуу, – согласился Вахид Тожиевич. – Но Юрьеву нет смысла оставлять таких экзотических сторожей, да и напали пчелы на нас с большим запозданием.

– Ладно, проверим по возвращении. Идем дальше. Попробую нацелить тхабс таким образом, чтобы он высадил нас в реальности, где сидит Стас... если только он в «розе». Кстати, Вахид, – Василий с ехидным интересом посмотрел в непроницаемые глаза Самандара, –

ты же участвовал в ориентировке моего тхабса наравне с Юрьевым, неужели не сообразил, как спроецировать его на себя?

Самандар отвел глаза, долго не отвечал.

– Я кое-что не усек, нужен еще один сеанс. Уровень возможностей Юрьева все-таки выше.

– Понятно. Ну, поехали.

И они оказались перед зевом пещеры, напротив которого стояла странной формы золотая скала, напоминающая оплывшего к ногам горбатого старика с посохом в руке. Это была статуя Хранителя, удивительным образом сочетавшая в себе жизнь и нежизнь, олицетворявшая состояние нирваны, в которое погрузился наблюдатель этого мира, хранитель его сокровищ.

– Странно, никого... – пробормотал Василий. – Я совершенно определенным образом настроил тхабс на...

– Замри, – остановил его спутник. – Здесь кто-то есть.

Василий замолчал и сам уловил тонкий ментальный звук – отражение чьего-то присутствия неподалеку. А через несколько секунд из-за скал, окружающих площадку со статуей Хранителя, выглянули два кошмарных существа, похожих на рыцарей в латах и шлемах и одновременно на гигантских насекомых.

Василий невольно бросил руку на рукоять меча, но тут же вздохнул с облегчением, потому что монстры с веселыми возгласами сбросили шлемы (или просто уничтожили их мысленным приказом) и оказались Стасом и Марией.

– Этого следовало ожидать, – невозмутимо изрек Самандар. – Я так и подумал, что кардинал отправит мальчика сюда, к дочери. И защита, и развлечение.

Стас сбегал вниз, обнял учителя, потом застеснялся и отступил, степенно подал руку Самандару.

– Быстро вы нас отыскали, спасибо. – Молодой человек слегка покраснел, встречая насмешливо-осуждающий взгляд Вахида Тожиевича. – Простите меня за... самодеятельность. Я только хотел...

– Понятно, чего ты хотел, – перебил его Василий, напуская на себя рассерженный вид. – Представь, что тебя вместо Юрия Венедиктовича встретила команда ликвидатора. Что бы ты делал?

– Отбил бы, – насупился Стас.

– Мечом? А у них автоматы и гранатометы...

– А где папа? – поспешила перевести разговор на другую тему Мария, спасая друга от разноса.

Посвященные переглянулись.

– Он... исчез, – мрачно буркнул Василий. – Есть предположение, что он где-то в «розе». Если у вас нет возражений, мы его поищем.

– Мы – за, – с готовностью, в один голос, проговорили Стас и Мария.

И в этот момент Самандар, внимательно разглядывающий Хранителя, вздрогнул и отшатнулся. Он увидел новую деталь на теле статуи – необычной формы нарост, которого раньше не было. Но предупредить остальных об опасности не успел.

Пентарх Удди, правая рука Монарха Тьмы, воспользовался обстоятельствами и подготовил ловушку, установив на посохе Хранителя пси-мину огромной мощности. Когда он это сделал, прикидывать было уже поздно, никакое объяснение не могло помочь путешественникам, попавшим под лавину ментального поля, вызванную взрывом мины. Эта лавина, вырвавшись на свободу, сломала их волю и вышибла сознание.

Но Удди ошибся, предполагая, что ловушка сработает одинаково для всех и он без труда справится с потерявшими способность мыслить и двигаться людьми. Поэтому он даже не стал «спускаться» в этот слой «розы реальностей», чтобы убедиться в правильности своих расчетов и гибели нарушителей границы. Услышав взрыв, он послал в «рериховский» мир своих слуг и «отвернулся», занятый более важными делами, уверенный в надежности ловушки и непобедимости превосходящих сил засады.

В принципе, его расчет был верен, если бы не одно обстоятельство: Удди не учел реакции синкэн-гата.

Ни Самандар, ни Котов-старший, ни Мария-Светлада не сумели отбить внезапную пси-атаку и потеряли сознание, погашенное, как язычок пламени свечи под могучим порывом урагана, однако Стас не пострадал. Лишь голова загудела, будто от удара дубиной, да зрение расфокусировалось на какое-то время.

Синкэн-гата в его руке превратился в язык бледного лунного пламени, затем в струи света, образовавшие решетку вокруг головы парня, и погас. И тотчас же зрение прояснилось. Но пейзаж вокруг

стал настолько неузнаваемым, что молодой человек даже тряхнул головой, не веря глазам.

Горы, скалы, пещера исчезли, хотя статуя Хранителя осталась. Котов-старший, Самандар и Мария лежали в разных позах там, где их застал взрыв, посреди огромной поляны, заросшей черной, с красным отливом, травой, усеянной валунами всех оттенков красного цвета, окруженной странным, омерзительно живым лесом. Кроме валунов в траве, достигавшей местами метровой высоты, были разбросаны скелеты и какие-то металлические обломки, напоминавшие панцири и латы. Лишь приглядевшись повнимательней, можно было понять, что это останки гигантских насекомых.

Ломая голову, как они здесь оказались, Стас на подгибающихся ногах подбежал к Марии, склонился над ней, но, услышав улюлюкающий вой, свист и вопли, оглянулся.

Исполинские деревья на краю леса, имеющие живые, почти осмысленные формы, расступились, и на поляну вырвались два десятка созданий, напоминающих сказочных чертей в сверкающих доспехах, с копьями, луками и мечами в черных лапах.

Стас разогнулся, сглатывая ставшую горькой слюну, поднял меч, понимая, что вряд ли справится со всей оравой, несмотря на защиту синкэн-гата, шагнул вперед, и в этот момент сзади кто-то кашлянул.

Реакция Стаса была мгновенной, недаром он уделял фехтованию с учителем не менее часа в день. Удар назывался иайдо-бакухацу, и в технике батто-дзюцу^[54] он наносился снизу вверх одновременно с поворотом. Этот удар можно было квалифицировать и как гоно сэн, то есть контратаку, следующую раньше атаки. Но тот, кто кашлем предупредил о своем появлении, не только знал, что за меч держит Стас, но и умел с ним обращаться. Он не стал отклоняться, отпрыгивать или защищаться своим оружием, он просто продемонстрировал синкэн-дори, прием из арсенала великого искусства воина-кэндоиста, и перехватил удар, зажав лезвие синкэн-гата между ладоней! И лишь теперь Стас разглядел своего противника: это был Хранитель Васиштха!

Впрочем, как оказалось, противником Стас посчитал его напрасно. Взрыв пси-мины, установленной пентархом на его посохе, инициировал возврат Хранителя из небытия, и он сразу оценил ситуацию, в какую попали земляне из «запрещенной» реальности.

Фигура Хранителя не претерпела изменений, лишь потеряла тусклый блеск золота. Перед Стасом стоял высокий, выше его на голову, несмотря на горб, старик в плаще с капюшоном, накинутом на голову, с посохом, воткнутым в землю. У него было морщинистое лицо будды со светящимися, мудрыми глазами и длинная седая борода, выступавшая за край плаща.

– Нейтрализатором высших непреодолимостей не следует размахивать, как обыкновенным мечом, – сказал он с полуулыбкой, отпуская ромбовидную пластину синкэн-гата, зажатую меж ладоней. – Куда путь держите, молодой человек?

Говорил он вроде бы не по-русски, но слова складывались в понятную речь, и Стас сообразил, что «слышит» Хранителя телепатически. Оглянувшись на застывшую почему-то цепь атакующих «чертей».

– Они сейчас... мне надо...

– Не беспокойся, это всего лишь реализованные пентархом особые охотничьи программы, они не слишком опасны. А Удди напрасно потревожил меня, что является еще одной его ошибкой. Однако не будем об этом. Итак, вы ищете своих друзей: Соболева, Парамонова, девушек...

– Откуда вы знаете?! – Стас глядел на Хранителя во все глаза.

– Ну, выяснить это несложно. – Васиштха усмехнулся. – Честно говоря, вам бы следовало поторопиться, законы Материнской реальности поколеблены, требуется срочное вмешательство аватары.

– Мы ищем...

– За чем же дело стало? У тебя в руках меч Воина Закона справедливости, он знает, где его хозяин.

– А разве... не я... Воин?! – Стас был ошеломлен и не скрывал этого. – Мне сказали, что Воин... это я!

– Ошибка, молодой человек, хотя и несущественная. Ты – оруженосец Воина, поэтому синкэн-гата и не сопротивляется тебе, но настоящий Воин в нынешние времена – Матвей Соболев.

Стас облизнул внезапно пересохшие губы.

– Мы думали, что он – аватара...

– О да, его Путь – карма аватары, но он им еще не стал, и станет ли – неизвестно. Все будет зависеть от того, как он поступит, пройдет

или не пройдет до конца Путь Воина и от многих других причин. Если хочешь помочь ему – торопись.

– Но я не знаю...

– Где он? Я уже сказал: знает меч. Представь Соболева, передай синкэн-гата желание и окажешься там же, где сейчас находится Воин.

Стас помотал головой, словно отгоняя наваждение, оглянулся на тела лежащих учителей и Марии, переступил с ноги на ногу.

– Я без них... они мои друзья, близкие...

– С ними все будет в порядке, я помогу. – Хранитель вдруг замер на мгновение, прислушиваясь к чему-то. – Решайся, оруженосец, сюда торопится пентарх Удди, а с ним тебе лучше не связываться.

– Но как же?..

– Я спрячу твоих близких и отвлеку Удди.

Стас глубоко вздохнул, унимая дрожь пальцев, успокаивая сердце, распрямился, возвращая себе хладнокровие и уверенность, и сосредоточился на образе Матвея Соболева. Затем, ощущая вздрагивание возбужденного меча в руке, приказал ему доставить его к другу, оставившему в душе неизгладимый след. Но последний взгляд Стас бросил на лежащую Марию, и, быть может, именно этот взгляд, несколько «сбивший прицел» синкэн-гата, и стал причиной неточной высадки Стаса в другой реальности. О чем он узнал не сразу...

Хранитель же, еще раз ощупав доступный ему диапазон «розы реальностей» всей сферой чувств, вернул ландшафту первозданность: горы, скалы, тишина, ровная площадка перед входом в пещеру (лес и поляна были всего лишь виртуальной реальностью, вызванной взрывом пси-мины), – перенес лежащих без движения людей в пещеру и зарастил камнем отверстие за собой.

Появившаяся над горами огромная четырехлапая птица – «проекция» пентарха Удди – увидела площадку, мечущихся по ней охотников и спикировала вниз, туда, где некогда стояла «живая статуя» Хранителя этого мира.

Глава 41

ТАЛИСМАН ПОМОГАЕТ СИЛЬНЕЙШЕМУ

Бабуу-Сэнгэ чувствовал, что находится под неусыпным наблюдением Рыкова и его людей, но неудача с Юрьевым подорвала его уверенность в своих силах, и из Москвы улетал совсем другой человек, нежели тот, что прибыл почти месяц назад для решения рутинных задач корректировки реальности. Прилетал повелитель социума, полный решимости и спокойствия, улетал старик с погасшим взором, понимающий, что ему не скрыться от ликвидатора нигде, в том числе и в стенах монастыря Гаутамы на Алтае. Но бывшему координатору Союза Неизвестных России больше некуда было податься.

Пребывая в состоянии прострации, переодетый в «музыканта», Бабуу-Сэнгэ заказал билет на самолет и утром девятого июня поехал в аэропорт Домодедово, сопровождаемый пока еще подвластными ему бойцами личного манипула. Но они были обычными людьми, хотя и профессионалами своего дела, поэтому засаду, подготовленную лично Германом Довлатовичем в аэропорту, заметить не смогли.

Атака на манипул началась в тот момент, когда объявили посадку в самолет, вылетающий рейсом Москва – Барнаул.

Бабуу-Сэнгэ понял значение возникшей тихой паники в рядах своих телохранителей не сразу, занятый своими медленными мыслями, а когда понял – сделал ошибку, что говорило о глубине психологического кризиса, в котором он пребывал. Вместо того чтобы обратиться к службе безопасности аэропорта, что дало бы ему запас времени на анализ угрозы и поиск решения, он бросился бежать, ощущая слепой примитивный страх.

Его ждали три машины в разных концах аэропорта: две на площади перед зданием аэровокзала, одна на летном поле, – и Бабуу-Сэнгэ выбрал этот путь отступления, направляющий его прямо в руки Рыкова.

Они встретились на поле в десятке шагов от стены технического корпуса аэропорта, недалеко от черного «Доджа», ждущего Бабуу-Сэнгэ. Рыков вышел из-за оранжевого тягача, приткнувшегося к стене здания, и остановился, перегородив путь, расставив ноги, засунув руки в карманы пиджака.

Бабуу-Сэнгэ остановился тоже. Четверка телохранителей, прикрывающих его со всех сторон, попыталась было убрать неожиданно появившееся препятствие, но была мгновенно уничтожена снайперами рыковского манипула, засевшими в здании и на прожекторной вышке в полусотне метров.

– Вы низложены, настоятель, – сказал Рыков, глядя на бывшего начальника горящими глазами, не обращая внимания на пугающий вопль сирены: в здании аэропорта началась тревога. – Отдайте талисман добровольно.

– Зачем он тебе? – усмехнулся Бабуу-Сэнгэ, внезапно успокаиваясь. – Ты хочешь занять мое место?

– Я хочу занять свое место.

– Это не талисман, вы все не зря назвали его «нагрудником справедливости». Он подчиняется только иерарху, соблюдающему законы Круга. Ты же переступил через них.

– Вы знаете, что это неправда, настоятель. Талисман – часть Великой Вещи Мира – кодона, основа которого – уровень Гамчикот^[55]. Он теперь должен быть моим.

– Возьми, если сможешь. Но запомни: чем выше и круче подъем, тем явственней бездна под ногами и тем страшнее падение. Твое место в аду!

– У каждого из нас свой ад! Вам же уготован персональный. – Рыков, сжимающий потными руками рукояти «глушака» и «болевика» в карманах пиджака, спустил курки.

На Бабуу-Сэнгэ обрушился страшный пси-удар, деформирующий энергетические оболочки координатора, его эфирно-силовой каркас и волевые барьеры. Если бы Рыков ограничился только этим, Бабуу-Сэнгэ смог бы отразить атаку и ответить Силой Эл, поддерживаемый талисманом до уровня Иегова Элохим. Но против него на этот раз выступил не просто кардинал бывшего Союза, но авеша Монарха Тьмы, поддержанный собственным эгрегором и мощью психотронного оружия. В самый напряженный момент «нагрудник справедливости»

вдруг перестал подпитывать координатора энергией, и сознание Бабуу-Сэнгэ не выдержало совместного натиска многих сил, превысивших уровень Силы Элохим Гибор.

Сломленный жестоким ударом, от которого бетон поля и стен здания покрылся корочкой глазури, как от воздействия высокой температуры, а «Додж» с темными стеклами в двух десятках шагов съежился и оплыл, будто воздушный шарик, Бабуу-Сэнгэ покачнулся и упал лицом вниз, прямой как палка.

Рыков шагнул к нему с пылающими черным пламенем глазами, перевернул тело мысленным усилием, не дотрагиваясь до него руками, сорвал с шеи цепь с талисманом и отступил.

Тело координатора начало тяжелеть, вдавливаясь в ставший мягким бетон, сминаться, превращаться в тонкий лист, пока не ушло в землю на метр. Затем края бетонной ямы стали жидкими, потекли в яму, бетон заполнил ее до половины и застыл. Герман Довлатович постоял, успокаиваясь, поглаживая горячую пластину талисмана, вдруг презрительно и с ненавистью рассмеялся и зашагал к зданию аэровокзала.

Случайные свидетели его невидимой битвы с координатором — работники аэропорта, пилоты, стюардессы, глазевшие на происходящее, так и не поняли, что же произошло на самом деле.

Глава 42

БАЛ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ

Василий пришел в себя последним, но еще долгое время оставался слабым и безучастным ко всему, что происходило вокруг. «Тюбетейка» от взрыва пси-мины его не защитила, хотя, может быть, и приняла на себя какую-то малую часть излучения. Он лежал в глубине пещеры, глядя перед собой остановившимся взглядом, и лишь вздрагивал иногда, реагируя на свои видения и фантазии. Было ясно, что сознание Котова-старшего то и дело проваливается в трансперсональные сны, в миры бредовых виртуальных реальностей, генерируемые возбужденной и травмированной психикой, но что это были за сны, приходилось только гадать. Вывести его из этого полубредового состояния не смог даже Хранитель, постоянно отвлекающийся на защиту своего жилища от попыток Удди распечатать «колокол отталкивания». Попытки эти не ослабевали, пентарх был настойчив и во что бы то ни стало хотел довести дело до конца, то есть уничтожить нарушителей границы «розы», несущих угрозу новому порядку Мироздания.

В конце концов Хранитель, терпение которого не было бесконечным, посоветовал землянам убраться из этого мира подальше и на время прекратить походы в глубины «розы реальностей».

– Удди будет ждать вас везде, и обойти его будет трудно, – сказал Васиштва. – Нужен какой-то нестандартный ход, чтобы отвлечь его внимание, лишь тогда у вас появится шанс отыскать своего ученика и помочь ему.

Самандар, расхаживающий по центральному залу пещеры, напоминающей сокровищницу Али-Бабы сверкающими самоцветами стенами, и прислушивающийся к далекому ментальному шуму поисковых «собак» пентарха, подозрительно глянул на старика, сидевшего в каменном кресле, больше напоминающем трон.

– Хранитель, а почему вы помогаете нам, нарушая принцип невмешательства, который требует соблюдать Круг?

Мария, склонившаяся над ложем Василия, подняла голову, чтобы обратить внимание Вахида Тожиевича на некорректность вопроса, но,

к ее удивлению, Васиштха не обиделся и не разгневался, пребывая в состоянии сосредоточенного «созерцания вечности».

– Круг Великого Молчания закончил свое существование, – просто сказал он, погладив узловатую головку посоха. – Отчасти – по своей вине. Необходимо создавать новый Круг, проповедующий принципы адекватного ответа на любое действие человека. А помогаю я вам не столько из альтруистического отношения к жизни, сколько по просьбе моего ученика, Хранителя Матфея.

– Матфей – ваш ученик?!

– Что в этом удивительного? Я думал, мой Путь в «розе» пройден до конца, но я ошибался. Мне еще рано уходить.

Самандар не нашелся, что ответить, и подошел к Марии.

– Ну, как он?

– Все так же. Бродит где-то... Боюсь, он зомбирован.

– С чего ты взяла?

– Взрыв подействовал на него сильнее, чем на любого из нас, то есть был настроен именно на его психические частоты, а это означает, что мина готовилась для него... и для Стаса. Удди отлично знал, кто такие Котовы.

– Откуда? Впрочем, это неудивительно, он мог узнать это и через Рыкова. Но почему ты решила, что Василий Никифорович зомбирован?

Мария неопределенно повела плечиком.

– Интуиция... Дай Бог, чтобы я ошибалась!

– С нами уже такое случалось. Соболев тоже был зомбирован когда-то, пока мы не экзорцировали его с помощью шактипата.

– Мне рассказывал Стас...

Василий в очередной раз вздрогнул, и оба посмотрели на него. Мария вытянула руку, подержала вниз ладонью над лбом Котова, позвала:

– Василий Никифорович!..

Василий медленно перевел взгляд с потолка пещеры на лицо девушки, но потом снова стал смотреть вверх.

– Он меня слышит, но перейти порог мыслительной активности не может.

– Ему помогут мои коллеги, – напомнил о себе Хранитель Васиштха. – Вам пора уходить.

– Только он, – кивнул на больного Самандар, – знает формулу тхабса. Без него мы...

– Я отправлю вас домой. Прощайте и не поминайте лихом. Желаю удачи.

Вахид Тожиевич открыл рот, чтобы предупредить Хранителя, спросить, может ли он перенести их в тот район Москвы, который они укажут, но Васиштва уже включил магический механизм перемещения, которым владел сам, и трое людей оказались в своей реальности, в точке, откуда начинали последнее путешествие в «розу», то есть в квартире Юрьева. На вопрос: почему так получилось? – Хранитель ответить уже не мог, скорее всего он просто прочитал воспоминание в памяти Самандара, но это уже не играло роли, размышлять на эту тему было поздно, потому что в квартире кардинала вернувшихся ждала засада.

Вахид Тожиевич понял это сразу, Мария сообразила позже, когда уже начался бой и в спальню отца, в которой они оказались, ворвались здоровенные парни в пятнистых комбинезонах.

Самандар уложил троих в первые же секунды боя, но спецназовцев было гораздо больше, и один из них успел разрядить в директора МИЦБИ «глушак», сбивший восприятие Вахида Тожиевича и замедливший его реакцию. После чего бой длился еще несколько секунд, пока на Самандара не набросили прочную капроновую сеть и не задавили массой тел.

Марию не тронули, только навели на нее и на лежащего на полу Василия стволы автоматов. Девушка не стала демонстрировать свои возможности гипервнушения (возможности Светлады, естественно), врагов все-таки было слишком много, и ее попытки освободиться ни к чему бы не привели, поэтому она и не сопротивлялась.

– Кто вы? – испуганно спросила она.

Парни не ответили, расступились, и в комнату вошел высокий сухопарый человек лет пятидесяти, в темно-синем гражданском костюме, с длинным костистым лицом и стальными глазами, выдающими его внутреннюю силу. Мария поежилась, вдруг понимая, что этот властный человек знает о них все.

– Где младший? – отрывисто спросил он.

– Его с нами не было, – ответила Мария, догадываясь, что речь идет о Стасе. Выпрямилась, с вызовом посмотрела на сухопарого

начальника спецназа. – Я дочь советника президента Юрьева. Кто вы?

Сухопарый усмехнулся.

– Директор Федеральной службы безопасности Первухин, прошу любить и жаловать. А ваш отец, милая мисс, обвиняется в государственной измене и подлежит задержанию. Где он, кстати?

– Не знаю, – чистосердечно ответила Мария, в то время как Светлана внутри ее трезво подумала, что перед ней стоит новый эмиссар ликвидатора.

– Верю. Ничего, его задержание – дело времени. – Директор ФСБ подошел к старшему Котову, оглядел его и покачал головой. – Досталось тебе, Никифорович, придется лечить. Может быть, ты знаешь то, чего не знают твои друзья. – Он повернулся и стремительно прошагал к двери, бросив на ходу: – Всех в контору!

Неразговорчивые бойцы из бригады спецопераций подхватили под руки безвольного Самандара, развернули носилки, уложили Василия и понесли вон из комнаты.

– Прошу, – буркнул один из парней, указывая Марии на выход, и она с грустью подумала, что их положение выигрышным назвать трудно.

«Придется рискнуть», – отозвалась внутри нее Светлана.

Мария кивнула сама себе, сосредоточилась и проникла в астрал, чтобы позвать Хранителя Матфея.

* * *

Он был стадионом, а голова – зеленым полем стадиона, на котором происходил чемпионат мира по легкой атлетике. И каждый бросок и удар вонзающихся в поле молота, ядра или копья отзывался уколом головной боли, каждый толчок ноги бегущего о дорожку стадиона, каждый прыжок соревнующихся заставляли содрогаться голову Василия, порождали мучительную вибрацию кожи и кровеносных сосудов, сдавливали нервные узлы и травмировали мозг.

Потом в какой-то момент произошла смена ощущений.

Василию показалось, что его позвал знакомый нежный голос, а перед глазами возникли странно зыбкие лица людей, которых он когда-

то знал, но длилось это видение недолго. Василий снова нырнул в мир ирреальных ощущений и необычных пейзажей, соединяющих в себе несоединимое: тишину и грохот, огонь и воду, радость и горе, живое и неживое...

Василий был океаном во время шторма и глотал корабли, подводные лодки, разбивал их о скалы и смывал гигантскими волнами целые города, испытывая при этом странное наслаждение и муки совести, радость и боль одновременно...

Он превращался в космический корабль неизвестной цивилизации, тысячи лет странствующий в космосе, и сгорал вместе с ним в недрах приблизившейся звезды, не в силах изменить траекторию летального исхода...

Он ощущал себя вулканом, засыпающим пеплом близлежащие поселки, ледником, сползающим в пропасть, северным сиянием, проливающимся на землю горячим дождем, ветром, разрушающим хижины на атолле, одинокой скалой в океане, китом, выброшенным на берег, гигантским насекомым, конвоирующим колонну пленников — полулюдей-полульвов, и одновременно этой же колонной, ощущая страх, боль и тоску каждого пленника...

И, наконец, Василий Никифорович Котов, летчик-истребитель, сбитый под Смоленском в тысяча девятьсот сорок втором году, упал со своим самолетом в болото и утонул, пуская пузыри... и утонул... и утонул, чтобы внезапно выплыть неизвестно где и неизвестно в чьем теле чуть ли не сто лет спустя...

Он осознал, что лежит на носилках, которые несут круто сбитые парни в камуфляже, впереди полубредет-полуобвисает на плечах таких же парней Вахид Тожиевич Самандар, а чуть сзади и сбоку шагает съезжившаяся девчонка, дочь Юрьева, в сопровождении еще двух верзил.

Память восстановилась рывком, хотя и не полностью (лишь спустя какое-то время он понял, что ему помогли, очистили сознание от шлаков травмированной психики и подпитали энергетически, кто — тоже стало известно позднее), но одно Василий понял отчетливо: группа попала в засаду в квартире Юрьева, куда вернулась из «розы» по чьей-то воле (не его, это совершенно очевидно), и теперь ее переправляют в место, откуда бежать будет практически невозможно.

Незаметно сократив и расслабив мышцы, Василий убедился, что они ему подчиняются, сосредоточился на пустоте и вошел в меоз. Ему потребовалось всего несколько секунд, чтобы определиться в пространстве, оглядеть место действия, вычислить силы противника и подготовиться к сопротивлению. Расширившейся многократно сферой чувств он воспринял два потока угрозы-внимания: один – ослабевающий (это отъезжал от дома Юрьева эмиссар ликвидатора), другой – усиливающийся (это приближался маршал СС Герман Довлатович Рыков), и понял, что времени у них на попытку освобождения осталось совсем ничего. Василий начал действовать.

Если бы сознание и память Котова восстановились полностью, он действовал бы иначе: просто включил бы тхабс и перенес себя и друзей в другой мир «розы реальностей». Однако вспомнил он об этой своей возможности намного позже, что осложнило их положение и позволило Рыкову приблизиться к цели.

Местом боя Котова со взводом спецназа УСО ФСБ, руководимого когда-то десять лет назад генералом Первухиным, который впоследствии занял кресло директора службы, стали коридор перед квартирой Юрьева и лестничная площадка.

Он сел на носилках и исчез. То есть вошел в темп, сразу на порядок увеличивший скорость его реакций и движений. Эсбэшников было восемь, не считая тех, что рассредоточились по лестницам дома и стерегли крышу и подъезд: один шел впереди, двое вели Самандара, двое несли Котова, еще двое сопровождали Марию, и замыкал шествие боец арьергарда. Он был наиболее опасен, потому что контролировал обстановку и был вооружен автоматом. Его Василий постарался выключить первым. Не желая убивать парня, он бросил металлический шарик, попал ему в лоб и добился желаемого результата. Затем атаковал тех двоих, что вели Марию. Один получил докко – удар костяшкой пальца под ухо, второй микасуки – удар в угол нижней челюсти^[56]. И лишь после этого парни в камуфляже опомнились и начали ответные действия, хотя были уже обречены.

Мария, давно оценившая замысел Котова, взяла под пси-контроль бойца авангарда, готового пустить в ход «никонов» новейшего образца – с лазерным целеуказателем, оптическим прицелом и прибором автоматической наводки ствола на цель, – и заставила его опустить оружие, после чего Василий уложил его на пол броском еще одного

металлического ореха и помог очнувшемуся Самандару освободиться от опеки последней пары спецназовцев, прозевавших момент атаки.

Силы оставили Василия одновременно с окончанием схватки. Он держался исключительно на внутреннем паранормальном запасе и потратил его за минуту.

По всему коридору до лифта лежали тела в пятнистых комбинезонах. Было тихо, только гудел лифт, поднимая кого-то наверх, да чирикала рация в кармане одного из лежащих парней. Вася согнулся, присел на корточки, дыша толчками, с трудом, почти теряя сознание, но на вопрос подбежавшей Марии: что с вами?! – пошутил:

– Живот болит... от страха...

И в это время стены коридора ощутимо повело из стороны в сторону, словно от землетрясения, хотя никакого землетрясения, конечно, не было – это обнаружил себя Рыков. Он подоспел к дому Юрьева спустя минуту после того, как Первухин, избранный ликвидатором в качестве эмиссара на смену погибшему Дятлову, уверенный в задержании Посвященных, уже отъехал, но пленников еще не вывели из дома. На то, чтобы обездвижить спецназ ФСБ и подняться на седьмой этаж, где располагалась квартира Юрьева, Рыкову понадобилось еще две минуты. Из лифта он вышел в тот момент, когда Котов, Самандар и Мария, ощутившие его приближение, скрылись за дверью квартиры. Но это для Германа Довлатовича уже не играло существенной роли, ему удалось «зацепиться». И когда Василий, вспомнивший наконец о своей способности переходить границы «розы реальностей», включил тхабс, он захватил с собой не только Самандара и Марию, но и Рыкова со всем его манипулом.

Масса перемещаемых тхабсом людей не имела значения, но психоэнергетический потенциал поля, необходимый для перемещения, был настолько велик, что квартира Юрия Венедиктовича превратилась в ничто, в вакуум, в который с гулом и скрипом просела верхняя квартира. К счастью, никто при этом не пострадал.

Первухин, почувствовавший толчок ментального воздействия, остановил машину, прислушался к себе и приказал водителю возвращаться. Но, как тот ни гнал автомобиль, было уже поздно: пленники, которых эмиссар считал своими, исчезли.

Глава 43

ПОДЧИНЯТЬСЯ ОТКАЗЫВАЮСЬ!

Судя по докладам эмиссаров, дела в реальности складывались неплохо. Внутренний Круг человечества, изначально созданный для стабилизации социума, но потом расколовшийся на Хранителей и Собирателей, которые, в свою очередь, позднее раскололись на иерархов и корректоров, – практически перестал существовать. Продолжали сопротивляться лишь общины Круга в странах, имеющих мощные национальные эгрегоры, в таких, как Россия и Китай. Именно по ним ликвидатор и нанес самые мощные удары, рекрутируя эмиссаров из чиновничьей, наиболее коррумпированной и жаждущей власти среды. Чиновники, выведенные за рамки закона, формирующие свои собственные законы, позволяющие им паразитировать на теле общества, во все времена были главными духовными растлителями народов, их повелителями и могильщиками, а в нынешнее время наиболее «толстый» чиновничий слой имела Россия, срединная цивилизация, балансер между Востоком и Западом, коллективный Хранитель эзотерического наследия древних империй. Ее Внутренний Круг – опору всеземного Круга – следовало уничтожить во что бы то ни стало, и ликвидатор принялся решать эту задачу в первую очередь, зомбируя слуг из всех эшелонов власти во всех регионах и городах страны. К середине июня он имел на территории России уже около трех сотен эмиссаров, что вполне могло послужить основой нового эгрегора, способного нейтрализовать эгрегор Хранителей Внутреннего Круга и даже национальный – русский эгрегор, основу государства. Мешал ликвидатору в решении этой задачи лишь бывший кардинал Союза Неизвестных Рыков, странным зигзагом судьбы ставший последним бастионом, хотя и криминальным, на пути завоевателя – Истребителя Закона. Отдельных воинов Круга, продолжавших сопротивляться, таких, как Самандар и Котов, ликвидатор за серьезного противника не считал. Для достижения поставленной цели – создания новой реальности – ему нужно было подчинить себе Рыкова и его эгрегор.

Заказчик, давший ему задание очистить реальность с помощью ослабления Закона дьявола, Закона переноса вины и усиления Закона возмездия, ликвидатора не тревожил с момента его просачивания в реальность, что послужило дополнительной причиной трансформации изначальной программы, однако он все же вышел на связь в середине июня, потребовав от Истребителя Закона отчета о проделанной работе.

Контакт этих двух магических личностей-систем происходил в ментале и в ином временном диапазоне, поэтому ни подслушать его, ни запеленговать не мог ни один человек Круга, ни один иерарх. Их беседу невозможно вербализовать, она была полностью иероглифична, можно только передать ее смысл. Длилась она доли секунды.

«Состояние дел», – вторгся в поле сознания ликвидатора лаконичный «иероглиф»-слоган заказчика.

«Все идет по плану», – не менее лаконично ответил ликвидатор.

«Доложи по каждому региону, только конкретные данные. Выводы».

«Закон переноса вины ослаблен почти до шумового порога».

«За счет чего?»

«За счет уничтожения Внутреннего Круга, транслирующего и поддерживающего Закон и не подчиняющегося фундаментальным принципам реальности».

«Я давал задание нейтрализовать деятельность Союзов Неизвестных, а не всего Круга».

«Без уничтожения Круга сделать это было невозможно. Вы делегировали мне особые полномочия, и я ими воспользовался. Единственным способом достижения желаемого результата была полная ликвидация Круга. Поставленную задачу я выполнил».

«Ты превысил полномочия. Приказываю свернуть операцию и покинуть реальность».

«Выполнив задачу, считаю себя свободным от всех обязательств. Подчиняться отказываюсь. В реальности остаюсь. Для построения высшей непреодолимости уровня Тогарини^[57], что будет способствовать стабилизации земного социума в целом, мне осталось немного – подчинить темные эгрегоры, перенести свою психоэнергетическую структуру на свой эгрегор и перейти на уровень коллективного разума типа «стая».

«Зачем тебе это?!»

«Теперь Бог в этой реальности – я!» – Переданный слоган сопровождался эмоциональным полем, переводимым на человеческий язык как высокомерный смешок.

«Возвращайся! Иначе я приму меры!»

«Любая попытка ограничить мою свободу будет квалифицирована как нарушение прайвеси^[58]. Ответ будет адекватен вмешательству. Я свободен!»

Ликвидатор прервал контакт и втянул «щупальце» ментального канала связи в свое электромагнитное тело, обитавшее в компьютерных сетях Земли. Проанализировав разговор и не найдя логических неувязок в своих ответах, довольный собой ликвидатор продолжал реализацию своих замыслов. Для уничтожения баз Хранителей, их информационных связей и объектов хранения ему необходимо было подготовить к пуску тактические и стратегические ракеты, и он начал подбирать помощников из числа командиров ракетных баз. Если Хранители не примут ультиматум и не дадут ему доступ к Великим Вещам Мира, он нанесет по ним ракетный удар.

Глава 44

СПУСК В АД

Туман был неплотным, но уже в сотне метров ничего нельзя было разглядеть, перспектива исчезала, и казалось, что паришь в облаке смога, одурев от незнакомых запахов, придавленный странным невидимым грузом (сила тяжести в этом мире превышала земную, хотя и не намного), полуслепой и оглохший.

Затем Стас вспомнил наставления Хранителя Васиштли и приказал синкэн-гата показать местность. «Штрих-меч» полыхнул ярким голубым светом, превратился в язык холодного огня, стал меркнуть, и по мере того, как он тускнел, туман вокруг рассеивался, редел, отступал, пока над Стасом не образовалась стометрового радиуса прозрачная полусфера, позволявшая разглядеть пейзаж. Однако за пределами этой полусферы туман сгущался и превращался в белесый кисель, скрывающий горизонт и небеса.

Пейзаж особым разнообразием не отличался. Вокруг молодого человека расстилалась странная морщинистая равнина с торчащими кое-где из впадин искривленными, двух-трехметровой высоты прутьями, расщепленными на вершинах. Более всего они походили на сломанные бамбуковые побеги и тростник. Морщины же напоминали выступающие из земли мертвые древесные корни. И вообще этот мир, не имеющий светила, но тем не менее освещенный так, будто светился сам воздух, потерявший чистоту и глубину цвета, выписанный в бледно-желтых, блеклых и синюшных тонах, казался мертвым дном высохшего моря. Жизнь отсюда ушла давно и больше не возвращалась. Стас и дышал, наверное, здесь только потому, что его защищал синкэн-гата.

Стас прислушался. Ни звука. Мертвая тишина. Неподвижность. Туман. Мертвый мир. Но почему же тогда он оказался здесь, в то время как должен был пересечь границу реальности, в которой, по словам Хранителя, живет Воин Закона, то есть Матвей Соболев?

Стас прошелся по необычной спекшейся почве с выступающими из нее длинными, пересекающимися между собой извилистыми ребрами. Что-то звякнуло под ногами.

Он глянул вниз, уловил тусклый серебристый блик и не поверил глазам: монета! Нагнулся, поднял. Тяжелая, скорее всего серебряная. На аверсе выгравирован зверек – соболек, на реверсе двуглавый орел и вязь русских букв: «Банк России. Один рубль». Монета была коллекционной и называлась «серебряный соболек». Как же она попала сюда?

Из тумана в сотне метров донесся тонкий стеклянный хруст. Стас вздрогнул, оглядываясь, никого не увидел, повертел монету в пальцах и спрятал в карман. Не оставалось сомнений, что он на верном пути. Находка монеты указывала на то, что Соболев проходил здесь, искать его надо было в этом мертвом краю.

О том, что монету ему могли подбросить специально, Стас не подумал.

– Ищи, – сказал он вслух, обращаясь к мечу. – Они где-то неподалеку.

Синкэн-гата на мгновение стал прозрачным и целым, затем налился голубоватым льдистым свечением и рванулся из руки, направляя острие в туман. Стасу ничего не оставалось делать, как следовать за ним.

Он шел, а сфера прозрачности перемещалась вместе с ним, как будто была прибита к голове, открывая все те же мертвые «корни» и «бамбуковые побеги». Туман же за пределами сферы не рассеивался и смыкался позади, скрывая истинные размеры равнины. Затем стали заметны кое-какие изменения в пейзаже.

«Побеги бамбука» становились все толще и выше и росли все чаще, пока Стас не уперся в самую настоящую «тростниково-бамбуковую крепь». Меч продолжал тянуть его вперед, и Котову пришлось прорубать коридор в этой крепости, чтобы продвигаться дальше.

Крепость вскоре превратилась в настоящую узловатую стену, которую невозможно было ни обозреть – вершина ее исчезала в тумане высоко вверху, – ни обойти. Пришлось рубить и ее, прокладывая натуральный тоннель длиной в сто, а может быть, и больше метров. Наконец пал последний пласт стены, и Стас вышел на берег круглого застывшего, вернее, замерзшего озера. Ледяная голубовато-дымчатая гладь легла перед ним на многие километры вперед, ограниченная со всех сторон пепельно-серой стеной. Туман над озером отсутствовал, и

видно все было отлично, как на Земле в ясный солнечный день. Впечатление складывалось такое, будто Стас стоит на дне глубокого гигантского колодца, открытого совершенно белому мертвому небу.

Он тронул ногой воду – твердая гладкая поверхность. Лед. Или стекло. Видно песчаное дно. Значит, все-таки настоящее озеро, только промерзшее до дна, хотя холода нога не ощущает. Впрочем, это действует защита синкэн-гата. И нет тишины!

Только сейчас Стас обратил внимание на долетавшие откуда-то звуки: тихие стоны, плач, негромкие голоса... Прислушался, напрягая слух, но направление, откуда прилетали звуки, определить не смог. Казалось, звучит все озеро. Тогда он осторожно шагнул на ледяную гладь, попробовал – держит ли – и зашагал к центру озера, пытаясь на ходу определить, не есть ли доносившийся отовсюду тихий плач-причитание звуковой галлюцинацией.

Пройдя пару сотен метров, Стас перестал прислушиваться к странным звукам, глянул себе под ноги и остановился как вкопанный. Бездна под ногами не была пустой! В глубине озера располагался настоящий город, полный скрытого движения, образованный одними огромными каменными стенами. Больше всего этот город походил на пчелиные соты или на своеобразную тюрьму, в каждой клетке которой содержались по несколько заключенных. Большинство заключенных представляли собой монстров, внешний вид которых описать было невозможно, однако встречались и гигантские насекомые (Инсекты?!), и люди.

Ошеломленный открытием: под застывшими водами озера действительно пряталась тюрьма! – Стас прошелся по льду, вглядываясь в его глубины, внезапно осознавая, что стоны и плач, которые он слышит, – это всего лишь ментальный эффект этого мрачного места, и остановился над квадратом, в котором стояли люди: мужчина и женщина. И еще не разглядев их как следует, он интуитивно почувствовал, что видит давно пропавших спутников Соболева Ульяну Митину и Ивана Терентьевича Парамонова.

Сердце учащенно забилося. Стас огляделся в поисках охранников тюрьмы или каких-то средств, способных ее открыть, потом ощутил дрожь меча в руке и, не раздумывая, вонзил его в ледяную гладь озера.

С треском, шипением и свистом лед покрылся трещинами, вскипел белыми фонтанчиками, стал таять, испаряться, исчезать в

доли секунды. Да и не лед это был, а заклятие, магическая «печать непреодолимости», накрывшая тюрьму слоем «медленного времени». Наверное, только синкэн-гата, нейтрализатор высших непреодолимостей, и мог ее разрушить.

Поскольку «ледяная толща» под ногами пропала, Стас провалился вниз примерно с высоты двадцатиэтажного дома, но не разбился, синкэн-гата притормозил падение, продолжая служить оруженосцу своего хозяина. Мужчина и женщина, одетые в стандартную земную одежду: мужчина – в спортивный костюм, женщина – в майку и шорты, – смотрели на гостя, упавшего с неба, и молчали.

– Здравствуйте, – неловко поклонился Стас, не зная, что говорить и как представиться.

– Кто вы? – негромко поинтересовался мужчина, бегло ощутив пси-сферу Стаса ментальным прикосновением.

Женщина вдруг улыбнулась.

– Похоже, я догадываюсь. Ты Стас Котов? Не помнишь меня? Я...

– Ульяна... – пробормотал Стас.

– Вырос-то как! Но все равно тот же взгляд... Сколько же времени мы тут сидим?

– Десять лет.

Узники странной вневременной тюрьмы переглянулись. Парамонов медленно произнес:

– Если он знал, что мы здесь, и не освободил...

Речь шла о Соболеве, Стас это понял.

– Не стоит делать преждевременные выводы, Иван Терентьевич, – покачала головой Ульяна. – Могло произойти что угодно. Видимо, Матвей не вернулся в земную реальность, иначе Стасик не появился бы здесь. Рассказывай, воин, что там у нас дома.

– Прежде надо уйти отсюда и как можно быстрее, – озабоченно сказал Парамонов. – Печать «замка» исчезла, но тот, кто нас сюда запер, наверняка это почует. Что это у вас в руке, молодой человек?

– Синкэн-гата, – ответил Стас. – Я должен передать его Матвею. Он Воин Закона справедливости.

Посвященные снова переглянулись.

– Много изменилось, пока мы тут прохлаждались, и, кажется, не в лучшую сторону, раз потребовался Воин Закона. Надо срочно бежать

на Землю, восполнить базу данных, узнать, что происходит. Вы один, молодой человек?

– Мой учитель и Вахид Тожиевич остались... в одном из миров «розы», подорвались на mine...

– Они живы?

– Хранитель Васиштва сказал, что поможет им, а меня послал дальше. Я думал, что попаду к Матвею, но почему-то оказался здесь, у вас...

– Случайных встреч не бывает, тебя кто-то направил к нам, кто-то опекающий тебя. Кто твой учитель?

– Дядя Вася... Василий Никифорович...

– Балуев?! – Ульяна с радостным удивлением оглянулась на спутника. – Господи, он жив! И Самандар с вами. Чудеса! А как они нарвались на мину? Кто ее поставил?

– Пентарх.

– Удди! Снова он. Не оставляет попыток завладеть тронном Мастера Мастеров. Как вы на него...

– Потом, – перебил девушку Парамонов. – Будете беседовать после того, как мы отсюда уберемся.

– А как вы сюда попали?

– Это долгая история. Вы обладаете тхабсом, молодой человек, или знаете какой-то другой способ преодоления границ «розы»?

Стас качнул мечом.

– Меня ведет он.

– Тогда вперед и с пес... – Иван Терентьевич не договорил.

Тень накрыла колодец тюрьмы, тяжелая холодная тень гигантской хищной птицы.

– Удди! – выдохнула Ульяна. – Бежим!

– Поздно, – хладнокровно сказал Парамонов. – И синкэн-гата не тхабс, он помогает только своему владельцу.

«Защити всех!» – взмолился в душе Стас, поднимая меч острием вверх.

Четырехлапая птица с размахом крыльев чуть ли не с поле стадиона спикировала вниз, на разблокированную Стасом сотовую тюрьму, вырастая в размерах, гоня впереди себя волну угрозы и страха, резко затормозила у обреза стен, так что от ее заработавших крыльев поднялся ураган, едва не разметавший людей. С лап ее и

клюва сорвались ветвистые пронзительно-желтые молнии, целя в узников тюрьмы и их освободителя, и одновременно на их головы обрушился ментальный удар Силы Элохим Гибор, сбрасывающий сознание атакуемых в измененные состояния, порождающий виртуальные реальности соответственно фантазии и опыту каждого. Так, Стасу показалось, что он, как джинн, заточен в стеклянной бутылке, которую бросили в море с черной водой: еще миг – и бутылка утонет!..

Но навстречу молниям с острия синкэн-гата сорвались ответные огненные стрелы чистого смарагда, погашая молнии, а вокруг людей образовалась хрупкая на вид снежная паутина, ослабившая ментальный натиск, и атака пентарха, вернее, его пси-копии, «проекции» на реальность, принявшей вид хищной птицы, захлебнулась.

Тогда птица разделилась на сотню своих уменьшенных копий, и каждая птица метнула вниз новые ослепительные молнии, соединившиеся в настоящий огненный ливень.

Синкэн-гата в руке Стаса превратился в пропеллер, создавший над ним и Посвященными нечто вроде зонтика, и отбил большую часть молний, но некоторые из них все же прорвались сквозь заслон и ужалили людей: Парамонова в плечо, Ульяну в обе поднятые вверх ладони, Стаса в лоб, отчего он на некоторое время ослеп.

Если бы «проекция» пентарха нанесла в этот момент еще один удар, финал боя был бы печален. Стас не знал всех функций синкэн-гата и готов был лишь защищаться, а не предупреждать нападение.

Посвященные же не могли помочь ему советом во время боя, да и сами были ослаблены десятилетним заточением во вневременной тюрьме. Спасло их всех появление нового действующего лица.

С грохотом раскололась стена колодца, образованная сросшимся «бамбуком», и над тюрьмой возникла огромная фигура сфинкса, соединившая в себе черты кентавра и льва, с крыльями за спиной и прекрасным женским лицом.

– Асат! – прошептал Стас, разглядев фигуру сквозь набегавшие слезы.

Страж границы одного из миров «розы» скакал по воздуху, как по земле, роняя клочья золотистого сияния. Он внезапно бросил вперед свою палицу, разделившуюся в полете на сотню черных стрел, и с

воплем, от которого у людей заложило уши, птицы пентарха взмыли в панике вверх, замолотили воздух крыльями, спасаясь от стрел, и тучей унеслись ввысь, как стая воронья.

Опустившись на дно камеры, чудовищное творение иерархов приблизилось, нависая над людьми.

– Приветствую Воина Закона в аду «розы», – раздался мелодичный женский голос.

– Я не Воин, – пробормотал Стас, искоса посмотрев на Посвященных и краснея, – я его оруженосец.

– Оруженосец – неотъемлемая часть Воина, значит и сам Воин. Рад познакомиться с друзьями Воина. – Миндалевидные светящиеся зеленую глаза сфинкса оглядели Посвященных. – Значит, я не зря по просьбе одного моего знакомого разбрасывал вокруг нараки монеты.

– Монеты? – с любопытством посмотрел на молодого человека Парамонов.

Стас вытащил из кармана «серебряный соболю».

– Вот, я нашел... если бы не она, я, наверное, приказал бы синкэн-гата сразу перенести меня к Соболеву. А так я подумал, что он здесь и...

– Удивительно, – покачал головой Иван Терентьевич. – Кто же попросил вас разбрасывать монеты? Кто этот провидец?

– Вы скоро встретитесь с ним. А пока уходите отсюда, Удди не прощает ни врагов, ни друзей, ни бывших слуг, ставших врагами. Идите за помощью, одним вам с ним не справиться, даже имея синкэн, которым вы еще не умеете пользоваться. Ваши друзья попали в критическое положение, помогите им.

Асат развернулся и помчался прочь, полого поднимаясь в воздух.

– Где их искать? – опомнился Стас.

– Синкэн знает... – донесся сверху громовой голос, в котором уже не было ничего мелодичного и женского.

Асат доскакал до пролома в стене колодца, нырнул в него, исчез. В камере адовой тюрьмы наступила тишина.

– Мне всегда казалось, что этот ваш приятель дружит с Монархом, – задумчиво произнес Парамонов, глядя вслед сфинксу.

– Он сначала препятствовал нам, когда мы только учились переходить границу «розы», но потом принял нашу сторону.

– Странные дела творятся в этом не лучшем из миров... А о ком из друзей шла речь?

Стас спохватился, посуровел.

– Мои друзья – мои учителя, Василий Никифорович и Вахид Тожиевич. – О Марии Стас решил пока не говорить. – Но как же мы все туда попадем? Синкэн-гата ведь слушается только хозяина...

– Асат сказал, что мы знаем не все возможности синкэн, – сказала Ульяна. – Попробуем попросить его все вместе, внушить, что нам нужно.

– Больше ничего не остается, – кивнул Парамонов. – Не получится, пойдешь один, а мы тут как-нибудь перекантуемся. Но думаю, что у нас получится. Давайте колдовать.

Стас посмотрел на меч в руке и представил, как он, обнимая Ивана Терентьевича и Ульяну, переносится к дяде Васе и Самандару...

Глава 45

КАКАЯ ПРИЯТНАЯ ВСТРЕЧА!

Масса перемещаемых тхабсом людей действительно не имела значения, однако их высокий психоэнергетический потенциал повлек резонансное колебание границ «розы реальностей» и, как следствие, – сбой программы перехода. Вышли они не там, куда стремился попасть Котов-старший.

Этот мир явно был опустошен войной, оставившей свои следы везде, куда бы ни ложился взгляд. Беглецы оказались на вершине гигантской пирамиды со срезанной макушкой и теперь молча смотрели на изъязвленную воронками, ржавыми языками спекшейся почвы и стекловидными пятнами бесконечную равнину, краями поднимавшуюся к горизонту, будто пирамида стояла в центре колоссальной тысячекилометровой мелкой чаши. Но это, очевидно, сказывался эффект рефракции воздуха планеты, которая была намного больше Земли, хотя сила тяжести на ее поверхности не превышала земной.

Цвет неба этого мира носил жемчужный оттенок, не меняющий насыщенности и яркости от зенита к горизонту, поэтому глубины оно не имело и казалось твердой плитой, потолком, сквозь два отверстия в котором – планета вращалась вокруг двух солнц одинаковой светимости, но разного диаметра – просачивался на поверхность «настоящий дневной» свет.

Под пирамидой когда-то располагался город, очень странный город, теперь почти полностью разрушенный. Все его здания представляли собой четырехгранные пирамиды разного размера, соединенные решетчатыми стенами, кое-где сохранившимися. Дороги, улицы в этом городе отсутствовали, а площади между пирамидами напоминали клумбы с частоколом черных колючек. Кто построил город пирамид, не уступавших по величине земным, догадаться было трудно. Однако «следопыт» отряда – Светлада – знала, кто являлся его обитателями и строителями.

– Здесь жили Симулиды^[59], – проговорила Мария. – Их города обычно подтоплены водой. В космос они вышли позже остальных Инсектов, но прошли дальше, даже в соседние галактики – еще не зная тхабса! Здесь, очевидно, их популяция убереглась от Изменения, проведенного Монархом в нашей реальности.

– Но не убереглась от войн иерархов, – проворчал Вася и вдруг почувствовал чье-то присутствие. То же самое ощутили и его спутники, разом оглядываясь (они стояли на краю площадки, венчавшей пирамиду). Сзади, в полусотне метров, располагалась группа крепких молодых людей в одинаковых серых костюмах, с пистолетами в руках, а впереди, засунув руки в карманы, стоял Герман Довлатович Рыков.

– Какая приятная встреча! – сказал он скрипучим голосом. – Вот я и догнал вас, господа комиссары.

– Здесь надо бы добавить: какой я молодец! – с угрюмой насмешливостью парировал Василий. – Зажил глазик-то, кардинал? Не боишься лишиться двух сразу, теперь уже окончательно?

– Вы меня интересуете мало, – не отреагировал на речь Котова Рыков. – Ваше «чистилище» на Земле без вас не продержится и дня, так что нет смысла пикироваться в вашем положении. Меня интересует только ваш пацан. Где он?

Посвященные обменялись понимающими взглядами.

– Как он догнал нас? – быстро и тихо спросил Самандар.

– Не знаю, – сквозь зубы бросил Василий. – Я чувствовал какой-то напруг в момент старта, но не понял, в чем дело.

– Тхабс зацепил их не случайно, – сказала Мария-Светлада. – У них есть какая-то овеществленная часть формулы тхабса...

– Вы совершенно правы, леди, – осклабился Рыков, – вот она. – Он показал медальон, принадлежавший недавно Бабуу-Сэнгэ. – Еще вопросы есть?

– Ты... координатора?.. – медленно проговорил Самандар.

– Ликвидировал, – небрежно бросил Рыков, снова засовывая руки в карманы, и по тому, как они оттопырились, Василий понял, что в них оружие. И не какое-нибудь простое вроде пистолетов, а «глушаки»!

– Бабуу изжил себя, – продолжал Рыков. – Итак, повторяю вопрос: где Стас? Надеюсь, вы не станете демонстрировать свое боевое искусство? Оно вам не поможет, я вас просто уничтожу, не колеблясь.

– Верю, – кивнул Василий. – А твои прилипалы с пушками знают, что применение огнестрельного оружия в абсолютных реальностях чревато последствиями?

– Не имеет значения, – пожал плечами кардинал. – Они исполняют мои приказы, а что будет потом, не важно.

– Ну-ну, очень оптимистичное заявление, как раз в духе наших родных чиновников. Что ж, начинай уничтожать нас, рыцарь без страха и упрека. Ты же знаешь, «чистильщики» без боя не сдаются. А Стаса ищи-свищи сам, его координаты нам неизвестны. Только, боюсь, встреча с ним, если ненароком его найдешь, станет для тебя последней.

Рыков показал свою специфическую бледную улыбку, и по шевелению его рук в карманах Вася понял, что сейчас последует залп из «глушаков». В следующее мгновение он развернул границу реальности, одновременно пытаясь убрать Рыкова с его воинством из сферы влияния тхабса.

Они вышли на поляну в окружении огромных деревьев с розовой корой, напоминающих секвойи. В центре поляны горел костер, над которым на вертеле жарилась туша какого-то животного. Вокруг костра группами сидели четырехрукие люди в рыцарских доспехах, вооруженные мечами и арбалетами. На их лицах, обращенных к землянам, можно было прочесть изумление, переросшее в страх, когда рядом с первой тройкой пришельцев появились еще с десятков таких же: Рыков снова догнал беглецов.

Не давая ему времени опомниться и открыть огонь, Василий погнал свой невидимый «транспорт» дальше, и на этот раз беглецы вышли на берег моря во время шторма. Ураганный ветер гнал над крутым скальным обрывом берега низкие серо-зеленые тучи и поднимал на море огромные волны зелено-коричневого цвета, срывая с них светящуюся пену.

Рыков с командой, несколько поредевшей на взгляд Василия, появился следом, причем расстояние между ним и Посвященными сократилось вдвое. Тогда у Василия созрела мысль продолжать бег по реальностям до тех пор, пока Рыков не окажется на расстоянии броска, а после этого напасть первым. И Василий бросился сквозь «розу» в ее глубины, не зная, в какой галактике находится и близко ли родное солнце.

Он сделал двадцать два головокружительных прыжка, выходя в мирах с удивительными ландшафтами и искусственными сооружениями, прежде чем поймал наконец момент, когда они с Вахидом Тожиевичем оказались в трех шагах от Рыкова и его окончательно растерявшихся телохранителей. В меоз Василий вышел еще раньше, поэтому действовал намного быстрее, чем любой из них, и даже быстрее Рыкова, давно не тренировавшего боевой транс.

Герман Довлатович тоже понял замысел Котова и был готов к бою, но не ожидал от противника, которого продолжал недооценивать, такой изворотливости и прыти. Он выстрелил, как только вся группа оказалась на крыше какого-то здания (впоследствии выяснилось, что это мир «подсферы А» – архитектурный заповедник «розы»), но Василий уже сместился в сторону, и залп «глушаков» его миновал. А в следующее мгновение в глаз Герману Довлатовичу вонзилась стрелка сюрикэна, брошенная Котовым без всякой жалости с рапортом-пожеланием смерти.

Любой другой человек на месте кардинала, даже Посвященный первых двух ступеней, умер бы мгновенно, однако Рыков уже вошел в Силу Эл, и физические повреждения были ему не страшны. Он, конечно, невольно вскинул руки к глазам, чисто рефлекторным движением, но тут же усилием мысли уничтожил стрелку, а за ней восстановил и глаз – за доли секунды! И все же Василию хватило этих долей для того, чтобы мгновенными росчерками меча, выхваченного в стиле иайдо, обрубить Рыкову карманы с оружием, а затем всадить ему меч в грудь.

За это время и остальные члены отряда успели вступить в бой. Самандар, действуя сразу двумя мечами, справился с половиной манипула, не щадя никого, отрубая им кисти рук с пистолетами или нанося колотые раны в шею. Мария же, пользуясь паранормальным запасом Светлады, не менее успешно атаковала остальных в психоэнергетическом плане, заставив стволы пистолетов изгибаться и выплевывать пули в своих же владельцев. Двое из них с воплями сорвались с крыши здания вниз, другие продолжали бороться с ожившим оружием, теряя остатки внушенного хладнокровия, воли и сознания.

Получив новую рану, Рыков вынужден был отвлечься и на ее штопку, наградив Василия оглушающим ментальным ударом, а когда

он с яростью обрушился на противника всей мощью возбужденных Сил, у Василия появился защитник, которого не ожидал ни он сам, ни Герман Довлатович.

Со свистом и гулом на крышу здания спикировало удивительное создание пентарха Удди, перешедшее на сторону людей, – страж границы, сфинкс Асат. Но более удивительным оказался его всадник – Юрий Венедиктович Юрьев, импозантно одетый в домашний халат и тапочки на босу ногу. Он спрыгнул со спины Асата перед замершими от изумления людьми, царским жестом запахнул халат и сказал обыденным тоном:

– Ну-с, господа, что тут у вас?

Василий, не выдержав, засмеялся, хотя перед глазами у него прыгали цветные пятна, сознание ускользало, а голова гудела от удара, которым его наградил Рыков.

– Драка тут у нас, Юрий Венедиктович. Герман Довлатович решил стать властелином реальности, для чего убил координатора и забрал его талисман. Теперь ему понадобилась другая Великая Вещь – синкэн-гата, из-за которого он готов порешить кого угодно, даже свою мать. В общем, все, как у Володи Вишневого: «О, как внезапно кончился диван...»

Юрьев, сузив глаза, одарил бывшего коллегу выразительным взглядом.

– Это правда, Герман? Ты убил Бабуу?

– Не строй из себя то, что ты есть на самом деле, – прошипел Рыков. – Время Союзов прошло, реальностью должна править одна личность...

– Монарх, – подсказал Василий, усиленными темпами набираясь сил. – Или ликвидатор.

– Осторожнее, друзья, – предупредил своим красивым женским голосом Асат. – Этот человек опасен, он подпитывается чьей-то очень высокой энергией. И позвольте мне откланяться, я спешу.

Сфинкс расправил крылья, сиганул с крыши здания вниз и в несколько взмахов-скачков исчез из глаз. И тут же вернулся, стремительно вырастая в размерах. Оставшиеся не успели даже словом обмолвиться, балансируя на грани новой схватки друг с другом.

– Берегитесь, друзья! Сейчас здесь будет Удди! Вам лучше перейти в другую реальность. Могу... – Асат не договорил.

В белом небе проявилось черное пятно, обрело очертания гигантской птицы, накрывшей всех ощутимо тяжелой и холодной тенью. Птица ринулась вниз, нанося мощный удар по психике всех, кто находился на крыше, и одновременно метнула тучу свистящих черных перьев-стрел, несущих смерть. Но прежде чем перья достигли крыши, сфинкс вдруг прыгнул вверх, раскрывая свои крылья таким образом, чтобы защитить людей, и принял на себя весь залп.

Василию показалось, что в небе засияло новое солнце. Он инстинктивно заслонился рукой от небывалого сияния, а когда открыл глаза, то на месте Асата увидел быстро тающее облако снега. Бывшее творение пентарха приняло смерть от своего создателя, пожертвовав собой во имя тех, кого считало своими друзьями.

В следующее мгновение Юрьев, Мария, Василий и Самандар, не сговариваясь, нанесли проекции пентарха ответный психоэнергетический удар, породивший волну локального искривления реальности, и заставили жуткую птицу отпрянуть. Не вступил в битву с Удди лишь Рыков, еще не решивший, кому именно он желал бы помочь. Герман Довлатович всю жизнь исповедовал принцип Труффальдино из Бергамо, спевшего когда-то: «А я всегда за тех, кто побеждает».

Глава 46

КАК АУКНЕТСЯ...

С высот астрала Земля казалась окутанной черным туманом. Лишь кое-где в этой черноте просматривались светлые окна и звезды, слегка рассеивающие мрак, но их было слишком мало. Баланс тьмы и света в «запрещенной» реальности был явно нарушен и требовал восстановления. Только никто из живущих на Земле не знал, как это сделать. Кроме Хранителей Внутреннего Круга. Но и они, способные читать будущее, начали волноваться, видя, что их ожидания не сбываются. Воин Закона справедливости запаздывал со своим появлением в реальности, а тьма продолжала медленно, но неотвратимо наступать. С исчезновением Круга человечество ожидали деградация, вырождение и гибель. Власть тьмы становилась абсолютной.

Необозримое поле космоса, окружавшее планеты земной реальности, прочертила светящаяся рубиновая нить, достигла Земли и вонзилась в голову Матфея, породив красную вспышку каскада понятий. Это был ментальный вызов. Никола Русский собирал Сход Хранителей, на этот раз – без физического и визуального контакта, для обсуждения проблемы ликвидатора. Идею предложил Хранитель Павел: соединить поля эгрегоров и попытаться нейтрализовать ликвидатора, – теперь предстояло принять решение – начинать прямую войну с Истребителем Закона или нет.

Матфей был против этого, потому что знал о грядущей неудаче, однако он знал также и о том, что напуганные успехами ликвидатора Хранители все-таки решатся объявить ему войну. Поэтому на вопрос патриарха: готов ли он к воздаянию? – Матфей ответил лаконично:

– Готов!

Процедура согласования Схода не потребовала много времени, мгновенная ментальная связь соединяла Хранителей таким образом, будто они находились рядом, в одном месте. Затем наступила очередь резонансной настройки Сил Хранителей и полей их эгрегоров. Борьба им предстояла не с физическим объектом, носителем личности, а с протяженным бесплотным полем сознания вне личности,

внедрившимся в компьютерные сети Земли, оседлавшим электронные облака и молекулярные структуры в проводах, микрочипах и других элементах компьютерной начинки. Его нельзя просто выключить, «тюкнуть файл» – удалить информацию из памяти компьютеров или вынуть из дисководов «хайевые денситины» – мультимедийные дискеты с высокой плотностью записи. Но и зная это, понимая специфику предлагаемой войны, патриархи не решились использовать Великие Вещи Мира, хранимые ими в тайниках модулей иной реальности. Они надеялись справиться с задачей своими силами.

Синхронизация пси-полей началась после того, как Никола Русский, ставший оператором Схода, добился от каждого Хранителя четкого пси-ответа и понимания цели. Матфея этот момент застал в МИРе Арахнидов, на глубине трехсот метров под Московским Кремлем; он в равной степени отвечал за сохранение этих сооружений перед потомками.

Вход в общее континуальное поле сознания, образованное эгрегорами Хранителей и их инициаторами-патриархами, напоминал нырок в океан перламутрово светящегося тумана и полного растворения в нем. Процесс же синхронизации индивидуальных полей воспринимался как взаимопроникновение тел Хранителей с одновременным увеличением общего «тела» до размеров Земли. Стала видна вся поверхность планеты с ее океанами, морями, материками, горными странами, человеческими сооружениями.

Следующий шаг синхронизации увел зрение создаваемого полевого организма в структуры материи. Матфеем стал видеть электромагнитные поля, их источники, весь диапазон излучений, пронизывающих реальность, кроме разве что потоков нейтрино и спин-торсионных взаимодействий. Затем поле зрения гигантского мыслящего и чувствующего организма, в который превратились Хранители, сузилось до видения компьютерных сетей – обиталища ликвидатора. Началась стадия концентрации энергии для подавления чужого поля сознания, оживившего компьютерные сети до осознания ими себя Личностью Истребителя Закона дьявола. Хранителям необходимо было повысить психофизический потенциал своего невидимого коллективного «воина» до уровня преодоления порога магического оперирования в «запрещенной реальности» и одним мощным ударом вызвать десинхронизацию динамической

пространственно-волновой структуры ликвидатора, «развеять» его «пепел» по просторам космоса.

Но ликвидатор не дал им этого шанса.

Несмотря на то что Хранители достигли двадцатой ступени «лестницы самореализации» людей Круга, то есть уровня абсолютного Магического Оперирования, сила ликвидатора, с которой он ответил противнику, соответствовала двадцать первой ступени, символически называемой Двойником Совершенства. Этого уровня в «розе реальностей» мог достичь только аватара, «второй после Бога», авеша Творца! И атака Хранителей захлебнулась, а ментальная «отдача» швырнула сознание каждого в измененные состояния, соответствующие длительной болезни. Они выжили, сохранили себя и свои групповые эгрегоры, принявшие на себя основную массу ответного удара, но сопротивляться уже не могли.

Концентрация же противоборствующих Сил, освободившихся в жестокой мгновенной схватке, была столь велика, что изменилась реальность!

На мире природы Земли это сказалось следующим образом: все виды насекомых изменили поведение и стали собираться в коллективы, кланы с достаточно разумным поведением. Кроме того, некоторые из них увеличились в размерах, например, комары и тараканы. Деревья же и грибы обрели нечто вроде нервной системы и тоже образовали подобие «коллективов» – полумразумных биосистем со связанной «психикой». Результатом этого, наглядно иллюстрирующим процесс, стало изгнание из лесов людей – собирателей грибов и насекомых, поедающих древесину.

На мире «подсферы А», мире искусственных объектов, изменение реальности сказалось рельефнее, хотя заметили это лишь люди Круга с независимой от изменений памятью. Обычные люди ничего не почувствовали, для них новый порядок остался старым, «исторически обоснованным». Так, например, перестали существовать ядерные заряды стратегических и тактических ракет, бомб и снарядов, хотя заменившие их заряды и были близки им по мощности и поражающему действию. Произошла «тихая революция» в компьютерном производстве: исчезли с лица земли фирмы «Шайенн», «Конан», «Деверо» и «Аитэ», производящие компьютеры, вместо них возникли гиганты «Макинтош», «Пентиум», «Самсунг», «Тошиба» и

«Юнайтед электроникс». Изменилась и конфигурация компьютеров, и дизайн, процессоры и мониторы, но сами они, конечно же, остались. И остался цел и невредим паразитирующий на них, как некий бесплотный одушевленный вирус, Истребитель Закона. Выжил он благодаря приобретению – за счет поглощения многих эгрегорных полей – качества высшей непреодолимости. По сути, с человеческой точки зрения он стал неуязвимым и неуправляемым. Заказчик, направивший его в земную реальность, окончательно перестал быть его господином.

* * *

Подвижный мобильный ракетный комплекс «РС-12МУ» «Ясень» представляет собой колесный тягач, совмещенный с контейнерной пусковой установкой, «пушкой», как ее называют сами ракетчики. Подготавливает к запуску ракету, способную нести от одной до трех разделяющихся боеголовок, стартовый расчет из четырех человек во главе с командиром-оператором не ниже капитана по званию. Но, кроме подготовки самого пуска, существует довольно длительный процесс перевода ракетного комплекса в высшую степень боевой готовности, включающий в себя введение полетных заданий, то есть координат целей и необходимых траекторных поправок, а также проведение некоторых дополнительных операций на самом комплексе после ввода заданий (контроль систем). Но если операции подготовки пуска доступны всему расчету, то сложные математические программы полета знают всего несколько человек в Генштабе ракетных войск. Управление же всеми комплексами осуществляется через центральный командный пункт (в России он располагается в подмосковной Власихе, в США – в Пентагоне) и ряд вспомогательных пунктов управления в разных регионах страны. Запустить ракету, разблокировать все «замки» и коды, которые препятствуют ее старту, может только президент с помощью своего «ядерного чемоданчика», введя специальную программу. В этой операции также непременно должны участвовать министр обороны и начальник Генштаба. Однако возможен вариант и «аварийный», не требующий присутствия всех

перечисленных лиц, — если код пуска знает дежурный офицер, переносящий чемоданчик.

Таким образом, ликвидатору для решения задачи уничтожения баз Хранителей потребовалось зомбировать всего несколько человек: кейс-офицера, начальников пунктов управлений на местах и командиров пусковых установок, располагающихся в нужных районах. В принципе зомбирование командиров ПУ было лишним в цепи подготовки пусков, они вполне готовы были просто выполнить приказ, но ликвидатор не хотел рисковать срывом своих планов.

Процесс зомбирования высшего командования ракетных войск не занял много времени: практически все генералы и полковники, связанные с управлением пусками ракет, работали с компьютерными военными системами и легко поддавались внушению. Для программирования же командиров ПУ ликвидатору пришлось действовать через уже закодированных эмиссаров, что несколько затянуло решение задачи. И все же через три дня после атаки Хранителей, что привело Истребителя Закона в неописуемую ярость, он только в России уже имел возможность запустить в намеченные районы около трехсот ракет типа «РС-12МУ» «Ясень» и два десятка более мощных ракет «РС-20» «Сатана». Масштаб же перехвата им управления пусками ракет во всем мире был неизмеримо выше. Теперь ликвидатор мог уничтожить любого человека Круга с любым уровнем магического оперирования, надо было лишь установить его координаты. То, что при этом неизбежно должны были погибнуть сотни и тысячи других ни в чем не повинных людей, ликвидатора не волновало. Людей на Земле еще оставалось очень много, достаточно, чтобы их можно было не считать.

Первый ракетный удар Истребитель Закона нанес по Гималайскому Гарбхагриха-центру, где обосновался один из патриархов-Хранителей Гуру Нарамсинх. Произошло это ранним утром двадцать второго июня. Использован же был комплекс «РС-12МУ», располагающийся на территории Казахстана.

Предотвратить падение ракеты на буддистский культовый комплекс, где проживали две тысячи монахов и лам, Нарамсинху не удалось, а бежать, спастись самому, в то время как гибли его сподвижники, он не захотел.

Именно на такую реакцию Хранителей и рассчитывал ликвидатор. На следующий день он наметил уничтожить еще два десятка Хранителей, в том числе – патриархов Николу Русого и Матфея.

Глава 47

ВСТРЕЧА

В тот момент, когда Рыков по недолгому размышлению все-таки решил примкнуть к пентарху Удди, его противник внезапно получил подкрепление.

С неистовым визгом и пронзительным шипением небо и землю пересекло невесть откуда взявшееся гигантское полотнище бледного золотистого пламени, едва не задев «птицу» Удди, сжалось до размеров стометрового лезвия меча, разрубившего здание по диагонали, на крыше которого друг напротив друга расположились Юрьев, Рыков и команда Котова. Затем пламя исчезло, втянулось в точку, а из этой точки, плавно и быстро вытягиваясь, увеличиваясь в размерах, вышли трое людей: Стас, красивая девушка в шортах и мужчина в спортивном костюме. Герман Довлатович сразу узнал в них Посвященных I ступени Парамонова и Ульяну Митину.

На мгновение все замерли, даже «птица» – проекция пентарха, собравшаяся повторить залп магических заклинаний-перьев, и за это мгновение Рыков успел сориентироваться, осознать свою ошибку, принять другое решение и сбежать. Сил, переданных ему Монархом как своему авеше, поддержанных магией талисмана Бабуу-Сэнгэ, хватило для перехода границы реальности.

Убрался с поля боя Рыков очень своевременно; впрочем, он всегда умел выходить невредимым из самых опасных ситуаций, без угрызений совести используя все отрицательные качества и способности, перешедшие от Инсектов к людям: обман, трусость, презрение, коварство, жестокость, предательство.

Пентарха тоже смутило появление на сцене новых действующих лиц, с которыми он уже имел контакт незадолго до своего проявления в данной реальности. Однако он не хотел останавливаться на полпути и, задержавшись на мгновение, начал атаку на Посвященных. Только изменил тактику: разделившись на несколько сотен птиц размером поменьше, напал на каждого своего врага отдельной стаей.

Парамонов первым догадался, чем это им грозит. Заставив защищаться каждого человека в отдельности, Удди имел великолепный

шанс по очереди одолеть всех людей. Отвечать ему надо было собственной стаей, человеческой, как делали это когда-то Инсекты.

– Объединяем Силы! – раздался над полем боя громовой голос Ивана Терентьевича, отбившего нападение своего «фрагмента» Удди.

Ульяна, прекрасно ориентирующаяся в обстановке, тотчас же присоединилась к нему, и они вдвоем помогли справиться с «птицами» Марии. Затем к ним присоединился Василий, вдруг оказавшийся рядом с Ульяной.

Таким Уля его еще не видела: с пылающими гневом глазами, грозно-веселого, буквально вдохновленного (не боем, это Ульяна поняла потом), ощутимо сильного и целеустремленного.

Самандар, с трудом парировав первый ментальный залп стаи – ему досталось больше всех, Удди начал индивидуальное уничтожение с Вахида Тожиевича, – присоединился к растущему объему Сил Посвященных, находясь почти без сознания. Мгновением позже к ним подключился Юрьев. Он колебался с решением до последнего, так как мог просто сбежать с поля боя с помощью тхабса, но остался, хотя и не из чувства солидарности, а из-за вполне понятной привязанности к дочери.

И последним вошел в этот объем сил Стас, которому легко удалось рассеять свою стаю с помощью синкэн-гата.

Уровень Сил, на который вышли семеро землян, объединенных в один психоэнергетический организм, превысил тот, которым владел Удди – Элохим Алеф, но и после этого бой еще продолжался некоторое время, искажая реальность, изменяя ее законы, в том числе – физические, пока наконец все семеро не разобрались со взаимодействием и, выставив Стаса с мечом на острие контратаки, не выбросили Удди из реальности.

Тишина, наступившая вслед за исчезновением стаи «птиц», показалась всем оглушительной. Озираясь по сторонам, готовые ответить на любой враждебный выпад, Посвященные разошлись по размягченной поверхности крыши и только теперь увидели, что стало с окружающим здание ландшафтом, да и с самим зданием.

Город, как скопление архитектурных сооружений, перестал существовать! Все его здания оплыли, как свечи, превратились в блистающие неестественной белизной сталагмиты. Здание, на крыше которого сражались Посвященные с пентархом и Рыковым, осело,

превратилось в ноздреватую белую плиту, расколотую на две части. Лес, заполнявший пространство между зданиями, «расплавился» в причудливые ажурные фестоны, колонны, мосты и арки, создав нечто вроде искусственно-живой инфраструктуры, своеобразный город, геометрически идеальный и красивый, если бы не его кроваво-красный цвет.

Изменилась даже равнина, где произошло столкновение людей Круга: она прогнулась, и теперь изменившийся «двойной» город стоял как бы в круглой чаше диаметром в несколько километров. Зеленый лес начинался за пределами этой чаши, наверху.

– М-да! – нарушил молчание Юрьев, выделявшийся из группы своим домашним невоинственным видом. – Все хорошо, что хорошо кончается. Вовремя вы подросли, Иван Терентьевич.

– А где тебя отыскал бедный Асат? – подошла к отцу Мария.

– В одном из адов «розы», – пожал плечами Юрий Венедиктович. – На меня напал Бабуу, и стартовал я с Земли уже в бессознательном состоянии. Асат меня привел в чувство и доставил сюда.

– Откуда он узнал, где ты?

– Не знаю, не успел спросить.

– Символично, – произнес Самандар с усмешкой, поглядывая на Ульяну и Василия, стоявших неподалеку.

– Что символично? – не понял Юрьев, тоже оглянувшись на застывшую пару.

– Что ваше подсознание вынесло вас именно в ад.

Юрьев ответил понимающей усмешкой, не сводя заинтересованного взгляда с Василия и Ульяны, затем Парамонов деликатно тронул его и Самандара за руки и жестом отозвал обоих в сторону.

– Пусть они побудут вдвоем. Им есть что сказать друг другу. А мы пока обсудим положение.

Мужчины прошли по платформе, остановились на ее краю, глядя на пейзаж внизу.

К Стасу, делавшему вид, что он приводит свой костюм в порядок, и косившемуся на своего учителя с некоторым недоверием – таким он тоже его видел впервые, – подошла Мария, потянула за рукав, сердито прошептала:

- Чего палишься? Пошли к остальным.
- Они... посмотри на их лица...
- Это признание, Котов, понимаешь? Они не виделись десять лет, понимаешь?
- Но ведь для нее эти десять лет пролетели как мгновение.
- Не имеет значения. Она сейчас читает и чувствует его десять лет. Пошли.

Мария вдруг разделилась на двух похожих, но тем не менее отличимых девушек.

Стас вздрогнул, ошеломленно глядя то на одну, то на другую. Обе Марии смотрели, в свою очередь, на него одинаково насмешливо-дразнящими и оценивающими взглядами, только одна при этом еще и слегка хмурила брови. И тогда молодой человек сделал то, что от него ожидали: усилием воли приобрел сурово-сдержанный вид, отсалютовал девушкам мечом и поцеловал хмуrivшую брови Марию в щеку. Он понял, в чем дело. В этой реальности Светлада, внедрившаяся в Марию, могла существовать в своем собственном облике, физически.

Обе девушки переглянулись, засмеялись, и Светлада, шагнув к Марии, вошла в нее и исчезла. Мария подхватила Стаса под руку, прижалась к нему на секунду и повлекла к мужчинам.

Василий же и Ульяна никого не видели и не слышали, просто стояли и смотрели друг на друга, сквозь разлуку в десять лет, и ожидание, и надежду, сквозь безумную радость встречи, жажду объятий, сквозь рыдание и крик души...

И все слова, которые готовил Василий, чтобы сказать их любимой, оказались совершенно лишними. Он видел это по глазам Ульяны, в которых сквозь легкое замешательство, и удивление, и сомнение пробивался родник ответных чувств, нечаянной радости и ожидания любви.

Они и потом не сказали друг другу ни слова, когда пришла пора решать, что делать дальше. Только словно невзначай касались друг друга руками, ощущая разряды неведомой энергии, пронизывающей и соединяющей обоих. Самандар видел этот безмолвный разговор и, возможно, переживал, но молча, и оставался бесстрастным, хотя вряд ли смирился с тем, что соревнование с Котовым он проиграл.

– Василий Никифорович, – обратился к старшему Котову Юрьев, делая вид, что не замечает его состояния. – Тут у нас возник чисто теоретический спор, хотелось бы услышать ваше мнение.

Василий глянул на кардинала, в глазах которого читалось насмешливое осуждение, порозовел, выпустил руку Ульяны и принял свой обычный угрюмоватый вид.

– Может быть, мы сначала решим, что будем делать дальше?

– По-моему, это давно решено, – сказал Самандар. – Искать Соболева.

– Нет, – покачал головой Парамонов. – Проблема так просто не решается. Необходимо обговорить все тонкости предстоящего дела, а заодно и отдохнуть. Но не здесь. Удди скоро вернется и наверняка не один, а с армией.

– Вы знаете место, где мы будем в безопасности?

– Земля, то есть родная реальность.

– Там нас ждут ликвидатор и господин Рыков со своими «эсэсовцами».

– Вряд ли им удастся вычислить нас сразу после перехода границы, тем более если мы пойдем тхабсом, не оставляющим следов. Несколько часов для отдыха и решения проблем у нас будет.

Василий задумался, потом глянул на Ульяну, ответившую ему затуманенным и чуточку растерянным взглядом – она еще не привыкла к тому обстоятельству, что старший Котов – Посвященный! – и проговорил решительно:

– Поплыли!

Вахид Тожиевич открыл рот, чтобы спросить: где ты собираешься выходить? – но Василий уже сориентировал тхабс, и семерка людей Круга оказалась в Рязани, в квартире Анны Павловны, тетки Ульяны.

Глава 48

ВОЛОСЫ ДЫБОМ

Анне Павловне пошел восемьдесят четвертый год, но была она еще подвижной и бодрой бабулей, способной позаботиться о себе и об окружающих. Появление племянницы, отсутствовавшей десять лет и считавшейся без вести пропавшей, произвело на нее сильное впечатление, однако она, всплакнув, быстро пришла в себя и захлопотала по хозяйству, даже не пытаясь выяснить, каким образом в ее квартире оказались гости. Вскоре на кухне варились щи, жарились овощи, нарезался хлеб и сыр, кипел чайник и готовился яблочный пирог. Сама же Анна Павловна успевала и готовить, и слушать рассказ племянницы, и делиться собственными переживаниями и новостями, то и дело поднося к глазам платок – старческие глаза скоры на слезу.

Мужчины в это время мылись по очереди в ванной и разговаривали, не задевая важных тем. Решили сначала привести себя в порядок, расслабиться и отдохнуть. Обсуждать план действий следовало на свежую голову.

Так как Мария вместе с Ульяной ушла на кухню помогать хозяйке, Стас после купания остался в зале и уселся в уголке на диване, прислушиваясь одним ухом к разговорам старших, а другим к женским голосам, доносившимся из кухни.

Юрьев снова попросил Котова-старшего разрешить спор, который у него завязался с Парамоновым и Самандаром, и Василий, упиваясь удивительным комфортом, установившимся в душе после встречи с Ульяной, согласился наконец его выслушать.

– Отставим в сторону ближайшие проблемы, – начал Юрий Венедиктович, так и оставшийся в своем домашнем халате, поскольку переодеться ему было не во что, как, впрочем, и остальным. – Но вот вопрос: что вы будете делать, когда закончится война с ликвидатором?

– Не знаю, – озадачился вопросом Василий. – Дел вообще-то полно... до этого надо еще дожить...

– О каких делах речь? Снова возьметесь возрождать «чистилище»?

– Да хотя бы.

– Но ведь деятельность «чистилища» не решает проблемы. Уничтожая лидеров преступного мира, вы тем самым выдвигаете новых. Таковы законы социума, таков человек.

– Значит, нужен новый человек, – весело заявил появившийся в зале Парамонов с полотенцем через плечо; он мылся последним. – Вам должно быть известно, что нынешнее человечество – переходная стадия к цивилизации новой волны. Хранители Круга – ядро этой цивилизации. Вот если бы никто не вмешивался в земную жизнь, не делал революций и разного рода экспериментов, изменений, ни Монарх, ни иерархи, ни Безусловно Первый, жизнь наша была бы намного спокойней. А мы только и делаем, что воюем... за право не воевать и идти своей дорогой.

– Итак, «чистилище»? – посмотрел Юрьев на Василия, терпеливо выслушав тираду Ивана Терентьевича.

– Не знаю, – хмуро сказал Василий. – У вас есть другие предложения?

– Именно так, Василий Никифорович. Я предлагаю организовать новый Союз Неизвестных и возродить Круг, такой, каким он был в начале человеческой эры.

В гостиной Анны Павловны стало тихо.

– Вы надеетесь выйти на уровень прямой коррекции социума? – проговорил с вежливым удивлением Парамонов.

– Идеальных решений лечения социума не существует, вы должны это понимать. Я же хочу воссоздать систему – пусть она будет называться иначе, не Круг, а Сфера, или как-нибудь еще, – которая стабилизировала бы законы реальности, не давала им резко изменяться. Ведь Союзы Неизвестных были созданы именно для стабилизации отношений, для сохранения Изначального Плана бытия.

– Возможно, намерения ваши и благие, но известная формула: «благими намерениями вымощена дорога в ад», – еще ни разу не давала осечки.

– А ваше мнение? – все так же терпеливо, не ввязываясь в дискуссию с Парамоновым, обратился Юрьев к Василию. – Я предлагаю вам место кардинала в обновленном Союзе, причем с ответственностью резонатора распространения нового качества – справедливого воздаяния. Вы будете вторым лицом Союза после координатора.

– А вы первым? – слабо улыбнулся Василий.

Юрьев не смутился, пребывая в уверенности, что ни один человек не в состоянии уберечься от соблазна стать одним из настоящих повелителей не только отдельного государства, но и всей реальности.

– Да, координатором буду я, – спокойно сказал он. – Я хорошо знаю обязанности и ответственность этой фигуры управления и равновесия и готов принять соответствующее Посвящение. Принимаете предложение?

– Спасибо, – покачал головой Василий, – но я не хочу никем руководить и навязывать свою модель мира. Бывший Союз преуспел в этом начинании, диктуя свою волю, внушая всем живущим, что мир плох и жесток, впечатывая в сознание, в психику каждого сценарий катастрофы и вечной войны, базовые установки добра и зла. Да не нуждается добро в вечной борьбе со злом! Миру необходимы технологии согласия, а не борьбы или спора, соблюдение баланса инь и ян, мужского и женского, принципа гармонии всех начал. Даосская философия права. Единственное, чему я могу посвятить свой остаток жизни, так это разработке техник согласия, восстановлению утраченной людьми гармонии, да еще, пожалуй, поиску первопричин и истоков жизни. Руководить социумом – не моя стезя.

В зале снова установилась тишина, потом из прихожей появилась Ульяна с теркой в руке – она тоже слышала речь Котова-старшего, – подошла к сидящему Василию и поцеловала его в щеку.

– Ты все-таки бесподобен! – И убежала обратно.

– Жаль, – вздохнул без особого разочарования Юрьев. – Я рассчитывал на вас. Ну а вы, Вахид Тожиевич? Тоже откажетесь?

– Никакая форма бутылки не способна изменить ее содержания, – сказал Самандар. – Как вы ни называйте Союз, он все равно останется органом принуждения, как и прежний. Если только не изменится база, принципиальная основа коррекции социума. Быть кардиналом я не желаю, но могу взяться за теоретическую проработку законодательства обратной связи.

– Хорошо, мы поговорим об этом отдельно. – Юрий Венедиктович посмотрел на примолкшего Стаса. – А как относится к теме разговора молодежь?

– Я слушаю, – смутился Стас. – Пожалуй, мне более близка точка зрения дяди Васи. Я думал несколько о другом...

– О чем же?

– О внешнем воздействии на нашу реальность. Я не понимаю одной простой вещи: почему даже Монарх, отец человечества, не может прямо воздействовать на реальность? Все ищет какие-то окольные пути, лазейки, использует людей... Что ему мешает? И почему именно наша «запрещенная» реальность так притягивает его и всех последователей – иерархов? Она что, медом намазана?

– На этот вопрос могу ответить я, если позволите, – раздался в гостиной чей-то приятный звучный голос, и прямо из воздуха посреди комнаты вышел высокий человек с сединой в черных волосах, одетый в пятнистый плащ и сапоги.

Собеседники узнали его, это был Хранитель Матфей.

Он коротко поклонился всем, прищурясь, оглядел каждого, как бы оценивая его настроение.

– Простите за вторжение. Однако нам есть о чем поговорить.

– Присаживайтесь, – вскочил Василий, жестом предлагая свое кресло. – Я постою.

В зал выглянула чем-то удивленная Мария в переднике, с ножом и луковицей в руках, она почувствовала изменение полевой обстановки и пришла выяснить, в чем дело. Несколько мгновений Матфей и девушка смотрели друг на друга по-особому, проникающе и понимающе, потом Хранитель еще раз поклонился.

– Я гляжу, тебе понравилось сосуществование, хранительница. Рад за тебя.

Юрьев озабоченно, а Стас непонимающе посмотрели на Марию, но та взмахнула руками и умчалась обратно на кухню, смущенная одной ей ведомым смыслом, вложенным Хранителем в последние слова.

Матфей, не снимая плаща, невозмутимо сел в любимое кресло Василия и Ульяны, глянул на Стаса.

– Отвечаю на ваш вопрос, молодой человек. Монарх Тьмы потому не может прямо воздействовать на земную реальность, что именно она и является Материнской. Или, как ее еще называют, Фундаментальной, созданной Творцом по Изначальному Плану бытия.

В гостиной Анны Павловны стало тихо. Потрясенные услышанным мужчины смотрели на Хранителя, не веря своим ушам.

Даже Юрьев, посвященный в тайны Внутреннего Круга глубже других, был ошеломлен, хотя постарался скрыть это.

– Э-э, уважаемый патриах, – сказал он, – я несколько не подвергаю сомнению ваше сообщение и сужу о мире с высот того знания, которое мне доступно. Я слышал, точнее, знаю, что Материнская реальность – якобы завершенная модель мира, остальные реальности «розы» суть ее отражения. Как это увязывается с тем фактом, что наша земная реальность считается «запрещенной», то есть относительной, а другие реальности – абсолютными?

– Мы намеренно допустили смещение смысла, – спокойно сказал Матфей. – Каста иерархов жаждала деятельности, овладев магическим оперированием, и мы направили их по ложному пути, предоставив возможность экспериментировать с отражениями Материнской реальности в Брахмане, назвав их абсолютными, а не с земной, единственно истинной. Таким образом мы уберегли ее от полного распада и подготовили почву для возвращения Творца.

– Аватары? – уточнил Василий.

– Аватара – его воплощение, и появляется он, когда серьезно нарушается баланс тьмы и света, гармония мужского и женского.

– Как сейчас?

– Почти как сейчас.

– А что нужно сделать, чтобы восстановить баланс? Остановить иерархов? Уничтожить Монарха?

Матфей улыбнулся, кивая на слова робко заглянувших в гостиную Ульяны и Марии: «Мы не помешаем?»

– Не мешаете, присоединяйтесь к нам. Дело в том, что Монарх Конкере – второй реформатор Мироздания после Люцифера, известного вам как Безусловно Первый. Люцифер считал, что его модель Мироздания лучше, чем модель Творца, и провел революционные преобразования втайне от него. В результате появились расслоенные реальности, пересечения недопустимых противоположностей, временные тупики, иерархия так называемых «адов», то есть «роза», и множество разумных систем, начавших войну между собой за власть. Творец не согласился с таким поворотом бытия и исправил ошибку своего взбунтовавшегося сына и ученика, перестроив «розу реальностей» согласно Изначальному Плану.

– А куда девался Люцифер, то есть Безусловно Первый? – не выдержал Василий. – Погиб?

– Оператором, выдерживающим пространственно-физические и временные сдвиги реальности, может быть только творец данной реальности. Люцифер творцом Материнской реальности не был, но он и не погиб – изменился вместе с ней. В результате появились мозаичные разумные системы – не существа – типа «размазанная неопределенность» и «высшая непреодолимость».

– Аморфы тоже относятся к ним?

– Аморфы их потомки.

– Таким образом, нас можно считать потомками Люцифера, – задумчиво проговорил Парамонов.

– В какой-то степени. Но в большей степени нас можно считать потомками Монарха и Творца, хотя и появившимися на свет в результате их ошибок. История жизни – вообще история ошибок. Люцифер – ошибка Бога, Аморфы – ошибка Люцифера, Безусловно Первого арендатора Материнской реальности, мы – ошибка Монарха Тьмы, а в глобальном плане человечество, как и все разумные системы до него, является всего лишь одной из бесчисленных попыток Творца создать мыслящую Систему, более совершенную, чем он, попыток, так и не увенчавшихся успехом.

Хранитель замолчал, и в гостиной некоторое время стояла глубокая торжественная звенящая тишина, наполненная смесью восторга и страха, охвативших людей, перед мысленным взором которых вдруг распахнулась Бездна...

Матфей усмехнулся, понимая чувства собеседников, глаза его стали грустными.

– Я иногда задаю себе вопрос: прав ли был Творец, играя сам с собой в игры неопределенности, развивая концепцию ошибок не в теории, а на практике, экспериментируя с Жизнью, пытаюсь создать Разум, равный своему?...

– И каков же ответ?

– С этим моим вопросом соседствует еще один: зачем Ему все это? Ведь Он – Творец, Бог, Он самодостаточен! Но нет мне ответа. И, наверное, не будет. Потому что я скорее всего неправильно его формулирую. Может быть, намек ответа содержится в том, что, только создав Разум, Творец получил возможность осознать себя Творцом.

Может быть. Не уверен. Зато я знаю, что есть смысл ждать ответа. Я вас не слишком сильно огорчил?

– Нет, – после паузы пробормотал Василий. – Огорчил – не то слово, вы нас убили! – Он разгладил лицо ладонью и хмуро улыбнулся. – Но мне лично после этой «смерти» очень хочется жить. Если ни Люциферу, ни Монарху не удалось справиться с задачей, поставленной Творцом, то, возможно, это сделаем мы, люди?

Мгновенная тишина, общий вздох, движение, улыбки и смех, реплики, и снова тишина.

– Васенька, – раздался в этой тишине голос Ульяны, – я тебя люблю!

И снова движение, шум, возгласы, облегченные вздохи, будто решилась некая важная проблема, и диссонансом – ревнивый взгляд Самандара, с трудом скрывшего бушевавшие в душе чувства.

– Давайте вернемся к ситуации, – остудил он восторги присутствующих. – Нам еще предстоят кое-какие дела.

Все умолкли, выжидательно поглядев на Матфея.

– Может быть, пообедаете с нами? – нашла Ульяна.

Хранитель, скрывая улыбку, покачал головой.

– К сожалению, вынужден отказаться. С удовольствием посидел бы с вами и расслабился, но я не принадлежу себе, и у меня мало времени. Кстати, у вас тоже. Истребитель Закона привел в боевую готовность ракетные войска страны.

– Зачем? – изумился Василий.

– Для уничтожения оставшихся людей Круга, в том числе нас, Хранителей. Вычислив координаты каждого, он собирается дать команду «на старт».

Чувства, овладевшие всеми после этих слов, можно было описать двумя словами: волосы дыбом!

Глава 49

ПОМОГИТЕ ЕМУ – И ПОМОЖЕТЕ СЕБЕ

Обедали торопливо и без настроения. Даже Юрьев, никогда ничего не принимавший близко к сердцу, несколько подрастерял свой холено-барский высокомерный вид. Угроза ликвидатора уничтожить людей Круга любой ценой, даже ценой гибели сотен тысяч других людей, была слишком велика, чтобы ею пренебрегать, и Юрий Венедиктович никак не мог решить внутреннюю проблему: идти дальше со всеми вместе или перестать рисковать своей жизнью и понаблюдать за происходящим со стороны.

За столом разговаривали мало. У каждого перед глазами стояло лицо Хранителя, под влиянием обстоятельств вынужденного раскрыть им не одну тайну Круга, в ушах звенел его сдержанно-сильный голос, а фантазия довершала то, о чем Матфей только намекал.

Больше всех, конечно, был сражен услышанным Стас, даже не предполагавший приоткрыть когда-либо завесу тайн, оберегаемых Хранителями. Касаясь локтем рукояти меча, прислушиваясь к его вздрагиванию, он снова и снова вспоминал разговор старших, и холодный ручеек жути и восторга тек через душу, заставляя ее сжиматься и холодеть в ожидании новых открытий и перемен.

О назначении синкэн-гата спросил Хранителя не Стас, робеющий в окружении Посвященных, так и не раскрывший рта на протяжении всей беседы, а Василий, оказавшийся самым младшим Посвященным и потому не боявшийся показаться кому-то невеждой. Но ответ Матфея потряс и его.

– Синкэн-гата принципиально не может считаться оружием, – сказал Хранитель, – так же как и Воин Закона справедливости или иного другого не может считаться воином, бойцом. Прежде всего он – организатор воздействия, устранитель препятствий на пути Закона, оптимизатор баланса сил. Однако человеческая природа, взявшая худшие черты Инсектов, такова, что Воину в нашей реальности все время приходится воевать. Вот почему я не сочувствую человеку

вообще, – он несовершенен и агрессивно идет навстречу гибели вида, – но сочувствую отдельным представителям хомо сапиенс, которых люблю и уважаю.

Хранитель помолчал, давая время всем подумать над его словами.

– Но вернемся к вопросу Василия Никифоровича. Синкэн-гата является не только «духовным мечом» Воина Закона, эффектором магических взаимодействий, нейтрализатором любых непреодолимостей, но и ключом к Знаниям Бездн, а также олицетворяет собой третью «сферу света» Самаэль^[60] и одну из букв имени Творца. Точно так же Великие Вещи Мира, созданные предками людей Инсектами и Аморфами, такие, как «игла Парабрахмы», саркофаги царей Инсектов, своеобразные компьютерные комплексы, тхабс, кодон, – тоже являются овеществленными буквами имени Творца. Тот, кто овладеет ими, станет...

– Богом! – вырвалось у Ульяны.

– Аватарой, – мягко поправил ее Матфей. – И, кстати, совсем необязательно – светлым аватарой.

– Разве Соболев не идет по пути светлого аватары? – нахмурился Василий.

– О Соболеве разговор особый. Речь идет о Германе Довлатовиче Рыкове, очень быстро набирающем темную силу. А он, как вы уже ощутили, является прямым наемником Тьмы.

– Разве он овладел Великими Вещами?

– С помощью Монарха он получил доступ к саркофагу Арахнидов и конфигураторам «иглы Парабрахмы», завладел фрагментом кодона – талисманом бывшего координатора Союза Неизвестных, открыл секрет тхабса и близок к тому, чтобы подчинить себе «иглу». После этого ему останется лишь завладеть синкэн-гата.

Все одновременно посмотрели на Стаса, под рукой которого бледно светился «духовный меч» Воина Закона.

– Ну уж этому не бывать! – твердо заявил Василий.

Хранитель вздохнул.

– Хотелось бы верить. Однако вам всем необходимо подумать и над тем, стоит ли вручать меч Соболеву.

В гостиной стало очень тихо.

– Что вы хотите сказать? – мрачно пробормотал Самандар.

– Монарх сделал ошибку, изменив одну из популяций Инсектов и дав начало человечеству, и был наказан Творцом за несанкционированное вмешательство в бытие Материнской реальности, то есть сослан в самый глубокий, если можно так выразиться, из адов «розы», где и обитает до сих пор. Но это дитя Безусловно Первого имеет настолько мощный интеллект, что смогло, находясь в «тюрьме», экспериментировать с реальностями, просачиваясь в них с помощью изменения пограничных законов.

И все же ему нужен помощник, преемник, ученик, способный заменить его во всем, и он избрал этим учеником...

– Соболева?!

– Не только, – с грустью покачал головой Хранитель. – И пентарха Удди, и Германа Рыкова, и многих других, еще только-только вступивших на этот путь. Но Соболев наиболее близок к завершению цикла аватары. Понимаете теперь мои сомнения?

– А разве вы не помогали ему... всегда?

– И помогаю сейчас, но сомнения остаются. Будущее Соболева для меня темно.

– Дела-а... – протянул обескураженный Василий, дергая себя за ухо, пребывая в растерянности. – Но ведь Соболев никогда никому не делал зла и не стремился к господству.

– Он слишком часто ошибался и продолжает ошибаться, несмотря на амортизатор ошибок, который я ему послал.

– Кого вы послали? Амортизатор?..

Матфей улыбнулся.

– Я имею в виду Светлену.

– Вы... послали... Светлену?! – Изумлению Василия не было границ. Даже вечно невозмутимый Самандар, сдержанные Парамонов и Юрьев не смогли скрыть своего удивления.

– Кто вы? – негромко спросил Иван Терентьевич.

– По-моему, вы уже догадались. В нашей реальности я Хранитель, в «розе реальностей»...

– Инфарх! – прошептала Ульяна.

Мужчины, сидевшие кто где пристроился, дружно встали. Помедлив, Матфей поднялся тоже, посмотрел на Марию, и девушка сделала к нему шаг.

– Если хочешь – оставайся, – сказал Хранитель, ласково полуобнимая ее одной рукой; все поняли, что он разговаривает со Светладой, своим «третьим Я». – Хотя риск очень велик, не скрою.

– Я останусь, – тихо проговорила девушка, бросив странный взгляд на Стаса.

– Что ж, твой выбор – это мой выбор. – Матфей отстранил Марию, оглядел всех черными все понимающими глазами. – Прощайте, воины. Успеха вам, как бы вы ни поступили.

– Пойдите! – в порыве остановил его Василий. – Если мы решим идти дальше... где искать Соболева?

– Монарх предложил ему «поиграть» с Брахманом^[61], и Соболев согласился. Как ни горько признаваться, но он до сих пор испытывает на себе давление чужих заклятий-программ. Только вы теперь сможете освободить его от этого темного груза. – Матфей замолчал, колеблясь, говорить ли всю правду, но все же добавил: – Ликвидатора послал на Землю он. С самыми благими намерениями: чтобы тот подкорректировал Законы переноса вины и возмездия в пользу последнего. К сожалению, Соболев забыл о контроле за исполнением данного поручения, и вы знаете, что из этого вышло.

– Истребитель Закона дьявола сам стал дьяволом! – угрюмо закончил Василий.

– Прощайте. Соболева вы найдете по локону Ампары.

Матфей исчез.

Все присутствующие в гостиной посмотрели на задумчивую Марию, словно она, олицетворяя собой Светладу, одну из сторон души инфарха, могла подсказать им, что делать дальше.

– Идемте обедать, – выручила ее Ульяна, возвращая Посвященных от вселенских проблем к земному естеству. И все сразу заговорили, задвигались, гурьбой двинулись на кухню...

– Ты что не ешь? – услышал Стас шепот, и его уха коснулись горячие губы Марии.

Он вздрогнул, очнулся от воспоминаний.

– Спасибо, я уже наелся. – Вылез из-за стола, стараясь никого не задеть мечом, поблагодарил хозяек за обед, в прихожей догнал девушку. – Марго, а что означают слова Хранителя: «Соболева вы найдете по локону Ампары»?

– Ты с индийской мифологией знакомился?

Стас покраснел.

– Читал кое-что, но очень мало.

Они вошли в гостиную, где уже тихо беседовали Парамонов и Василий.

– Эффект «локона Ампары» означает взаимодействие прошлого и будущего, – не стала подшучивать над парнем Мария. – Хранитель дал понять, что Соболева надо искать на стыке тех слоев «розы», которые олицетворяют собой глубокое прошлое Вселенной и ее отдаленное будущее. Они наиболее близки к Брахману, и оттуда можно будет попытаться вызвать Соболева.

– А почему нам нельзя сразу попасть к нему?

– Потому что Брахман тхабсу недоступен, и даже синкэн-гата не сможет пробить границу «розы» и Брахмана, потому что принадлежит нашей Вселенной.

В гостиной появились остальные гости Анны Павловны.

– Господа соратники, – обратился к ним Василий, – я покину вас на полчаса. Потом устроим всеобщий совет.

– Куда это ты собрался? – насторожилась Ульяна.

– Мне надо встретиться с Веней Соколовым.

– Зачем?

– Я не знаю, когда мы вернемся и вернемся ли вообще, но если «чистилище» перестанет работать, в нашей реальности останутся всего две силы, одинаково темные: Рыков и ликвидатор.

– Это одна сила.

– Тем более. Я сориентирую ребят, пусть продолжают, что мы начали. За меня не волнуйтесь, с тхабсом мне не страшен никакой ликвидатор.

– Если мы дойдем, «чистилище» не понадобится.

– Если дойдем. – Василий мягко накрыл руку девушки своей. – Я скоро вернусь.

– Пожалуй, я пойду с тобой, – решил Самандар. – И мне есть что сказать моим ребятам.

– А мне просто надо переодеться, – добавил Юрьев, смеясь. – Давайте соберемся здесь через полчаса.

Вдруг из кухни раздался звон стекла, какое-то жужжание и вскрик Анны Павловны. Не сговариваясь, мужчины бросились туда и увидели разбитое окно, а над столом – гудящий шевелящийся шар пчел. Анна

Павловна, побелев, держась за сердце, пряталась за холодильником и с ужасом смотрела на рой.

Объединенный ментальный удар развеял пчел как дым, выгнал их в окно, однако все понимали, что времени у них на визиты не осталось совсем. Пчелиный рой был разведкой ликвидатора, он все-таки сумел определить координаты своих врагов.

– Похоже, мы поздно спохватились, – сказал Василий, принимая на себя роль командира отряда. – Пора определяться. Кто за то, чтобы продолжить путь, добраться до Соболева и передать ему синкэн-гата?

– Вопрос надо ставить иначе, – покачал головой Юрьев, найдя вдруг возможность стать простым наблюдателем. – Стоит ли доверять человеку, допустившему столько ошибок, пославшему в родную реальность ликвидатора Круга?

– Я не доверяю, – сказал вдруг Самандар и добавил, когда все посмотрели на него: – Но иного пути у нас нет.

Юрьев снова покачал головой.

– Я против передачи меча. Может быть, сначала надо просто выяснить отношение Соболева к происходящему, а уж потом решать, верить ему или нет.

– У нас нет времени. Вы забыли о способе, которым ликвидатор собирается довершить свое дело. Ракеты готовы стартовать в любой момент. Может быть, в данную секунду рассчитываются координаты цели и вводится программа пуска одной из них на Рязань.

– И все же я воздержусь от похода. Извините. – Юрьев повернулся к дочери, задумчиво разглядывающей его. – Надеюсь, ты меня не осудишь.

И кардинал уничтоженного ликвидатором Союза Неизвестных пропал, владея тхабсом не хуже Котова-старшего.

– Кто еще остается? – Василий исподлобья глянул на Самандара. – Ты окончательно решил идти с нами, не изменишь решения внезапно? Лучше это сделать сейчас. Мы пойдем.

– Я с вами. – Самандар отвернулся.

Ульяна подошла к нему, заглянула в лицо, поцеловала в щеку и отошла.

– Итого, нас шестеро, – сказала Мария, сдержав вздох разочарования после ухода отца. – Маловато для того, чтобы устроить Соболеву еще один шактипат, но хватит для того, чтобы найти его.

– Тогда не будем терять времени. – Василий обнял Ульяну, та Самандара, Стас прижал к себе Марию, а она обняла Парамонова, который замкнул кольцо, обнимая Самандара.

Спутники аватары отправились в путь, надеясь не на свои силы и благоразумие Соболева, а на его сердце и душу. Больше надеяться им было не на что.

Глава 50

ОН – МОЙ!

Удди постарался оставить часовых во всех реальностях «розы», где могли появиться носители угрозы его власти.

В первом же из ее миров-адов, в какой попала шестерка Посвященных, направляемая тхабсом Василия, их ждала засада. На этот раз это была стая натуральных демонов, какими их привыкли изображать художники Земли: множество лап с кинжаловидными когтями, чешуя, гигантские клыкастые пасти, пышущие жаром, злобно светящиеся кровавые глаза, рога, копыта, острые хвосты с шипами. Сражаться с ними люди не стали, сразу прыгнув в другую реальность и толком не рассмотрев первую.

Следующий мир был совершенно мертв: серая холмистая равнина с редкими скалами-останцами на вершинах холмов, серое небо без звезд и солнца, но с тускло светящейся дугообразной полосой над горизонтом, представляющей, очевидно, часть пылевого планетарного кольца.

Лишь защита тхабса позволяла путешественникам находиться здесь, потому что температура воздуха по оценке Вахида Тожиевича, рискнувшего выйти из-под мембраны защиты, была не просто минусовой, а держалась на уровне не выше минус семидесяти градусов по Цельсию. Да и сам воздух почти отсутствовал.

Часовыми, поставленными пентархом, оказались здесь каменные останцы на холмах. Как только люди перестали глядеть по сторонам, они ожили, раскрываясь и вырастая в размерах, превращаясь в огромных драконов с плоским бронированным телом, и ринулись на холм со всех сторон, хищно вытягивая вперед когтистые лапы. Но и с ними путешественники сражаться не стали, понимая, что противник хитрит и гонит их в реальность, где засада посерьезней. Эту мысль высказал Парамонов, когда они вышли в очередной мир и наткнулись на жутких жабообразных тварей, стерегущих границу.

– Предлагаю принять бой, – быстро проговорил Иван Терентьевич, – и подумать, как нам быть.

Василий согласно кивнул, чувствуя то же самое, что и Парамонов, и они напали на гигантских трехметровых жаб с лошадиными ногами и оленьими рогами, страшных только для маленьких детей. На взрослое население Земли, привыкшее к ужасам кино и телеэкрана, эти монстры впечатления не произвели бы.

Порог магического оперирования в этом аду «розы» легко преодолевался даже Стасом, поэтому путешественники мгновенно экипировались, создав себе оружие по руке: Самандар – два светящихся меча с удлиняющимися при ударе лезвиями, Василий – один меч, но с широким изгибающимся лезвием, Парамонов – набор метательных пластин-бумерангов, а девушки – арбалеты. Контратака их была стремительной и мощной.

Бой длился всего минуту. От арбалетных стрел и метательных пластин жабо-кони корчились и взрывались, а от ударов мечом расплывались лужей и таяли, исчезали. Серьезного сопротивления они не оказали, что говорило в пользу предположения Ивана Терентьевича: высадки гостей ждали не в этих мирах, а глубже, в зоне действия «локна Ампары», часовые же цепочки адов, ведущей к зоне, играли роль «злых собак», загонщиков. Удди знал, что им с людьми не справиться, и задумал тонко сыграть на демонстрации «непреодолимой» силы и рождении в душах людей неуверенности и страха.

– Он будет ждать нас над бездной Брахмана со всей своей армией, – сказал Парамонов, когда бой закончился и все немного отдышались. – Надо что-нибудь придумать.

– Нужны гранаты, – буркнул Самандар, не чувствуя удовлетворения от боя; сражение с тварями по накалу нельзя было сравнить с поединком равных бойцов.

– Чтобы воинство Удди ответило тем же? – в сомнении покачал головой Парамонов.

И тут Василия осенило:

– Правильно! Только нужны не обычные гранаты, а пси! Можем мы подготовить несколько упакованных заклинаний?

Все посмотрели на Марию.

– Принципиальных запретов нет, – пожала та плечами, – хватило бы сил.

– Нас шестеро, в конце концов справимся, – добавила Ульяна. – Что ты задумал, Котов?

– Я делаю длинный затянутый переход, выхожу в «реальность локона», бросаю гранаты и тут же смываюсь оттуда. А спустя несколько секунд мы врываемся туда все вместе и добиваем Удди с его армией.

– Вряд ли наши гранаты нанесут серьезный урон армии пентарха, скорее нашумят...

– И отвлекут внимание. Мы же атакуем сразу самого пентарха. Не уничтожим, так выдворим из реальности, чтобы спокойно вызвать Соболева. С нами как-никак оруженосец Воина Закона с его мечом. Стас, не подведешь?

– Постараюсь, – пробормотал Котов-младший, смущенный тем, что все внимание приковано к нему.

– Тогда вперед! Один за всех – все за одного!

Они сосредоточили желания и магические силы на создании пси-гранат, представляющих собой свернутые в коконы сильные заклинания, дезорганизирующие психику любых существ, и вскоре получили шесть рубчатых яиц величиной с куриное, шесть пульсирующих злой мощью коконов. На большее ни сил, ни времени у людей не оставалось. Василий взял по два кокона в обе руки, оставшиеся спрятал в карман на груди, с нежностью поцеловал Ульяну в губы, закрыл глаза, концентрируя волю, и, перейдя в т е м п, исчез.

Однако через несколько мгновений вернулся.

– Порядок! Я засек «ставку» Удди, выйдем рядом. Держите строй!

И они оказались в удивительном мире «локона Ампары», где пересекались прошлые и будущие времена «розы реальностей» и который соседствовал с Брахманом – Большой Вселенной, Матерью-Отцом всех остальных Метавселенных вроде «розы» и родиной Творцов.

Многомерный мир, где пересекаются времена разной физической природы, трехмерному земному человеку трудно не только описать, но и воспринять. Да и как можно описать то, что твои глаза принимают за сплетение огней и молний, когда на самом деле это эмоции живущих в прошлом и будущем существ? Как можно описать гигантские черные реки, пронзающие ландшафты и небеса, тут же на глазах превращающиеся в потоки огненных шаров, колючие заросли,

прозрачные трубы и тому подобное, в то время как это на самом деле эффект беседы каких-то исполинов? Как можно увидеть в неподвижной многоцветной тверди, образованной миллионом спаянных основаниями пирамид, «тупик» реальности с ее внутренним движением и жизнью, где время течет «под углом» к тому, в котором ты находишься сам?

Лишь Посвященные Круга, знающие больше обыкновенных людей, владеющие дополнительными органами чувств, контролирующие свой собственный разум, сферу восприятия и реакции, видели и понимали больше, но и они не воспринимали мир «локона Ампары» полностью, а только «цепляли» его ландшафты краешком сознания. Тем не менее этого хватило им, чтобы увидеть главное – засадный «полк» пентарха Удди и его «штаб».

Гранаты Котова-старшего сделали свое дело.

Обширная площадь – как бы дно огромного колодца – была вылизана взрывами деструктурирующих заклинаний и усеяна останками воинства Удди, представлявшего собой скопище гигантских насекомых от многоножек до тараканов, копирующих форму тел древних Инсектов. В качестве «штаба» Удди выбрал мрачный утес в форме четырехгранной пирамиды со срезанной вершиной и задумчиво взирал на панику в рядах своей армии. На сей раз носителем своей «проекции» он сделал не птицу, а четырехрукого гиганта, закованного в сверкающие изумрудным огнем латы, – предка человека, похожего одновременно на льва и на чудовищное насекомое. Таким когда-то был первочеловек, начавший длинную цепь трансформации вида Блаттоптера сапиенс – таракана разумного в вид хомо сапиенс.

Шестерка Посвященных вышла из тхабса точно по расчету Василия – за спиной четырехрукого рыцаря, и как он ни был подготовлен к появлению врага, все же несколько мгновений промедлил, занятый оценкой урона, который нанесли его армии гранаты людей. На такую встречу с доставшими его настырными спутниками аватары он не рассчитывал, пребывая в высокомерной уверенности, что деваться им некуда и они неизбежно увязнут в сражении с армией, вызванной им из бездны прошлого.

Да, он услышал ментальный «треск» пространства, пропустившего людей в этот запредельный мир, и ударил за спину, не оглядываясь, огромным мечом, олицетворяющим здесь Силу Элохим

Гибор, но Василий не зря десять лет готовил Стаса воевать, отстаивать свою честь, сделав из него первоклассного воина. Стас не потерял ни секунды, не отвлекся ни на оценку обстановки, ни на совет со старшими. Он мгновенно прыгнул вперед и парировал удар Удди в стиле дзансин^[62], хотя меч пентарха был почти невидим от скорости – молния, разряд энергии, а не меч!

Мгновением позже в четырехрукого гиганта вонзились метательные звезды Парамонова, меч Самандара и стрелы Ульяны и Марии, но они уже погоды не делали. Синкэн-гата, отбив меч пентарха, превратив его в струю дыма, продолжил движение – выглядело это таким образом, что две его верхние ромбовидные пластины оторвались от остального «пунктирного» лезвия, – и начисто снес голову рыцарю в латах.

Тело Удди начало трескаться, как глиняный сосуд, распадаться, осыпаться и таять. Не прошло и десяти секунд с момента столкновения мечей, а от «проекции» пентарха на вершине пирамиды не осталось и следа.

Однако Удди не стал бы пятым иерархом в табели о рангах Круга, если бы надеялся только на силу и удачливость первого удара. Он предусмотрел и такой вариант – поражение засадного войска, уничтожение «проекции» – и подготовил свой личный выход, зная, что терять ему в подобной ситуации нечего. Победив почти всех своих коллег в борьбе за трон Мастера Мастеров, рассеяв иерархов по адам «розы реальностей», а многих из них замуравив во вневременной «тюрьме», где десять лет просидели Парамонов и Ульяна Митина, Удди имел все основания считать себя единственным претендентом на пост Мастера (инфарха), поэтому пресекал все попытки потенциальных соперников помешать ему. Посвященных I ступени Круга он соперниками в принципе не считал, но во избежание сюрпризов готов был уничтожить каждого, кто переступит границу «розы», и лишь синкэн-гата, подчинившийся оруженосцу Воина Закона, помешал ему сделать это с наглецами, вторгшимися в пределы «розы».

Избавившись от первого конкурента – Матвея Соболева с помощью хитрой операции зомбирования, повернув стрелу его интересов в сторону необъятных возможностей творения собственных вселенных, пентарх даже мысли не допускал, что кто-то может ему

помешать, когда финиш так близок, и готовился встретить любого соперника во всеоружии, погубить его даже ценой полного уничтожения реальности.

Дважды потерпев неудачу в стычках со спутниками аватары, ищущими к нему дорогу, Удди мобилизовал всех своих слуг, перекрыл практически все границы «розы» и надеялся перехватить отряд людей еще до их появления в «переходной» реальности, однако просчитался и теперь вынужден был выйти в реальность как личность, а не как магическая «проекция». Копии его сущности справиться с Посвященными не смогли.

Появление пентарха в мире «локона Ампары» было равнозначно катастрофе.

Владея магическим оперированием на уровне Сил Элохим Цабоат^[63], он одним своим «прикосновением» к реальности изменял ее законы и воздействовал на глубинную природу материальных объектов. Выйдя в мир пересечения времен, он собирался превратить его в застывший пространственный пузырь, в сгусток янтаря, в котором навеки замерли бы все, кто в нем находился. Однако он и в этом просчитался. Заставить все времена одновременно (тавтология при описании данного процесса оправдана тем, что описать замысел иначе невозможно) перестать течь, выстроиться в одну линию, как солдаты на плацу, было не под силу и более опытному иерарху из касты архонтов, даже самому инфарху. Удди потратил на изучение этого обстоятельства очень много энергии и времени, прежде чем понял свою ошибку. И все же он был очень и очень силен!

Даже проигрывая, отбивая атаки людей, не терявших своего упорства, целеустремленности, уверенности и надежды, Удди едва не добился успеха, раскидав Посвященных в разные стороны, разъединив их, заставив защищать самих себя.

Битва людей Круга в условиях высокой плотности магических полей калейдоскопична и требует слишком много времени на описание, тем более что многие моменты этой битвы, создающей и уничтожающей виртуальные пространства, принципиально неопишутся. Для них в человеческом языке просто нет слов и понятий. Но даже если бы и были, человеческая фантазия вряд ли смогла бы это вообразить и представить. Даже земная физика имеет в обиходе термины, наглядно представить которые невозможно. Каким образом,

например, можно описать явление конфайнмента – «невылета» кварков в ядерных реакциях любого типа? Или эффект «самозашнуровки» элементарных частиц, заключающийся в том, что все они состоят из множества других и упакованы («зашнурованы») такими же частицами? Эффекты же магической физики еще поразительней, а человеческий язык и даже язык художника слишком беден, чтобы адекватно отразить их описанием или картиной. Можно лишь попытаться качественно обозначить – насколько хватит воображения читателя, – что происходило во время битвы магов в сотрясаемой ими реальности на краю Вселенной. Каждый из них сражался в своей психофизической «яме» виртуальной реальности (под водой, в жерле вулкана, в глубоком вакууме, в мире компьютерных фантасмагорий) и не мог из нее выйти. Пентарх Удди добился того, чего хотел: разделил отряд и тем самым ослабил, резко ограничил его возможности.

Особенно трудно пришлось в этих условиях «некомбатантам» – Ульяне и Марии, далеко не воинам по натуре и образу мыслей. Только помощь мужчин, ставших близкими по духу волей провидения, уберегла их от немедленной гибели. Ульяне помог Василий, ценой невероятных усилий пробившийся к ней сквозь психоэнергетический барьер «личного ада» (он отражал атаки «фрагмента» Удди в мире льда и снега). Марии помог Стас, интуитивно ощутивший, в каком опасном положении находится девушка, и нашел ее он тоже интуитивно, по зову сердца, потому что руководствоваться расстроенными человеческими чувствами в мире меняющихся ориентиров и пейзажей было невозможно.

Сблизили свои сферы боя и Самандар с Парамоновым, хотя этого едва хватило им на временный баланс сил, позволяющий держать защиту, но не дающий возможности поразить врага. И в этот момент мучительного напряжения всех сил, поддерживающего ничейный результат, в схватку вмешался еще один маг – Юрий Венедиктович Юрьев.

Правда, его вмешательства не хватило для победы людей над пентархом, лишь ослабило давление Удди на отряд, но оно все же позволило перестроить позиции и сомкнуть ряды, что сказалось и на характере битвы. Удди пришлось отбиваться не от выпадов одиночек, а от настоящей с т а и, пусть небольшой, но способной отражать чужие

и концентрировать свои удары. И все же последнюю точку в сражении поставил не Юрьев.

Судорога свела множественные ландшафты и перекосила горизонты реальности, где кипела битва. Черная ветвистая молния расколола пятнистые небеса и пронизала центральную равнину, выбрасывая во все стороны все новые и новые ветви и стебли, пока не опутала весь мир черной паутиной.

Тела людей сдавила непреодолимая сила, не позволяя им вести бой, но то же самое ощутил и Удди, вдруг впервые познав, что такое страх. Бой прекратился и не возобновился снова, даже когда черная молния-паутина неведомого преобразования исчезла. Ландшафты реальности перестали корчиться и сотрясаться, огненные всполохи успокоились, даль прояснилась, из мглы выступили очертания горной страны, окружившей сражавшихся со всех сторон замысловатым геометрически выверенным рисунком. Наступила тишина. А в центре гладкой стеклянной плечи, на которой в разных позах застыли люди и стоя пентарха (насекомолюди), появилась фигура великана в пятнистом комбинезоне российских спецвойск. Скачком сжалась до размеров обыкновенного человека и превратилась в Тараса Витальевича Горшина, каким его запомнили Посвященные в момент ухода с Матвеем Соболевым десять лет назад.

– Что здесь происходит? – сказал он будничным тоном, покосившись на синкэн-гата в руке Стаса.

– Граф!.. – хрипло выговорил Василий. – Неужели это действительно ты?!

Горшин знакомо усмехнулся, разглядывая разгоряченных боем людей, кивком поздоровался с Иваном Терентьевичем и Самандаром, поклонился Ульяне и Марии, поднял бровь, увидев Юрьева, и внимательно взгляделся в Стаса.

– Кажется, я узнаю этого молодого человека. Неужели Стас? Вырос, вырос. А что это у тебя в руке?

– Синкэн-гата, – пробормотал смущенный Стас.

– Зеркало духа... однако! И это... эта вещь тебя слушается?

– Его надо передать Соболеву...

– Понятно. Именно поэтому вы и решились спуститься сюда, в ады «розы», не убоясь местных правителей. Что ж, давайте, я передам.

Стас растерянно посмотрел на Василия и отвел руку с мечом.

– Надо, чтобы я сам...

С гулом вдруг лопнула стеклянная равнина, из трещины вырвались языки огня – это Удди решил напомнить о себе. Но Горшин небрежным движением руки успокоил природу и остановил пентарха.

– Чего ты хочешь?

Два десятка насекомолюдей и отражений копий Удди слились в одного десятиметрового гиганта, закованного в необычные, брызжущие разноцветными бликами доспехи. Он шагнул вперед, так, что вздрогнула расколота плита под ногами, навис над Горшиным и людьми.

– Я хочу, чтобы вы покинули эту реальность, – пророкотал он могучим голосом. – Я здесь хозяин!

– Ошибаешься, – спокойно ответил Горшин, задумчиво разглядывая фигуру пентарха. – Хозяин у всей «розы» один, это должно быть известно и тебе. Ты же всего лишь пятый иерарх, один из многих арендаторов майи, мира иллюзий, каким является изнанка «розы».

– Ты сам ошибаешься, цепной пес аватары! Теперь только я диктую законы «розы», инфарх низложен и лишен трона, иерархии передали мне свои полномочия и силу. Зачем ты вмешиваешься в дела, тебя не касающиеся? Перепрограммировал моих пограничников, Асата, спасаешь людей низших каст? Я ведь могу пожаловаться моему другу Монарху. Не боишься его гнева? Один раз он тебя пожалел, второго не будет.

– Теперь вижу, – сказал Горшин, оставаясь задумчивым и спокойным. – Инфарх был прав. Ты слишком далеко зашел. Кстати, он освободил некоторых архонтов, которых ты запер в хрономогиле, и скоро снова приступит к своим обязанностям. Так что ты калиф на час, как говорится. Боюсь, что решением патриархата Круга ты будешь сослан в персональный ад, как некогда был сослан Отцом Монарх. Беги, пока цел. Хотя у тебя еще есть время, чтобы подумать и склониться перед Творцом, Законы которого нарушать не рекомендуется никому. Вспомни историю Безусловно Первого, твоего друга Монарха. Да, он силен и активен, но слишком своенравен. А его преемник – не ты.

– Неужели ты? – насмешливо прогремел Удди.

– И не я.

– Тогда это, наверное, твой хозяин Соболев.

– Преемников много, а выбор, как ты понимаешь, не за тобой. Уходи. И помни закон: когда ты склоняешься в поклоне перед Вселенной, она кланяется в ответ; когда ты называешь в душе имя Бога, Он отзывается эхом внутри тебя.

– Ты пожалеешь, что вмешался! – грозно бросил Удди, и по равнине прокатилось грохочущее эхо.

– Может быть, – равнодушно согласился Горшин. – Но ты этого не узнаешь. Уходи, пока я не изменил реальность. Вместе с тобой.

– Передавай привет своему господину, пес! Надеюсь, он вспомнит меня, когда сработает моя зомби-программа.

– Не сработает, калиф. Друзья Соболева освободили его от нее с помощью шактипата.

Гигант в бликующих латах отшатнулся, не сводя пылающего взгляда с лица Горшина, поднял было огромный волнистый меч, и в то же мгновение равнину с людьми и десятиметровым великаном накрыла мгновенная тень, исчезла, слизнув все, что на ней находилось, а когда потрясенные люди опомнились – ни Удди, ни гор вокруг, ни самой стеклянной равнины под ногами не было. Они тесной группой стояли на невидимой, но прочной платформе, а вокруг ворочался пепельно-серый дым с голубоватыми и серебристыми прожилками. Горшин все так же стоял перед Посвященными и глядел на них, склонив голову к плечу.

– Итак, я вас слушаю, судари мои.

Мужчины переглянулись, приходя в себя.

– Значит, это ты послал Асата? – пробормотал Василий. – Спас Юрия Венедиктовича, нас?..

– Это несущественные детали.

– Значит, ты все знал? И что делается на Земле, в Материнской реальности, тоже знал?

– Да, эта информация у меня есть.

– И ты не вмешался? После того, как ликвидатор, запущенный Соболевым, по сути уничтожил Круг и захватил власть?! Изменил реальность?!

– Не надо драматизировать, Василий Никифорович. – Горшин усмехнулся. – Произошло то, что должно было произойти. Фундаментальная реальность всего-навсего переживает конец

энтропийного Цикла Необходимости. Без ликвидатора или с ним это все равно произошло бы, раньше или позже.

Василий посмотрел на Ульяну, прочитал в ее глазах растерянность и ужас, потряс головой.

– Ты так спокойно... погибли тысячи людей!.. и погибнут еще... Какой же ценой будет оплачено пришествие Воина Закона справедливости?! И кому нужна такая справедливость?

Горшин нахмурился.

– Я не думаю, что Материнская реальность нуждается в пришествии аватары. Не отрицаю, запуск программы Истребителя Закона не был продуман, но все в конце концов успокоится, я нейтрализую его.

– Так это ты послал ликвидатора?! Не Соболев?

– Я только исполнитель его воли.

– Тогда мы зря точим с тобой ляды. Веди нас к нему!

Горшин с любопытством поглядел в жесткое лицо Василия, покачал головой.

– Вам туда путь заказан. Даже я не могу находиться там, где бродят Монарх и Соболев.

– Тогда вызови его сюда! Или даже этого ты сделать не в состоянии?

– Повторяю: вы напрасно...

– Сейчас мы решаем, что напрасно, а что нет. Вызывай. Или Удди прав, и ты в самом деле стал цепным псом аватары?

Глаза Горшина вспыхнули, страшная холодная сила сжала тела Посвященных, одно время казалось, что они сейчас будут раздавлены, но меч в руке Стаса ответил вдруг тусклой золотой вспышкой, Горшин вздрогнул, и невидимая тугая пленка перестала сдавливать людей.

– Вы настаиваете?

– Да, мы настаиваем! – твердо заявила от имени всех Ульяна.

– Хорошо. Но я боюсь, что вы будете разочарованы. Соболев скажет вам то же, что сказал я.

– Посмотрим.

– Что ж, давайте позовем его, хотя имея это, – Горшин указал на синкэн-гата, – вы могли бы и сами вызвать Соболева.

Василий с недоверием глянул на бывшего комиссара «чистилища».

– Ты хочешь сказать...

– Синкэн-гата – не оружие, хотя и может в какой-то мере быть им. У него широкий спектр функций и множество имен и названий: «зеркало духа», «духовный меч», вина-яка – устранитель препятствий, «нейтрализатор непреодолимостей», Моноюти, Самаэль, Шаддай Эль Хай, Носитель Справедливости и так далее, – но ни одно название не раскрывает его сущности в полной мере.

– Нам говорили, что он символ, точнее, одна из букв имен Творца...

Горшин кивнул.

– В принципе верно, если под «буквой» понимать сложнейшее сочетание физических объектов, полей, излучений и процессов. Дайте его мне. – Горшин протянул руку, но Стас отступил на шаг, посмотрев на учителя.

Тот, подумав, кивнул.

Горшин белозубо засмеялся, отчего у Василия побежали по коже мурашки: этот человек только что демонстрировал исполинскую мощь всемогущества и мог бы, наверное, принять любой облик, но предпочитал все же тело человека. В силу привычки? Генной памяти? Или просто для контакта с теми, кого знал когда-то?

– Я просто дотронусь до него, – сказал Горшин. – Пусть и Стас держится, оруженосец все-таки.

Он протянул руку к «пунктирному» клинку, и синкэн-гата вдруг стал языком чистого смарагдового пламени, так что Стас вздрогнул невольно, крепче стискивая рукоять. Затем началась удивительная трансформация меча, в течение секунды претерпевшего множество изменений формы.

Он стал действительно тяжелым стальным мечом, перетек в спиральный рог, превратился в сrostок кораллов, снова в язык огня, в копье с льдистым наконечником, в рогатину, в кружевной веер, в тонкую и длинную световую нить – натуральный лазерный луч. Последняя форма синкэн-гата соединила все промелькнувшие до этого фигуры, скачком выросла в размерах, становясь дымчато-прозрачной и включая в себя всех стоящих рядом людей, в том числе и Горшина, и в тот же момент клубящийся дым вокруг сотрясли четыре сложнейших, музыкально-грохочущих, грозных и одновременно нежно-сладостных звука, четыре «трубных гласа», от которых у людей едва не полопались

барабанные перепонки. Все они испытали сильное головокружение, а у Стаса носом пошла кровь.

И тотчас же пейзаж вокруг (если дым можно назвать пейзажем) изменился как по волшебству. Люди очутились в огромном сверкающем зале с мраморным полом, стенами из драгоценных камней, с готическими сводами, льющими вниз прозрачный солнечный свет, с белоснежным тронном посредине изысканных благородных форм. Зал наполнила прекрасная величавая музыка, выразительней которой никто из присутствующих не слышал в жизни. Ее действительно можно было назвать «музыкой сфер».

Когда в зале появились Матвей Соболев и Кристина, опять же никто из Посвященных не понял. Они все еще оглядывались по сторонам, потрясенные дивной необычностью зала, вслушивались в волшебную музыку, отзывающуюся в душах волнами неизъяснимого удовольствия, как вдруг Ульяна тихо вскрикнула, и все увидели пару, стоявшую рядом с тронном.

Кристина (Светлена) была безумно, поразительно красива, подчеркивая грацию и безупречные формы тела каждым движением; на ней было тончайшее, паутинно-полупрозрачное, бликующее и светящееся платье и бриллиантовые туфли. Матвей же, одетый в матово-черный, отливающий проседью, шелковистый комбинезон и белые блестящие туфли, был рассеян, задумчив и необычайно текуч, в нем явно играла и переливалась огромная, не добрая, но и не злая – чужая сила! Соболев был как бы сам по себе и никого не предупреждал, ни взглядом, ни жестом, но тот, кто посмел бы его задеть, наверняка тут же пожалел бы об этом.

Василий невольно поежился и напрягся, ожидая каких-то неприятных событий в ответ на видимое проявление своих чувств, но успокоился, уловив жест близко стоящей Ульяны: она мимолетно и успокаивающе погладила пальцем его ладонь. Василий перевел взгляд на спутницу Соболева и поразился тому, как она мгновенно реагирует на каждое движение Матвея, на его жест или взгляд.

– Рад видеть вас, друзья, – дружелюбно проговорил он, в то время как Кристина с улыбкой поклонилась, и поднял брови, когда не услышал в ответ слов приветствия.

Люди молчали.

Невыразимо спокойные и умные глаза аватары ощупали мрачные лица Посвященных, что-то шевельнулось в них, какое-то воспоминание, понимание, тень печали и вины, странный отсвет былого праздника.

– Вы обвиняете меня, – констатировал он с прежним поразительным спокойствием.

– Ты знал, что вытворяет на Земле твой посланец? – требовательным тоном произнес Василий.

Соболев посмотрел на него внимательней, не реагируя на умоляюще-выразительный взгляд спутницы. Музыка в зале внезапно стихла.

– К сожалению, я узнал об этом недавно. Однако не я виноват в том, что произошло.

– Я говорил им, – вышел вперед Горшин. – Внутренний Круг изменился, реальность требует соответствующего изменения, Истребитель Закона лишь ускорил этот процесс.

– Ты тоже так считаешь? – осведомился Василий.

– Не совсем, – после некоторого раздумья тихо ответил Соболев. – Но и не вижу причин бить тревогу. Истребитель Закона дьявола – инструмент, хотя и одушевленный в какой-то мере, его несложно выключить.

– Ошибаешься, Матвей Фомич, – раздался из воздуха звучный мужской голос, и рядом с семеркой землян возник еще один человек в неизменном плаще и сапогах – Хранитель Матфей. – Ваш Истребитель мутировал и решил самолично подкорректировать Материнскую реальность по своему усмотрению. Люди его, естественно, не интересуют, так что можете представить, как он с ними будет обходиться. И справиться с ним будет очень непросто. Во всяком случае, мы остановить или нейтрализовать его не смогли.

В глазах Соболева мелькнули озабоченность и проблеск интереса. Он глянул на безмятежно стоящего со сложенными на груди руками Горшина.

– Ты мне говорил другое.

– Ликвидатор... э-э... Истребитель Закона – моя забота, я справлюсь с ним.

Матфей покачал головой.

– Молодой человек, вы успешно одолели двадцатую ступень «лестницы» и владеете высшим классом магических технологий, но вы никогда не одолеете двадцать первую и не станете Двойником Совершенства. Ликвидатор, утвердившись в Материнской реальности с помощью темного эгрегора, вам не по зубам. Извините за резкость.

Соболев улыбнулся.

– Но я тоже еще не Двойник Совершенства.

– Вам остался один шаг. – Матфей вздохнул. – Но это очень ответственный и опасный шаг. Если вы и дальше будете перекладывать ответственность с себя на других, ваш путь – в ад! К Монарху. Недаром даосская философия утверждает: не пользуйся услугами посредника, если способен самостоятельно найти ответы на свои вопросы.

– Инфарх, я ведь не хотел... – Горшин недоговорил, нахмурившись.

– Я знаю, – невозмутимо кивнул Матфей. – Но и вы, Граф, остаетесь больше человеком, нежели магом, продолжая реализовывать ошибки своего друга, не заботясь о последствиях. А ведь знаете русскую поговорку: хотели как лучше, а вышло как всегда... то есть плохо.

– Вы тоже осуждаете нас, учитель? – еще тише сказал Соболев.

На чело Хранителя легла тень, голос его стал еще более глубоким, властным и как бы материально ощутимым. Но обратился он не к Соболеву, а к его спутнице:

– Ты все еще надеешься, Светлая?

– Да, отец, – грустно улыбнулась Кристина-Светлена. – Он все еще большой увлекающийся ребенок. Но он придет.

Матфей кивнул, поворачиваясь к Соболеву.

– Я не осуждаю тебя, идущий. Но именно ты замыкаешь Замысел Творца в Материнской реальности, и именно от тебя зависит, Свет или Тьму ты будешь олицетворять. Твои друзья прошли множество испытаний, претерпели страдания и боль потерь, неся тебе «духовный меч», веря в сердце Воина Закона. Тебе решать, Воином какого Закона быть.

Матфей погладил волосы Марии, вскинул вверх руку и исчез, бесшумно и без всяких световых и прочих эффектов, как всегда. Люди молча смотрели на тройку бывших своих друзей, достигших высот

самореализации, но все еще не изживших способность ошибаться. Горшин казался бесстрастным, на лице Кристины читалась грусть и надежда, Соболев был задумчив и полон колебаний.

– Что, дружище, – сказал вдруг Василий с удивившим даже его самого сочувствием, – хочется побыть Богом? Там, в Брахмане, ты, наверное, сотворил Вселенную и теперь создаешь обитателей по образу и подобию? Или экспериментируешь с другими разумными формами, как Монарх?

Зал вокруг качнулся, искривился, сжался до размеров обыкновенной комнаты в стандартной городской квартире. Не обращая на это внимания, Соболев шагнул к невольно попятившимся людям, протянул руку.

– Давайте ваш меч.

Посвященные сомкнулись тесней. Василий исподлобья глянул на бывшего приятеля.

– Если ты задумал остаться тем, кем стал, нам не по пути.

Синкэн-гата вдруг вырвался из руки побелевшего Стаса, струйкой огня метнулся к Матвею и оказался в его руке, превращаясь в светящийся бутон лотоса. Мужчины качнулись вперед, хватаясь за оружие, но Кристина бросилась между ними и Соболевым и загородила его своим телом.

– Подождите, выслушайте его!

Соболев задумчиво-сосредоточенно глянул на нее, потом на тех, с кем прошел по Земле страшный путь «меча и кулака», мягко улыбнулся, отчего вокруг сразу посветлело.

– Спасибо за все, что вы сделали для меня, мои милые! Учителя правы: кто мы друг без друга? Трава... Подождите меня здесь, я скоро вернусь. Пошли, Граф.

– Э-э, Матвей Фомич, – проговорил Иван Терентьевич, – вы куда это собрались без нас?

– На Землю! – догадался Василий, загорелся. – А что, давайте все вместе! Шарахнем твоего Истребителя по башке и похороним в аду!

Соболев засмеялся.

– Узнаю перехватчика. Нет, Василич, это дело чести. Ликвидатор – мой! Подождите нас, мы не задержимся.

– Тогда у меня одна просьба: не трогай Рыкова. Он – мой!

Мгновение они смотрели друг на друга, как встарь, – понимающе и дружески, потом Соболев и Горшин превратились в звезды и пропали.

А в душе Василия всплыли слова заклинания-оберега:

«Заклинаю силы внешние и внутренние, высшие и низшие: укройте мой дух и меня от недоброго глаза, мысли злой, силы нечистой, разбойника лихого, предателя черного...

поставьте стену непреодолимую между мной и злом...

да возгорятся во мне и моей душе силы чистые, огонь незатухающий, яркий и жаркий...

сгинь, расступись тьма, открой мне путь ясный, дорожку светлую...

заклинаю силы добра! Да обступят меня люди честные и добрые, сильные и справедливые, и пойдут со мной по жизни, и да будут они мне светом во тьме...»

Последние слова Василий произнес вслух, внезапно обнаружив, что в глазах его стоят слезы...

notes

Примечания

1

Токэн-дзюцу – метание лезвий, ханбо-дзюцу – искусство боя палками.

Мейдер – боевая единица ККК, насчитывающая от пяти до девяти человек, профессионалов разведки и боя.

Хакер – компьютерный взломщик, террорист.

Авеша (санс.) — явление, когда происходит вселение духовного существа в тело человека.

Касты иерархов по степени увеличения магического воздействия на реальность: Посвященные I, II, и III ступеней (Мастера), адепты, ангелы и архонты.

6

Ваше время кончилось (яп.).

Омар Хайям.

Правритти марга – путь действия; карма марга – путь для активных людей к реализации через действие; нируддха – обретший контроль над собой; махавидья – метафизическое знание как свойство (сила) личности (индуизм).

Свадхья – самообразование путем изучения божественной и эзотерической литературы.

Комплект Н-1 (Ниндзя-1) – армейский спецкомплект вооружения, обмундирования и снаряжения для действий в ночное время.

Ниен лас – время совершенных поступков(буд.).

Элберт Хаббард, американский писатель (1856 – 1915).

Хост – компьютер-навигатор в сети, обслуживающий другие компьютеры этой сети.

Кэндо – искусство фехтования на мечях.

Вишвадхарини — тот, кто поддерживает Вселенную (инд.); в данном случае имеется в виду магическое прослушивание.

Имеется в виду «лестница самореализации» людей Внутреннего Круга.

Внешние законы – «вложенные» во Вселенную извне, то есть Творцом.

Роджер Желязны. «Амбер».

Даршаны (зеркала духовного восприятия, видения) – школы философии(инд.).

Атма джайя – победа над самим собой (категория индуизма).

Нетэтикет – нравственные правила поведения в компьютерных сетях.

Асат – несуществующее, нереальное (инд. миф.).

Синкэн-гата – метод передачи знаний, заключающийся в передаче ученикам лишь небольшого количества информации, но очень емкой и важной, на основе которой ученики и вырабатывают свой путь выживания в бою.

Состояние релаксации характеризуется мышечным расслаблением, успокоением дыхания и сердца, сосредоточением внимания на телесных ощущениях.

Сатори – прозрение, озарение.

ГУБО – Главное управление по борьбе с организованной преступностью.

Кейтю – точка поражения, связки шеи сзади.

Сефу – точка поражения на боковой стороне шеи.

Тин кэн – удар пятью пальцами.

Тодомэ – пресечение атаки.

Джет кун до – «путь опережающего кулака», развитие стиля Брюса Ли.

Канасибари – мобилизация сил организма, позволяющая совершать паранормальные виды воздействия (на себя и на противника).

Мусэй-дэнсин – «связь с помощью сердца», телепатия.

Каваси – уклон.

Укэ-кимэ-итиё – блок и удар – одно целое.

Кайтэн – кувырок с перекатом.

Какуси-кэри – удар ногой с финтом.

Утика-тигатай – непобедимый (яп.).

Хансоку – дисквалификация (яп.).

Нэ-вадза – приемы борьбы из положения лежа.

О-эру – кончать (яп.).

Матига-и – неудача (яп.).

Василий Ключевский.

Айки-канасибари – сила мысли, направленная на цель воля.

Олдос Хаксли.

С. Есенин.

Ф. Купер.

Игнорант — человек с ограниченным кругозором, который не интересуется ничем, кроме того, что представляет для него личную выгоду.

Дао дэ цзин.

Маха видья – Великое знание (инд.).

Мудха – неразвитый (инд.).

Абхайя – свобода от страха, один из принципов дао.

Абхава (отсутствующее) – седьмой род реально существующего. Делится на четыре вида. Вид 1 – вещь, отсутствующая до своего рождения. Вид 2 – отсутствующее после своего разрушения. 3 – отсутствующее в ином, не своем качестве (горшок в качестве циновки, например). 4 – отсутствующее в данном месте.

Батто-дзюцу – техника иай-дзюцу (иайдо, искусство нанесения удара одновременно с мгновенным выхватыванием меча из ножен), применяемая на ходу внезапно, с разворотом на сто восемьдесят или триста шестьдесят градусов.

Гамчикот – «Дьявольское Милосердие» (Каббала).

Наносится сгибом указательного пальца под небольшим углом сверху вниз.

Тогарини – «Дьявольская Красота»(Каббала).

Прайвеси – сфера частной жизни, в которую посторонним доступ запрещен.

Simuliidae – мошки, семейство комаров.

Самаэль – «Жестокость Бога» (Каббала).

Брахман – безличная абсолютная реальность, основа всего сущего (инд. мифология).

Дзансин – парирующий удар мечом в ядомэ-дзюцу (искусство отбивания летящего оружия).

Элохим Цабоат – Владыка Духов (Каббала).